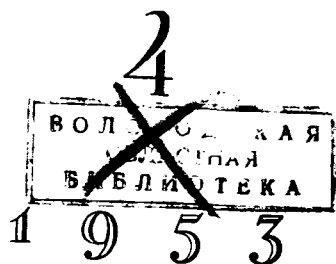

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ж-44422

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

Редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 26. XI. 1953 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6
Т 07699 Печ. л. 16,44+1 вклейка. Зак. 1669 Уч.-изд. листов 21,4 Тираж 2825 экз.
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

М. Г. ЛЕВИН

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

(К 125-летию со дня рождения)

Деятельность Николая Гавриловича Чернышевского, великого русского революционного демократа и ученого, — одна из самых блестящих страниц в истории общественной и научной мысли в России, в истории русского революционного движения XIX столетия. С его именем связан важнейший этап в формировании материалистической домарксовской философии, в развитии экономической и исторической науки, целая эпоха в русской литературе и литературно-критической мысли. Его имя стоит первым в ряду замечательных деятелей разночинного освободительного движения в России — предшественников революционной социал-демократии. Имя Чернышевского — символ беззаветного служения народу, бесстрашной борьбы с крепостничеством и самодержавием. Имя Чернышевского — гордость русской культуры, гордость всего прогрессивного человечества.

Первый период деятельности Чернышевского, к которому относятся основные его труды, охватывает немногие годы его пребывания в Петербурге, до заточения в Петропавловскую крепость (1853—1862). Затем следует 21 год тюрьмы, каторги и ссылки — годы беспрестанных лишений, когда царское правительство все делало для того, чтобы изолировать Чернышевского от жизни, лишить его всякой возможности не только политической, но и научно-литературной деятельности. Только в 1883 г. Чернышевскому было разрешено вернуться из Сибири и поселиться в Астрахани, где он провел шесть лет, лишь за несколько месяцев до смерти получив возможность переехать в свой родной город Саратов.

1850-е — начало 1860-х годов, на которые падает наиболее интенсивная общественно-политическая и научная деятельность Чернышевского, — важный этап в экономическом и политическом развитии России. Кризис крепостнического строя, в недрах которого вызревали новые, капиталистические отношения, противоречия между старыми производственными отношениями и характером производительных сил в стране достигли в эти годы особой остроты. Поражение России в Крымской войне 1853—1856 гг. еще более углубило этот процесс, со всей очевидностью вскрыло слабость феодально-крепостнического строя, усилило революционное брожение в народе. Крестьянские волнения, стихийные крестьянские выступления против помещиков принимали все больший и больший размах.

Подъем освободительного движения за рубежом, развертывание рабочего движения в капиталистических странах еще более усиливали сложившиеся в России в предреформенные годы революционные настроения. В этих условиях даже идеологи крепостничества не могли не видеть необходимости реформ, необходимости отмены крепостного права.

Реформа 1861 г. была буржуазной реформой, проведенной крепостниками. Борьба между крепостниками и либералами была, как писал Ленин, борьбой внутри господствующих классов. Как те, так и другие стояли за сохранение собственности и власти помещиков, отвергали мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти». Но «эти

революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров, стоял Н. Г. Чернышевский»¹.

Чернышевский и его соратники вели непримиримую борьбу с либералами, вскрывали подлинное содержание «крестьянской реформы», вели идейно-политическую и практическую подготовку демократической революции в России. Эта революция тогда не свершилась. В России в ту эпоху не было еще той революционной силы, которая способна была бы разрушить существующий строй: русская буржуазия была еще слаба, а пролетариат в России еще только складывался и не мог выступить в качестве передового класса, который возглавил бы стихийные выступления крестьянства. Этого не видели революционные демократы.

Чернышевский был социалистом-утопистом. Он связывал будущее России с крестьянской революцией, он «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»²; он мечтал о переходе к социализму через крестьянскую общину, видел в развитии этой общины путь к новому, социалистическому обществу, он выступил с теорией о возможности развития России к социализму, минуя капиталистический строй. В этом сказалась исторически обусловленная ограниченность политических воззрений Чернышевского.

Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Несмотря на свой утопический социализм, он глубоко понимал классовые основы современного ему общества, выступал как замечательно глубокий критик капитализма. В отличие от западноевропейских утопистов-социалистов, веривших в возможность мирного перехода к новому строю, Чернышевский всегда стоял на позициях революционной борьбы, подчинив этой борьбе всю свою общественную и научную деятельность.

Политические взгляды Чернышевского неразрывно связаны с его философским мировоззрением, мировоззрением воинствующего материалиста. На протяжении всей своей жизни он вел непримиримую борьбу с идеализмом. Он не прекращал этой борьбы и в далекой Сибири, используя для этого единственно доступную ему тогда форму общения — письма к родным.

Ленин назвал Чернышевского единственным действительно великим русским писателем, который с 50-х годов вплоть до самой своей смерти сумел остаться на уровне цельного философского материализма.

Чернышевский глубоко развивал диалектический принцип познания жизни и дал замечательные образцы применения «диалектической методики», как он писал, к различным явлениям, в том числе и к явлениям общественной жизни.

Но, отмечая эти стороны философских взглядов Чернышевского, нельзя забывать об ограниченности его мировоззрения, ограниченности, определявшейся в большой степени антропологическим принципом его философии. Чернышевский, который стоял на голову выше всех философов-материалистов домарковского периода, не сумел до конца преодолеть узость антропологического материализма, и этот принцип, утверждавший материализм в познании природы, обнаруживал всю свою слабость тогда, когда

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

Чернышевский применял его к человеческому обществу, мешал Чернышевскому в понимании законов общественного развития.

Чернышевский, писал Ленин, «не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»³. Но, оценивая взгляды великого русского революционера-демократа, мы должны помнить и другое указание Ленина, его указание о том, что исторические заслуги следует судить не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками.

Вклад Чернышевского в мировую науку огромен. Его научные интересы исключительно разносторонни. Из всей совокупности человеческих знаний «важнейшей, коренной наукою» Чернышевский считал «науку о человеке»⁴. Наука о человеке для него это в первую очередь наука о развитии общества, о путях исторического процесса.

Трудно указать ту отрасль научных знаний в области гуманитарных наук, в которой он не оставил бы более или менее глубокого следа. Философия, политическая экономия, история, филология, эстетика — таков далеко не полный перечень тех дисциплин, которые входили в круг интересов Чернышевского. Но при всей многогранности его научной деятельности она поражает в первую очередь своей целеустремленностью: вся она целиком подчинена актуальным вопросам, стоявшим в то время в центре внимания русской передовой общественной мысли. Это в полной мере относится и к этнографии, которой Чернышевский на протяжении всей своей научной деятельности касается в целом ряде своих работ⁵. В дальнейшем мы ограничимся изложением его взглядов по вопросам этнографии и смежных с ней дисциплин.

Этнографические интересы Чернышевского не были случайными: они неразрывно связаны с его общими философскими и историческими взглядами, и этнографическая тематика органически входит в общую систему этих взглядов.

Идея закономерности и единства исторического процесса и его прогрессивности — одно из основных положений исторической концепции революционных демократов, получившее глубокую теоретическую разработку еще в трудах В. Г. Белинского. Продолжая и развивая традиции Белинского, Чернышевский рассматривал историю человеческого общества как единый процесс, протекающий у разных народов по одним и тем же путям, утверждал прогрессивный характер этого процесса, подчеркивал роль народных масс в истории.

Уже в ранних своих работах Чернышевский четко формулирует задачи исторической науки, которая «должна знакомить нас с ходом развития обществ и народов, а не только с военными событиями и сухими именами, не имеющими существенной важности для нравственной и экономической жизни народов»⁶.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений (в дальнейшем: ПСС), т. II, стр. 616. Здесь и в дальнейшем даются ссылки на Полное собрание сочинений, Гос. изд-во художественной литературы, М., 1939—1952.

⁵ Высказывания Чернышевского по вопросам этнографии не раз приводились в нашей литературе; см.: Г. Виноградов, Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского, «Советская этнография», Сборн. статей, III, 1940, стр. 35—55; С. А. Токарев, Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку, «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 195—197; И. М. Колесницкая, Проблемы этнографии и народного творчества в «Современнике» 1850—1860-х годов, «Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. университета им. А. А. Жданова», вып. 3, 1951, стр. 70—88; М. Г. Левин, Н. Г. Чернышевский о расах и расовой проблеме, «Советская этнография», 1949, № 4, стр. 147—155, и др.

⁶ Н. Г. Чернышевский, Пропилеи. Сборн. статей по классической древности. «Современник», 1855, № 4; ПСС, т. II, стр. 549.

В целом ряде своих рецензий Чернышевский вскрывает односторонность и ограниченность тех историков, которые игнорируют это важнейшее содержание исторической науки, которые забывают о том, что «политическая сторона должна быть только рамою истории, а не содержанием ее»⁷. В качестве рецензента Чернышевский не ограничивается обычно разбором того или иного исторического труда, а использует роль рецензента для изложения своих собственных взглядов. «Жизнь рода человеческого, как и жизнь отдельного человека,— писал он,— слагается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби»⁸. Вот почему, обращаясь к изучению народа, необходимо фиксировать внимание на изучении этих сторон его жизни. А это именно и составляет предмет этнографической науки; отсюда и интерес Чернышевского к этой области знания⁹.

Основное внимание, по мнению Чернышевского, этнография должна уделять изучению быта и нравов «цивилизованных народов». Именно эта область этнографических исследований наиболее тесно связана с решением практических задач современной жизни. Для Чернышевского изучение нравов народа, образа его жизни, житейских понятий и привычек важно потому, что помогает в оценке «достоинств и недостатков разных направлений цивилизации»¹⁰, позволяет определить наше отношение к ним.

Такой подход к этнографическому материалу определялся его отношением к задачам науки в целом. «Наука,— писал он,— должна быть служительницей человека. Чем более она может иметь влияние на жизнь, тем она важнее. Неприложимая к жизни наука достойна занимать собою только схоластиков»¹¹.

В первую очередь Чернышевского, естественно, интересовало изучение жизни и быта русского крестьянства. Не любование стариной, не равнодушная фиксация фактов, не созерцательное отношение к явлениям народной жизни, а изучение ее для активного вмешательства в самую жизнь,— таковы задачи, поставленные Чернышевским перед исследователями русского народного быта. Именно за игнорирование этих задач, за отход от современности, за приверженность к патриархальщине бичует Чернышевский представителей так называемой мифологической школы, развивавших в русской литературе установки главы романтического направления в немецкой филологии Гримма, для которых «старина важна потому, что она старина»¹².

⁷ В. Г. Белинский, Соч., т. XII, стр. 344.

⁸ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на сочинения Т. Н. Грановского, «Современник», 1856, № 6; ПСС, т. III, стр. 356.

⁹ В своих рецензиях на издания Географического общества Чернышевский неоднократно подчеркивал важность и интерес этнографических исследований, сетуя на неполноту описаний в той или другой статье. См., например, рецензии Н. Г. Чернышевского: «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», кн. III, Тифлис, 1855 (статьи: «О талышах» Росса, о «Тушино-пшаво-хевсурском округе» Эриванского, «Поездка в Вольную Сванетию» Бартоломея), «Современник», 1856, № 3 (отдельная рецензия на брошюру Бартоломея, там же); ПСС, т. III, стр. 483—489; «Записки Сибирского отдела имп. Русского географического общества», кн. I, СПб., 1856, «Современник», 1856, № 10; ПСС, т. III, стр. 591—596; «Записки имп. Русского географического общества», кн. XI, СПб., 1856; «Записки Сибирского отдела имп. Русского географического общества», кн. II, СПб., 1856, «Современник», 1857, № 4; ПСС, т. IV, стр. 572—578, и др.

¹⁰ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Магазин земледелия и путешествий», Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым, «Современник», 1855, № 1; ПСС, т. II, стр. 616.

¹¹ Рецензия на «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», издаваемый Н. Калачовым, «Современник», 1854, № 4; ПСС, т. II, стр. 373—374.

¹² ПСС, т. II, стр. 373.

Чернышевский живо откликается на страницах «Современника» на различные работы, содержащие описание русского крестьянского быта. Его особенно интересуют публикации статистических материалов, вскрывающие современное состояние русской деревни. Он всячески ратует за расширение статистических исследований, привлекая к ним внимание широкой общественности. Под непосредственным влиянием Чернышевского в «Современнике», начиная с середины 1850-х годов, все большее место занимают этнографические и фольклористические работы, посвященные изучению современности. Это направление, начало которому было положено в «Современнике» Чернышевским и Добролюбовым, может быть прослежено в журнале и в 60-х годах¹³.

Акцентируя на изучении современности, Чернышевский вместе с тем придавал огромное значение исследованиям исторического прошлого народа. В изучении явлений прошлого, в изучении пережитков прошлого в современной жизни он видел ключ к пониманию настоящего. Для уяснения современных народных обычаев, нравов и институтов необходимо, подчеркивал он, проследить каждое явление в его историческом развитии, «проследить историю предмета с первобытных его зачатков». Только познав первоначальную сущность явления и проследив те изменения, которым оно подверглось в процессе своего исторического развития, можно понять, «что именно в известном обычае или учреждении мы должны считать необходимым для нас, какие стороны его служат выражением действительной потребности, какие отжили свое время и при изменившихся условиях продолжают существовать только по закону косности, господствующему и в общественных отношениях, как в мире физическом»¹⁴. Это высказывание Чернышевского об отживших обычаях показывает, как глубоко понимал он роль и значение пережитков в современной жизни.

В те годы, к которым относятся важнейшие высказывания Чернышевского по вопросам этнографии, далеко еще не было осознано ее значение как исторической науки, помогающей проникнуть в далекое прошлое и восстановить картины жизни отдаленных эпох. Основным источником для таких реконструкций служили в то время данные филологии, получившие к тому же тенденциозное, извращенное толкование в работах представителей мифологической школы, или «исторической филологии», как называл это направление Чернышевский. Среди всеобщего увлечения «исторической филологией», заявившей претензии на самостоятельное решение всех вопросов духовной жизни народа, претендовавшей на роль единственно достоверного источника для освещения древних этапов истории народа, в обстановке, когда этнографические материалы были отодвинуты далеко на задний план, со всей силой новизны прозвучал со страниц «Современника» голос Чернышевского в защиту этнографии.

Уже в одной из своих рецензий 1854 г. Чернышевский выступает против того преувеличения роли исторической филологии, которое мы находим в работах Гримма и его русских последователей Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и других¹⁵. Он ограничивает ее значение «скромную ролью вспомогательной науки для истории древнейших периодов, младенчествующего состояния народов»¹⁶. Важнее здесь, по мнению Чернышевского, значение

¹³ Очень показательна в этом отношении статья А. Н. Пыпина, опубликованная в «Современнике» в 1864 г. (№ 10). В область этнографии, писал Пыпин, входит «не только археологическая и внешняя сторона народного быта, но и его современная общественная и экономическая действительность, общественные и религиозные понятия и вообще нынешнее содержание народного образа мыслей, то, что ждет своего развития в будущих успехах нашей цивилизации...» («Современник», 1864, № 10, стр. 192). Подробнее об этом см. И. М. Колесникова, Указ. раб.

¹⁴ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Магазин земледения и путешествий», «Современник», 1855, № 1; ПСС, т. II, стр. 616.

¹⁵ Рецензия на «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», «Современник», 1854, № 4; ПСС, т. II, стр. 369—380.

¹⁶ Рецензия на «Временник имп. Моск. об-ва истории и древностей российских», «Современник», 1854, № 12, ПСС, т. II, стр. 319.

этнографии. Тогда как историческая филология основывает свои гипотезы на случайных, бледных фактах и филологических догадках, этнография видит и передает факты народной жизни во всей их жизненной полноте и точности. «И верность и полнота,— пишет Чернышевский,— на стороне этнографии. Потому-то она должна быть главнейшею путеводительницею при восстановлении древнейших периодов развития народов»¹⁷.

Каковы же те основания и тот источник, на которых строит этнография свои выводы?

«...для каждой степени развития на низших, для каждого направления цивилизации на высших ступенях исторической жизни человечества существует,— писал Чернышевский,— один тип; каковы нравы и учреждения одного пастушеского племени, таковы есть и были нравы и учреждения всех племен, когда они стоят на той же ступени развития; каковы ныне обычаи австралийцев, таковы же были обычаи всех племен, когда они были в том же периоде младенчества»¹⁸. Исходя из этого, Чернышевский впервые в литературе с такой полнотой и ясностью определяет значение этнографических материалов по остальным племенам для освещения ранних этапов развития народов более высокой культуры.

«Наши древнейшие предки начали с состояния, совершенно подобного нынешнему состоянию австралийских и других дикарей, стоящих на низшей степени развития, потом постепенно проходили те состояния несколько более развитой нравственной и общественной жизни, какую видим у различных негритянских племен, у северо-американских краснокожих, у бедуинов и других азиатских племен и народов; каждое племя, стоящее на одной из степеней развития между самым грубым дикарством и цивилизацией, служит представителем одного из тех фазисов исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами в древнейшие времена (разрядка наша.— М. Л.). Поэтому этнография дает нам все те исторические сведения, в которых мы нуждаемся»¹⁹.

В ряде своих работ Чернышевский развивает мысль о том, что сходные явления в жизни разных народов, сходные обычаи и институты далеко не всегда являются следствием общности происхождения или заимствования, а объясняются сходным уровнем культуры народов, единой ступенью развития.

С едкой иронией пишет Чернышевский об авторе статьи о пелазгах, который видел доказательство славянской принадлежности пелазгов в том, что у них, как и у славян, существовал обычай похищения невесты. «Доказывать такими общими обычаями происхождение одного народа от другого то же самое, что доказывать происхождение эскимосов от готентотов тем, что оба народа все делают, как и мы, правою, а не левою рукою»²⁰,— писал он. Обычай похищения невесты — обычай, свойственный народам определенной ступени развития.

Очень интересны в рассматриваемом нами плане замечания Чернышевского по поводу статьи Хитрова «Описание Жиганского улуса» (в Записках Сибирского отдела Русского географического общества», кн. I, 1856).

¹⁷ Рецензия на «Магазин земледения и путешествий», «Современник», 1855, № 1; ПСС, т. II, стр. 619.

¹⁸ ПСС, т. II, стр. 618—619.

¹⁹ Там же, стр. 618. Приведенные цитаты взяты нами из широко известной статьи Чернышевского, посвященной разбору III тома «Магазина земледения и путешествий» (1855). Но сходные мысли были высказаны им в более ранней работе — в рецензии на «Архив историко-юридических сведений» (1854); см. ПСС, т. II, стр. 375: «Все племена, стоящие на той же степени развития, как северо-американские краснокожие, совершенно похожи на них, все племена, стоящие на степени развития бедуинов, как две капли воды похожи на бедуинов».

²⁰ Рецензия «Временник имп. Моск. об-ва истории и древностей российских», «Современник», 1854, № 12; ПСС, т. II, стр. 329.

Эта статья привлекла внимание Чернышевского главным образом тем, что содержит описание очень характерного обычая, известного у эвенков под названием «нимат». Согласно этому обычаю, добывший зверя должен разделить добычу между своими соседями по стойбищу. Чернышевский замечательно глубоко уловил сущность этого обычая и истолковывает его как черту «общинного быта», существовавшего на определенном этапе развития у всех народов ²¹.

Тезис о том, что община — определенный этап в истории различных народов, имел для Чернышевского важнейшее значение: он непосредственно связан с его политическими взглядами, с его деятельностью революционера-демократа. В широком распространении начал коллективизма, существующих у разных народов на определенном этапе развития, черпал Чернышевский аргументы против славянофильских взглядов о самобытности русской общины, против утверждений о том, что община является якобы «прирожденной чертою» русского народа.

Есть еще существенная сторона, которая делала для Чернышевского особенно ценным и важным описание быта и нравов отсталых народов. Чтобы уяснить ее, следует напомнить те черты диалектического мировоззрения, которые, хотя и непоследовательно, проявляются и в исторических взглядах Чернышевского. Тезис о том, что «высшая степень развития по форме совпадает с его началом» ²², он применял и по отношению к развитию человеческого общества. Напомним его аргументацию в споре с теми, кто утверждал, что замена общинного землевладения частной собственностью на землю делает невозможным возврат к старым формам. Напротив, утверждал Чернышевский, именно потому, что коллективная собственность является «чертой первобытности», следует считать ее «тою формою, которую должны иметь поземельные отношения при достижении высокого развития; именно эта черта указывает в общинном владении высшую форму отношения человека к земле» ²³. Взгляды Чернышевского на общину происходили из его общих воззрений утопического социализма, и эти воззрения вместе с тем определяли его особый интерес к первобытным народам с господствующей здесь коллективной земельной собственностью и другими принципами коллективизма.

Многочисленные высказывания Чернышевского о первобытном обществе, встречающиеся в разных его сочинениях, позволяют составить довольно отчетливое представление об его взглядах по этому вопросу.

Древнейшей формой хозяйства Чернышевский считал охоту и рыболовство. Земледелие является более поздним приобретением человеческой культуры, которому предшествовало пастушеское скотоводство. Этому положению Чернышевский придавал большое значение в связи с вопросом об истории земельных отношений. Он категорически не соглашался с мнением известного петербургского профессора Куторги, который считал, что земледелие относится к «первоначальному состоянию человечества», а рыболовство и охота — к вторичным и позднейшим занятиям. Все земледельческие, в том числе и европейские, народы сначала были охотниками и скотоводами и лишь позднее перешли к земледелию. Для Чернышевского земледелие — более высокая форма хозяйства, а поэтому и более поздняя, ибо «ненатурально человеческому обществу дичать, натурально ему цивилизоваться» ²⁴. Общинная собственность на землю восходит к древнему охотничьему и пастушескому быту. «У пастушеских народов, беспрестанно перекочевывающих с места на место, личная поземельная собственность

²¹ «Современник», 1856, № 10; ПСС, т. III, стр. 593—594.

²² «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858), ПСС, т. V, стр. 388.

²³ «Критика философских предубеждений против общинного владения», ПСС, т. V, стр. 379.

²⁴ «Прописи. Сборн. статей по классической древности», «Современник», 1855. № 4; ПСС, т. II, стр. 572.

недостаточна, стеснительна и потому не нужна. У них только община (племя, род, орда, улус, юрта) хранит границы своей области, которая остается в нераздельном пользовании у всех ее членов, отдельные лица не имеют отдельной собственности»²⁵. Земельная частная собственность возникает позднее и связана с земледельческим бытом, но и «земледелие также сначала не соединено с затратой почти никаких капиталов собственно на землю», поэтому и здесь раньше господствует общинная земельная собственность — определенный исторический этап в жизни всех народов, предшествовавший возникновению частной собственности на землю. В целом ряде своих работ, направленных против взглядов о само-бытности русской общины, Чернышевский развивает положение о том, что «общинное поземельное устройство в том виде, как существует теперь у нас, существует у многих других народов, еще не вышедших из отношений, близких к патриархальному быту, и существовало у всех других, когда они были близки к этому быту»²⁶.

Для первобытного общества с его коллективной земельной собственностью характерно отсутствие неравенства между членами «общины», «племени», «народа». «Суд и расправа в первобытном племени творится всеми самостоятельными членами племени на общем собрании (мирской сходке)... Как суд, так и военное дело в первобытном обществе составляет принадлежность всех членов племени, без всякого специализма», — писал Чернышевский²⁷. В первобытном обществе нет сколько-нибудь заметных различий в образе жизни между отдельными его членами. Запас знаний здесь еще очень скуден и составляет общее достояние всех членов племени, живущих «одинаковою духовною жизнью». Лишь при распаде патриархального быта, «при самом начале цивилизации, народ распадается на различные подразделения, из которых каждое отличается от остальных степеню образованности, образом жизни и т. д.»²⁸.

Изложенные нами взгляды Чернышевского по вопросам первобытного общества содержатся в его работах, относящихся еще к первым годам его сотрудничества в «Современнике» (1854—1858). Уже в эти годы, как мы видели, он выступает с определенной системой взглядов по этим вопросам. И эта система неразрывно связана с его основным тезисом о том, что все народы проходят в своем развитии определенные этапы от первобытности к различным «степеням цивилизации».

Важнейшее место в общей исторической концепции Чернышевского занимает вопрос о неравномерности исторического развития, о причинах, обуславливающих отсталость одних народов по сравнению с другими. Как объяснить тот факт, что в истории человечества, где «сначала все народы идут наравне», затем «умственное движение ускоряется в некоторых племенах, и огромное большинство человеческого роста отстает от них»?²⁹

Чернышевский категорически отрицает мысль о биологической, расовой обусловленности этих различий. Он резко критикует тех авторов, которые считают, что коренное основание различий между народами заключается в «племенных особенностях организма»³⁰ (Чернышевский под «пле-

²⁵ «Пропилен», ПСС, т. II, стр. 573.

²⁶ «Критика философских предубеждений против общинного владения», ПСС, т. V, стр. 362.

²⁷ ПСС, т. V, стр. 372. Очень интересно замечание Чернышевского о характере военных столкновений в первобытном обществе; здесь, «в первобытных битвах сражается отдельный человек против отдельного человека, сражение есть громадное число поединков (битвы у Гомера; все битвы дикарей)» (там же, стр. 373).

²⁸ Н. Г. Чернышевский, Песни разных народов. Перевел Н. Берг. «Современник», 1854, № 11; ПСС, т. II, стр. 296—297.

²⁹ Н. Г. Чернышевский, Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Сочинение Ор. Новицкого, «Современник», 1860, № 6; ПСС, т. VII, стр. 429.

³⁰ Статья по поводу речи И. Бабста, «Современник», 1857, № 10; ПСС, т. IV, стр. 476.

менными» подразумевает здесь расовые особенности). «Зоологические сравнения и физиологические соображения,— пишет он,— доказывают со всей той несомненностью, какая только возможна при доказательствах, основанных на умозаключении и аналогии, что племенные особенности европейских народов не могут служить основанием различия в их быте и привычках». Но это относится не только к европейским народам. «Мы убеждены,— подчеркивает Чернышевский,— что и негр отличается от англичанина своими качествами исключительно вследствие исторической судьбы своей, а не вследствие органических особенностей»³¹.

На протяжении всей своей деятельности Чернышевский неуклонно проводит мысль о том, что различия в уровне развития народов, в их культуре не связаны с их расовыми особенностями. Он считает глубоким заблуждением широко распространенное в его время мнение, «будто особенные племенные свойства, происходящие от особенностей самого организма, играют очень сильную роль в судьбе народов; будто один народ по самой своей прирожденной натуре, по своей расе, неспособен к тому, к чему способен другой народ также по своей расе»³². Для Чернышевского различия в уровне культуры различных народов объясняются особенностями их исторических судеб, обуславливаются историческими и географическими причинами. Географическому фактору, различиям географических условий, в которых протекало историческое развитие разных народов, Чернышевский придавал большое значение. Однако было бы ошибкой приписывать Чернышевскому взгляд, будто географический фактор господствует в истории³³. Напротив, он отнюдь не склоняется к упрощенному географическому материализму, столь характерному для философов-материалистов домарковского периода. Он подчеркивает различную роль географической среды на разных ступенях исторического развития народа. «Природа и климат страны имеют решительное влияние над народом только при начале его жизни»³⁴,— писал Чернышевский. «Особенно в начале народной жизни географическая обстановка обнаруживает всю силу над народными занятиями. Но впоследствии является даже в этих занятиях, не говоря уже об обычаях народа, перемена, не объяснимая ни природою страны, ни географическим ее положением»³⁵. «Таким образом,— продолжает Чернышевский,— ни природа, ни порождаемый ею темперамент народа вовсе недостаточны для объяснения народных занятий и быта, коль скоро народ выходит на поприще исторического развития»³⁶. Значение географических условий Чернышевский видит не в прямом, непосредственном их воздействии на общество, на культуру народа, а в том, что тот или иной характер географической среды, то или иное географическое положение страны способствуют или препятствуют общению между народами, связывают или изолируют страну от других, и т. д.

Чернышевский высоко ценил работы Т. Н. Грановского, он признавал заслуги Бэра — «одного из тех ученых, которыми можем мы гордиться»³⁷. Это давало основание, чтобы приписывать и Чернышевскому

³¹ ПСС, т. IV, стр. 476.

³² Примечания к переводу работы Милля «Основания политической экономии», «Современник», 1860; ПСС, т. IX, стр. 23. Подробнее по данному вопросу см. в нашей статье: «Н. Г. Чернышевский о расах и расовой проблеме» («Советская этнография», 1949, № 4), где приведены различные высказывания Чернышевского, в том числе и содержащиеся в его статьях последних лет жизни (статья «О расах», о «классификации людей по языку», «О различиях между народами по национальному характеру»), ПСС, т. X.

³³ Именно ошибку такого рода допускает Плеханов в своей оценке исторических взглядов Чернышевского. Подробнее по данному вопросу см. в книге: М. Розенталь, «Философские взгляды Чернышевского», Госполитиздат, 1948, стр. 143—146.

³⁴ Н. Г. Чернышевский, Статья по поводу речи Бабста; ПСС, т. IV, стр. 480.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 481.

³⁷ ПСС, т. III, стр. 359.

взгляды этих авторов на роль географических условий в истории народов³⁸. Мы привели выше обширные цитаты из работы Чернышевского (1857), чтобы показать, насколько такое толкование неправомерно.

Чтобы объяснить различие в культуре народов, нельзя, писал Чернышевский, останавливаться «на отношении их к природе стран», надо «наблюдать и влияние других отношений, среди которых проходила и проходит их жизнь». Для Чернышевского «отношения эти определяются гражданским устройством народов»³⁹.

Чем же в свою очередь определяется это устройство? Мы подошли к наиболее сложной стороне исторической концепции Чернышевского — к вопросу об основных движущих силах исторического процесса. Чернышевский, которому принадлежит огромная заслуга в разработке материалистического мировоззрения, философская система которого представляет собой большой шаг вперед по сравнению со всем тем, что было достигнуто в домарксовской философии, Чернышевский, сумевший, как указывает Ленин, «отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»⁴⁰, в понимании общественного развития, в трактовке движущих сил исторического процесса не смог преодолеть идеалистических представлений. Основную силу в развитии человеческого общества, важнейший фактор, определяющий его прогресс, Чернышевский видел в росте просвещения, в развитии знаний. В своей статье «О причинах падения Рима», критикуя взгляды тех авторов, которые рассматривали завоевание Рима варварами как исторически прогрессивное явление, Чернышевский так определяет характер прогресса: «прогресс, — пишет он, — основывается на умственном развитии; коренная сторона его прямо и состоит в успехах и развитии знаний. Приложением лучшего знания к разным сторонам практической жизни производится прогресс и в этих сторонах... Разрабатывается историческое знание; от этого уменьшаются фальшивые понятия, мешающие людям устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успешнее прежнего... Стало быть, основная сила прогресса — наука, успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространенности знаний. Вот что такое прогресс — результат знаний»⁴¹.

Приведенная формулировка не является чем-то случайным для Чернышевского: сходные положения мы находим в целом ряде его работ, в том числе и в его основном философском труде «Антропологический принцип в философии» (1860)⁴². Надо подчеркнуть, что именно антропологизм, свойственный материалистическому мировоззрению Чернышевского, в значительной мере сказался на его исторической концепции.

Антропологизм Чернышевского, направленный против идеалистических представлений, против дуалистической трактовки природы человека, утверждавший материалистический принцип познания, определял вместе с тем и слабые стороны его воззрений на человеческое общество. Рассматривая антропологию как науку, «которая, о какой бы части жизненного человеческого процесса ни говорила», всегда исходит из процессов в человеческом организме, Чернышевский в конечном счете и прогресс человеческого общества склонен был объяснять из совершенствования человеческого мозга, из улучшения его организации и проистекающего отсюда улучшения умственных сил человека. Такую трактовку мы находим в разных работах Чернышевского, но наиболее полно она дана в статьях, написанных в последние годы его жизни и приложенных к переводу «Всеобщей истории» Г. Вебера. «Мы положительно знаем, — пишет

³⁸ См. выше наше примечание о Плеханове.

³⁹ ПСС, т. IV, стр. 481.

⁴⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

⁴¹ Н. Г. Чернышевский, О причинах падения Рима, «Современник», 1861, № 5; ПСС, т. VII, стр. 645.

⁴² ПСС, т. VII, стр. 222—295.

Чернышевский,— что улучшение организма людей производится благоприятными обстоятельствами жизни их, что с улучшением организации головного мозга улучшаются умственные силы человека, что нравственный и материальный прогресс — результат улучшения умственных и нравственных сил; эти достоверные знания о ходе прогресса в наше время и в прежние эпохи, хорошо известные нам, совершенно достаточны для объяснения прогресса человеческой жизни в те эпохи, об истории которых мы не имеем прямых сведений»⁴³.

Положения Чернышевского о прогрессивном развитии человеческого общества и трактовка прогресса как следствия развития умственной деятельности обнаруживают близость к воззрениям так называемой эволюционной школы в этнографии. Однако было бы глубочайшей ошибкой рассматривать взгляды Чернышевского как эволюционистские. Научная теория общества Чернышевского стоит неизмеримо выше всего того, что было достигнуто буржуазной эволюционистской мыслью даже в период ее прогрессивной тенденции. Всей революционно-демократической направленности научной деятельности Чернышевского был совершенно чужд общий дух эволюционизма, его основная идея о медленном, постепенном движении по пути прогресса. Он всегда вел борьбу с либералами, отстаивавшими путь постепенных реформ, путь медленных, осторожных преобразований.

Чернышевский, который, как писал Ленин, резко проводил линию «разоблачений измен либерализма»⁴⁴, противопоставлял теориям либералистов свое понимание исторического процесса. Для Чернышевского «путь, по которому несется колесница истории», — сложный, извилистый путь, полный борьбы и противоречий. «До сих пор история не представляла ни одного примера, когда успех получался бы без борьбы», — писал Чернышевский, вскрывая несостоятельность исторических взглядов либерала Чичерина⁴⁵.

Принцип диалектического развития, который Чернышевский, как мы уже указывали, стремился применить и к истории человеческого общества, приводил его к выводу о неотвратимости революционных взрывов, о необходимости скачков в истории. Именуя в своих подцензурных работах эти революционные взрывы «краткими периодами усиленной работы», Чернышевский именно в них видел важнейшие моменты исторического прогресса. «Прогресс, — писал он, — совершается чрезвычайно медленно, в том нет спора; но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком...»⁴⁶ (разрядка наша. — М. Л.).

Но не только в признании этих скачков глубокое, принципиальное различие между взглядами Чернышевского и эволюционистской концепцией.

Хотя Чернышевский, как мы уже указывали, не сумел преодолеть идеалистические представления в трактовке общественной жизни, не сумел, из-за антропологической ограниченности своей философии, увидеть то качественно новое, что отличает общественные явления от явлений биологического мира, не сумел проникнуть в сущность тех процессов, которые определяют развитие человеческого общества, он в своих

⁴³ Н. Г. Чернышевский, Общий характер элементов, производящих прогресс, ПСС, т. X, стр. 925.

⁴⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

⁴⁵ Н. Г. Чернышевский, Г. Чичерин как публицист, «Современник», 1859, № 5; ПСС, т. V, стр. 649.

⁴⁶ Н. Г. Чернышевский, Политика, «Современник», 1859, № 1; ПСС, т. VI, стр. 13.

исторических взглядах стоит на целую голову выше всех философов домарксовского периода. В целом ряде пунктов Чернышевский приближался к материалистическому пониманию истории.

Уже в своей ранней работе (1856) он подчеркивает важность «материальных условий быта», которые играют, как он пишет, «едва ли не первую роль в жизни», составляют «коренную причину почти всех явлений и в других, высших сферах жизни»⁴⁷. В своих экономических работах, в своих политических обзорах Чернышевский не раз указывает на важность экономического производства в жизни общества и именно с его развитием связывает прогресс⁴⁸. Преодолевая здесь идеалистические взгляды о ведущей роли просвещения в прогрессе человеческого общества, Чернышевский утверждает тезис о примате экономической стороны жизни. Экономическое устройство общества в конечном счете определяет ход его истории. Таков тот вывод, который в сочинениях Чернышевского пробивает себе путь через сложный лабиринт идеалистических представлений.

В примечаниях к «Основаниям политической экономии» Милля Чернышевский формулирует закон развития производства. «Повсюду успех производства,— пишет он,— является произведением двух факторов: один из факторов — степень совершенства производительных операций, другой фактор — качество труда, или, что то же, качество работника, исполняющего эти операции ...выгоднейшая величина в произведении получается тогда, когда оба фактора соразмерны между собою». Рабский труд соответствовал характеру применявшихся орудий; когда развилась техника, когда появились более сложные и «деликатные» орудия, труд раба оказался непригодным: «машина не терпит подле себя невольничества; она не выдерживает тяжелых рук его беспечности». Здесь необходим вольный человек. Но при широком размере производства недостаточно и того, что работник свободен. «Тут уже нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате, потому что никакая плата не будет тут достаточно вознаграждать за добросовестный труд...». Так, вскрывая противоречие капиталистического способа производства, Чернышевский приходит к выводу о неизбежности социализма. «...Если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда ...следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов»⁴⁹.

Чернышевский — страстный, непримиримый критик учения Мальтуса, утверждавшего, будто нищета, пороки и другие бедствия в человеческом обществе являются неизбежным следствием свойственного всему органическому миру закона абсолютного перенаселения. В ряде своих работ⁵⁰ Чернышевский показывает полную несостоятельность псевдонаучных построений Мальтуса, вскрывает классовую, реакционную сущность

⁴⁷ Рецензия на сочинения Т. Н. Грановского, «Современник», 1856, № 6; ПСС, т. III, стр. 357.

⁴⁸ В своей статье «Экономическая деятельность и законодательство» («Современник», 1859, № 11), в которой, надо сказать, со всей силой сказываются недостатки антропологического подхода к общественным явлениям, Чернышевский говорит об экономическом производстве как «о самой важной из всех деятельностей» (ПСС, т. V, стр. 607). «...в наше время,— пишет он в другом месте,— главная движущая сила жизни — промышленное направление. Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен» («Современное обозрение», «Современник», 1857, № 11; ПСС, т. IV, стр. 860—861).

⁴⁹ ПСС, т. IX, стр. 219—222.

⁵⁰ См.: «Замечания на последние четыре главы первой книги Милля. Разъяснение смысла Мальтусовой теории», ПСС, т. IX, стр. 251—334; «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», ПСС, т. X, стр. 737—772; Письмо А. Н. и М. Н. Чернышевским от 27 апреля 1876 г., ПСС, т. XIV, стр. 650—657, и др.

«этой гнусной, низкой теории, этого отвратительного издевательства над природой и человечеством», как назвал мальтузианство Энгельс⁵¹.

Маркс и Энгельс высоко ценили экономические работы Чернышевского, мастерски выяснившего, как писал Маркс, «банкротство „буржуазной“ политической экономии»⁵². Хотя Чернышевский не сумел дать материалистическое объяснение исторического процесса, не сумел выяснить происхождение классов, он близко подходил к пониманию классовой структуры общества и значения классовой борьбы. С этих позиций разоблачает он апологетов буржуазной политической экономии, с этих позиций оценивает он в своих обзорах политические события, с этих позиций подходит он к оценке философских систем. «От его сочинений веет духом классовой борьбы», — писал о Чернышевском Ленин⁵³.

С гениальной прозорливостью вскрыл Чернышевский классовую природу политических учений и исторических концепций. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения, — писал Чернышевский, — создавались всегда под сильным влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ»⁵⁴.

То же относится и к историческим концепциям, ибо «ни один сколько-нибудь сносный историк не писал иначе как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения»⁵⁵.

Выше были коротко изложены взгляды Чернышевского на задачи исторической науки, его критика буржуазной историографии, сводившей содержание истории к деятельности отдельных правителей, полководцев, политиков. Этим взглядам Чернышевский противопоставлял утверждение роли народных масс в истории. Не личности определяют путь исторического процесса. «...В делах, имеющих истинно важное значение, — писал он, — сущность не зависит от воли или характера, или житейских обстоятельств действующего лица; их исполнение не обуславливается даже ничьей личностью. Личность тут является только служительницей времени и исторической необходимости»⁵⁶; «историческая потребность вызывает к деятельности людей и дает силу их деятельности, а сама не подчиняется никому, не изменяется никому в угоду»⁵⁷.

Историческое развитие для Чернышевского — это объективный закономерный процесс.

Важное место в исторической концепции Чернышевского занимает положение о том, что при определенных условиях развитие народа может совершаться ускоренным путем, минуя промежуточные стадии. Это происходит под влиянием более развитых соседей, путем заимствования определенных достижений человеческой культуры. Развитие письменности, например, указывает Чернышевский, прошло ряд стадий, перед тем как было изобретено буквенное письмо. Но было бы нелепо думать, что при введении образования среди отсталых народов, не знающих письменности, следует начинать обучение с пиктографической или иероглифической письменности. То же относится ко всякому другому достижению культуры, к любым общественным явлениям. «Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 313.

⁵² Послесловие ко второму изданию первого тома «Капитала» (1873). См. К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 13.

⁵³ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

⁵⁴ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, ПСС, т. VII, стр. 223.

⁵⁵ «Г. Чичерин как публицист», ПСС, т. V, стр. 661.

⁵⁶ «Очерки гоголевского периода русской литературы», ПСС, т. III, стр. 182.

⁵⁷ Там же, стр. 183.

очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»⁵⁸. Напомним широко известный афоризм Чернышевского: «История, как бабушка, страшно любит младших внучат. *Tarde venientibus* дает она не ossa, а *medullam ossium*»⁵⁹ («поздно приходящим дает она не кости, а мозг из костей»). Это положение тесно связано с взглядами Чернышевского о возможности некапиталистического пути развития России через крестьянскую общину, о возможности такого сокращенного исторического пути, при котором община, восприняв достижения цивилизации, пойдет к социализму, минуя капитализм.

Выше мы привели уже высказывание Чернышевского о том, что «высшая степень развития по форме совпадает с его началом». Однако было бы неправильно считать, что Чернышевский отождествлял будущее социалистическое общество с современной ему русской крестьянской общиной. Он постоянно подчеркивал, что высшая форма земельных отношений будет лишь по форме сходна с общинным землевладением⁶⁰.

Мы отвлеклись от изложения высказываний Чернышевского по вопросам этнографии и коснулись кратко его общен исторических взглядов, без которых нельзя правильно понять его интерес к этнографическим проблемам. Возвращаясь к этой теме, следует подробнее остановиться на вопросе о национальном характере, который занимает в произведениях Чернышевского очень большое место.

В 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия, к которым относятся основные работы Чернышевского до его заточения в Петропавловскую крепость, вопрос о национальном характере, о причинах национальных различий далеко выходил за пределы чисто академических дискуссий. Борьба вокруг невольничества в Соединенных Штатах Америки, национальные движения в Европе, широкая колониальная экспансия европейских государств вызвали к жизни ряд реакционных теорий, отвечавших социальному заказу реакционных сил.

1850-е годы — время зарождения и того реакционнейшего псевдонаучного направления в антропологии, которое стало в дальнейшем известно под названием «антропосоциологии». Широкое распространение в литературе получило положение о расовой обусловленности национальных различий, об их неизменности, независимости от исторических условий, ставшее оружием в руках реакции. Против них и выступает Чернышевский.

Уже в цитированной нами статье по поводу речи И. Бабста Чернышевский разоблачает несостоятельность этих концепций, доказывает, что «особенности, которыми один национальный тип отличается от другого», объясняются различием их исторических судеб, что ни расовые различия, ни географические факторы не имеют сколько-нибудь существенного значения. Климат, пишет Чернышевский, оказывает влияние на темперамент народа, но роль этих различий в темпераменте в истории народов ничтожна и не ими определяется ход исторических событий⁶¹. Эту же мысль Чернышевский развивает и в своей рецензии на «Письма об Испании» Боткина (1857). Анализируя причину отсталости Испании, он показывает несостоятельность попыток объяснить это национальными особенностями испанцев. Утверждение о том, что южные народы ленивы, что знойный климат расслабляет их энергию, — это лишь избитая фраза. «Пороки и добродетели не принадлежат исключительно тому или дру-

⁵⁸ «Критика философских предубеждений против общинного владения», ПСС, т. V, стр. 389.

⁵⁹ Там же, стр. 387.

⁶⁰ Подробнее см. В. Е. Евграфов, Философские взгляды Н. Г. Чернышевского, Сборн. «Из истории русской философии», Госполитиздат, 1949.

⁶¹ Н. Г. Чернышевский, Статья по поводу речи Бабста, ПСС, т. IV, стр. 476—482.

гому земному поясу». Если ныне испанцы не обнаруживают стремления к труду, то это не врожденная черта их характера, не от природы присущая им особенность, а результат определенных социальных условий, при которых трудящийся люд в Испании, постоянно подвергающийся ограблению, не видит для себя пользы в труде⁶².

«...В известном народе известные качества развиваются собственно только от обстоятельность его жизни, и разница между людьми разных наций почти исключительно, если не совершенно исключительно, зависит от различия форм, которые получила жизнь по историческим обстоятельствам»⁶³. Следуя традициям Белинского, всю свою жизнь боровшегося как с национальной ограниченностью и шовинистическими устремлениями славянофилов, так и с космополитической идеологией западников, Чернышевский умел видеть в общечеловеческом национальное и в национальном общечеловеческое. «Народность,— писал он в одной из своих ранних статей,— развивается соразмерно развитию общечеловечности... потому, заботясь о развитии общечеловеческих начал, мы в то же время содействуем развитию своих особенных качеств, хотя бы вовсе о том не заботились. История всех наций свидетельствует об этом»⁶⁴.

Понятие о национальном характере, подчеркивает Чернышевский, очень многосложно. Здесь необходимо учитывать сословные и профессиональные различия, которые нередко сказываются сильнее, чем национальные различия в характере.

Этот вопрос рассматривается Чернышевским в специальной статье «О различиях между народами по национальному характеру». «Привычки, имеющие важное реальное значение,— пишет здесь Чернышевский,— различны у разных сословий или профессий по различию их образа жизни. Есть множество других привычек, имеющих не сословный, а национальный характер. Но это — мелочи, составляющие лишь забаву или щегольство, к которым рассудительные люди равнодушны и которые сохраняются лишь потому, что эти люди оставляют их без внимания, как нечто индифферентное, пустое ...в серьезном ходе народной жизни их значение ничтожно»⁶⁵.

Если в этой формулировке Чернышевский слишком далеко идет в отрицании национальных черт характера, то это определяется в большей степени полемической направленностью статьи, которая представляет собой приложение к IX тому перевода «Всеобщей истории» Г. Вебера.

Будучи вынужден в последние годы своей жизни, после возвращения из Сибири, заняться ради литературного заработка переводом труда Вебера, Чернышевский счел необходимым сопроводить перевод рядом специальных статей, которые вскрывали бы методологическую несостоятельность труда Вебера и националистические тенденции автора. Помимо указанной статьи о национальном характере, сюда относятся статьи: «О расах», «О классификации людей по языку», «Общий характер элементов, производящих прогресс», «Климаты. Астрономический закон распределения солнечной теплоты», «Очерк научных понятий о возникновении человеческой жизни и о ходе развития человечества в доисторические времена»⁶⁶. В статье «О расах» Чернышевский блестяще вскрывает политические корни, классовую сущность расовых теорий, которые всегда отражали интересы рабовладельцев, всегда служили для оправдания рабства. Так было в древней Греции, так обстояло дело и в США, где пропагандировалась «плантаторская теория рас» о неполноценности негров. «Рабовладельцы были люди белой расы, невольники — негры; по-

⁶² ПСС, т. IV, стр. 229—234.

⁶³ «Основания политической экономии», ПСС, т. IX, примечание к стр. 172; см. также примечание к стр. 23.

⁶⁴ Рецензия на «Песни разных народов», ПСС, т. II, стр. 292.

⁶⁵ ПСС, т. X, стр. 890—891.

⁶⁶ ПСС, т. X, стр. 803—977.

этому защита рабства в ученых трактатах приняла форму теории о коренном различии между разными расами людей»⁶⁷.

Подробно разоблачает Чернышевский мнимую научную аргументацию авторов этих трактатов, защищавших полигенетическое происхождение человеческих рас, в том числе и довольно распространенное в свое время убеждение о бесплодности мулатов, что приводилось полигенистами как доказательство различного видового происхождения белой и черной расы. «Все расы произошли от одних предков. Все особенности, которыми отличаются они одна от другой, имеют историческое происхождение»⁶⁸ — таков основной вывод, который формулирует Чернышевский в своих статьях. Второе положение этих статей — отрицание роли расового фактора в истории, положение, которое, как мы видели, Чернышевский четко сформулировал уже в своих ранних работах.

Не раз возвращается, например, Чернышевский к вопросу «об одной из мнимых китайских особенностей, о так называемой неподвижности китайского быта и китайских понятий», чтобы показать всю ложность тех построений, которые усматривают в китайской истории отражение особых расовых свойств, особенности желтой расы.

«Те особенности, какие мы замечаем в китайцах, — пишет Чернышевский, — не особенности китайцев, а общие качества людей данного исторического состояния и общественного положения... это не особенности китайца, а общие качества всех людей, всех рас, в том числе и белых людей соответствующего положения...».

«Китайская история имеет те же самые черты, как история всякого народа при таких же обстоятельствах».

В своей статье «О расах» Чернышевский останавливается и на ряде специальных вопросов антропологии — на вопросах расовой классификации, на вопросе о происхождении и изменении расовых признаков и др.

Было бы неправильно модернизировать взгляды Чернышевского и приписывать ему современное марксистское понимание этих вопросов. В этих работах Чернышевского сказываются слабые стороны его ~~мира~~ воззрения — недоучет качественного своеобразия человеческих рас по сравнению с породами животных, недооценка им того скачка, того качественно нового, что отделяет человека как существо социальное от животного мира. Но, отдавая дань некоторым неправильным представлениям, определявшимся современным ему уровнем антропологических знаний, Чернышевский всегда оставался на позициях ярого борца против расовых теорий, всегда оставался верным принципу равенства всех человеческих рас.

Со статьей «О расах» тесно связана статья «О классификации людей по языку». В ней Чернышевский специально останавливается на несоответствии языковой и расовой классификаций, на несовпадении делений национальных и расовых, языковых и расовых. «Классификация по физическим признакам дает вместо народов более широкие группы людей, лишенные национального единства, состоящие из людей разных народностей...»⁶⁹.

Касаясь различий в морфологическом строе языков, Чернышевский острее своей критики обращает в первую очередь против авторов, рассматривавших корневые, агглютинативные и флективные языки как три последовательные ступени развития, против авторов, которые «пускаются в философствования о характере человеческого языка вообще и об умственных и нравственных особенностях людей, склоняющих существительные по падежам, от людей, заменяющих падежи предлогами»⁷⁰. Чернышевский показывает всю порочность рассуждений о том, что различный

⁶⁷ ИСС, т. X, стр. 809.

⁶⁸ Там же, стр. 819.

⁶⁹ Там же, стр. 829.

⁷⁰ Там же, стр. 834.

строй языков связан с природными различиями людей, деление языков на изолирующие, агглютинирующие и флектирующие — с различием их умственных способностей. «Это беспрепятственное шествие торжествующего мышления флектирующих ученых от произвольных предположений путем силлогизмов к желаемому выводу напоминает, — пишет Чернышевский, — средневековую схоластику, с которой и действительно имеет очень близкое родство немецкая трансцендентальная философия, давшая основные аргументы для изложенной нами теории отношений между тремя разрядами языков: языками глупых народов, не совсем глупых, но и не умных народов и народов очень умных»⁷¹.

* * *

Мы изложили основные взгляды Чернышевского по вопросам этнографии, далеко не исчерпав, конечно, того богатства мыслей и фактов, которые могут найти этнографы в произведениях великого русского революционного демократа. Мы видели, как на протяжении всей своей научно-литературной деятельности, касаясь по различным поводам вопросов этнографии, Чернышевский всегда выступает как пропагандист передовых идей, как непримиримый боец против реакционных концепций. Влияние Чернышевского на развитие прогрессивной русской этнографии, на последующие поколения передового крыла русских этнографов трудно переоценить. Революционная направленность его трудов, его непримиримая борьба с реакционными течениями во всех областях науки, его творческие искания, его высокий патриотизм всегда служили благородным примером для подлинно передовых ученых, для всех, кто науку свою ставил на службу народу.

Советские ученые высоко чтут прогрессивные традиции русской науки. Развивая свои исследования на основе методологии марксизма-ленинизма, советские этнографы и антропологи с глубоким уважением и благодарностью обращаются к наследию своих предшественников. С гордостью произносим мы имя того, кто целью жизни своей поставил «содействовать славе не преходящей, а вечной, своего отечества и благу человечества», — имя Николая Гавриловича Чернышевского.

⁷¹ ПСС. т. X. стр. 837.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

А. И. РОБАКИДЗЕ

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СЕМЕЙНОГО БЫТА ЧИАТУРСКИХ ГОРНЯКОВ

К изучению рабочего быта Институт истории Академии наук Грузинской ССР приступил с 1950 г. Разработка этой проблемы начата с изучения быта рабочих чиатурской горной промышленности, имеющей длительную дореволюционную историю. В дальнейшем намечено перейти к изучению быта рабочих предприятий первых сталинских пятилеток и, наконец, быта рабочих крупнейших новостроек с целью сбора возможно полного и всестороннего материала для обобщающей монографии.

Настоящая статья написана на материале Чиатурской этнографической экспедиции 1950 г., в которой, помимо автора, принимали участие доцент Р. Л. Харадзе, кандидаты исторических наук С. Я. Бедукадзе и Т. А. Оциаури, художница Н. П. Браилашвили и фотограф Ю. Д. Пахомов.

* * *

Чиатура — крупнейшее месторождение марганца, — промышленная разработка которого началась в XIX в. Первым из специалистов на марганцевые залежи Шорапанского уезда обратил внимание академик Абиш, представивший краткое описание их в канцелярию Кавказского наместника 23 апреля 1842 г.¹ Одна из первых публикаций по этому вопросу относится к 1854 г.²

Официально началом эксплуатации чиатурских рудников считается 1879 г.³, хотя имеются указания и на более раннюю дату⁴.

¹ ЦГИА МВД Груз. ССР, ф. 4, оп. 5, д. 143, л. 1—2, 19.

² И. Комаров, Известия о достоинстве найденного на Кавказе месторождения марганца, «Горный журнал», 1854, 1.

³ Кутаисская губерния, «Кавказский календарь на 1893 год», Тбилиси, 1892, стр. 107; Д. Бакрадзе, Выступление на I съезде марганцепромышленников, Труды I и II съездов марганцепромышленников, Кутаиси, 1900, стр. 45; Н. Дадияни, Марганцевая горячка, «Дроеба», 1879, № 252 (на груз. яз.); А. Цуцунав, Марганец, Тбилиси, 1912, стр. 15 (на груз. яз.); П. Гугушвили, Возникновение и развитие капитализма в Грузии и Закавказье, Тбилиси, 1941, стр. 258 (на груз. яз.); А. Киквидзе, К истории рабочего движения в Грузии, Тбилиси, 1945, стр. 18 (на груз. яз.); Л. Элбакиани, Развитие чиатурской марганцевой промышленности, журн. «Техника», 1939, № 7—9, стр. 24 (на груз. яз.).

⁴ Г. Церетели, Марганцевая промышленность в Западной Грузии, «Иверия», 1889, № 8 (на груз. яз.); ЦГИА МВД Груз. ССР, ф. 264, д. 2984, л. 633; д. 375, л. 54; «Воспоминания старых рабочих», Дом-музей Сталина в Чиатура, д. № 18 (на груз. яз.).

Таким образом, начало промышленной разработки чиатурских марганцевых рудников падает на пореформенный период, что определило существенные различия в формировании рабочего быта чиатурцев по сравнению, например, с бытом рабочих Урала, где в основе «организации труда» издавна лежало крепостное право, которое «до самого конца 19-го века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта»⁵.

До открытия чиатурских марганцевых залежей, которые благодаря усилиям А. Церетели⁶ легли в основу крупной отрасли промышленности, Шорапанский уезд представлял собой один из беднейших районов Грузии. По корреспонденции 1886 г., «лет шесть тому назад во всей Грузии нельзя было отыскать более бедного уголка, чем Шорапанский уезд»⁷. Поселок, на месте которого вырос потом крупный промышленный город Чиатура, по рассказам старожил, «...не то что городом, но и селением нельзя было... назвать. Одна монастырская мельница да лавченка Вадшадзе, товары в которой ограничивались несколькими коробками спичек, яблоками и прочей мелочью»⁸. Невзрачно выглядела и местность, где стоял этот поселок. Кругом возвышались суровые отвесные скалы. Частые обвалы служили источником различного рода суеверий. «Если где-либо существует обиталище нечистых сил, то оно должно быть здесь», — думали в старину и не решались по ночам выходить из дому в страхе перед «Квасролиа» — нечистым, якобы насмерть забивающим камнями ночного путника⁹.

Это место в народе было известно под названием «Сакаджиа» (чертов лог).

В районе залежей марганец, именуемый здесь «черный камень» или «ква-гунда», раньше применяли лишь для окраски ниток и тканей в черный или темнокрасный цвета¹⁰. Следы применения марганцевой руды при выплавке железа в районе залежей пока не обнаружены, хотя поиски их имеют определенные основания, так как быт населения характеризуется древней высокой металлургической культурой. Анализ рачинских металлических изделий в 1941 г. показал большое содержание в них марганца (54,46%), применявшегося в качестве добавки при выплавке железа в Раче¹¹. Этот способ получения высококачественной стали исторически подтверждается сообщением Псевдоаристотеля о применении халибами добавки для получения высококачественной металлической продукции.

⁵ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 424. О быте уральских рабочих см. В. Ю. Крупянская, Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века, «Советская этнография», 1953, № 1, стр. 64—87.

⁶ Пресса того времени, архивные материалы и воспоминания старых рабочих подтверждают, что первые шаги грузинской марганцевой промышленности тесно были связаны с именем выдающегося грузинского поэта и общественного деятеля второй половины XIX и начала XX в. Акакия Церетели, в развитии промышленности вообще и марганцевой, в частности, видевшего способ вывести Грузию из феодально-помещичьей замкнутости на широкий путь общественного прогресса. См.: А. Церетели, Марганец, «Иверия», 1893, № 265—266 (на груз. яз.); Г. Церетели, Марганцевая промышленность в Западной Грузии, «Иверия», 1889, № 8 (на груз. яз.); инж. Голубов, Шорапанские марганцевые промыслы, ЦГИА МВД Груз. ССР, ф. 264, д. 3755, л. 54; «Воспоминания старых рабочих», Дом-музей Сталина в Чиатуре, д. № 4 (на груз. яз.); из новейшей литературы Л. Асатиани, Жизнь Акакия Церетели, Тбилиси, 1947, стр. 192.

⁷ Гани, Марганцевое дело, «Иверия», 1886, № 30 (на груз. яз.).

⁸ «Воспоминания старых рабочих», Дом-музей Сталина в Чиатуре, д. № 5 (на груз. яз.).

⁹ А. Церетели, Марганец, «Иверия», 1889, № 257 (на груз. яз.).

¹⁰ Н. Дадиани, Марганцевая горячка, «Дроеба», 1897, № 252 (на груз. яз.).

¹¹ А. Робакидзе, Рецензия на кандидатскую диссертацию Н. Рехвиашвили «Кузнечество в Раче», 1941, рукопись (на груз. яз.); см. также Н. Рехвиашвили, Цейскийская сталь, «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», т. IV, № 8, Тбилиси, 1943, стр. 829—836.

В отличие от нефтяной промышленности, добыча марганца была распылена между множеством мелких промыслов.

По статистическим данным за 1890 г., по всем селениям на территории чиагурских марганцевых залежей добычу руды производили 193 промышленника; только в сел. Мгвимеви разработкой залежей занимались 73 промышленника, добывших за год 3 675 000 пудов марганца, т. е. не более 50 000 пудов на каждого, причем в числе владельцев земельными участками числился и Мгвимевский монастырь, имевший 820 кцев земли (кцева — около 1 десятины) и сдававший в аренду марганцепромышленникам свои земли. В сел. Дарквети за этот же год шестью «промышленниками» добыто всего лишь 19 500 пудов марганца¹².

Исключительно тяжелые условия жизни рабочих марганцевой промышленности в дореволюционной Грузии, прослеживаемые по официальным отчетам съезда марганцепромышленников, статистическим обзорам официальных органов и воспоминаниям старых рабочих¹³, отсутствие элементарных правил охраны труда¹⁴, примитивные способы добычи и перевозки марганца, квалифицируемые официальными источниками как «первобытные»¹⁵, систематически снижаемый и без того низкий уровень заработной платы¹⁶, пренебрежение вопросами здравоохранения рабочих¹⁷, — таковы общие черты общественно-производственного быта чиагурских горнопромышленных рабочих в дореволюционный период, отчетливо иллюстрирующие действие вскрытого И. В. Сталиным основного экономического закона капитализма.

Несмотря на неимоверно тяжелые условия труда и быта, марганцевые промыслы никогда не испытывали недостатка в рабочих. После отмены крепостного права имеретинские крестьяне остались фактически без земли. Крестьянские наделы подлежали выкупу, на что необходимо было только в Имерети 5 млн. рублей; потребность в деньгах увеличивалась денежной формой налогов. Появилась острая нужда в деньгах, а вместе с ней и отхожие промыслы. Работа на марганцевых промыслах явилась почти единственным и постоянным источником денежного дохода. Чиагурская марганцевая промышленность, таким образом, была обеспечена постоянным притоком дешевой рабочей силы, основным источником которой являлось местное крестьянское население. «Раскрепощенный» крестьянин в поисках хлеба и денег шел на любые условия.

Значение этого промысла, как существенного подспорья крестьянства Западной Грузии, было отмечено еще в конце XIX в. Основываясь на статистических данных 1885 г., Гани определял средний доход на дым в размере 38 руб. в год¹⁸. По другим источникам, годовой валовой доход района составлял 573 000 руб.¹⁹.

¹² О таком характере марганцевой промышленности в досоветский период см.: Труды I и II съездов марганцепромышленников, Кутаиси, 1900, стр. 46; Донесение государственного маркшейдера за 1902 год, ЦГИА МВД Груз. ССР, ф. 264, д. 3581, л. 263; «Кавказский календарь на 1896 г.», Тбилиси, 1895, Отд. IV, стр. 235—243; из новейшей литературы: П. Гугушвили, Возникновение и развитие капитализма в Грузии и Закавказье, Тбилиси, 1941, стр. 259 (на груз. яз.).

¹³ «Отчет о деятельности Совета съезда марганцепромышленников за 1908 и 1909 гг.», Кутаиси, 1910, стр. 15; «Кавказский календарь на 1893 год», стр. 7; ЦГИА МВД Груз. ССР, ф. 264, д. 2147, л. 101.

¹⁴ А. Цуцунava, Марганец, Тбилиси, 1912, стр. 17—18 (на груз. яз.).

¹⁵ ЦГИА МВД Груз. ССР, ф. 264, д. 2006, л. 70.

¹⁶ «Отчет о деятельности Совета съезда марганцепромышленников за 1910 г.», Кутаиси, 1911, стр. 17; П. Гугушвили, Возникновение и развитие капитализма в Грузии и Закавказье, стр. 270.

¹⁷ «Труды XIII съезда марганцепромышленников», Кутаиси, 1910, стр. 104.

¹⁸ Гани, Марганцевое дело, «Иверия», 1886, № 31 (на груз. яз.).

¹⁹ Архив Груз. филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС, ф. 2, д. 14, л. 8; в связи с этим небезинтересно отметить, что со времени начала марганцевых разработок по 1888 г. крестьянами Шорапанского уезда приобретено 1569 участков земли с общей площадью в 1774 десятины на сумму в 328 555 руб. при средней стоимости десятины в 185 р. 21 к., что намного превышает стоимость одной десятины по всем остальным уездам

Вместе с тем при ознакомлении с воспоминаниями рабочих, с материалами прессы и архивными документами становится очевидным, что местное население — основной кадр рабочих марганцевых промыслов — первое время смотрело на эту промышленность лишь как на дополнительный источник дохода, доставлявший деньги и восполнявший дефицит сельскохозяйственного бюджета. Старые рабочие рассказывают: «Правда, я работал на марганце, но не прерывал тесной связи с сельским хозяйством, так как ни сельское хозяйство, ни марганцевые промыслы, отдельно взятые, не могли удовлетворить наших нужд»²⁰. В отчете окружного инженера за 1891 г. указано, что местные крестьяне занимаются горными работами как подспорьем к своим сельскохозяйственным работам только в свободное время, преимущественно зимой²¹.

Основываясь на многолетней практике, некоторые члены съезда марганцепромышленников указывали, что чиатурский горнорабочий работает на марганце не более 150 дней в году²². То же самое подтверждается и другими источниками, которые показывают, что большая часть рабочих, занимающихся добычей руды, не профессиональные горнорабочие, а местные крестьяне, приходящие на заработки в свободное от сельскохозяйственных работ время²³.

Таким образом, в данном случае наблюдались явления, соответствующие установленной В. И. Лениным форме, когда «патриархальное земледелие соединяется с работой по найму в промышленности (а также и в земледелии)»²⁴. Это придавало быту промысловых рабочих специфический сельский оттенок.

По мере развития капитализма в сельском хозяйстве и разложения крестьянства, значительные массы оторванных от средств производства крестьян концентрировались в Чиатура. Они были заняты главным образом (после проведения железнодорожной ветки Шорапани — Чиатура) на погрузочно-разгрузочных работах и раньше других оформились в промышленный пролетариат.

Не случайно, что именно указанные рабочие в последующем составили основное ядро революционного движения в этом районе. Одним из проявлений активной роли рабочих чиатурской марганцевой промышленности являются митинги, которые организовывал и возглавлял И. В. Сталин. Эти митинги вошли в славную летопись революционной борьбы рабочего класса под названием «чиатурских дискуссий». Из передовых рабочих чиатурской горной промышленности была подготовлена специальная группа актива для работы среди крестьян Чиатурского района. Эти же рабочие совместно с группой передовой интеллигенции были инициаторами ряда таких культурных начинаний, как организация воскресных школ для рабочих, устройство библиотек и других культурно-просветительных учреждений.

Прогрессивная роль передовых отрядов чиатурских горняков особенно наглядно проявилась в деятельности чиатурского рабочего театра. Основанный в конце XIX в. группой прогрессивной интеллигенции и передовых рабочих того времени, этот театр в дореволюционной Грузии держался на благотворительных началах. Благодаря активной помощи со стороны ведущих деятелей грузинской сцены в Чиатура был создан постоянный театральный коллектив, укомплектованный преимущественно рабочими. С установлением в Грузии Советской власти этому театру было присвоено название академического, а в 1926 г. он был преобразо-

Кутаисской губернии за исключением Сенакского уезда («Кавказский календарь на 1890 год», Тбилиси, 1889, стр. 30—31).

²⁰ «Воспоминания старых рабочих», Дом-музей Сталина в Чиатура, д. № 17.

²¹ ЦГИА МВД Груз. ССР, ф. 264, д. 2006, л. 28.

²² «Труды III съезда марганцепромышленников», Кутаиси, 1904, стр. 57.

²³ ЦГИА МВД Груз. ССР, ф. 264, д. 4726, л. 32.

²⁴ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 330.

ван в профессиональный театр. В 1949 г. для театра было выстроено новое здание — одно из лучших зданий районных театров Грузии. На протяжении более чем полувекового существования чиатурский рабочий театр являлся и является мощным средством идейного и художественного воспитания всех слоев населения Чиатурского района.

С течением времени марганцевые промыслы все глубже охватывали различные стороны быта местного населения. Широкий размах извозного промысла вызвал к жизни развитие соответствующих отраслей кустарной промышленности. Например, в селениях Мандаети и Корбоули появились центры по производству больших карталинских ароб; широко развилось и ранее здесь известное производство больших плетеных корзин, масштабы которого, однако, раньше были ограничены лишь потребностями сельского хозяйства; появились многочисленные кузины, обслуживающие гужевой транспорт; развилось до сих пор не имевшее широкого применения шорное производство. Селение Ргани превратилось в центр по производству ручных тачек для вывоза марганца из забоев. Преобразовался и город Чиатура — в нем появилось множество мастерских, ремесленных предприятий, торговых лавок и складов.

Процесс образования чиатурских горнопромышленных рабочих хорошо прослеживается на конкретных генеалогиях отдельных семейств на протяжении четырех, а иногда и пяти поколений.

Типичной в этом отношении является семья Попхадзе в сел. Шукрути. Представитель старшего поколения (дед) занимался исключительно сельским хозяйством; последующее поколение с развитием марганцевого дела начало заниматься извозным промыслом. Все четверо братьев, принадлежащих к третьему поколению, работают на рудниках в качестве постоянных рабочих.

Примерно так же образовалась типично горняцкая семья Гаприндашвили в сел. Мгвимеви. Дед — земледelec, занимавшийся одновременно и обработкой камня. Отец с развитием промыслов приступил к разработке своего участка, доставляя марганец на железнодорожную станцию на своем транспорте; из трех сыновей — двое заняты на производстве; здесь же работают и внуки.

В семье Самхарадзе из сел. Диди Ргани первое поколение занималось исключительно земледелием; второе поколение включается в извозный промысел. Третье поколение выдвигает откатчика, кассира, начальника участка; в четвертом поколении — механик, монтер, заведующий детским садом рудоуправления.

Десятки записанных генеалогий представляют наглядную картину постепенного, но неуклонного проникновения производства в сельский быт и образования среди местного населения семей потомственных горняков.

Необходимо отметить этнографически интересную деталь. Несмотря на раннее развитие здесь промышленности, население местами продолжало жить большими семьями. В семьях, объединявших три-четыре поколения и насчитывавших более 20 членов, выделялась группа мужчин, которые либо постоянно работали на производстве, либо разрабатывали собственные залежи. Например, семья Чачанидзе (сел. Дарквети) имела до 30 кцев земли, в том числе 10 кцев под виноградниками и 10 кцев под кукурузу, 4—5 коров, 5 пар быков, 2 лошади. Все занимались сельскохозяйственными работами, за исключением группы мужчин, уходивших на промыслы, доходы от которых шли в общую кассу семьи.

Большая семья Гаприндашвили (сел. Мгвимеви) объединяла три поколения: мать, двух сыновей с женами и 11 детьми и несколько внуков. Один из братьев периодически работал на рудниках отбойщиком, другой занимался сельским хозяйством. Основным источником дохода служило сельское хозяйство. Промышленность была добавочным источником дохода, доставлявшим деньги, которые шли главным образом

на уплату налогов, прикупку хлеба, приобретение предметов первой необходимости.

Подобных примеров жизни большими семьями можно привести немало. Местами большая семья продержалась вплоть до начала XX в. благодаря именно тому своеобразному сочетанию занятия земледелием с работой в промышленности, которое давало возможность балансировать бюджет семьи. Живучесть большой семьи в условиях поступления в ее бюджет более или менее значительных денежных доходов от сторонних заработков не является специфическим явлением общественного быта грузин XIX в. В. И. Ленин, характеризуя пути развития капитализма в России, указывает: «В этом случае представитель торгового капитала настолько еще не дифференцировался от общей массы «мужиков-землепашцев», что сохранил даже свое надельное хозяйство и патриархальную большую семью»²⁵. Лишь после того, как заработки в промышленности начнут составлять основной доход семьи, а значение сельского хозяйства в ее экономике сильно понизится, большая семья (в старом понимании этого слова) уступит место новой, рабочей семье, построенной на новых хозяйственных началах и на иных принципах общности.

Таким образом, рабочий класс чиатурской марганцевой промышленности формировался почти исключительно на базе коренного населения района расположения рудников в условиях сохранения хотя и неуклонно слабеющей, но все же постоянной связи с сельским хозяйством. Вследствие этого дореволюционный быт чиатурских горнопромышленных рабочих складывался в условиях сельского образа жизни. Это во многом способствовало более стойкой сохранности старых форм таких элементов культуры, как поселение, жилище, пища, а также частично и старых форм семейного быта.

С переходом марганцевых разработок после победы Советской власти на широкий путь социалистического развития процесс проникновения промышленности в сельский быт принял иные формы, качественно отличные от прежних. В период победоносной борьбы трудящихся Советского Союза за построение социализма в нашей стране бывшие марганцевые промыслы преобразовались в один из крупных очагов социалистической промышленности. На этой почве формировались новые элементы материальной культуры, новый уклад семейной и общественной жизни, росло социалистическое сознание чиатурских горнопромышленных рабочих, происходило социалистическое преобразование всего быта чиатурцев.

Материально ощутимые изменения в быту трудящихся чиатурской марганцевой промышленности нашли выражение в первую очередь в изменении типа поселений и жилых построек, прослеживаемом повсеместно, хотя и не везде в одинаковой степени.

В рудниках, расположенных непосредственно на территории селения, где основную массу рабочих, по установившейся традиции, составляют жители данного селения, значительная часть рабочих не оставляет старого местожительства не только из-за близости к предприятию, но и потому, что не хочет бросать сельское хозяйство, хотя и занимается им в очень ограниченных размерах. В подтверждение этого можно сослаться на рудоуправление, расположенное в сел. Ргани. В этом рудоуправлении (по данным за один из послевоенных годов) на каждые 100 рабочих приходилось 86 жителей Ргани и непосредственно к нему примыкающих селений. Остальная часть рабочих была укомплектована преимущественно жителями соседних с Чиатурским районов. Выходцев из дальних районов Грузии, и то главным образом из Западной, насчитывалось не более трех на каждые 100 рабочих.

²⁵ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 317.

Большая часть рабочих живет, следовательно, у себя на селе и, работая в промышленности, продолжает заниматься и сельским хозяйством. Однако сельскохозяйственные занятия этих рабочих носят специфический характер. Рабочая семья стремится сохранить виноградник с местными сортами винограда для выделки своих «марок» вина, маленькую площадь под кукурузу для выпечки «чади» и огород для выращивания традиционных приправ к пище. В экономическом отношении продукты этой «сельскохозяйственной деятельности» в бюджете горняцкой семьи занимают незначительное место; основное назначение этой деятельности заключается в поддержании традиционных отраслей сельского хозяйства Грузии для сохранения особенностей грузинской кухни. В этнографическом отношении это одна из специфических черт быта чиатурских горнопромышленных рабочих.

Сел. Ргани сохранило черты древнего расселения и состоит из семи кварталов: Хведелидзе, Цкарос-убани, Сириал — Махарашвили, Гвелесиани, Кипшидзе, Татунашвили, Гагмата. Большинство жилых построек этого селения — легкие, деревянные, двухэтажные дома, обычно с широким балконом и перекрытием из черепицы и, как правило, с четырехскатной крышей. По классификации Г. С. Читая, это характерные признаки жилых построек западнотуркменского типа, генетически связанного с жилыми постройками древнейшего населения Передней Азии.

Однако по внутренней планировке дома рабочих уже значительно отличаются от домов старого типа. Дом стахановца Вано Чархалашвили, например, состоит из четырех комнат: самая большая из них отведена под гостиную, вторая — под спальню, третья — под кухню, а четвертая — под кладовую. Как известно, для поздней традиции размещения жилых и хозяйственных построек в комплексе западнотуркменского типа характерно устройство особого помещения под кухню на некотором расстоянии от жилого дома.

Изменения во внутренней планировке более наглядно прослеживаются в доме стахановца Серго Хведелидзе. Этот дом двухэтажный и состоит также из четырех комнат; в первом этаже расположены жилая комната и кухня, а во втором — гостиная и спальня. Дом снабжен широким балконом. Аналогичный способ распределения комнат характерен и для других жилых домов рабочих марганцевой промышленности в сел. Ргани.

Благодаря связи с сельским хозяйством сохранились и отдельные элементы западнотуркменского типа расположения всего комплекса жилых и хозяйственных построек. В этом отношении типична усадьба того же Серго Хведелидзе. К описанному выше дому непосредственно примыкает марани — помещение, где расположена давяльня и хранится вино в больших глиняных кувшинах; на некотором расстоянии от жилого дома расположены кукурузник, амбар, свинарник, курятник и загон для дойной скотины.

Характерным элементом усадьбы такого типа, наряду с маленьким участком, отведенным под виноградник, кукурузу и огород, является наличие чистого и сравнительно большого двора с зелеными насаждениями, нередко лишь декоративного назначения. Сельский облик жилых домов и всей усадьбы указанной части чиатурских горнопромышленных рабочих обусловлен длительным сосуществованием в одном селении промышленного предприятия и колхоза. Совмещение работы в рудниках с занятием сельским хозяйством обеспечивает тесное сотрудничество между рабочими и колхозниками, проявляющееся в форме взаимопомощи — в свободное от основных занятий время колхозники работают в промышленности, а горняки на колхозных полях.

Печать своеобразного сочетания в быту населения промышленности и сельского хозяйства носит и сам город Чиатура, выросший в годы Советской власти из провинциального захолустья в крупный промышлен-

ный центр Республики, место средоточия центральных учреждений района и администрации чиатурской марганцевой промышленности. В районах, непосредственно примыкающих к центру города, можно найти не один и не два типичных западногрузинских дома, построенных из дерева, с четырехскатной крышей, черепичным перекрытием, чистым двориком с зелеными насаждениями. На окраинах близ таких домов разбиты огороды и виноградники. Характерными примерами в этом отношении могут служить усадьбы стахановцев Серго Отинашвили и Трифона Попхадзе — знатных людей чиатурской марганцевой промышленности.

Таким образом, среди той части чиатурских горнопромышленных рабочих, которая живет на селе, хорошо прослеживается тяга к западногрузинскому типу жилых домов. Этому способствует и большая доступность строительства таких домов, так как оно сравнительно легко осуществимо.

Однако в процессе строительства традиционные формы подвергаются активной переработке применительно к новым условиям. Это ярко выражено во внутренней планировке жилого дома и в расположении подсобных помещений. Развитие новых форм жилых построек шло не только по этому пути. В гораздо больших масштабах производится уже давно начатое внедрение в быт чиатурских горняков жилых построек городского типа, благодаря широкому размаху культурно-бытового и жилищного строительства, осуществляемого в государственном порядке.

Примером нового поселения может служить Шукрутский поселок с домами городского типа, оборудованными центральным отоплением. В Перевиси выстроены четырехквартирные маленькие домики типа особняков, обеспеченные всеми коммунальными услугами. Пользуясь долгосрочным государственным кредитом, трудящиеся чиатурской марганцевой промышленности широко практикуют строительство индивидуальных жилых домов как в селе, так и в городе. Новые постройки — преимущественно городского типа со светлыми просторными квартирами, хорошо обставленными и всегда чисто убранными.

Центральная магистраль города Чиатура — улица Ниношвили — застроена двух- и трехэтажными домами новейшего типа. На этой же улице высится здание многоэтажного жилищного комбината на 72 квартиры. Здесь же большой кинотеатр. За железнодорожным полотном выстроено художественно оформленное новое здание государственного драматического театра (возникшего на базе чиатурского рабочего театра), представляющее резкий контраст со старым театральным помещением.

В отделке новых домов все более широкое применение находят национальные архитектурные формы, грузинский орнамент. Ярким примером этому могут служить некоторые дома на главной магистрали г. Чиатура, а также здание государственного драматического театра.

Таким образом, развитие жилых построек в Чиатурском горнопромышленном районе идет в двух направлениях — в селах преимущественно по линии преобразования жилых домов западногрузинского типа применительно к требованиям современной жизни, а в городах — по линии строительства нового типа домов со все более широким применением грузинских элементов строительного искусства.

В обстановке квартир городская мебель давно уж заменила характерные для старого сельского быта предметы домашнего обихода. Широкое распространение имеет местная фабричная мебель, а за последнее время появилась и продукция рижских мебельных фабрик как в домах горожан, так и в селах.

Если в отдельных элементах внешнего быта (жилище, пища и т. д.) еще сохраняются старые формы, видоизмененные и приспособленные к новым потребностям, то духовная жизнь семьи характеризуется коренной ломкой старых устоев быта и возникновением принципиально новых форм.

Прежде всего изменилось положение женщины в семье. Равноправное участие наряду с мужчинами в производственной и общественной жизни предприятия повысило ее авторитет и упрочило экономическую независимость. Широкая сеть детских учреждений дает возможность женщине и после рождения ребенка не порывать с производством и не замыкаться в узком кругу семейных интересов. Тяга женщин к творческому труду на производстве при наличии широкой возможности получения среднего и высшего технического образования создала благоприятные условия для привлечения их на квалифицированные работы в марганцевой промышленности.

Совместный равноправный труд на производстве в корне изменил отношение к женщине в обществе, что привело и к изменению прежних норм брака. В настоящее время браки в основном заключаются на основе любви, взаимного понимания и идейной общности. Браку в большинстве случаев предшествует длительное знакомство, что не может не оказывать положительного влияния на укрепление устоев семьи и ликвидацию основы «случайных» браков.

За советский период в Чиатура выросла своя техническая интеллигенция, вышедшая в большинстве случаев из горняцких семей. Это хорошо прослеживается на многочисленных генеалогиях. Типичным примером может служить генеалогическая таблица семьи Пхаладзе, охватывающая пять поколений. Во главе этой генеалогической таблицы стоит Квирия Пхаладзе, занимавшийся исключительно сельским хозяйством. Семья жила в сел. Цхруквети большим домом и владела 10 кцевами земли и некоторым числом рабочего скота и коров. С появлением острой нужды в деньгах двое сыновей Квириа (Иотам и Иосиф) начали заниматься извозным промыслом, а третий (Бера) остался за главного на сельскохозяйственных работах.

Третье поколение — сыновья Иотама (Аполлон, Пармен и Ладос) работали в шахтах на отбойке руды. Четвертое поколение представлено сыновьями Ладос (Акакий, Исидор, Варден), росшими уже при Советской власти. Они начали учиться, работая на производстве, а потом пошли в ВУЗ'ы. Старший брат — Акакий — окончил Политехнический институт и работает в Чиатура, имея звание горного директора I ранга. Исидор окончил химический факультет и в настоящее время заведует химической лабораторией треста. Варден учится на физико-математическом факультете.

Неуклонное увеличение в семье представителей советской технической интеллигенции и вообще сравнительно большой удельный вес в семье лиц с высшим образованием являются одной из важнейших черт нового семейного быта чиатурских горняков.

Горняцкая семья в районе чиатурской марганцевой промышленности прошла долгий и характерный для этого района путь развития. Уходя своими корнями в типично крестьянскую семью, в условиях сильно развитых промыслов она еще в дореволюционный период начала терять естественный для нее сельский облик, однако в силу специфической обстановки этот процесс протекал медленно и своеобразно. Образование типичных горняцких семей завершается лишь много позднее. В советских условиях процесс сложения рабочей семьи происходит на принципиально новой основе, что вызвало появление в семейном быту качественно новых элементов, коренным образом отличающих новую семью от старой.

Качественно новые элементы в современном быту чиатурцев определяются прежде всего тем, что источником существования семьи является социалистическая промышленность, а не частновладельческое сельское хозяйство, соединяемое с промыслом в силу необходимости балансировать бюджет семьи.

В основу общности современной семьи положено равноправие мужа

и жены, упрочению которого способствует участие женщин в промышленности и рост ее общественно-производственного авторитета. Укрепляет эту общность и единство личных и общественно-производственных интересов, так как зачастую супруги работают в одной отрасли промышленности.

Существенным отличительным признаком новой семьи чиатурских горняков является ее насыщенность представителями советской технической интеллигенции и квалифицированными кадровыми рабочими, подавляющее большинство которых вышло из среды местного населения и прошло школу советского производства.

Вот некоторые черты, которыми главным образом определяется новый облик семьи чиатурских горнопромышленных рабочих.

Л. И. ЛАВРОВ

РУТУЛЬЦЫ

На юге Дагестана, в верховьях р. Самур, обитает небольшая этническая группа, представители которой говорят между собой на особом языке, непонятном окружающему населению. Наиболее крупное их селение — Рутул, откуда и название всей группы. В настоящее время в Рутуле помещается центр Рутульского района. Всего насчитывается 22 рутульских селения, из которых 18 расположены в долине р. Самур и в ближайших к ней горах, 2 — в долине р. Ахты-чай и 2 — в сопредельной части северного Азербайджана. На карте этническая территория рутульцев выглядит как нечто единое, но на самом деле горные хребты затрудняют сношения между самурскими, ахты-чайскими и азербайджанскими рутульцами.

На территории рутульцев зима бывает холодная, а лето прохладное с частыми туманами и дождями. Склоны гор покрыты травянистой растительностью, служащей хорошими пастбищами для скота. В окрестностях селений Рутул, Шин и Кайнар имеются леса. Вершина горы Деавгай (4015 м над ур. м.) покрыта вечным снегом. Частично снег держится летом и на некоторых других горах. Реки, текущие по территории рутульцев (Самур, Ахты-чай, Кара-Самур и их притоки), отличаются бурным течением.

По переписи 1926 г. рутульцев в СССР насчитывалось 12 963 человека.

В административном отношении почти вся рутульская территория входит в состав Рутульского района Дагестанской АССР. Исключение составляют с. Хнов, входящее в Ахтынский район той же республики, и селения Шин и Кайнар, которые являются составной частью Нухинского района Азербайджанской ССР. Ахтынский район населен лезгинами, а Нухинский — азербайджанцами. Рутульский район в лингвистическом отношении чрезвычайно неоднороден. Кроме 19 рутульских селений, в него входят 13 цахурских, 4 лезгинских, 2 лакских, 1 аварское и 1 азербайджанское.

Часть долины р. Самур, которая ныне занята рутульцами, повидимому, и была той первоначальной территорией, на которой в древности сложилось рутульское племя с своим особым языком. В долине р. Ахты-чай рутульцы появились не позже XV в., так как в XVI в. уже там существовало сохранившееся и доныне рутульское селение Хнов. В северный Азербайджан рутульцы пришли позже, скорее всего в XVII в.

Многие современные рутульские селения очень древнего происхождения. Наши археологические разведки показывают, что с. Рутул основано не позже самого начала средних веков. В с. Лучек мы обнаружили 6 каменных плит с куфическими надписями, датирующими некоторые постройки в этом селении XI—XIII вв. В с. Ихрек найдено 13 камней с такими же надписями. Одна из них сообщает о постройке мечети в 1016—1017 гг. О с. Шиназ имеется историческое известие от 1275 г., когда оно считалось крупным населенным пунктом и славилось своими

оружейниками¹. «Хновская рать», т. е. ополчение жителей с. Хнов, упоминается в 1598 г. в числе союзников шамхала Тарковского². По литературным данным, с. Хнов существовало около 1560 г.³

Средневековые памятники материальной культуры рутульцев (селища, могильники, наскальные изображения и пр.) свидетельствуют о занятиях жителей животноводством (преимущественно отгонным овцеводством), охотой, производством лепной глиняной посуды, кузнечным делом. Они вели оседлый образ жизни, большую роль в быту играл конь. Рутульцы поддерживали связи с Азербайджаном и побережьем Каспийского моря. До нашествия арабов (VIII в.) часть рутульцев считалась христианами (о чем свидетельствуют старинные изображения крестов), а другая, видимо, придерживалась местных языческих верований. Арабское нашествие сопровождалось насильственным обращением жителей в ислам.

Вплоть до присоединения к России рутульцы вели постоянные войны с соседями. В 1432 г. вместе с войсками ширван-шаха Халил-Уллы они совершили нападение на цахурцев, но не смогли овладеть с. Цахур⁴. Около 1560 г. рутульцы с. Хнов вместе с цахурцами и другими соседними народами напали на грузин и вынудили их переселиться за р. Алазань⁵. Сохранились предания о войнах с аварцами, во главе которых стоял некий Шагав, совершавший частые набеги на рутульцев. Ихрекцы помнят о военных столкновениях с лакцами. Сохранился рассказ о междоусобной борьбе между жителями с. Ихрек и несуществующего ныне с. Харыцá.

В с. Лучек была сооружена крепость. Народное предание безосновательно приписывает ее постройку легендарному Шагаву, нападавшему на Лучек. Но вернее предполагать, что она была построена рутульцами для защиты от цахурцев. В настоящее время от этой крепости не сохранилось следов, но еще в 1850 г. о ней писал М. С. Воронцов, лично посетивший тогда Лучек: «На скале... и ныне находятся две грубо сложенные башни в виде цитадели, а самое селение у подошвы, между реками лежащее, окружено стеною с башнями»⁶. Остатки этой крепости, по всей вероятности, были использованы русскими войсками, соорудившими на ее месте в 1851 г. Лучекское укрепление, а затем были окончательно срыты после упразднения укрепления в 1861 г. Есть известие о существовании в прошлом маленькой крепости в с. Хнов⁷.

До присоединения к России рутульцы представляли собой «вольное общество», которое было известно под названием «Рутульского магала». Магал был политическим союзом сельских общин, причем известные случаи насильственного присоединения рутульцами к этому союзу соседних селений в XVIII в. Управление магалом находилось в руках рутульских беков, которые были и постоянными военачальниками. Они уже представляли собой такую социальную прослойку, которая отделилась от народа, противопоставляла ему себя и шла по пути превращения в

¹ В. Догл, Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen, «Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg», т. VII, 1848, стр. 566—567.

² «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», т. II, «Труды Вост. отд., Русск. археол. об-ва», т. XXI, СПб., 1892, стр. 27.

³ А. И. фон-Плотто, Природа и люди Закавказского округа, «Сб. сведений о кавк. горцах», вып. IV, Тифлис, 1870, стр. 11.

⁴ Н. Ханыков, Археологическое известие, газета «Кавказ», 1850, № 53; Н. Вучетич, Четыре месяца в Дагестане, газ. «Кавказ», 1864, № 75, Последний автор относит это событие к 1239—1240 гг.

⁵ А. И. фон Плотто, Указ, соч., стр. 11.

⁶ «Отношение кн. Воронцова военному министру кн. Чернышеву», 4 июня 1850 г., «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. X, Тифлис, 1885, стр. 332.

⁷ К. Ф. Ган, Путешествие по высочайшим местам Дагестанской области летом 1902 г., «Изв. Кавк. отд. РГО», т. XVI, № 4, 1903, стр. 9 и 10.

настоящую феодальную знать. Правда, для решения важных вопросов беки обязаны были созывать народные собрания.

По одним преданиям, рутульские беки происходили от арабов⁸, по другим — от илисуйских владетельных беков в северном Азербайджане.

По данным «родословной таблицы рутульских беков», составленной в 1873 г., их прародителем считался некий Кази-бек, причем в таблице отмечено, что «показанные беки живут в сел. Рутуле с 991-го года мусульманского летосчисления»⁹, т. е. с 1583 г. Достоверность этой даты, судя по докладу начальника штаба командующему Кавказским военным округом в 1903 г., подтверждалась документами: «Из имеющихся у этой фамилии документов, данных в прежнее время, по разным военным обстоятельствам, турецкими султанами и персидскими шахами, видно, что последние признавали или считали членов этой фамилии беками и даже владетелями Рутула, которого войсками, как видно, предводительствовали эти беки и были вообще часто, если не всегда, представителями рутульского общества, при внешних сношениях с правительствами Турции и Персии»¹⁰.

Если в конце XVI в. в Рутуле уже существовали беки, которые сносились с правительствами соседних стран, то не исключено наличие тогда и Рутульского магала, как политического объединения значительной части рутульцев. Но первое упоминание об этом магале относится к 1728 г.¹¹ Косвенным подтверждением существования Рутульского магала может служить письмо шамхала Тарковского царю Федору Ивановичу от 1598 г., в котором среди союзных шамхалу войск, наряду с военными силами крупных дагестанских и азербайджанских ханств и других феодальных владений, упомянуты «рутульская рать» и «хновская рать»¹².

Отсюда следует, что под «рутульской ратью» также подразумевается ополчение не одного селения Рутул, а более крупного политического образования, каким являлся Рутульский магал. Отдельное упоминание о «хновской рати» означает, что рутульское население долины р. Ахты-чай в XVI в. повидимому, составляло особый магал. В XVIII в. в Рутульский магал входили не только рутульские, но также цахурские и некоторые лезгинские селения. Включение лезгинских селений нередко производилось насильственно. Сохранилось предание о кровопролитной борьбе Рутула с лезгинским селением Хрюк, которое рутульцам удалось присоединить к своему магалу вместе с другим лезгинским селением Зрых. В XVIII в. рутульцы захватили и более удаленные лезгинские селения Кака, Ялах и Луткун, входившие до этого в состав Ахтыпаринского магала. Но Рутулу не удалось надолго закрепить над ними свою власть. Жители их, «притесняемые поборами главного селения», т. е. Рутула, обратились за помощью к кази-кумухскому Сурхай-хану (второму), который сперва принял Каку, Ялах и Луткун под свое покровительство, а потом совсем отнял их у Рутульского магала и присоединил к Кази-Кумухскому ханству¹³.

В то время как некоторые лезгинские селения Ахтыпаринского магала в XVIII в. попали в зависимость от Рутула, два рутульских селения (Ихрек и Мюхрек) входили в состав Кази-Кумухского ханства¹⁴, а два

⁸ А. М. Дирр, Рутульский язык, «Сб. мат. для описания местностей и племен Кавказа», XLII, Тифлис, 1912, стр. 1.

⁹ Центр. гос. архив (ЦГА) МВД Даг. АССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, л. 128.

¹⁰ ЦГА МВД Даг. АССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, л. 26.

¹¹ И. Г. Гербер, Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1760, VIII, стр. 99—100.

¹² «Памятники дипломатических и торговых сношений Моск. Руси с Персией», т. II, стр. 27.

¹³ А. К. Кази-кумухские и кюринские ханы, «Сб. свед. о кавк. горцах», вып. II, Тифлис, 1869, стр. 16.

¹⁴ I. A. G ü l d e n s t ä d t, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, I, St. Petersburg, 1787, стр. 494.

других (Хнов и Борч) находились под властью Ахтыпаринского магала и оставались в нем и после того, как южный Дагестан вошел в состав России.

В начале XIX в. рутульцы оказались в непосредственной близости от районов, в которых утвердилась власть России. Еще задолго до появления русских войск в верховьях р. Самура рутульцы добровольно приняли русское подданство. Но беков не устраивала зависимость от России, так как это ограничивало их власть в магале, мешало их грабительским набегам на соседей, которых они старались принудить к уплате дани. Беки проводили антирусскую агитацию заодно с агентами Шамиля, находившегося в Аварии. Это привело в 1838 г. к вооруженному столкновению с русскими войсками, которые нанесли поражение Ага-беку Рутульскому. За отказ выступить против русских Ага-бек отнял у жителей с. Борч 750 овец и наложил на них штраф. Тем же он грозил и жителям с. Хнов. Осенью 1838 г., собрав значительные силы из рутульцев и лезгин, Ага-бек и авантюрист-самозванец Искандерхан неожиданно захватили г. Нуху, но на третий день они бежали от русских. Эти события повлекли за собой вступление русских войск в Рутул (в 1839 г.) и окончательное присоединение Рутульского магала к России.

В 1848 г. рутульцы оказали упорное сопротивление Шамилю, когда он вторгся на их территорию. Для ограждения рутульцев от вторжения мюридов и было построено в 1850 г. Лучекское укрепление, о котором говорилось выше. Попытки вторжения мюридов в 1853 и 1857 гг. встретили сильное сопротивление рутульцев. Поддержанные русскими войсками, они нанесли окончательное поражение мюридам.

Благодаря присоединению к России рутульцы получили возможность мирного развития, что оказало благотворное влияние на их экономику и быт. За период с 1856 по 1913 г. поголовье лошадей у рутульцев увеличилось почти в два раза, овец — более чем в три раза, а крупного рогатого скота — почти в шесть раз¹⁵. Столь большой рост поголовья скота объясняется, помимо создания мирной обстановки, развитием товарности животноводства под влиянием капитализма.

Наряду с ростом животноводства (основной отрасли хозяйства рутульцев), росла и продуктивность земледелия. Так, с 1856 по 1913 г. посевы пшеницы у рутульцев увеличились в два раза. Одновременно появились и более совершенные орудия труда — просорушка, фабричные косы, серпы и пр.

Значительно увеличилось число ремесленников, возникли новые виды ремесла, например, многие освоили неизвестную ранее у рутульцев профессию стекольщиков. Только со второй половины XIX в. рутульцы стали сооружать водяные мельницы.

Влияние капитализма сказалось на росте отходничества и вовлечении части населения в промышленное производство (бакинские нефтяные промыслы и рыбные промыслы на побережье Каспийского моря).

После присоединения к России на территории рутульцев были проложены колесные дороги. В самом начале XX в. в Рутуле открылось почтовое отделение, стал работать ветеринарный пункт¹⁶, а в 1914 г. было открыто одноклассное училище¹⁷. В Ихреке открылся фельдшерский пункт¹⁸. В быту рутульцев стало заметно благотворное влияние русской культуры. Они начали застеклять окна в жилищах, очаг сменился каминами и железными печами-временками. В домах зажиточных рутульцев начала появляться заимствованная у русских мебель — столы, стулья, кровати и пр. Для освещения они стали пользоваться керосиновой лампой.

¹⁵ «Статистические сведения о Дербентской губернии», «Кавк. календарь на 1857 год», Тифлис, 1856. стр. 367; ЦГА МВД Даг. АССР, ф. 21, оп. 3, д. 100.

¹⁶ Там же, д. 21, л. 708.

¹⁷ Там же, д. 105, л. 173 и 197.

¹⁸ Там же, д. 66, л. 72.

Рутульцы приохотились к чаю, стали покупать сахар. Широким спросом начали пользоваться фабричные ткани и фабричная посуда.

Русские законы боролись с кровной мезтью, и масштабы ее сократились. Несмотря на определенный прогресс, который начался со времени присоединения рутульцев к России, все же их хозяйство, культура и быт в дореволюционные годы отличались чрезвычайной отсталостью.

Круглый год скот у рутульцев содержался под открытым небом. Никакого подкорма зимой овцы не получали. Ежегодные неорганизованные перегоны с летних пастбищ на зимние сопровождались большим падежом скота. Чабаны зимой ютились в тесных, грязных и темных укрытиях, кое-как сложенных из камней. В рутульском земледелии господствовало однополье. Орудия труда в основном состояли из легкой сохи (рис. 1), подни-

Рис. 1. Старинная рутульская соха (с. Шиназ)

мавшей только самый верхний слой почвы, кос, серпов, молотильных досок, деревянной лопаты для веяния и ручных мельниц. Урожайность ржи только в лучшие годы (как, например, 1910)¹⁹ составляла сам-пять, пшеницы — сам-два. В 1913 г. по всем культурам рутульцы собрали урожай, который не оправдал затрат на посев²⁰. Они совсем не занимались овощными культурами и не развивали садов.

В то время как беки, кулаки и торговцы богатели, основная масса крестьян влачила жалкое существование. Рутульские беки, получая офицерские чины в царской армии, назначались на должность начальников (наибов) Лучекского участка. Таким образом, беки и при царском правительстве сохранили в своих руках административную власть над рутульским населением. Пользуясь этой властью, они безнаказанно эксплуатировали рутульскую бедноту. Богачи захватывали лучшие пастбища, покосы и пахотные участки, обездоливая бедноту. Столкновения между ними нередко доходили до кровопролития. Царское правительство каждый раз становилось на сторону эксплуататоров. Капитализм не успел занять господствующее положение в жизни рутульцев.

Перед Великой Октябрьской социалистической революцией для них были характерны только некоторые элементы капитализма. В целом же они принадлежат к числу тех племен и народностей, которые миновали капиталистическую стадию развития.

¹⁹ Там же, д. 68, л. 141.

²⁰ Там же, д. 100, л. 181.

Культурный уровень рутульцев перед Великой Октябрьской социалистической революцией был очень низким. В единственном одноклассном училище в 1916 г. обучалось только 20 детей и среди них не было ни одной девочки²¹. На содержание духовенства и мечетей в 1913 г. в Луческом участке тратилось почти в 11 раз больше денег, чем на культурные и благотворительные цели, вместе взятые²².

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции рутульцы не только не успели сложиться в народность, но и не обнаруживали тенденции в этом направлении. У них по существу отсутствовало даже такое необходимое условие для складывания этнической общности, как общая территория. Рутульские селения, расположенные в долине р. Ахты-чай и в Азербайджане, жили в отрыве от рутульских селений, расположенных по Самуру и Кара-Самуру. Отсутствовали и внутренние экономические связи, необходимые для складывания этнической общности. В этом отношении весьма показательна неудачная попытка открытия базара в Рутуле в 1892 г. На базар почти никто не приезжал, и он вскоре закрылся.

Единственным признаком, характеризующим этническую общность рутульцев, является их язык. Языковую общность рутульцев надо рассматривать как следствие общности их происхождения. Не подлежит сомнению, что в далеком прошлом все рутульцы проживали вместе, скорее всего в долине Самура, откуда часть их позже переселилась на Ахты-чай и в Азербайджан. Однако, несмотря на наличие языковой общности, у рутульцев не выработалось национального самосознания. В рутульском языке нет даже терминов, обозначающих данную этническую группу и их язык.

В этнографическом отношении рутульцев трудно выделить из общей массы горского населения верхней части бассейна р. Самур. В отдельных районах этой части Дагестана существовали локальные особенности в обрядах, костюме, характере орнамента и т. д., но они не укладывались в лингвистические рамки.

Внешние экономические связи в прошлом рутульцы поддерживали главным образом с населением северного Азербайджана. В северном Азербайджане они арендовали зимние пастбища. Туда же уходили на заработки рутульские отходники. Базары северного Азербайджана были ближайшими к рутульцам местами сбыта продуктов животноводства, приобретения хлеба и промышленных изделий.

Экономические связи с Азербайджаном способствовали широкому распространению среди рутульцев азербайджанского языка²³, которым они пользовались для сношений с соседями (азербайджанцами, лезгинами, цахурцами и лакцами), а также с русской администрацией в Дагестане. Русский язык знали очень немногие. К. Ф. Ган писал о рутульцах в 1898 г., что «русского языка никто не знает»²⁴. Можно предполагать, что к 1917 г., особенно после открытия одноклассного училища в Рутуле, положение несколько изменилось, но в общем число рутульцев, знавших русский язык, составляло единицы.

Хозяйственная отсталость, бедность, отсутствие просвещения, распространение исламских и доисламских суеверий, произвол кулаков, беков и царских чиновников — вот условия, в которых находились трудящиеся рутульцы до Великой Октябрьской социалистической революции²⁵.

²¹ «Статистические сведения о Дербентской губернии», д. 112, л. 79.

²² Там же, д. 100, л. 186.

²³ К. Ф. Ган, Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года), «Сб. материалов для опис. местн. и племен Кавказа», XXXI, Тифлис, 1902, стр. 71 и 72.

²⁴ Там же, стр. 69.

²⁵ О дореволюционном прошлом рутульцев, кроме указанных выше работ, также см.: «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом,

За годы советской власти жизнь рутульцев коренным образом изменилась. В результате социалистического строительства произошли огромные перемены в их экономике, культуре и быту, изменился даже внешний облик рутульских селений.

Сплошная коллективизация сельского хозяйства рутульцев завершилась в 1935 г. В Дагестане было создано 13 рутульских колхозов вместо 2225 мелких единоличных хозяйств, насчитывавшихся в рутульских селениях Дагестана в 1926 г.²⁶ Некоторые из этих колхозов в 1951 г. слились в более крупные.

Ведущей отраслью хозяйства у рутульцев попрежнему является животноводство. Из сельскохозяйственной площади Рутульского района 89% приходится на пастбища и сенокосы²⁷. Среди всего поголовья скота в районе 90,2% составляют овцы и козы. Сравнение данных 1913 г. с данными 1951 г. показывает, что за этот период соотношение разных видов скота не подверглось существенному изменению. При сохранении численного преобладания овец, которых вместе с козами в 1913 г. было 91,2%, за рассматриваемый период несколько повысился удельный вес крупного рогатого скота (с 6,8 до 8,3%) и лошадей (с 0,9 до 1,3%) и снизился процент ослов и мулов (с 1,1 до 0,2%). Относительная стабильность состава стад объясняется природными условиями района, обеспечивающими благоприятные возможности для разведения прежде всего овец. Некоторое повышение роли крупного рогатого скота свидетельствует об интенсификации хозяйств, а сокращение поголовья ослов и мулов можно объяснить внедрением автотранспорта.

Коренные изменения за годы советской власти произошли главным образом в организации животноводства, породном составе скота, методах его содержания и техническом оснащении животноводства. Пастбища, которые прежде приходилось арендовать, теперь

топографическом и финансовом отношениях», ч. IV, СПб., 1836. стр. 147—148; Н. Ханыков, Очерк ученой деятельности за Кавказом в 1850 году, газ. «Кавказ», 1851, № 26; Ад. Берже, Прикаспийский край, «Кавк. календарь на 1857 год», Тифлис, 1856, стр. 318, 328, 336; его же, Князь М. С. Воронцов. «Русская старина», т. VII, 1873, стр. 259—261; Н. К. З. «Военно-Ахтинская дорога и Самурский округ», газ. «Кавказ», 1864, № 1 и 2; Л. З., Поездки г. Беккера по южному Дагестану, «Сб. сведений о кавк. горцах», вып. IX, Тифлис, 1876, стр. 39, 40, 44 и 45; А. Л. Зиссерман Двадцать пять лет на Кавказе, ч. I, СПб., 1879, стр. 302—307; «Акты, собранные Кавказской археографич. комиссией», т. V—XI, Тифлис, 1873—1904; Добровольский-Евдокимов, Из кавказской жизни, «Кавк. сб.», VI, Тифлис, 1882, стр. 723 и 724; Н. А. Волконский, Трехлетие в Дагестане, «Кавк. сб.», т. VII, Тифлис, 1883, стр. 544—558, 609—611; т. IX, 1885, стр. 213, 214, 286—310; А. Юров, 1844-й год на Кавказе, «Кавк. сб.», т. VII, Тифлис, 1883, стр. 212, 213, 336, 337, 341 и 342; его же Три года на Кавказе, «Кавк. сб.», т. IX, Тифлис, 1885, стр. 2, 92—113; R. Egskert, Der Kaukasus und seine Völker, Leipzig, 1888, стр. 238; М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. II, М., 1890, стр. 144, 145, 147, 152, 153 и 164; И. Пантюхов, Антропологические типы Кавказа, Тифлис, 1893, стр. 17; Е. И. Козубский, Памятная книжка Дагестанской области, Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 147, 148, 367—369, 372—381; А. М. Дирр, Современные названия кавказских племен, «Сб. мат. для опис. местн. и племен Кавказа», XL, Тифлис, 1909, стр. 18; его же, Цахурский язык, там же, XLIII, 1913, стр. 218; К. Ф. Ган, Биографил Г. И. Радде, «Коллекции Кавк. музея», т. VI, Тифлис, 1912, стр. 122; А. С. Пиралов, Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, Сб. «Кустарная промышленность России», т. II СПб., 1913, стр. 87; Н. И. Кузнецов, В дебрях Дагестана, «Изв. РГО», т. XLIX, 1913, вып. 1—3, стр. 76—128, 158, 159; «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60 гг. XIX в.», ч. I, М.—Л., 1936, стр. 326; Гасан-Эфенди Алкадари Книга Асари Дагестан, «Сб. мат. для опис. местн. и племен Кавказа», 46, Махач-Кала, 1929, стр. 158; А. Бакиханов, Гулистан-ирам, «Труды Об-ва обслед. и изучения Азербайджана», вып. 4, Баку, 1926, стр. 44; А. Н. Генко, Арабский язык и кавказоведение, «Труды Второй сессии Ассоциации арабистов», М.—Л., 1941, стр. 96—99 и 109; В. А. Крачковская, Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике, Сб. «Эпиграфика Востока», II, М.—Л., 1948, стр. 27, 28 и 38.

²⁶ «Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года по Дагестанской АССР», вып. 1, Махач-Кала, 1927, стр. 136—140.

²⁷ Цифровые показатели, характеризующие современное состояние хозяйства, заимствованы из официальных материалов Рутульского райисполкома.

закреплены за колхозами. В животноводческих фермах проводится метизация скота. Зимние пастбища (кутаны) снабжены отопленными помещениями для скота и благоустроенными общежитиями для чабанов. Зимой овцы получают подкорм. В колхозах выстроены благоустроенные коровники, телятники и конюшни. Самым ответственным периодом в работе животноводов является перегон скота с летних пастбищ на зимние. С 1951 г. рутульцы взамен равнин северного Azerbaijan получили зимние пастбища на севере Дагестана (в Бабаюртовском и Хасавюртовском районах) и в Астраханской области. Длина пути, который преодолевают овцы в одном направлении, около 800 км. На перегон в один конец уходит около двух месяцев.

Рис. 2. Дом колхозника в Рутуле

Прежде перегоны скота были частным делом отдельных хозяев и сопровождались большими потерями от бескормицы, недостатков водопоев, чрезмерного скопления скота на дорогах и вынужденных простоев в пути. В настоящее время перегоны производятся по определенному графику, разработанному в общереспубликанском масштабе, на скотопрогонных дорогах работают ветеринарные пункты, отведены специальные участки для пастбы в пути, автомашины подвозят фураж для подкорма в местах, лишенных растительности, используются автомашины для перевозки ягнят и отставших от стада овец.

Скот, находящийся в личной собственности колхозников, состоит преимущественно тоже из овец и коз (59,8%); за ними следуют крупный рогатый скот (34,5%), лошади (3,7%), ослы и мулы (2%).

В хозяйстве колхозников удельный вес овец и коз ниже, чем в хозяйстве колхозов. Это объясняется тем, что индивидуальное хозяйство колхозников служит личным нуждам колхозников, а колхозное производство является товарным. Такая разница между индивидуальным и коллективным хозяйствами сказывается и на распределении скота между колхозами и колхозниками. В личной собственности колхозников Рутульского района на 1 января 1952 г. находилось 80,3% ослов и мулов, 43% крупного рогатого скота, 31,9% лошадей и 6,8% овец и коз.

С победой колхозного строя значительное развитие получило земледелие. Рутульцы выращивают рожь, пшеницу, просо, полбу (последнюю преимущественно в с. Шиназ), горох, фасоль, картофель, капусту и не-

которые другие овощи. В одном из официальных изданий 1930 г. о Рутульском районе говорилось, что «посевы картофеля здесь совсем незначительны (2,2 га) и никаких других культур кроме зерновых в районе нет»²⁸. К 1949 г. площади под картофелем в районе составляли 138,5 га. Таким образом, развитие огородничества у рутульцев целиком связано с коллективизацией сельского хозяйства. Только после коллективизации стали применяться севообороты и посевы сортовыми семенами. Посевная площадь в районе с 1929 по 1948 г. увеличилась больше чем вдвое. Фактически расширение посевных площадей еще значительнее, так как колхозы в течение лета используют под пашни часть зимних пастбищ. Применение на полях машинной техники крайне затруднено из-за горного рельефа и отсутствия значительных массивов пахотной земли.

С организацией колхозов рутульцы стали заниматься садоводством. В восьми селениях уже выращены значительные колхозные сады.

Улучшение материального благосостояния рутульских крестьян при колхозном строе уменьшило потребность в заработках на стороне. Но это не исключает развития трудовых связей рутульцев с промышленными предприятиями на побережье Каспия, которым рутульские колхозы поставляют временную рабочую силу.

Благодаря улучшению дорог и развитию автотранспорта старая двухколесная арба, а также вьючные животные по существу уже не применяются для дальних перевозок. Там, где проходит арба, проходит и автомашина, поэтому недалеко то время, когда рутульскую арбу можно будет увидеть только в музее. Но вьючные животные — осел и лошадь, потеряв свое бывшее значение на главных коммуникациях края, надолго еще останутся основным транспортным средством на горных тропках.

При советской власти в рутульских селениях появились телефон, телеграф и радио. Развитие средств сообщения и связи намного облегчило рутульцам сношения с Дербентом, Махачкалой и Баку.

В 1926 г. грамотных среди рутульцев было только 4,2%, причем большинство из них умело только механически прочесть суру корана и кое-как расписаться по-арабски. Русскую грамоту в 1926 г. знал только 41 человек и среди них лишь одна женщина²⁹. В настоящее время в рутульских селениях Дагестана работают 15 начальных и средних школ. Многие рутульцы учатся в вузах, техникумах и на различных курсах. Среди учителей 44 рутульца. В с. Рутул построена типография, в которой печатается местная газета «Гызыл чобан» — «Красный чабан», начавшая выходить еще в 1934 г. Почтовая машина через день доставляет рутульцам большое количество республиканских и центральных газет.

В районе создана сеть культурно-просветительных учреждений. В с. Рутул открыты дом культуры со звуковым кинотеатром, районная библиотека и радиоузел, в других селениях — клубы, библиотеки, избы-читальни. При клубах возникли самодеятельные коллективы, в которых наряду с мужчинами участвуют и женщины. Они ставят пьесы на азербайджанском, а иногда также на лезгинском и русском языках. Большой популярностью у населения пользуются самодеятельные концерты, в которых исполняют азербайджанские, реже лезгинские и русские, а иногда и рутульские песни. Среди рутульцев есть свои поэты, которые часто выступают в концертах. Наибольшей популярностью пользуются произведения Хазарчи Гаджиева, который еще в детские годы обратил на себя внимание ботаника проф. Н. И. Кузнецова, путешествовавшего по Дагестану в 1911 г.³⁰

²⁸ «Районированный Дагестан», Махач-Кала, 1930, стр. 47.

²⁹ Там же, стр. 47 и XVI.

³⁰ Н. И. Кузнецов, В дебрях Дагестана, «Изв. РГО», 1913, № 1—3, стр. 114—116, 119—123.

Газета «Гызыл чобан» издается на азербайджанском языке, который в условиях большой лингвистической пестроты в Рутульском районе выполняет роль общего языка. Почти поголовное знание рутульцами азербайджанского языка исключило необходимость создания рутульской письменности³¹. Делопроизводство в сельсоветах и колхозах, так же как и обучение в начальных школах, ведется на азербайджанском языке. Этого языка не понимают лишь немногие пожилые женщины и совсем маленькие дети. Но дети, поступающие в школу, обычно владеют уже минимальным запасом слов, позволяющим составить несложные азербайджанские фразы.

Бытующие в народе песни, как правило, азербайджанские. Песен на рутульском языке очень мало и поют их в редких случаях. Но некоторые азербайджанские песни поются с припевом на рутульском языке.

Между собой дома и на работе рутульцы говорят только на родном языке. На своем языке говорят и ученики-рутульцы во время перемен. На родном языке обращаются к ним в это время и учителя-рутульцы.

Представленные в районе языки настолько разнятся друг от друга, что взаимное понимание между людьми, не знающими общего языка, абсолютно невозможно. Население, чтобы общаться друг с другом и с жителями соседних районов, вынуждено знать, по меньшей мере, два языка. Среди рутульцев нередко встречаются знающие три-четыре и более языков. Но степень знания и употребления рутульцами разных языков не одинакова.

По распространенности на первом месте после родного стоит азербайджанский язык, как результат старинных экономических связей рутульцев с Азербайджаном. Второе место по степени распространения принадлежит русскому языку. Им владеет почти вся учащаяся молодежь, примерно половина взрослого мужского населения и небольшая часть стариков. Число рутульцев, знающих русский язык, с каждым годом возрастает. Можно утверждать, что ни один из языков в Рутульском районе не распространяется так быстро, как русский. В настоящее время на русском языке ведется преподавание в школах, начиная с 5-го класса. Русский язык применяется для делопроизводства в райисполкоме, райкоме и других учреждениях районного масштаба. Некоторые сельсоветы (работники которых знают русский лучше азербайджанского) также пользуются в делопроизводстве русским языком. На русском же языке демонстрируются кинофильмы. Наибольшим спросом в библиотеках пользуются русские книги, которыми они главным образом и укомплектованы. Так, среди 5000 книг, составляющих фонд Рутульской районной библиотеки, лишь несколько на азербайджанском языке и всего одна на лезгинском языке. В библиотеке избы-читальни с. Шиназ из 1000 книг только 30 на азербайджанском языке и 15 на лезгинском. Остальные книги русские. Местное население все чаще стало пользоваться русским языком для общения не только с приезжими, не знающими азербайджанского, но и с соседними народами, среди которых также заметна большая тяга к овладению русским языком.

На третьем месте по распространению стоит лезгинский язык, который знают от 5 до 10% населения. В Рутуле знающих лезгинский язык около 15%. Необходимо заметить, что среди лезгин, как и среди азербайджанцев, очень немногие знают рутульский язык. Это только те, кто долго прожил в Рутуле.

Языки других соседних народов среди рутульцев распространены незначительно. Так, в крайних западных селениях отмечается знание цахурского языка, причем в с. Лучек им владеет всего несколько человек, а в с. Кина, соседнем с цахурской территорией, по уверению местных жителей, цахурский язык знает половина населения.

³¹ ЦГА МВД Даг. АССР, ф. 37-р, оп. 1, д. 170.

В с. Ихрек около 30% населения владеет грузинским языком. По словам местных работников, из этого села многие постоянно ходили на заработки в Грузию. В некоторых селениях (Шиназ, Ихрек) очень немногие знают лакский язык. Некоторым старикам в той или иной степени знаком арабский язык, так как в свое время они проходили курс обучения в мусульманских школах.

Рис. 3. Больничный городок в Рутуле, построенный колхозниками

Для развития культуры рутульцев, не имеющих своей письменности, вопрос о языках имеет большое значение. В настоящее время основную роль в культурном строительстве играют азербайджанский, русский и до некоторой степени лезгинский языки. Тенденции к дальнейшему распространению лезгинского языка не обнаруживается, поэтому нет оснований ожидать, что его значение может повыситься в дальнейшем.

Экономические причины, обусловившие распространение азербайджанского языка среди рутульцев, в настоящее время почти исчезли. Коллективизация сельского хозяйства подорвала основу отходничества, кооперативная и государственная торговля сократили потребность населения в нухинском базаре, с 1951 г. рутульцы перестали пользоваться и зимними пастбищами в Азербайджане. Распространение азербайджанского языка поддерживается главным образом начальной школой.

Обнаружившееся за годы советской власти быстрое распространение русского языка представляет собой вполне закономерное явление. Усилившаяся тяга к овладению русским языком показывает стремление рутульцев приобщиться к высоким достижениям советской культуры.

Так выглядит прошлое и настоящее рутульцев. История забросила их в один из наиболее удаленных уголков нагорного Дагестана. Партия и советская власть помогли им преодолеть вековую отсталость, перестроить хозяйство на социалистический лад, поднять свой культурный уровень и вместе с другими народами Советского Союза стать активными строителями коммунизма.

Г. Е. МАРКОВ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТУРКМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХОРЕЗМСКОГО ОАЗИСА

Туркмены составляют основное население Туркменской Советской Социалистической республики. Значительное число туркмен расселено в Хорезмском оазисе.

В настоящее время Хорезмский оазис состоит в административном отношении из четырех частей: Хорезмской области УзССР с областным центром Ново-Ургенч, Ташаузской области ТССР с областным центром г. Ташауз, Дарган-Атинского района ТССР, районный центр Дарган-Ата, и Кара-Калпакской АССР. Туркменское население Хорезмского оазиса на левом берегу Аму-Дарьи составляло в 1926 г. 77 928 человек. В Дарган-Атинском районе Чарджоуской области, по сведениям, относящимся к 1925 г., было около полутора тысяч туркмен. Несомненно, что теперь там число туркмен значительно увеличилось. На правобережной части Хорезмского оазиса число туркмен достигало к 1926 г. несколько менее 10 000. В Хорезмской области УзССР число туркмен незначительно.

При работе над различными вопросами истории и этнографии туркмен приходится сталкиваться с рядом трудностей. Прежде всего, до сих пор еще не написана история туркменского народа. По многим разделам материал очень скуден, а иногда источники совсем отсутствуют.

Говоря о формировании туркменского населения, мы должны прежде всего, хотя бы схематично, наметить основные исторические этапы и события в жизни хорезмских туркмен.

Литературные данные почти ничего не дают для нашей темы. Статья в основном построена на трех видах источников: хивинских хрониках Муниса и Агехи, архивных материалах (архивы ТССР и Кара-Калпакской АССР) и, наконец, на сведениях, собранных нами от туркмен-стариков во время экспедиций в Хорезм в 1948, 1949 и 1950 гг. В опубликованных работах по туркменам хивинские хроники использованы очень мало. Архивные материалы, приводимые в статье, публикуются впервые.

На протяжении многовековой истории Хорезмского оазиса разные племена туркмен появлялись в оазисе, на более или менее длительный срок там задерживались и опять уходили. Арабские источники говорят о столкновениях населения Хорезма с туркменами еще в XI в¹. Относительно XII в. есть уже прямое упоминание о пребывании туркмен в Хорезме². Но только в XVIII—XIX вв. туркмены стали его постоянными жителями.

Проследить судьбу всех туркменских племен, бывших временными обитателями Хорезмского оазиса и принимавших участие в жизни его

¹ Бейхаки, см. работу В. Бартольда «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии», «Среднеаз. вестник», 1896, стр. 315—316.

² А. Ю. Якубовский, Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 51.

народов, очень трудно, тем более, что многие из этих племен и не имеют прямого отношения к современному населению оазиса. Другое дело — те крупные племена, из которых оно сформировалось. С большей или меньшей точностью можно проследить их приход в Хивинское ханство, расселение и историю. Вместе с тем несомненно, что существенную роль в формировании населения Хорезмского оазиса сыграли и упоминавшиеся выше племена туркмен, не ставшие постоянными жителями Хорезмского оазиса. Их отдельные подразделения могли задерживаться в оазисе и вливаться в состав формирующегося туркменского населения.

Передвижения крупных туркменских племен на территорию Хивинского ханства происходили преимущественно до 1873 г. После прихода русских расселение туркмен в оазисе становится более устойчивым — передвижения обычно уже не выходили за пределы Хивинского ханства.

Туркмены, заселившие часть Хивинского ханства, состояли из нескольких племен. Это были: иомуты отдела³ Байрам-Шали, чоудоры, гоклены, имрели, карадашлы (язир), ата и арбачи. В свою очередь эти племена распадалась на более мелкие части, так называемые «роды», по-туркменски «тире».

До переселения в Хорезмский оазис эти племена обитали на обширной территории побережья Каспийского моря, в частности на полуострове Мангышлак, в Балханских горах и, наконец, в бассейнах рек Гюргена и Атрека.

Хивинский историк XVII в. Абульгази⁴ дает подробный список туркменских племен Хивинского ханства. Самые крупные группы теперешних хорезмских туркмен, такие, как иомуты и другие, в этот список не включены. О них есть только беглые упоминания. Очевидно, они были в это время еще на своих старых местах расселения и не находились в непосредственном контакте с Хивинским ханством. Крупные туркменские племена, заселившие Хорезмский оазис, не были едины по своему происхождению и пришли из разных мест. Чоудоры входили в XVI—XVII вв. в качестве руководящей силы в чоудорский племенной союз и жили на севере полуострова Мангышлака. Другие племена заселяли южную часть Мангышлака. Крупнейшее племя Хивинского ханства — иомуты и другие более мелкие племена, например ата, пришли из района Балханских гор, где они входили в группу так называемых «яка-туркмен» (или пограничных туркмен). С конца XVII и в течение XVIII в. эти племена постепенно приближались к границам Хивинского ханства, а в XIX в. стали его постоянными жителями. Постепенно они начинали оказывать все более значительное влияние на судьбу Хивинского ханства, оттесняя на задний план те туркменские племена, которые еще в XVII в. играли главную роль и о которых писал в основном Абульгази. Занятиями туркмен до начала движения в земледельческие оазисы были скотоводство и земледелие, причем в разных районах и в разные времена преобладал то один, то другой вид хозяйства. Туркмены занимались земледелием на плодородных землях в бассейнах рек Гюргена и Атрека. Установлено наличие примитивного земледелия у туркмен в районе Куня-Дарьи, начиная со средних веков и вплоть до XX в.⁵

Однако к началу XVIII в. у большинства туркменских племен преобладало скотоводство, земледелие стояло на втором месте. Туркмены вели, как правило, полукочевую жизнь.

Нехватку в продовольствии туркмены обычно восполняли путем набегов («аламанов») на своих оседлых соседей. Предметами грабежа становились в первую очередь хлеб, скот. Широко распространены были

³ «Отдел» — крупное подразделение племени.

⁴ Абуль-гази-бохадур-хан, Родословная туркмен, Асхабад, 1897.

⁵ С. П. Толстов, Археологические разведки по трассе ГТК, «Краткие сообщения Института этнографии». XIV. 1952, стр. 10.

захват пленных и продажа их в рабство. Рабов туркмены продавали на рынках Хивы и Бухары и взамен покупали хлеб.

В своем собственном хозяйстве, в связи со слабым развитием экономики, рабский труд применялся туркменами ограниченно.

Чаще всего туркменским набегам подвергались пограничные территории Ирана.

После завоевания Средней Азии узбеками в XVI в. условия жизни туркмен изменились в худшую сторону. Они часто теряли самостоятельность. Узбекские ханы стремились использовать их в своих интересах как военную силу.

В силу своей разобщенности и экономической слабости туркмены и до узбекского завоевания не смогли создать устойчивых государственных объединений, а после завоевания они начинают постепенно входить в сферу влияния то одного, то другого государства. Туркмены не чувствовали себя хозяевами положения даже в своих собственных районах. Грабительские набеги — аламань в XVIII в., с усилением Ирана и среднеазиатских ханств, становятся возможными лишь при покровительстве одного из этих государств, за что туркменам приходилось отдавать часть добычи: «...туркмены занимаются грабежами и захватом невольников и обязаны представлять хивинскому хану $\frac{1}{5}$ часть добычи (рабов, наложниц, лошадей, верблюдов, детей)»⁶.

Феодалы владели среднеазиатских ханств постоянно находились между собой во вражде и стремились привлечь на свою сторону туркмен как лучшую боевую силу при набегах и как защитников границ от вторжений противников. Хивинские ханы, нуждаясь в туркменах в военное время и предоставляя им на это время различные льготы, в мирное время свобододолюбивых туркмен начинали притеснять, принуждая к безоговорочной покорности и к несению повинностей. На притеснения туркмены отвечали восстаниями, рано или поздно подавлявшимися с большой жестокостью. Разобщенность туркменских племен сильно сказывалась на их борьбе с узбекскими феодалами за свою независимость.

Начиная с XVII и начала XVIII в., раздвигается широкое передвижение крупных масс туркменских племен в земледельческие оазисы, в том числе и в Хорезмский оазис.

О причинах, вызвавших переселение, будет говориться ниже, после того, как мы проследим, как одно за другим в Хорезм переселялись туркменские племена и оседали там на землю. Главной целью туркмен было овладение орошаемой землей.

Наиболее интенсивно процесс заселения туркменами Хивинского ханства происходил в первой половине XIX в.

Материалы по истории и этнографии туркмен этого периода богаче, чем по предшествующим векам. Некоторые сведения дают русские и иностранные путешественники и послы, посещавшие Среднюю Азию. Самые ценные сведения дают русские источники.

Н. Н. Муравьев⁷, посетивший Хивинское ханство в 1819—1820 гг., полковник Г. И. Данилевский⁸, бывший там в 1842 г., и ряд других оставили после себя интересные описания. Но сведения этих авторов все же не могут дать полной картины истории туркмен в XIX в.

Основной исторический материал дают хивинские хроники «Фирдаус-уль-Икбаль» Муниса и хроники Агехи, до сих пор еще недостаточно использованные, а также некоторые иранские источники.

⁶ Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 269.

⁷ Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах..., М., 1822, ч. 1 и 2.

⁸ Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства, «Записки РГО», кн. V, М., 1851.

При последовательности изложения переселений племен нами принимается во внимание не только хронологический порядок. В первую очередь мы говорим о самых крупных племенах.

О крупнейшем подразделении хорезмских туркмен, племени иомутов, первое упоминание встречается у хивинского историка XVII в. ханá Абульгази⁹. Но сведения эти отрывочны, Абульгази не включает иомутов в традиционную генеалогию туркмен, говоря о них особо. Из этого можно сделать заключение, что в XVII в. иомуты не имели большого значения в хивинских делах и не были постоянными жителями Хорезма.

Но уже в начале XVIII в. хивинские хроники, говоря о туркменах, чаще всего упоминают племя иомутов как одно из самых сильных и воинственных. По сообщению хивинского историка Муниса, иомуты впервые появляются в пределах Хивинского ханства и поступают на службу при Ширгази-хане (1715—1728)¹⁰. Там же сообщается, что до этого иомуты отдела Байрам-Шали¹¹ населяли бассейны рек Гюргена и Атрека и район Балханских гор¹².

В борьбе среднеазиатских ханств с Надир-шахом туркмены, выступавшие против иноземного завоевателя на стороне Хивы, были разбиты и были вынуждены бежать из Хорезма и искать спасения в труднодоступных местах Балханских гор. Когда Надир-шах оставил Среднюю Азию, иомуты вернулись в Хорезм. Вплоть до третьей четверти XVIII в. шла их борьба против попыток хивинских феодалов навязать им свое господство после того, как они вернулись в оазис.

В 1760—1770-х годах произошло крупное восстание иомутов, поддержанное сначала некоторыми другими туркменскими племенами и едва не приведшее к свержению власти узбекских ханов. Но иомуты скоро лишились поддержки других племен, так как претендовали на господство над всеми туркменами.

Мы не имеем, впрочем, возможности подробно останавливаться на этих событиях.

В результате длительной борьбы хану Мухаммед-Эмину удалось в 1770 г. нанести иомутам решительное поражение. После обычного в таких случаях избиения и ограбления части племени Мухаммед-Эмин, нуждаясь в туркменском войске, заключил с туркменами временный мир и выделил им земли в ханстве, около Хивы, в местности Муз-Кумган и Ак-Сарай¹³. По сообщению Муниса, племя иомутов состояло из 7 или 8 тысяч кибиток и подразделялось на четыре рода («уруг»): Салак, Орус-Кошчи (Орсукчи), Окуз и Ушак¹⁴. Но уже при хане Ильтузере (1804—1806) иомуты приходят в столкновение с ханской властью. Они нападают на текинцев Ахала, бывших в то время подданными Хивы, за что подвергаются со стороны ханских войск разгрому. Столкновение между иомутами и текинцами имело, повидимому, место потому, что последние в то время поддерживали хивинского хана против иомутов; с которыми они издавна находились во вражде. Против иомутов поднялось и оседлое население ханства, вынужденное к тому частыми грабительскими нападениями туркмен¹⁵. Иомутам пришлось спешно откочевать из пределов ханства на Гюрген и Атрек, где их недружелюбно встретили местные туркменские племена иомутов, гоклен и другие. После смерти Ильтузер-хана иомуты с разрешения нового хана Мухаммед-Рахима I

⁹ Абуль-гази-бохадур-хан, Указ. соч.

¹⁰ Мунис, Фирдаус-уль-Икбаль, «Материалы по истории туркмен и Туркмении», ч. II, М.-Л., стр. 359.

¹¹ Второй отдел племени иомутов Кара-Чока расселен по берегу Каспийского моря.

¹² Мунис, Указ. соч., стр. 359.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 360.

(1806—1825), в своей политике часто опиравшегося на туркмен, поселяются в Хивинском ханстве на своих старых землях в районе Муз-Кумгана. Иомуты становятся с этого времени официальными подданными Хивы¹⁶. Несколько позднее иомуты получили земли в пределах нынешней Ташаузской области, т. е. там, где они расселены и теперь.

Десятилетия, протекавшие со времени окончательного оседания иомутов в Хорезме, вплоть до прихода русских в 1873 г., были ознаменованы грозными восстаниями туркмен против узбекских феодалов. Кровавая борьба шла почти непрерывно. В 1850-х и 1860-х годах вновь вспыхивают под руководством иомутов восстания. Под ударами туркмен трещит по швам Хивинское ханство. Но из-за своей разобщенности туркмены каждый раз подвергались разгрому.

Несмотря на все эти события, картина расселения иомутов мало изменялась, и они оставались на своих старых местах расселения в районе нынешнего Ташауза.

Туркменское племя имрели, расселенное и поныне в Хорезмском оазисе, в XVIII в. жило в Хорасане. В конце XVIII в. оно было вытеснено с своей территории более сильным племенем текинцев¹⁷. Не имея сил сопротивляться текинцам, имрели в первые годы XIX в. перекочевали в Хорезм, где им были выделены земли недалеко от иомутов, по арыку Аман-Кули в округе Ходжа-Эли (Ходжейли).

Но имрели не захотели безоговорочно подчиняться распоряжениям хивинских властей. Предводители племени были согласны ради своей выгоды идти на сговор с правительством ханства за счет рядовых членов своего племени. Но при этом они не хотели уступать своей власти над соплеменниками. Когда хивинские власти стали принимать меры к полному подчинению туркмен, имрели начали волноваться. Недовольство массы туркмен притеснениями совпало с опасениями предводителей потерять безраздельную власть над своим племенем. Вместе с иомутами имрели выступили против ханской власти.

Воспользовавшись тем предлогом, что имрели ограбили караван бухарских купцов, ханские войска разгромили конницу имрели и razорили мирное население¹⁸. Но в цели хана отнюдь не входило изгнание туркмен, а только их подчинение. Туркмены же со своей стороны не хотели бросать поливных земель. Ильтузер-хан «простил» племя имрели во главе с предводителем Гельды-ханом. Однако, чтобы лучше прибрать племя к рукам, его переводят поближе к столице, в старые места расселения иомутов: Ак-Сарай и Муз-Кумган. Когда же в 1806 г. иомуты вернулись в ханство и поселились на старых местах, имрели были переведены в местность Янги-Арык в 18 км от Хивы¹⁹. Как и иомуты, имрели к середине XIX в. получили новые земли на территории современной Ташаузской области.

Одно из первых упоминаний хивинской хроники относительно племени чоудор относится к 1808 г.²⁰. В это время чоудоры были расселены вдоль северо-западной границы Хивинского ханства, где вели полуседлую жизнь, занимаясь скотоводством, рыболовством и земледелием. В борьбе между ханством и Аральским владением²¹ чоудоры стояли на стороне последнего и поэтому неоднократно подвергались нападениям ханских войск. Во время боевых действий чоудоры находили спасение в крепостях Аральского владения. Ханские войска, не располагая достаточными сила-

¹⁶ Там же, стр. 362.

¹⁷ Там же, стр. 355.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 358.

²⁰ Там же, стр. 373.

²¹ Аральское владение окончательно потеряло свою самостоятельность в 1811 г. (См. «История народов Узбекистана», II, 1937, стр. 174).

ми для штурма этих укреплений, ограничивались уничтожением туркменских поселений и посевов. По сообщению хивинской хроники, к 1810 г. хозяйству чоудор был нанесен такой урон, что они были вынуждены откочевать в другие места. Часть чоудор вернулась на Мангышлак, где, по словам Муниса, была их первоначальная родина²². Другая часть чоудор — подразделение Хасан-Эли — обратилась к хану с просьбой о мире. После заключения мира в 1810 г. многие чоудоры переселились в Хиву на предоставленные им поливные земли.

Н. Веселовский сообщает, что Мухаммед-Рахим-хан подарками и обещаниями подчинил себе подразделение чоудор Эссен-Или в числе восьми тысяч человек, кочевавшее на Мангышлаке. Это племя обязалось не препятствовать торговле между хивинскими и астраханскими купцами на Мангышлакском мысу. Основной причиной, заставившей чоудор подчиниться Хиве, была зависимость туркмен от Хорезмского оазиса в сельскохозяйственных продуктах и прежде всего в хлебе²³. Он же сообщает, что многие семейства чоудор переселились в ханство, где им выделялись поливные земли²⁴.

На годы правления Алла-Кули-хана (1826—1841) падает переселение из северного Хорасана в Хорезмский оазис туркменского племени али-эли. Совершая в 1826 г. военный поход в Персию, хан принял под свое покровительство туркмен али-эли, недовольных притеснениями иранских властей²⁵. Но когда ханские власти начали обращаться с али-эли, как с покоренным племенем, они возмутились. В конце похода Алла-Кули-хана али-эли напали на ослабленное чумой хивинское войско и нанесли ему поражение. В 1830 г. хан выслал против али-эли карательную экспедицию. Племя заперлось в укреплении Баверд (Абиверд). При помощи осадных машин хивинские войска взяли крепость. Земли племени были переданы текинцам, а сами али-эли были переселены в Хорезмский оазис, на низовья арыка Клыч-Нияз-бай²⁶.

К началу XIX в. относится известие хивинской хроники о переселении в Хиву племен гоклен и карадашлы, живших до этого на берегах рек Гюргена и Атрека²⁷. Гоклены заходили в Хорезмский оазис и раньше, но массовое переселение их падает только на вторую четверть XIX в.

В 1836 г. иранский шах Мухаммед выступил в карательный поход против гоклен, обитавших в районе Кары-Калы. Опасаясь репрессий со стороны персов, гоклены перекочевали в предгорья Ахала в Кызылрабат²⁸. Алла-Кули-хан решил использовать это обстоятельство и предложил гокленам уйти с берегов Гюргена и переселиться в пределы Хивинского ханства. Гоклены согласились на это.

Часть племени гоклен, род Кайы, во главе с предводителем Яхши-Мергеном хан оставил в пограничной крепости для защиты границ Хорезма, остальные туркмены-гоклены были поселены в районе Куня-Ургенча²⁹. В 1847 г. Мухаммед-Эмин-хан переселил окончательно всех гоклен в район Куня-Ургенча³⁰. Но к настоящему времени в Хорезме осталось немного гоклен: в ходе туркменских восстаний 50-х и 60-х годов большая часть их переселилась в Иран.

Во времени правления Мухаммед-Эмин-хана (Мейдамин, 1845—1855)

²² Му н и с, Указ. соч., стр. 378.

²³ Н. Веселовский, Указ. соч., стр. 276.

²⁴ Там же, стр. 277.

²⁵ А г е х и, «Рияз-уд-довле», «Материалы по истории туркмен и Туркмении», ч. II, М.-Л., стр. 449—450.

²⁶ Там же, стр. 457.

²⁷ Му н и с, Указ. соч., стр. 393.

²⁸ А г е х и, Указ. соч., стр. 466—470.

²⁹ Там же, стр. 466—470.

³⁰ Там же, стр. 511.

относится переселение двух туркменских племен в право- и левобережные части ханства: ата и арбачи³¹.

Многие старики-атинцы рассказывали, что их племя до расселения на территории нынешнего Дарган-Атинского района ТССР и юга Кара-Калпакской АССР обитало в районе Балханских гор.

К переселению на новые места атинцев вынудили притеснения со стороны сильных племен: иомутов и текинцев³². О Балханах как месте первоначального расселения атинцев говорят, как хивинские хроники³³, так и капитан Н. Н. Муравьев, который посетил Хиву в годы правления Мухаммед-Рахим-хана, еще до переселения атинцев в Хорезм. Н. Н. Муравьев так описывает в своей книге кочевья атинцев, разбросанные в районе хребта Сары-Баба, между колодцами Туер, Дели и Тонга: «На западе от хивинских владений находятся также бесплодные места, простирающиеся до Каспийского моря, на расстоянии близ 200 верст. На берегу моря живут в сей стороне туркмены поколений иомут и ата»³⁴. Кочевья ата были разбросаны на большом расстоянии, и Н. Н. Муравьев и дальше по дороге в Хиву встречал их поселения: «...Спустившись с горы Сары-Баба,— пишет Н. Н. Муравьев,— мы приблизились к колодцу Туер, от него недалеко небольшое кочевое поколение ата — народ сей не силен и часто обижаемый своими соседями прибегает к покровительству хивинского хана, ата редко дерзают разбойничать, потому что сильно рассеяны...»³⁵ И далее: «...Вечер мы прибыли к колодцу Дели... кочевья их (ата.— Г. М.) расположены около колодцев, находящихся наравне с Дели, но ближе к морю... около колодца Тонга, в кочевье Ак-Куй... живут ата (90 верст от Дели)»³⁶. Тот же автор сообщает о начале переселения атинцев в Хивинское ханство: «Под политическим влиянием Хивы состоит небольшое туркменское поколение ата, кочующее недалеко, близ Каспийского моря, слабое поколение сие прибегло к покровительству хана с тех пор, как оно было вытеснено иомутами из окрестностей Балханских гор»³⁷.

Относительно небольшого туркменского племени арбачи наши сведения ограничиваются лишь сообщениями стариков-информаторов, записанные нами в Шаббазском районе Кара-Калпакской АССР, где ныне расселено большинство арбачи. По этим сведениям предки туркмен — арбачи прибыли в Хивинское ханство при Мейдамин-хане с Мангышлака, где было их прежнее место расселения. Так как арбачи в своей устной традиции считают себя подразделением крупного племени чоудор, пришедшего в Хорезм с Мангышлака, и так как в материальной культуре чоудоров и арбачи есть значительное сходство, можно считать, что наши сведения о первоначальном расселении арбачи верны.

Связи арбачи с Хорезмом прослеживаются, начиная еще с XVIII в.: арбачи приводятся наряду с другими туркменскими племенами в списке уплачивающих дань Хивинскому ханству³⁸. Данные информаторов о том, что арбачи расселились в Хорезме не ранее правления Мухаммед-Эмин-хана, подтверждаются свидетельством Г. И. Данилевского, посетившего Хиву в 1842 г., который пишет, что арбачи кочуют где-то далеко на юге, по соседству с текинцами и эрсари³⁹. Очевидно, с Мангышлака они к этому времени уже ушли.

³¹ Сведения получены автором от стариков-информаторов атинцев и арбачи во время экспедиций в Хорезм в 1948—1950 гг.

³² Сведения получены автором от стариков-информаторов туркмен во время экспедиции в Хорезм в 1949 г.

³³ Агехи, «Фирдаус-уль-Икбаль», стр. 394.

³⁴ Н. Муравьев, Указ. соч., ч. 2, стр. 7.

³⁵ Там же, ч. 1, стр. 68—69.

³⁶ Там же, стр. 156, 159.

³⁷ Там же, ч. 2, стр. 7.

³⁸ Мунис, Указ. соч., стр. 324.

³⁹ Г. И. Данилевский, Указ. соч., стр. 34.

* * *

Расселение туркмен в Хорезмском оазисе, сложившееся в ходе оседания ряда туркменских племен в пределах Хивинского ханства, начиная с XVII, XVIII и до середины XIX в., весьма сходно с окончательной картиной их расселения, такой, какой мы застаем ее в настоящее время. За небольшим исключением, как, например, откочевка большинства гоклен из Хивы в 50-е и 60-е годы прошлого века, о чем говорилось выше, состав туркмен Хорезмского оазиса был схож с современным. Уже тогда, в общем и целом, наметились основные места расселения туркмен внутри оазиса.

Таким образом, к середине XIX в. в общем завершается длительный процесс заселения Хорезмского оазиса туркменами и последние становятся постоянными жителями Хивинского ханства.

Следует указать на особенности расселения туркмен в оазисе: хивинское правительство выделяло туркменам земли исключительно на хвостовых частях каналов. Это обстоятельство позволяло хивинскому правительству держать туркменское население в экономической и политически зависимости путем регулирования подачи воды. Прекращением подачи воды хивинские ханы пользовались при подавлении туркменских восстаний, о которых говорилось выше. Экономические трудности для основной массы туркмен в оазисе состояли в недостатке воды для орошения.

Если туркмены и до окончательного их переселения в Хорезм играли важную роль в жизни Хивинского ханства, то, став значительной частью населения оазиса, туркмены начали, естественно, оказывать еще большее влияние на судьбу Хивы. Но межродовая и межплеменная рознь не давала объединяться сильным и воинственным туркменам против своих угнетателей. Кроме того, туркменские предводители нередко предавали насущные интересы своего народа. За это ханы награждали их землями, чинами и т. д. Межродовая и межплеменная вражда туркмен поддерживалась правящей верхушкой ханства, одно племя натравливалось на другое. Только применяя такую политику, а также держа туркмен под постоянным страхом прекращения доступа воды, ханам удавалось в течение долгого времени удерживать в какой-то степени власть над туркменами. Но волнения туркмен не прекращались и в начале XX в. вылились в новые восстания.

Чем же можно объяснить передвижение туркменских племен в земельные оазисы, происходившее на протяжении более чем ста лет и приведшее к тому, что туркмены стали постоянными обитателями Хивинского ханства и других оазисов?

Исторические свидетельства не дают прямого ответа на этот вопрос. Кое-что дают этнографические данные. Так, племя арбахи было вынуждено уходить со старых, насиженных мест под натиском более крупных и сильных племен⁴⁰. В атинских преданиях говорится, что им пришлось перекочевать на новые места в Хорезм потому, что их грабили текинцы и в особенности иомуты⁴¹. То же самое можно сказать и о ряде других племен. Но все это не дает ответа на основной вопрос: чем же было вызвано общее передвижение туркмен в северный Хорасан, Хорезм, современную южную Туркмению? Чтобы ответить на этот вопрос, надо принять во внимание целый ряд проблем, связанных с социально-экономическим и политическим положением как туркмен, так и окружавших туркмен соседних государств — Ирана, Хивы, Бухары.

Экономическое положение туркмен до их поселения в ханстве не было

⁴⁰ Отчет автора об этнографической экспедиции в Хорезм в 1949 г.; полевая запись № 2 (находится на кафедре этнографии МГУ).

⁴¹ Отчет автора за 1950 г.; полевая запись № 18, 23 и др. (архив Института этнографии АН СССР).

легким, о чем свидетельствуют прежде всего русские путешественники, а также иранские и хивинские источники.

Скотоводство туркмен было ограничено узостью кормовой базы (в туркменских степях условия для скотоводства значительно менее благоприятные, чем хотя бы в казахских степях). Малопродуктивное скотоводство давало недостаточно продуктов, годных для обмена на хлеб. Немного давало хлеба полуседлым туркменам и земледелие из-за недостатка в поливных землях. Туркмены, сидевшие по берегам рек Гюргена и Атрека, также испытывали недостаток в земле. Экономическое положение туркмен все время ухудшалось из-за постоянных военных столкновений как с соседними государствами, так и в междоусобной борьбе. Во время военных действий разрушалась ирригационная система, приходили в негодность колодцы и сокращалось поголовье скота.

Набеги и работорговля на рынках Хивы и Бухары могли только частично восполнить нехватку сельскохозяйственных продуктов.

Туркмены, населявшие Прикаспий и Узбой и в особенности районы, связанные с Дарьялыком и Сарыкамышской котловиной, стали испытывать затруднения с водой с XVI в. Расширение ирригационной сети после узбекского завоевания ухудшило водоснабжение как туркмен-скотоводов, так и полуседлых земледельцев-туркмен, что было связано с тем, что в Аму-Дарье не стало больше излишков воды, которые могли бы поступать в виде сбросов в Дарьялык и далее Сарыкамыш⁴².

Вместе с тем, расширение оросительной системы привело в Хивинском ханстве к созданию новых, годных к земледелию массивов, к которым потянулись туркмены. Самые значительные переселения туркмен хронологически как раз совпадают с периодами усиления ханства и наибольшего размаха ирригационных работ, что падает прежде всего на начало XIX в.

Не менее важной причиной движения туркмен в земледельческие оазисы было растущее имущественное расслоение в результате возросшего обмена и военных столкновений. Бедняки лишались скота и были вынуждены искать себе новых мест и занятий, которые они и находили в земледельческих оазисах. Туркменским предводителям хивинские власти выделяли лучшие земли и предоставляли выгодные должности.

Экономически и политически более слабые племена скорее оседали на землю. Более сильные туркменские племена и главным образом их предводители, сохранившие стада, заставляли работать на своих землях бедняков, а сами еще долго вели традиционную полукочевую жизнь.

Но объяснить такое широкое и длительное движение туркмен в земледельческие оазисы только внутренними и природными причинами нам представляется невозможным.

Сильнейшее влияние на процессы переселения туркмен имели внешнеполитические причины в связи с изменениями, происшедшими в экономическом и политическом положении ближних и дальних соседей туркмен.

В течение XVIII — середины XIX в. произошли изменения в расселении по существу почти всех туркменских племен. Разрозненные и зачастую враждебные друг другу туркменские племена, разбросанные на значительных расстояниях, были страшны для слабого и неорганизованного противника. Не напрасно поэтому в XVII да и в XVIII в. самым страшным словом для оседлых земледельцев было слово «туркмен».

Но с усилением государственной власти в Иране, Хиве, Бухаре (в Иране со времени Надир-шаха, в Средней Азии — с начала XIX в.) туркмены начинают встречать все больший отпор своим набегам. Иногда даже роли меняются, и объектами нападения становятся туркмены. Соседи туркмен вовсе не хотели мириться с самостоятельностью и набегами последних. Если Ирану еще долгое время и не удастся окон-

⁴² С. П. Толстов, Указ. соч., стр. 10.

чительно прекратить туркменские аламань, то они становятся очень затруднительными и опасными и часто кончались страшными для туркмен карательными экспедициями. Мы показали выше (см. стр. 43), что туркменам приходилось проводить аламань под покровительством опять-таки какого-либо из государств.

К XVIII в. внешнеполитическое положение туркмен резко ухудшилось, и, так как они не имели собственного государства, им становилось очень трудно сохранить свою самостоятельность. Созданию же государства мешала экономическая отсталость туркмен и межплеменная рознь, поощряемая их соседями.

С ростом обмена соседние с туркменами государства приобретали возможность экономического воздействия на них, закрывая или открывая туркменам доступ на рынки.

В XVIII в. Иран, Хива и Бухара переходят в наступление против туркмен, теснят их в их собственных районах, разоряя и без того нищенское хозяйство туркмен. Характерно, что передвижение туркмен в земледельческие оазисы совпадает и в этом отношении с периодами наибольшей экспансии среднеазиатских ханств и Ирана.

Не имея достаточно сил, чтобы дать отпор противнику, начиная с XVIII в., большинство племен туркмен вынуждено искать покровительства у того или иного соседнего государства, которое защищало бы их от сильных врагов и дало бы им поливную землю. Так поступили перчисленные выше племена, составившие туркменское население Хорезмского оазиса. Эрсари еще раньше переселились в Бухару. Неоднократно в зависимости от Хивы в XVIII и XIX вв. оказывались текинцы. Часть иомутов, гоклены и другие племена перешли под покровительство Ирана. За предоставляемую землю туркмены расплачивались военной службой.

Некоторые туркменские племена, например текинцы, ищут спасения в том, что стремятся подальше уйти от границ феодальных государств и переселяются в Ахальский оазис. Но и здесь в конце концов они теряют самостоятельность.

Таким образом, возвращаясь непосредственно к нашей теме, можно сделать вывод, что теснимые со всех сторон, не располагая достаточными ресурсами продовольствия и воды, не будучи в силу своей экономической и социально-политической отсталости в состоянии создать достаточно прочное объединение, чтобы противостоять врагам, часть туркмен с конца XVIII в. была вынуждена оставлять свои старые места, переходить в подчинение Хивы и селиться на территории Хивинского ханства, где им предоставлялись поливные земли. За землю они, как указывалось, расплачивались службой в ханском войске.

Но свободолюбивых, не привыкших к подчинению туркмен было значительно легче переселить в ханство, чем заставить подчиниться ханским властям. Об упорном сопротивлении туркмен и постоянных восстаниях говорилось коротко выше.

Несмотря на ожесточенную борьбу с узбекскими феодалами, которые часто разоряли туркмен, последние цепко держались за свои земли.

Говоря об оседании туркмен на землю, нельзя не остановиться на объективной прогрессивности для них прихода русских в Среднюю Азию. В отличие от Ирана и среднеазиатских ханств, русское правительство не разжигало межплеменной борьбы и не использовало туркмен для набегов. Русские власти вели борьбу с аламань туркмен, причем не для придания аламань иного направления, как это делали Иран, Хива и Бухара, а с целью их искоренения.

После 1873 г. в Хорезмском оазисе окончательно сформировались туркменские районы. И хотя часть туркмен, в основном иомуты, еще не совсем осели на землю, но и они в своих перекочевках не выходили за границы нынешней Ташаузской области. Оседание иомутов произошло гораздо позже — этот процесс падает на годы начала коллективизации

Большинство более мелких племен, а также племена правого берега Аму-Дарьи закреплялись на своих землях и полностью переходили к земледельческому труду. Скотоводство как самостоятельный вид занятий сохранялось только у иомутов, но и у последних земледелие играло большую роль.

Начиная примерно с периода национального размежевания, расселение и состав туркмен неизменны.

* * *

Этнографически хорезмские туркмены до Октябрьской революции не обследовались. Поэтому нет опубликованных точных данных о расселении туркмен в оазисах, их численности и племенном составе. Известен лишь в общих чертах район расселения туркмен. Как указывалось выше, это — территория нынешней Ташаузской области ТССР, Дарган-Атинского района и юга Кара-Калпакской АССР. Путем опроса населения трудно установить, каково было расселение туркмен по племенам в границах этого большого района. Нам удалось собрать ряд архивных материалов по истории и расселению туркмен в Хорезмском оазисе. Кроме того, мы приводим ряд сведений, которые мы почерпнули из бесед со стариками-туркменами во время поездок в Хорезмский оазис в 1948, 1949 и 1950 гг.

Наиболее полные данные по туркменам нынешней Ташаузской области и Дарган-Атинскому району дают материалы комиссии по районированию ЦИК ТССР, работавшей в период после национального размежевания и перед районированием. В задачи комиссии входила также обязанность собирания этнографических сведений о туркменах. Программы опроса населения составлялись при непосредственном участии знатока туркмен — этнографа Г. И. Карпова и поэтому материалы комиссий являются хорошим этнографическим источником.

Собранные комиссиями этнографические данные во многих случаях относятся к периоду, предшествующему советизации туркменских районов. Ко времени работы комиссий многое из записанного ими уже отошло в прошлое.

Благодаря отчетам комиссий становится возможным установить расселение племен туркмен по районам.

Общее количество туркмен Ташаузского округа (ныне Ташаузская обл.) по племенам видно из приводимой комиссией по Ташаузскому округу таблицы, которую мы помещаем ниже. Указанная таблица относится к 1925 г. и, хотя, конечно, не может претендовать на большую точность, все же очень интересна, так как дает примерные цифры и расселение туркмен по «родам» и племенам по отдельным районам области ⁴³.

Население Тахтинского района состояло почти исключительно из туркмен-иомутов ⁴⁴. Иомуты Тахты распадались на пять самостоятельных подразделений (тире): Салак, Окуз, Ушак, Орсукчи и Коджук. Существовала известная разница в формах ведения хозяйства и степени оседлости отдельных тире. Материалы комиссии так характеризуют их расселение: «Расселены иомуты на отводах от магистральных арыков Арматбаг, Аулие, Лара, а также на отводах главного магистрального арыка Газават. Племена ушак и коджук сохраняют чисто племенное расселение, другие колена иомутов уже потеряли в большей степени родовые традиции, дольше сидят на земле и подразделяются в основном по территориальному признаку» ⁴⁵.

⁴³ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 3, л. д. 139.

⁴⁴ Там же, л. д. 415.

⁴⁵ Там же.

Районы Ташаузского округа	Туркмены											Всего туркмен (в хозяйствах)
	Иомуты					Имрели	Ших	Гоклены	Теке	Чоудоры	Карадаш- лы	
	Салак	Окуз	Ор-ук- чи	Ушак	Коджук							
Ташауз . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	20	—	—	20
Тахта . . .	400	546	620	926	86	—	—	—	—	—	—	2578
Ильялы . . .	—	137	21	7	—	730	37	202	—	—	—	2159
Порсу . . .	228	191	192	44	106	—	—	14	—	1085	1025	1860
Куны-Ургенч	370	251	383	38	443	—	—	—	—	70	—	1555
Всего . . .	998	1125	1216	1015	635	730	37	216	20	1155	1025	8172
Итого												8172
												хозяйства

Подразделения туркмен — тире до Октябрьской революции возглавлялись предводителями, которые держали своих сородичей в подчинении, используя как родовые традиции, так и экономическую зависимость от них, как от крупных земельных собственников, большинства членов «рода».

Население Ильялынского района ⁴⁶ состояло в основном из туркмен (60%), остальное население было узбекское. Туркменское население группировалось по целому ряду племен и «родов». Имрели, карадашлы, иомуты были наиболее крупными племенами в районе. Кроме них, насчитывалось несколько более мелких подразделений: чоудоры, гоклены, ших.

Имрели были расселены по низовьям каналов Шават и Ярмыш. Карадашлы населяли правый берег каналов Шават и Гаррау и левый берег канала Ярмыш.

Иомуты, расселенные между низовьями каналов Шават и Кунь-Дарья (местность Кофукли) и на левобережных ябах ⁴⁷ Шавата — Ших, Отгуз-Баши, Кичик, Тозе, Кулле, Эрнекли, Бекташ, — жили вместе с небольшим племенем ших.

В северной части района, по Диван-Беги-ябу находилось несколько хозяйств гоклен. Между Дарьялыком и каналом Шах-Мурад обитали мелкие иомутские подразделения Бага, Машрик, Салак ⁴⁸.

Основным занятием туркмен данного района со времени их переселения в ханство было земледелие. Наиболее плодородные земли располагались по каналам Шават, Гаррау, Ярмыш. Скотоводство являлось подсобным видом хозяйства, скот разводили преимущественно для собственного потребления. Только иомуты из местности Кофукли имели основным видом занятий скотоводство и не вполне осели на землю ⁴⁹.

Оседлые туркменские племена экономически были более развитыми, чем полуоседлые иомуты, и их хозяйство приобретало постепенно товарное направление. Иомуты еще в сильной степени сохраняли патриархальные традиции — сильную власть предводителя и т. д., чего у оседлых туркмен не сохранилось.

В противоположность им, оседлые в течение продолжительного времени имрели, карадашлы стали чисто земледельческим населением, мало отличаясь в экономике от узбеков. В материалах комиссии есть такая характеристика этих двух племен, относящаяся к периоду непосредственно перед установлением советской власти в районе: «Никакие политические перевероты не смогли заставить имрели и карадашлы оставить

⁴⁶ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 3, л. д. 72.

⁴⁷ Яб — небольшой арык, принадлежавший тире.

⁴⁸ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 72, л. д. 1—2.

⁴⁹ Там же, д. 78, л. д. 1.

землю. Родовые устои у них и единство стерлись... среди имрели и карадашлы не имеют особого значения и вожди. Вожди... являются скорее феодалами, крупными собственниками, чем политическими вождями, имеющими за собой исторические и племенные традиции... родовая вражда существует только среди иомутов. Имрели и карадашлы живут мирно, о кровной мести знают только по наслышке. Земля — частная собственность, продается и уступается»⁵⁰.

В Порсинском районе подавляющим большинством населения были туркмены⁵¹. Узбеки насчитывали всего несколько десятков хозяйств, а имевшиеся в небольшом числе казахи, по свидетельству комиссии, в сильной степени слились с туркменами-чоудорами. Туркмены состояли из двух племен: иомутов и чоудоров. Последние населяли среднее и нижнее течение каналов Клыч-Нияз-бай, Кульбня-яба и частично Совет-яба⁵². Иомуты были расселены по верхнему течению каналов Клыч-Нияз-бай, Ленин-яб, Гавач-Яран-яб (Дженаут) и других. Местность, населяемая иомутами, носила название Караилгын, поэтому все порсинские иомуты назывались караилгынцами⁵³. По некоторым сведениям, караилгынцы были выходцами из Тахтинского района⁵⁴.

Основным занятием туркмен Порсинского района было земледелие, но, как и в других районах, иомуты в меньшей степени, чем другие туркмены, осели на землю. В противоположность им, чоудоры в экономике и хозяйстве уже мало отличались от узбекского земледельческого населения.

Куня-Ургенчский район был населен туркменами и узбеками; последних по количеству было меньше. Все туркмены района относились к племени иомутов и распадались на четыре тире: окуз, орсукчи, кара-чока (в данном случае мелкое подразделение) и салак. Последний в свою очередь состоял из двух самостоятельных тире: ак-салак и кара-салак.

Почти вся территория района была пригодна к земледелию, но в годы туркменских восстаний 1912—1916 гг. многие хвостовые части каналов забрасывались. Так были заброшены арыки Шах-Мурад, Сапай-яб, Калпак-Ирген, хвостовая часть Хан-яба, а население перешло в более спокойные места на каналы Совбед, Уруг-яб и Хан-яб⁵⁵. С советизацией района началось обратное движение на старые места, заброшенные оросительные системы восстанавливались.

В заключение обзора расселения туркмен в Ташаузском округе можно привести еще таблицу количества населения по отдельным районам:

Район	Количество населения	Из них туркмен
Ташаузский	26 067	554
Тахтинский	24 227	Почти все
Ильялынский	30 448	19 171
Порсинский	24 731	20 686
К. Ургенчский	10 176	10 176

Всего, таким образом, по данным комиссии по районированию, в округе на 1925 г. было 74 814 туркмен⁵⁶.

Туркменское население Дарган-Атинского района в прошлом довольно значительно отличалось от туркмен Ташауза по своему составу и образу жизни. Дарган-Ата была заселена туркменами позднее, чем остальные районы левобережья Аму-Дарьи, оседлое население появилось там всего за 20—30 лет до Октябрьской революции.

⁵⁰ Там же, л. д. 8.

⁵¹ Там же, л. д. 66-а.

⁵² Там же, л. д. 4.

⁵³ Там же, л. д. 5.

⁵⁴ Там же, д. 3, л. д. 426.

⁵⁵ Там же, д. 72, л. д. 2 и 3.

⁵⁶ Там же, д. 5, л. д. 3.

Население района по образу жизни распадалось на две неравные части: большую кочевую и меньшую оседлую. Кочевое население занимало район песков, переходя от колодца к колодцу, и в летнее время спускалось к берегам Аму-Дарьи⁵⁷.

Туркмены были большинством населения, за ними следовали узбеки и казахи. Туркмены состояли из нескольких племен. Наиболее крупным племенем района — до 70% всех туркмен — были атинцы, все остальные племена в количественном отношении распределялись следующим образом: крачлы⁵⁸ 15%, чоудоры 10%, эрсари 3%, салоры 2%⁵⁹.

Атинцы не были компактным целым и распадалась на 6 самостоятельных подразделений — тире⁶⁰, расселенных в разных местах. Подразделения ата были расселены следующим образом: Дангрык в Дарган-Ате, Шейхарыке и Садываре; Довлет-Гельды почти во всех кишлаках района; Сакар в Дарган-Ате; Карадамак в Садываре; Четыр в Дарган-Ате; Хош-Гельды только кочевали⁶¹.

Число туркменских хозяйств составляло 343, что соответствовало, очень приблизительно, 1150 человекам⁶². Но надо полагать, что на самом деле число туркмен было значительнее.

Сравнение количества поливной земли в районе (всего около 1000 десятин к началу советизации) и числа населения приводит к выводу, что туркменам приходилось кочевать из-за недостатка в орошаемых землях. Это подтверждается сообщением комиссии по районированию о том, что кочуют не целыми подразделениями, а только какой-то частью, тогда как другая часть того же подразделения занималась земледелием. Поэтому естественно, что когда после установления советской власти в районе начались ирригационные работы, все туркмены перешли к оседлому образу жизни и занялись земледелием.

На правом берегу Аму-Дарьи, на территории нынешней Кара-Калпакской АССР, процесс оседания туркмен проходил в те же годы, что и на левом берегу.

Находясь на окраинах Хивинского ханства, правобережные туркмены несколько меньше подвергались произволу со стороны ханских властей, чем туркмены левого берега. В связи с этим, а также будучи отделенными от левобережных туркмен Аму-Дарьей, правобережные туркмены принимали сравнительно небольшое участие в восстаниях туркмен против узбекских феодалов. Результатом обособленности туркмен правого берега было то, что они с самого момента оседания на новые земли не проявляли особой воинственности и прочно сидели на своих землях. После 1873 г., когда правобережные туркмены стали русскими поданными, условия их жизни изменились в лучшую сторону. Это было связано с тем, что хотя налоги в Аму-Дарьинском отделе и в ханстве были одинаковы, но их сбор в последнем всегда сопровождался крупными злоупотреблениями и хищениями со стороны ханских чиновников.

До настоящего времени туркмены правобережья заселяют юг Кара-Калпакской АССР и живут преимущественно в Шаббазском и Турткульском районах.

Самыми крупными подразделениями туркмен правобережья являлись ата и арбачи. Им уступали в количестве гоклены и игдыр.

Обитание туркмен правобережья в течение длительного времени отдельно от основной массы туркменского населения наложило на них известный отпечаток. Конечно, в целом правобережные туркмены имеют

⁵⁷ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 69, л. д. 13.

⁵⁸ Род Крачлы приводится в материалах комиссии, нам он неизвестен.

⁵⁹ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 69, л. д. 14.

⁶⁰ Племя ата распадается на 3 крупных отдела, а каждый из них в свою очередь на ряд тире.

⁶¹ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 69, л. д. 14.

⁶² Там же.

общетуркменские формы культуры и быта. Но вместе с тем ряд черт быта и культуры у них своеобразен и выглядит несколько иначе, чем у туркмен левого берега. В данной статье мы не имеем возможности останавливаться на этих различиях. Прежде всего, на туркмен правого берега наложило заметный отпечаток соседство с узбекским и каракалпакским населением, от которого туркмены многое заимствовали, особенно в жилище. Наблюдаются даже некоторые диалектальные различия в языке.

* * *

Мы попытались дать обзор последних этапов формирования туркменского населения Хорезмского оазиса, начиная с позднего средневековья и до периода коллективизации, когда туркмены окончательно осели на землю.

Проблема не исчерпывается затронутым кругом вопросов. Для того чтобы ее полностью разрешить, следует прежде всего установить происхождение туркмен и их историю до переселения в Хорезм. Этот важный раздел истории туркменского народа требует еще большой работы.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

100-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

В настоящем 1953 году исполняется 100 лет с того времени, как стало выходить первое русское специально-этнографическое издание: «Этнографический сборник, издаваемый Русским Географическим обществом», или «Собрание местных этнографических описаний России». Это, таким образом, 100-летний юбилей русской этнографической прессы. Но вместе с тем издание названных сборников, являясь само по себе небольшой главой из истории русской этнографии, представляет собой важную веху в этой истории.

Замечательную черту русской этнографии составляет со времени ее подлинно научного становления, т. е. с XVIII в., ее исключительная массовость, проявляющаяся прежде всего в формах собирания конкретного материала. Этими формами сделались, начиная с того же века, во-первых, экспедиции, во-вторых, программы, в-третьих, пресса.

Что касается экспедиций, то для XVIII в. достаточно лишь напомнить грандиозные, не имеющие ничего не только равного, но даже подобного, во всей истории мировой науки, предприятия: «Камчатскую экспедицию» (1725—1730), «Великую Северную» или «Первую Академическую» (1733—1743), «Вторую Академическую» (1768—1774) и др. Экспедиции оставались и затем, на всем протяжении истории русской этнографии, остаются и в современной советской науке важнейшей массовой формой собирания этнографического материала.

К XVIII же веку восходит и программа, как форма собирания этнографических сведений. Такова прежде всего старейшая в русской этнографии, да и в этнографии вообще,— в этом отношении русской науке принадлежит еще один приоритет,— знаменитая Программа 1737 г. В. Н. Татищева, состоящая из 198 пунктов, имеющая весьма широкий охват и весьма значительное место уделяющая этнографии. Чисто этнографический характер имеют здесь почти целиком разделы: «О народах идолопоклоннических» (п. п. 108—164), «О магометанах» (п. п. 165—175) и «Обсче паки до всех народов» (п. п. 176—198). Мы находим здесь такие, например, вопросы: «Каким образом в супружество вступают, купят ли и как дорого, или крадут и силою берут» (п. 149); «Имеют ли в свойстве и родстве о супружестве запрещение и как делоко, или за стыд и грех не почитают» (п. 150); «Нет ли песен таких или сказок, в которых старинные действа воспоминаются, оные списать, а иноязычные перевести» (п. 163). В заключительной части программы рекомендуется описывать платье: «обыкновенное и уборное, как мужчин,

так и женщин, особливо девок невест, яко и женихов при браке; все сие... изрядно было бы ежлиб, где живописца сыскав, оных смалевать»¹.

Существовал и функционировал в XVIII в. ряд других программ или соответствующего рода документов с этнографическим содержанием. Такова инструкция, правда, весьма краткая, данная Академией Наук Г. Ф. Миллеру при его отправлении в Сибирскую экспедицию². Такова обширнейшая, в 929 пунктов, с богатым этнографическим содержанием, программа, составленная в 1740 г. самим Миллером во время его пребывания в Сибири³. Таковы же «вопросные пункты», рассылавшиеся в начале 80-х гг. XVIII в. кабинетом Екатерины II, с требованием «подробных сведений о начале и происхождении иноверцев разных племен, а также о достопамятных между ними происшествиях, равномерно о законе их, о сохранившихся между ними преданиях» и пр.⁴

Весьма интересны, в качестве отражения своего рода этнографических интересов российских помещиков того времени, две программы, напечатанные в 1765 и 1791 гг. Вольным Экономическим обществом к поощрению в России земледелия и домостроительства. Первая из этих программ была напечатана в I томе «Трудов» Общества. Она начинается с Введения, озаглавленного: «Описание надобности в получении лучшего сведения о земледелии и о внутреннем деревенском хозяйстве, как оные ныне в разных провинциях Российского государства производятся, и некоторые вопросы, касающиеся до сей материи». За этим Введением идет самая программа под особым заголовком: «Экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций». Состоя из 65 пунктов, программа эта в основном соответствует ее заглавию и довольно детально касается различных вопросов сельского хозяйства и экономики вообще. Имеются здесь и вопросы о характере крестьянского труда. Таковы, например, вопросы 58 и 49: «Весьма желательно иметь точное и подробное описание обыкновенного тамошнего крестьянского жития ежемесячно через целый год, т. е. в чем он каждый месяц обыкновенно упражняется: в земледелии или в других каких промыслах, например, когда он пашет, сеет, жнет, что делает в осенние и в зимние месяцы и проч.—Желательно также знать, какою обыкновенно работою бабы занимаются, особливо в зимнее время». Наконец, ряд чисто этнографических вопросов содержит пункт 65: «Желательно,—говорится здесь,—сверх того иметь краткое описание о нравах тамошних жителей: трудолюбивы ли они и прилежны. Не имеют ли чего особенного в обычае и в употреблении... В которое где время есть в обыкновении разные веселости. Много ли человек уходят из дому работать в посторонние места, или большее число принадлежат к домашнему земледелию и про-

¹ Программа Татищева была напечатана впервые в книге: Н. А. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 663—696; перепечатана в книге: В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 77—95.

² См. Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 460—461.

³ См. «Сборник Музея по антропологии и этнографии при Академии Наук», I, 1900, стр. 37—83; «Unterricht, was bei Beschreibung der Völker, absonderlich der Sibirischen, in acht zu nehmen».

⁴ История этих «вопросных пунктов» рассылка которых, судя по далеко неполным сведениям, дала весьма значительные результаты, остается неисследованной. О них говорит А. И. Андреев в своей публикации относящихся к 80-м гг. XVIII в. описаний народов Сибири, «Советская этнография», 1947, I; по этим же «пунктам» составлял в 1787 г. свое «Топографическое описание Сибирской губернии» Т. М а л е н и ц к и й; см. извлечение в «Древней Российской Вивлиофике», изд. 2, ч. XVIII, 1791; повидимому, по тем же вопросам работал известный архангельский краевед, историк и этнограф конца XVIII в., В. В. Крестинин. История эта частично освещается в статьях: Опыт составления топографического описания Киевского наместничества в конце XVIII в., «Киевская старина», 1904, 5, и П. С. Богословского, История правительственного обследования в XVIII в. Пермского края в этнографическом отношении (С архивными материалами о вогулах, татарах, башкирах и мешеряках), «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 34, 1929, 3/4.

мыслам. Чем обыкновенно питается простой народ. Какие обычные болезни случаются в тамошних местах и не употребляют ли там каких домашних лекарств с пользою. Хорошо ли народ располагается; много ли семейных людей, и долго ли обыкновенно там люди живут». Поступавшие на эту программу ответы печатались в последующих томах «Трудов Вольного Экономического общества»⁵.

Вторая программа, изданная тем же Обществом, была напечатана в 1791 г. в «Продолжениях Трудов Вольного Экономического общества», ч. XIII (43). Довольно пространная (стр. 278—338), она носит заглавие: «Начертание ко всегдашней задаче и награждению тех сочинителей, кои хозяйственные описания частных российских наместничеств сообщать ему будут», представляя собой обстоятельный план описания наместничества. Особый раздел о «жителях наместничества» имеет в виду сведения о жилище, хозяйственных постройках, дворе, поселении, одежде, пище, нравах и пр.; более подробно разработаны вопросы о занятиях жителей: земледелии с его техникой, скотоводстве, охоте, промыслах и ремеслах.

Значение и роль подобного рода, в частности вышеназванных, программ были чрезвычайно велики. Будучи печатаемы и получая, таким образом, большое распространение, обращенные к самым широким кругам русской интеллигенции, программы эти активизировали местных наблюдателей народного быта, так сказать, призывали их к перу, вовлекали в этнографическую работу. Программы эти делали этнографию доступной для многих и многих, делали ее наукой массовой и вместе с тем глубоко демократичной. Издание и распространение различных этнографических программ составляет постоянную форму этнографической практики и в дальнейшей истории русской этнографии. Таким образом, программы сыграли крупную роль в накоплении этнографического материала и развитии русской этнографии. Как будет видно из дальнейшего, программа сыграла почти решающую роль и в возникновении нашего юбиляра — первого русского специально этнографического издания.

Третьей названной нами формой собирания этнографического материала и вместе с тем развития этнографической науки является пресса, журнальная и газетная. Не говоря о самом собой разумеющемся значении печати в развитии науки, значение прессы отчасти связано с программами, поскольку пресса дает место опубликованию собранных по программе материалов и тем со своей стороны стимулирует эту форму этнографической деятельности. Громадная роль общей повременной печати в истории русской этнографической науки составляет в свою очередь замечательную, специфическую, особо и исключительно русской этнографии свойственную черту. Ни в одной стране мира никогда ничего хоть сколько-нибудь подобного этой особенности русской этнографии не существовало.

Этнографический материал начинает занимать изрядное место в русской общей прессе, можно сказать, с самого начала ее существования. Уже первый русский научно-популярный журнал, возникший по мысли М. В. Ломоносова в 1755 г., «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», печатает ряд ценнейших этнографических материалов. То же имеет место в уже упоминавшихся «Трудах Вольного Экономического общества» (с 1765 г.), в оригинальном русском издании XVIII в. «Месяцесловах», географических и исторических (с 1769 г.), в «Новых ежемесячных сочинениях» (с 1786 г.), в изданиях и журналах Н. И. Новикова и т. д.

⁵ См. об этой программе: Т. П. Потockий, Краеведение в России во второй половине XVIII в., «Краеведение», 1926, 3; К. В. Сивков, Вопросы сельского хозяйства в русских журналах последней трети XVIII в., в книге: «Материалы по истории земледелия СССР», Сборник I, М., 1952; см. здесь перечисление довольно длинного ряда ответов на эту программу, напечатанных в «Трудах Вольного Экономического общества».

В еще большем масштабе та же черта характеризует длинный ряд журналов и газет различных направлений, выходивших в России начиная с первых десятилетий XIX в.

Не останавливаясь на этой, вполне заслуживающей специального исследования, притом весьма широкой теме, отметим лишь исключительное внимание к этнографическим предметам журнала «Телескоп» (1831—1835), свидетельствующее о ранних этнографических интересах его редакторов — Н. И. Надеждина и В. Г. Белинского. Мы находим здесь ряд статей по этнографии различных местностей и народов России: Бессарабии, Бакинской провинции, Березовского края, Закавказья, статьи о закубанских черкесах, о крымских ногайцах, о сураханских индусах-огнепоклонниках, о тунгусах и любопытный этнографический эскиз М. Н. Макарова «Деверь». Значительное место уделял «Телескоп» и этнографии зарубежной. Здесь прежде всего надо назвать впервые опубликованные в этом журнале четыре статьи Ф. П. Врангеля, относящиеся к русской колонии в Северной Америке, далее — переводные⁶: статью «Тирольцы», вызвавшую гнев Николая I и явившуюся поводом к первому предупреждению, полученному «Телескопом», две статьи о сербах: «Нравы сербов» и «Сербская сватьба», статьи: «Индийские праздники», «Общественное состояние жителей Океании», «О состоянии гражданской образованности у индейцев Канады», статью «Людоеды о. Суматры» и др. Таким образом, за весьма небольшой срок — 5 лет своего существования — «Телескоп» напечатал довольно обширный этнографический материал. Ясно, между прочим, что редакция журнала в данном случае не только следовала своим личным вкусам, но и учитывала литературные интересы своих читателей.

Значительнейшей вехой в истории русской этнографической печати является возникновение «Губернских ведомостей». В изданном в 1837 г. «Положении о порядке производства дел в губернских правлениях» царское правительство, между прочим, предписало выпускать в каждой губернии особые губернские ведомости, которые должны были состоять из двух частей: официальной и неофициальной. В последней, именовавшейся также «Прибавлением», наряду с различными известиями: о происшествиях, о состоянии урожая и пр., дозволялось печатать и «разные, достойные любопытства исторические о губернии сведения»⁷, а изданные по сему поводу специальные «Правила» запрещали печатать художественную литературу и «вдаваться в полемику», рекомендовали же печатать статьи по местной археологии и этнографии. С 1838 г. начало выходить 42 такие газеты (сначала преимущественно еженедельно, затем — по 2 раза в неделю и ежедневно), позже «Ведомости» издавались во всех губерниях, округах и областях. «Направление» этих издававшихся под недреманным оком губернатора газет само собой разумеется. Изредка и временами они оказывались более или менее либеральными.

В силу указанных установок «Ведомости» стали с самого начала своего существования широко предоставлять свои страницы местной этнографии, и этнографические очерки стали в них довольно частым «фельетоном». «Губернские ведомости» сделались, таким образом, своего рода этнографическим органом печати и в качестве такового хорошо известны каждому этнографу. За почти столетний период своего существования эти провинциальные газеты дали громадное количество этнографических публикаций. К местным авторам, сотрудничавшим в «Ведомостях», присоединялись иногда проживавшие в губернии ссыльные или опальные люди. Так, с самого начала их существования в «Олонец-

⁶ Надо иметь в виду, что статьи из иностранных источников печатались в «Телескопе» не столько в переводе, сколько в переработке.

⁷ Полное собрание законов (Собрание второе), т. XII, отд. 1, 1837, № 10304, § 89.

ких губернских ведомостях» стал сотрудничать сосланный в тот край близкий друг Лермонтова С. А. Раевский, сотрудником и редактором «Саратовских губернских ведомостей» стал виновник так называемой «Шеньевской истории» (дела о распространении стихотворения Пушкина «Шенье») А. Ф. Леопольдов и пр.

Невольным сотрудником этой вновь возникшей провинциальной прессы явился и А. И. Герцен. Герцену принадлежит выдающееся место в истории русской этнографии. Мы коснемся только его выступлений в качестве этнографа в «Вятских» и «Владимирских губернских ведомостях»⁸.

В бытность свою в Вятке (1835—1837) Герцен принял активное участие в создании распространенного в те времена вида исследований местного края — «Статистического описания» губернии, в котором обычно значительное место отводилось этнографии. Составленный Герценом план этой работы предусматривал задачу: «раскрыть степень народного образования, господствующие нравы, обычаи и поверья, общие многим губерниям или же только одной или части оной»⁹. В 1838 г. в Прибавлениях к «Вятским губернским ведомостям» был напечатан ряд статей, явившихся, очевидно, результатом предпринятой работы. Почти все эти статьи не подписаны, некоторые из них несомненно принадлежат Герцену, атрибуция других спорна¹⁰. Из статей, о которых идет речь, особо примечательна, — кстати сказать, бесспорно принадлежащая Герцену, — небольшая статья «Русские крестьяне Вятской губернии». Статья эта целиком посвящена задаче выделить культурную специфику русских Вятской губернии, выражающуюся, по мнению Герцена, в языке, архитектуре, особых промыслах и «страсти к переселениям».

Переехав в 1838 г. во Владимир, Герцен и здесь принялся за организацию такого же описания Владимирской губернии. Составленная им и здесь соответствующая программа открывается большим разделом: «О быте народном», который начинается следующим образом: «Крестьяне Владимирской губернии имеют весьма много особенностей, как во внутренней жизни, так и в самых занятиях, а всякая особенность, в каком бы роде она ни была, есть драгоценный факт, и тем тщательнее должно его записывать, что время мало-помалу стирает эти особенности»¹¹.

В высокой мере примечательна проводимая Герценом одинаковым образом во всех трех вышеприведенных его выступлениях идея выявления в этнографических описаниях главным образом особенного, специфического¹².

Внимание русской общей повременной печати к этнографическим темам не только продолжается, но и значительно усиливается в 40-х гг. Здесь особо должны быть отмечены «Отечественные записки» и «Со-

⁸ Тема эта уже трактовалась или затрагивалась в литературе о Герцене; см. в особенности: Н. М.-ва, Культурная деятельность А. И. Герцена в провинции, «Русская мысль», 1900, 2; П. Луппов, Статистические работы Герцена в Вятке, «Литературное наследство», 39/40, 1941; В. Е. Гусев, Герцен и народная поэзия, «Советская этнография», 1951, 3. — Мы считаем уместным лишь кое-что уточнить и в особенности отметить одну черту этнографии Герцена, ускользнувшую от внимания названных авторов.

⁹ П. Луппов, Указ. работа, стр. 181.

¹⁰ Нам кажется, что ближе к истине первая исследовательница этого вопроса Н. М.-ва, приписывающая Герцену шесть статей, и неправ П. Луппов, относящий к авторству Герцена только одну статью, причем нельзя считать достаточным его заявление, что, «как видно из переписки Вятского губернского статистического комитета», авторами прочих статей были другие лица, а не Герцен.

¹¹ См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, изд. М. К. Лемке, т. II, Петроград, 1915, № 216, стр. 183—185.

¹² Ср. те же положения в редакционных статьях «Владимирских губернских ведомостей» — там же, №№ 239 и 247, стр. 229 и 241. Наличие отмечаемого нами положения может служить доказательством принадлежности всех этих статей одному автору и именно Герцену.

временник» редакции Н. А. Некрасова и И. И. Панаева. Отметить следует и начавшую выходить в 1846 г. газету «Кавказ», ставшую на ряд десятилетий ведущим печатным органом кавказоведческой этнографии.

Неизмеримо велика роль в развитии русской этнографии В. Г. Белинского. Тема эта остается еще почти совершенно неисследованной, и здесь, в связи с нашим предметом, мы можем только отметить некоторые черты. Прежде всего, в значительной мере именно влиянию Белинского как в широком, так и в узком смысле, можно приписать внимание к этнографии тех органов, в которых Белинский принимал столь близкое участие, а именно, «Телескопа», «Отечественных записок» и «Современника». Но Белинский оказывает сильнейшее влияние на развитие русской этнографии тем в частности, что энергично поощряет собирание этнографического материала и его печатание. С замечательным тщанием следит он за этнографической литературой и живо откликается на различные, порой хотя бы и мелкие, этнографические публикации. «Особенно приятно видеть,— пишет, например, Белинский в своей знаменитой статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» в «Современнике», 1847, 1,— что появляется довольно много книг, брошюр и статей, касающихся не только сельского хозяйства в его техническом значении, но и быта того многочисленного класса людей, который играет такую важную роль в отношении к сельскому хозяйству, как живая и разумная производящая сила». Появление вышеупомянутой газеты «Кавказ» удостоивается со стороны Белинского в «Современнике» в том же году особого приветствия, в котором Белинский отмечает, что эта газета, знакомя Россию «с самым интересным и наименее знакомым ей краем», представляет собой «неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа».

Событием, сыгравшим в истории русской этнографии крупнейшую роль, явилось возникновение в 1845 г. Русского Географического общества с Отделением этнографии¹³.

Первоначально, притом весьма недолго, работа этого Отделения имела ограниченный характер. Но уже в 1846 и 1847 гг. в Общество вступил и стал сотрудничать в Отделении этнографии ряд выдающихся ученых и писателей, деятельность его приобрела широкий размах и Отделение этнографии РГО сделалось на много времени главным и влиятельнейшим организационно-научным центром этнографической работы в России. Отделение этнографии РГО имело в ту пору¹⁴ замечательный, можно сказать, блестящий состав. Возглавлял Отделение К. М. Бэр (1792—1876), один из основателей РГО, академик (с 1828 г.), знаменитый естествоиспытатель, антрополог и географ, которого, впрочем, вскоре, в 1848 г., сменил в качестве «управляющего» Отделением Н. И. Надеждин. В общем числе 28 членов Отделения состояли следующие, уже известные в то время или вслед затем приобретшие известность на поприще науки, литературы или общественной деятельности, лица: Ф. П. Врангель (1796—1870), один из основателей РГО, прославленный мореплаватель, незаурядный этнограф, выдающийся деятель Российско-американской компании; В. В. Григорьев (1816—1881), известный востоковед, профессор Петербургского университета; В. И. Даль (1801—1872), один из основателей РГО, известный писатель, составитель «Толкового словаря русского языка»; В. А. Иславин (1818—1895), недавно совершивший большую поездку по Северу Европейской России и в 1847 г. издавший монографию «Самоеды в домашнем и общественном быту»; А. Ф. Миддендорф (1815—1894), выдающийся зоолог и этнограф, впоследствии академик, только что вернувшийся из своей трехлетней (1842—

¹³ См. Н. Н. Степанов, Русское Географическое общество и этнография (1845—1861), «Советская этнография», 1946, 4.

¹⁴ По списку на 10 июля 1847 г. см. «Записки РГО», 2, 1947, стр. 348—349.

1845) экспедиции по Сибири; Н. А. Милютин (1818—1872), экономист-статистик, будущий видный участник крестьянской реформы; К. А. Неволин (1806—1855), историк права, профессор Петербургского университета; В. Ф. Одоевский (1803—1869), один из основателей РГО, известный писатель и исследователь русской народной музыки, с 1846 г. помощник директора Петербургской Публичной библиотеки и Румянцевского музея (тогда еще в Петербурге); П. С. Савельев (1814—1859), известный востоковед и нумизмат; И. П. Сахаров (1807—1863), выдающийся собиратель народного творчества и палеограф, выпустивший уже к тому времени свои «Сказания русского народа», «Песни русского народа» и «Русские народные сказки»; И. И. Срезневский (1812—1880), выдающийся лингвист-славяновед, профессор Петербургского университета, вскоре (с 1851 г.) академик; наконец, из числа наиболее видных — Э. И. Эйхвальд (1795—1876), выдающийся естествоиспытатель, отчасти этнограф, профессор Медико-хирургической академии, академик, совершивший в 1825—1826 гг. большое путешествие по Кавказу, автор трудов по исторической этнографии народов России.

Наиболее выдающимся участником Отделения этнографии был Н. И. Надеждин. Будучи одним из старейших, с 1845 г., членов РГО и названного Отделения, Надеждин сделался его «душой» и на значительный период времени дал основное направление его деятельности. Николай Иванович Надеждин (1804—1856) представляет собой, как это неоднократно отмечалось, фигуру в общественном смысле весьма противоречивую. Не останавливаясь здесь на его характеристике, что еще требует особого исследования¹⁵, напомним только следующие вехи его жизни. В 1824 г., 20 лет отроду, Надеждин магистр богословия и профессор Рязанской духовной семинарии, в 1830 г. он доктор философии, в 1831 г. основатель и редактор-издатель журнала «Телескоп», в котором начал свою литературную деятельность и в редактировании которого принимал участие В. Г. Белинский; в 1832 г. он профессор теории искусств и археологии Московского университета; в 1836 г., с закрытием «Телескопа», сослан в Усть-Сысольск, затем работает в Одессе, в 1840—1841 гг. совершает большое путешествие по зарубежным славянским странам, с 1842 г. работает в Москве, с 1845 г. член РГО, в 1848 г. сменяет Бэра на посту заведующего Отделением этнографии, пробыв на этом посту 10 лет, до своей смерти. Напомним и следующий отзыв о Надеждине Н. Г. Чернышевского: «По многим и разнообразнейшим отраслям науки, особенно касающимся России, он был первым нашим специалистом; по некоторым другим, общим нам с Западной Европой, равнялся с лучшими немецкими или французскими. Все отрасли нравственно-исторических наук, от философии до этнографии, были так глубоко изучены им, как редкому специалисту удастся изучить одну свою частную науку. Этим страшным запасом знания располагал ум необыкновенно сильный, светлый и проницательный, и потому о чем бы он ни писал, он проливал новый свет на предмет, какой бы науки ни касался, двигал ее вперед. А писал он обо всем, от богословия до русской истории и этнографии, от философии до археологии»¹⁶.

Первый председатель Отделения этнографии РГО, Бэр, в докладе, прочитанном на заседании РГО 6 марта 1846 г., «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности»¹⁷, сводил задачи рус-

¹⁵ Надеждину посвящена специальная работа Н. К. Козмина, Н. И. Надеждин, жизнь и научно-литературная деятельность, 1804—1836 (Записки Историко-филологического факультета С. Петербургского университета, ч. 161), СПб., 1912, относящаяся, как можно видеть, лишь к московскому периоду его жизни. Неразвешанная задача более полной характеристики Надеждина и его роли в истории русской науки, в частности этнографии, будет выполнена, надо думать, в связи с исполняющимся в 1954 г. 150-летием со дня его рождения, либо к 1956 г., в связи со 100-летием со дня его смерти.

¹⁶ Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения, т. IV, 1931, стр. 158.

¹⁷ «Записки РГО», I, 1846.

ской этнографии преимущественно к изучению «иностранцев». Но уже в том же 1846 году, в собрании РГО 29 ноября, выступил Надеждин со своим знаменитым докладом «Об этнографическом изучении народности Русской»¹⁸, в котором выставил лозунг изучения русского народа как основного направления русской этнографии. Наряду с тем Надеждин весьма скептически отозвался о состоянии этнографии. «Всем известно,— говорил он,— слово этнография, означающее в точном переводе с греческого на русский: «описание народов»... Но если спросить не только простых любителей, но и записных знатоков этнографии, что они под этим словом разумеют: окажется удивительное разномыслие». Высказав с своей стороны мнение, что этнографии как науки еще подлинным образом не существует, Надеждин считал, что насущную задачу составляет собирание конкретного материала и его критическое изучение.

С самого основания РГО началось поступление в Общество от различных лиц разнообразных этнографических материалов в виде сборников песен, сказок, записей обрядов, обычаев, поверий и пр. Однако состояние и характер этих поступлений «указывали на необходимость дать направление и единство собиранию этнографических материалов о России, раздвинуть шире круг этой деятельности Общества и частных лиц, привести ее в систему и обозначить главнейшие предметы, на которые надлежало бы при таких работах обращать особенное внимание»¹⁹.

Так возникла специальная программа РГО для собирания этнографического материала. Программа эта была составлена в 1847 г., причем, вопреки высказывавшимся мнениям, не единолично Надеждиным, а скорее коллективно. Во всяком случае, главными ее составителями были Надеждин и Неволлин²⁰. Программа РГО охватывала следующие темы: 1) наружность; 2) язык, его наречия и говоры; 3) «домашний быт, в котором всего вернее сохраняется древнее наследие первобытных нравов и обычаев народа»; 4) «остатки быта общественного, где сила времени и других влияний не затерла следов первоначального устройства народной жизни»; 5) «умственные и нравственные отличия, во сколько видно в них природное направление и развитие народного духа, а не внешние заимствования путем подражания и переимчивости»; 6) «народные предания и памятники». В частности, в круг вопросов быта входили: жилище, утварь, одежда, пища, обычаи и обряды, сопровождающие разные эпохи и случаи жизни, народная медицина, занятия, увеселения, песни, пляски, музыка, «расчет денежных средств жителей», юридические обычаи²¹.

Программа РГО последовала, как мы знаем, за рядом предшествовавших, начиная с XVIII в., программ, имевших этнографическое содержание. Эта новая программа явилась, однако, первой разносторонней, а

¹⁸ «Записки РГО», 2, 1847.

¹⁹ «Этнографический сборник», 1, 1853, Предисловие, стр. V—VI.

²⁰ «Главными составителями этой программы были... Н. И. Надеждин и его ученый друг К. А. Неволлин»,— пишет А. И. Артемьев, Обзорение трудов РГО по исторической географии, в книге: Двадцатипятилетие РГО, СПб., 1872; отдельно: СПб., 1873, стр. 17.

²¹ Самая программа, о которой идет речь, осталась нам недоступной. Мы не нашли ее в московских библиотеках, не оказалось ее, как это ни странно, ни в Архиве, ни в Библиотеке Всесоюзного Географического общества в Ленинграде. Любопытно, что никто из писавших об этой программе не ссылался на нее непосредственно, а лишь передавал ее содержание, как оно изложено в Отчете РГО за 1848 г., «Записки РГО», 4, 1850, стр. 307, и в Предисловии к «Этнографическому сборнику», 1, 1853, стр. VI. Из тех же источников заимствуем и мы содержание этой программы.— Надеждиным была еще составлена «Этнографическая инструкция» в связи с задуманной в 1850 г. экспедицией РГО для изучения Камчатки; она напечатана в брошюре: Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Русским Географическим обществом, СПб., 1852, стр. 17—30; приложением к этой инструкции служил составленный В. В. Григорьевым «Исторический обзор этнографических сведений о странах, имеющих быть исследованными Камчатской экспедицией РГО», там же, стр. 31—51.

главное, систематической программой для собирания этнографического материала и составления соответствующего описания²². Она послужила образцом и в свою очередь открыла длинный ряд последующих, аналогичных по построению и характеру этнографических программ. Как можно судить по приведенному ее содержанию, основной ее темой был быт домашний и общественный, притом с сильнейшим уклоном в «старинное». Этнография имела здесь, таким образом, преимущественно историческое направление.

Помимо своих непосредственных результатов, о чем мы будем сейчас говорить, программа РГО оказала вообще сильнейшее влияние на последующее развитие и вместе с тем направление русской этнографии.

Программа РГО была разослана в исключительно большом для того времени числе экземпляров — более 7000. Рассылка производилась «через разные ведомства», повидимому, в частности через епархиальную сеть. Рассылка программы дала замечательные результаты. Действие программы, — констатировал уже Отчет РГО за 1850 г.²³, — «далеко превзошло все ожидания»; «издание и рассылка этнографической программы, — говорится в предисловии к I выпуску «Этнографического сборника», — имели самые утешительные последствия, даже превзошли ожидания». К 1853 г. число полученных ответов достигло 2000, причем поступление их все продолжалось²⁴. Это поразительное действие этнографической программы РГО могло бы показаться неожиданным, если бы мы не знали о предшествующем развитии русской этнографии, о том, в какой мере эта наука уже сделалась массовой и популярной.

Программа 1847 г. была составлена в основном применительно к русскому быту. Поэтому Отделение этнографии предприняло составление особой программы, рассчитанной на описание быта не русских народов. Такая программа была составлена в 1850 г. П. С. Савельевым и доложена в заседании Отделения в феврале 1851 г. Членами Отделения был сделан ряд замечаний, и Отделение просило Надеждина отредактировать эту программу и представить ее затем Совету РГО для напечатания и рассылки²⁵, однако по неизвестным причинам программа эта осталась ненапечатанной и нерасосланной²⁶.

Уже с самого начала своего существования и выпуска своих ранних печатных органов: «Записок» (1846—1859), «Географических известий» (1848—1850) и «Вестника» (1851—1860), РГО стало публиковать разнообразные этнографические материалы²⁷. Стали печататься в этих органах и начавшие поступать ответы на разосланную программу. Однако материал этот быстро и далеко перерос возможности его опубликования в названных изданиях РГО. Между тем, обилие, разнообразие, богатство содержания, а главное, научная ценность поступавших материалов не могли не быть высоко оценены Отделением этнографии РГО. Все эти обстоятельства вызвали идею издания для публикации этих материалов специального органа. Так возник «Этнографический сборник РГО».

²² В том же 1847 году Министерство государственных имуществ разослало программу для собирания сведений о юридических обычаях крестьян в области наследования.

²³ «Вестник РГО», ч. 1, кн. 1, 1851, стр. 45.

²⁴ «Этнографический сборник», 1, Предисловие, стр. VI.

²⁵ См.: Отчет по Отделению этнографии, «Географические известия», 1850, 2, стр. 165; Отчет РГО за 1850 г., «Вестник РГО», ч. I, кн. 1, 1851, стр. 47; Отчет о заседании Отделения этнографии, там же, стр. 116; Отчет РГО за 1851 г., «Вестник РГО», ч. IV, кн. 2, 1852, стр. 75.

²⁶ См. Л. Н. Майков, Обзор деятельности Общества по Отделению этнографии, в книге: Двадцатипятилетие РГО, 13 января 1871 г., СПб., стр. 50.

²⁷ РГО была издана также «Карманная книжка для любителей земледелия», СПб., 1848, 2 изд., 1849, задуманная как ежегодник и также предназначенная для публикации, в частности, этнографических материалов, но, несмотря на успех, это издание не продолжалось.

Поступавший материал был различен по объему и характеру. Одни корреспонденты отвечали на все или большую часть вопросов программы, давая, таким образом, своего рода этнографические монографии, другие избирали только некоторые вопросы, либо давали материал по отдельным темам или предметам. Были разносторонние описания сел, приходо- и пр. или же народностей, были отдельные описания праздников, свадеб, присылались местные словари, сборники сказок и т. д. Возникла надобность в предварительном просмотре всего этого материала и подготовке его к печати. «Дабы не медлить далее извлечением из сих статей той пользы, которая заключалась в них для науки,— говорится в Отчете РГО за 1850 г.,— Отделение этнографии с одобрения Совета общества предположило приступить к обработке и изданию их в следующем порядке»...²⁸ Порядок этот состоял в том, что более или менее полные монографические описания предназначались к напечатанию полностью, прочие же материалы должны были подвергнуться обработке, причем из них надлежало составить, по выражению того же цитированного нами Отчета, «полный, стройный свод». При этом материалы, относящиеся к русским, украинцам и белорусам, и материалы, относящиеся к нерусским народам России, должны были составлять отдельные сборники.

С этого момента в предпринятой работе активное участие принял новый, вступивший в РГО в 1849 или 1850 г. его член, К. Д. Кавелин (1818—1885). Юрист по образованию, состоявший с 1844 г. адъюнктом Московского университета по кафедре истории русского законодательства, выступивший уже с рядом трудов в этой области, Кавелин в конце 1848 г. переехал в Петербург, где занял должность редактора городского отделения хозяйственного департамента Министерства внутренних дел; впоследствии, с 1857 г., Кавелин состоял профессором гражданского права Петербургского университета, известен он также как один из видных деятелей крестьянской реформы. Будучи в молодости прогрессивно настроенным, дружа с Герценом и Белинским, Кавелин с течением времени ушел вправо и сделался в конце концов ярким реакционером.

Работа по просмотру и подготовке к печати всего поступившего материала была распределена между Надеждиным, Кавелиным, Савельевым, Сахаровым и Срезневским. Надеждин и Кавелин готовили монографии по русскому быту, имевшие составить два первых выпуска Сборника, остальной материал взяли на себя: по этнографии — русских народов — Савельев, по фольклору — Сахаров, по языку — Срезневский. Прочий материал, относящийся к русскому быту, обрабатывал Кавелин. Обработка эта состояла в подготовке того «полного, стройного свода», о котором упоминалось выше. Что, собственно, здесь имелось в виду, остается неясным. Рассказывая о своем участии в подготовке «Этнографического сборника» в письме от 8 апреля 1850 г. к профессору Казанского университета Н. Н. Буличу, Кавелин, указав, что часть материалов будет издана целиком, писал: «Остальное... будет переработано, т. е. из них выберется все мало-мальски любопытное и новое, будет сведено систематически, т. е. по известному порядку, и в этом виде издано»²⁹. Позже было решено составить не «общий по всей России свод», а «своды частные по губерниям или вообще по отдельным краям государства»³⁰. Вся эта, во всяком случае довольно неопределенная, притом несостоятельная, затея осталась неосуществленной.

²⁸ Отчет РГО за 1850 г., «Вестник РГО», ч. I, кн. 1, 1851, стр. 45; тоже: Отчет по Отделению этнографии (доклад Надеждина), «Географические известия», 1850, 2.

²⁹ Д. А. Корсаков, К. Д. Кавелин, «Русская старина», 1887, 2, стр. 483; в примечании к этому месту Корсаков сообщает, что в бумагах Кавелина сохранились сделанные им выписки по этому «своду».

³⁰ П. П. Семенов, История полувековой деятельности РГО, 1845—1895, ч. 1, СПб., 1896, стр. 109.

Как указывается в вышецитированных материалах о подготовке Сборника, уже в 1850 г. первый его выпуск был готов к печати. Тем временем, в сентябре 1850 г. Кавелин выступил в общем собрании РГО с докладом, напечатанным под заглавием: «Некоторые извлечения из собираемых в РГО этнографических материалов о России, с замечками об их многосторонней занимательности и пользе для науки»³¹. В этом докладе Кавелин дал общую характеристику поступивших в РГО материалов. Отметив в свою очередь, что богатство и разнообразие их «поразительно», Кавелин указал на их значение, проводя здесь свою идею истолкования пережитков, и привел ряд выдержек из полученных описаний, предложив свое историческое объяснение отдельных обычаев, обрядов и элементов быта.

Издание «Этнографического сборника» началось фактически в 1853 г. и продолжалось до 1864 г. Всего было издано шесть томов. Первые два вышли последовательно в 1853 и 1854 гг., затем, после изрядного перерыва, в 1858 г. появились сразу выпуски 3-й и 4-й, затем опять последовал перерыв в четыре года, после чего в 1862 г. вышел 5-й и в 1864 г. 6-й выпуски. Эта нерегулярность выхода Сборника имеет свое объяснение. Надо сказать, что в общем судьба первого русского этнографического органа печати сложилась весьма неблагоприятно. Создателем «Этнографического сборника» и редактором 1-го выпуска был Надеждин (вместе с Кавелиным), 2-й выпуск редактировал один Кавелин. Но Надеждин в 1856 г. умер, а Кавелин, получив в 1857 г. профессуру, отошел от участия в РГО (чем, видимо, объясняется и прекращение им работы над вышеупоминавшимся «сводом»). После смерти Надеждина Этнографическое отделение возглавил Срезневский, который в свою очередь вскоре отошел от участия в РГО, в связи, очевидно, с расширением своей лингвистической работы. Срезневского в 1859 г. сменил на посту председателя Этнографического отделения Савельев, но в том же году умер, и это место на короткое время занял вторично Бэр.

В этом 1859 году «Этнографический сборник» пережил любопытный кризис, о котором рассказывает журнал заседания Этнографического отделения от 12 мая 1859 г.³² Заметим кстати, что к этому времени весь личный состав Этнографического отделения резко изменился: достаточно сказать, что из известного нам состава 1847 г. в Отделении остались только Бэр и Эйхвальд. В ведение последнего и попал Сборник. В означенном заседании Эйхвальд предложил издавать Этнографический сборник по новой программе («я намерен издавать «Этнографические сборники...», — говорил Эйхвальд). Эта новая программа состояла в том, что сборники должны быть целиком посвящены исторической этнографии, в частности публикации древних известий о чужди и происшедших от нее финских народов (Эйхвальд сам занимался этой темой).

Но в 1860 г. Отделение этнографии возглавил новый деятель РГО — Н. В. Калачов. Юрист и историк права, Н. В. Калачов (1819—1885) состоял с 1848 г. профессором Московского университета, в 1855 г. переехал в Петербург, где работал в качестве редактора Свода законов. В 1859 г. Калачов выступил со статьей «Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях», явившись основоположником изучения русского обычного права. Калачов является также организатором архивного дела в России и, наконец, одним из выдающихся деятелей судебной реформы. Между прочим, по инициативе Калачова в судебные уставы 1864 г. было введено применение в гражданском судопроизводстве норм обыч-

³¹ «Географические известия», 1850, 3; перепечатано: К. Д. Кавелин, Сочинения, т. IV, Этнография и правоведение, СПб., 1900, стр. 167—178.

³² «Вестник РГО», 1859, № 12, Приложение, стр. 12—13.

ного права. Калачову же «Этнографический сборник» обязан своим возобновлением, притом примерно по старой программе, он же явился редактором двух последних выпусков. Однако и Калачов пробыл во главе Отделения этнографии только до 1865 г., когда он переехал в Москву вследствие своего назначения начальником московского архива Министерства юстиции³³.

Смена редакторов «Этнографического сборника» естественно отразилась на содержании отдельных выпусков. Как уже упоминалось, редакторами первого выпуска были Надеждин и Кавелин, второго выпуска — один Кавелин. Оба эти сборника имеют подзаголовок (в виде шмуцтитута) «Собрание местных этнографических описаний России». В соответствии с провозглашенной Надеждиным основной задачей русской этнографии, эти сборники целиком посвящены этнографии русских, украинцев и белорусов. Третий выпуск имеет подзаголовок: «Статьи о русских и их соплеменниках» и содержит материал по этнографии преимущественно украинцев и белорусов. Редактором этого выпуска был историк-археограф, академик (с 1851 г.) М. А. Коркунов (1806—1858), в год выхода этого тома умерший. Четвертый выпуск имеет подзаголовок: «Статьи об инородцах», представляя собой, следовательно, осуществление плана, по которому статьи о не русских народах должны были издаваться отдельно. Редактором этого выпуска был Савельев. Наконец, последние, пятый и шестой, сборники были выпущены Калачовым, сотрудниками которого по их редактированию были: пятого сборника — В. И. Ламанский (1833—1914), тогда молодой, но уже известный славист, с 1865 г. профессор Петербургского университета, впоследствии основатель и долголетний, с 1891 по 1912 г., редактор журнала «Живая старина», шестого — В. В. Стасов (1824—1906), известный уже тогда искусствовед и фольклорист, состоявший с 1863 по 1865 г. секретарем Отделения этнографии.

Рассматривая содержание двух последних выпусков «Этнографического сборника», можно сказать, что Калачов и его сотрудники в значительной мере оживили и обогатили это издание. Оба выпуска посвящены главным образом этнографии славян и русских, включают, однако, и материал по не русскому населению России. Сборники имеют два отдела: «Исследования, описания и материалы» и «Смесь», состоящую из мелких статей, заметок и публикаций; введены также ценнейшие годовые этнографические библиографии В. И. Межова. В сборниках представлены и чисто описательные статьи, и серьезные исследования, как работа А. Ф. Гильфердинга «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» и самого Калачова «Артели в древней и нынешней России». Таким образом, эти сборники далеко ушли от печатания только ответов и откликов на программу РГО и сделали орган русской этнографии в широком смысле. Выдающееся значение имело напечатание в шестом выпуске «Программы для собирания народных юридических обычаев», составленной Калачовым. Будучи, как отмечено, первым исследователем обычного права в России, Калачов этой программой положил начало тому широкому течению в русской этнографии, которое было посвящено собиранию и изучению обычного права русского народа.

Шесть томов «Этнографического сборника» РГО хорошо известны всем этнографам и многим не этнографам, которым так или иначе приходилось к ним прибегать. Поэтому особо останавливаться на их содержании нет надобности. Достаточно подчеркнуть, что эти сборники содержат во всяком случае обширнейший материал. Русская этногра-

³³ Не везло Отделению этнографии и в дальнейшем: после Калачова Отделение возглавляли: В. И. Ламанский — до 1868 г., В. В. Григорьев — до 1870 г., А. Ф. Гильфердинг — до 1872 г. (умер), затем на более долгий срок — Л. Н. Майков.

фия к тому времени уже накопила весьма значительный запас конкретных данных, и «Этнографический сборник» явился новым крупным вкладом. Содержащийся в сборниках материал чрезвычайно разнообразен. Особо ценными представляются монографические описания сел, стоящие в ту пору распространенным жанром этнографического описания. К сожалению, хорошее начало — указывать профессию автора — было соблюдено только в двух первых выпусках. Таким образом, трудно охарактеризовать весь авторский состав «Этнографического сборника». Авторы первого и второго выпусков в громадном большинстве священники. Это, видимо, в значительной мере объясняется тем, что программа 1847 г. распространялась через епархиальную сеть. В общем авторы статей всех выпусков принадлежат преимущественно к низовой интеллигенции того времени³⁴. Но Сборник отражает вступление в ту эпоху на этнографическое поприще и высококвалифицированных авторов — исследователей (Калачов, Гильфердинг, Потанин и др.). Наконец, вообще в работе над Сборником принял участие ряд крупных ученых того времени.

Изложенная нами история первого русского печатного этнографического органа свидетельствует о том, что, несмотря на ряд неблагоприятных обстоятельств, это предприятие было осуществлено в общем с большим успехом. В этом нет ничего неожиданного. Издание специального этнографического органа было подготовлено всей предшествующей историей русской этнографии, ее развитием и тем сравнительно высоким уровнем, на котором она находилась к середине XIX в.

История русской этнографии первой половины XIX в., к сожалению, пока почти совершенно не исследована. Это порождает ошибочное представление, будто русская этнография, после поистине грандиозных ее успехов в XVIII в., находилась якобы на ущербе. В этом отношении как раз русская этнография сугубо и радикально отличается от этнографии западноевропейской. Там, действительно, этнография переживает в первой половине XIX в. глубокий кризис, глубокий упадок. В России — совершенно иное. Развитие этнографии продолжается неуклонно. Хорошо известно, что развитие дореволюционной русской этнографии, как и всей русской общественной науки, отнюдь не представляло собой «единого потока». Наоборот, этнография отражала и выражала весьма различные течения. И все же, с точки зрения количественной, развитие русской этнографии в первой половине XIX в. совершалось в общем непрерывно. Но исторические сороковые — пятидесятые годы XIX в., годы, когда проблема народа, роль народных масс в истории, значение русской культуры стали в центре прогрессивной русской общественной мысли, сделались основной темой творчества великих русских писателей той эпохи, годы эти ознаменовались, с одной стороны, общим значительным подъемом русской этнографии, с другой стороны, особым вниманием к теме быта русского народа.

Возникший в середине XIX в. «Этнографический сборник» отразил этот подъем и это направление, явившись закономерным этапом в истории русской этнографии. В частности, развитие этнографии в России обусловило и потребовало на данном этапе создания своего специального печатного органа. Состав авторов Сборника явился отражением уже отмеченного особого качества русской этнографии — ее массовости и демократичности. По своему содержанию Сборник широко и отчетливо отразил обращение к исследованию русского быта как первоочередной задаче этнографии. Но наряду со всем тем Сборник свидетельствует

³⁴ П. П. Семенов приводит следующую, относящуюся к 1853 г. статистику авторов 305 поступивших в РГО рукописей: членов-сотрудников РГО 11, учителей 38, чиновников 20, помещиков 15, врачей 1, священников 174, семинаристов 6, купцов и мещан 8, крестьян 7, неизвестных 25; — см. П. П. Семенов, Указ. соч., стр. 109—110.

и о глубокой ограниченности русской этнографии той эпохи. Это была этнография преимущественно либерально-буржуазного направления, каковое направление и представлял Сборник. Основной установкой этой этнографии было обращение к прошлому, описание старинных форм культуры и быта, притом в значительной мере для реконструкции этого прошлого, а сверх того и с изрядной долей идеализации этого прошлого. С этой точки зрения данная эпоха, а вместе с тем «Этнографический сборник» РГО составляют определенную грань в истории русской этнографии. За этой гранью начинается новый период, когда русская этнография в ее передовых течениях принимает новое направление, когда ее содержание и задачи определяются теми началами, которые были указаны великими властителями русской революционно-демократической мысли — Белинским, Чернышевским и Добролюбовым.

Прекращение издания «Этнографического сборника» в 1864 г. было вызвано общей реформой выпуска печатных органов РГО. В этом году было решено издавать впредь особые «Записки» по каждому отделению РГО (т. е. по отделениям географии, статистики и этнографии), заменив этими «Записками» все специальные издания, выпускавшиеся отделениями до того, в том числе и «Этнографический сборник»³⁵.

«Записки РГО по Отделению этнографии» начали выходить с 1867 г. Новое этнографическое издание сделалось надолго, хотя и не строго периодическим, но регулярно издававшимся печатным органом русской этнографии, предназначенным, правда, преимущественно для более крупных работ. Для меньших по размеру публикаций русский этнограф имел попрежнему, вместе с тем все расширявшееся разнообразие органов печати: общие периодические и неперіодические издания РГО и его многочисленных местных отделов, затем — «толстые» журналы, далее — начавшие в то время выходить оригинальные местные сборники (Ярославский, Пермский, Нижегородский, Вологодский, Олонецкий, Харьковский и др.), губернские и областные «Памятные книжки», «Труды» губернских статистических комитетов, «Труды» местных ученых архивных комиссий, разнообразные иные местные краеведческие издания, «Епархиальные ведомости» и т. д., наконец, «Губернские ведомости», как и иную провинциальную прессу.

Но непрерывно возникают и новые, целиком или частично посвященные этнографии издания: с 1868 г. «Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», с 1878 г. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете»; особо по Кавказу издаются: с 1868 г. «Сборник сведений о кавказских горцах», затем сменивший его в 1881 г. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Наконец, в 1889 г. возникает первый русский периодический этнографический орган — журнал «Этнографическое обозрение», к которому вскоре, в 1891 г., присоединяется второй русский дореволюционный этнографический журнал — «Живая старина». Таким образом, можно сказать, что русская этнографическая пресса была исключительно широко развита.

В советское время возник новый этнографический журнал — «Советская этнография», орган новой, построенной на великой основе марксизма-ленинизма, имеющей новые задачи, советской этнографической науки.

³⁵ См. журнал заседания Отделения этнографии от 10 ноября 1864 г., «Известия РГО», 1865, т. I, № 2, стр. 132—133.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В КАВКАЗСКИХ ПОВЕСТЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

Интерес Л. Н. Толстого к этнографии кавказских горцев возник в период его пребывания на Северном Кавказе в 1851—1854 гг. Толстой наблюдал тогда быт и нравы горцев, знакомился с их обычаями и обрядами, изучал их языки и устную народную поэзию. Это нашло отражение в его письмах, «Кавказском дневнике» и ранних кавказских произведениях. Например, немало строк, посвященных этнографическим наблюдениям, можно найти в письмах к Т. А. Ергольской, датированных 1851 г. Толстой отмечал своеобразное устройство горских мельниц, описывал одежду горянок, сообщал об их манере стирать белье ногами, часто упоминал о характерных обычаях отдаривания и куначества. Любопытны этнографические сведения в дневниковых записях за 1852—1854 гг. о жилище ногайцев, об обычае кровной мести, о народных суевериях. Например: «В простом народе существует убеждение, что присутствие зрителей при кончине мучительно для умирающего, что душа тяжело выходит из тела (то же и при родах)». Некоторые записи касаются народной медицины: «Аип лечил мое горло порошком чернильного ореха. Он уверяет, что гладкий орех полезен для мужчин, а шишковатый для женщин». Или: «Лечение сведенных членов растиранием ног[ой] подтверждает мнение, что большая часть странных болезней и лечений простого народа объясняется магнетизмом», и др.

В ранних кавказских произведениях Толстого: «Набег» (1852), «Рубка леса» (1852—1854), «Казаки» (1852—1862), «Кавказский пленник» (1872) и некоторых других уже прослеживается тенденция к изображению быта горцев. В «Набеге» дано описание их жилищ: «длинные чистые сакли с плоскими земляными крышами и красивыми трубами»¹, показан кладбище с могилами джигитов — «перпендикулярно стоящие высокие камни и длинные деревянные шесты с приделанными к концам шарами и разноцветными флагами».

В «Кавказском пленнике»² изображена уже более полная картина жизни горцев. Дано описание женского и мужского костюмов: «...татарка молоденькая, в рубаше цветной, распояской, в штанах и сапогах...», девочка «одета в рубашу длинную синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие, с высокими каблуками, на шее монисто, все из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная, и в косе лента, и на ленте привешены бляхи и рубль серебряный», «татарин... с красной бородой»³, в бешмете в шелковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, черная, назад заломлена». «Одет черноватый еще лучше:

¹ См. Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, Юбилейное издание, т. 3, 1952, стр. 33.

² Л. Н. Толстой, Собр. соч., т. 10, ГИХЛ, М., 1952, стр. 155—156.

³ В прошлом горцы имели обыкновение окрашивать бороды (если они не были черными) персидской хной в красномедный цвет.

бешмет шелковый синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный: башмачки красные сафьяновые, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка».

Толстой сообщает подробности, касающиеся пищи горцев: «принесла хлеба пресного на дощечке круглой», «на круглой дощечке блины просянные, и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское — буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле».

Описано внутреннее устройство жилища горцев: «Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. В передней стене пуховики пестрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки — и все в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки».

Отображен и обычай горцев собираться на площади возле мечети для разрешения важных аульных дел: «собрались татары у мечети, спорят, кричат».

Подробно описаны похороны: «...собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мертвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришел мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядом на пятки перед мертвым. ...Потом прочел мулла молитву, все встали, подняли мертвого на руки, понесли. Принесли к яме; яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мертвого подмышки да под лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот ...заклали камышом яму, живо засыпали землей, сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядом перед могилкой. Долго молчали. — Алла! Алла! Алла! — вздохнули и встали».

По возвращении с Кавказа Толстой продолжал изучение этнографии и фольклора горцев по печатным материалам. В 1875 г. он писал А. А. Фету: «Читал в это время книги.... это Сборник о кавказских горцах»⁴.

Интерес Л. Н. Толстого к «Сборнику сведений о кавказских горцах» был продолжителен и глубок. Особенно интенсивно он изучал его в период создания повести «Хаджи-Мурат»⁵. В то время он вообще прочитал очень много книг по этнографии и фольклору горцев.

В яснополянской библиотеке хранятся шесть томов «Сборника» (I—IV, VI и VII), испещренные собственноручными пометами Л. Н. Толстого, которых в общей сложности насчитывается несколько сот. Обилие и, главное, разнообразие помет свидетельствуют о том, что они сделаны в разное время и в несколько приемов. Наиболее многочисленны пометы в разделе «Этнографические очерки», которые Толстой изучал особенно тщательно. Главным образом внимание Толстого привлекали сведения, касающиеся жизни, быта и нравов дагестанских горцев — аварцев, даргинцев, лаков и других. В разделе, посвященном материальной культуре дагестанских горцев, сделаны 32 пометы. Они относятся к описанию утвари и пищи дагестанских горцев, устройству их жилищ (внешнее и внутреннее), формам одежды, орудиям сельского хозяйства и описанию сельскохозяйственных работ — пахоты, жатвы, молотбы и т. п. На страницах с описанием сельскохозяйственных обычаев и обрядов, бытовавших в Дагестане, сделано 11 помет. Толстой отметил обычай

⁴ «Сборник сведений о кавказских горцах», т. 1—10, Тифлис, 1868—1876. Об этом сборнике Толстой упоминает в письмах № 62, 67, 201, 234, хранящихся в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого Мин. Культуры СССР.

⁵ См. «Материалы Х[аджи] М[урата]». Автограф хранится в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого Мин. Культуры СССР.

объявления начала жатвы, даргинский праздник весны «Андживах», праздник вывоза плуга в поле у лаков, обряд, приуроченный к первому дождю, обряд вызывания дождя в засуху, обычай коллективных работ при уборке урожая, заканчивавшихся веселым пиром — марша у лаков и вука-той-тойоче у даргинцев.

К описанию похоронных и свадебных обрядов относятся 15 помет. Они касаются описания похорон, сватовства, свадьбы, обычая стрелять в честь вдовы, отношений жениха с невестой и т. д. Толстой уделяет внимание внешнему быту дагестанских горцев, он отмечает такие обычаи, как коллективная обмазка стен у даргинцев, лаков и других народностей, посылка супа соседу, куначество, обязательное посещение приезжими всех домов, где были случаи смерти («альхам»), привычку сидеть, подложив под себя ноги, манеру брить волосы на голове у мужчин и мальчиков и др.

К обычному праву дагестанских горцев относятся 5 помет, Толстой отметил обычай умыкания, побития камнями и т. д.

Большое внимание Толстой проявил к материалам, характеризующим тяжелое и бесправное положение горняков Дагестана. Он сделал 8 помет, относящихся к предписываемой религией обязанности горняков служить мужьям, к выполнению ими непосильных работ и по дому и в поле, к описанию того, как женщины носят тяжести, и др.

В разделе, посвященном описанию игр, забав, танцев дагестанских горцев, имеется 5 помет, отмечены игра в камень, описание даргинской народной пляски «хара», даргинского танца «киркканкуари» и другие. К дагестанским народным гаданиям, верованиям и т. п. относятся 27 помет Толстого.

В общей сложности на полях «Сборника» насчитывается сто с лишним помет Толстого, относящихся только к этнографическому материалу. Все эти пометы свидетельствуют об огромном запасе сведений Толстого в области этнографии горцев Кавказа и особенно Дагестана.

Но Толстой не ограничивался только пометами, он, кроме того, тщательно конспектировал этнографический и фольклорный материал. В Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого Мин. культуры СССР хранится автограф Толстого «Материалы X[адж i] M[yurala]», содержащий 146 записей, касающихся быта, пищи, одежды, жилища, обычаев и обрядов горцев Северного Кавказа, преимущественно Дагестана. Здесь же записаны горские народные песни, сказки, пословицы, поговорки, басни и т. п. Среди записей Толстого в автографе встречаются, например, такие: „свадьба, гулянье, ..брак, брачный пир, зурна... буттай — папа, бабай — мама; ...как живут лаки; устройство жилищ... кунацкая с украшениями и стихами; одежда мужчин...; ужин — посылка супа соседу; первый день весны, костер, стрельба...; работы весны; праздник вывоза плуга в поле; ...первый дождь...; натирание глиной, расписывание. Кизяки на кровле; чуреки с мятой...; пение, импровизация чугурчи...; почему женщины больше работают...; Вука-той-тойоче...“ и другие.

Некоторые обычаи и бытовые привычки дагестанских горцев зафиксированы Толстым в записной книжке 1896 г.⁶: „Ходили в каракуле во время жатвы... папахы навыворот [1]. Приносят траву, сушат на крыше и там же спят [2]. У женщин желтые штаны и красные сафьянные сапоги [3]. Перетаскивают снопы [4]. «Даллай» — веселая аварская песня“ [5] и др.

Помимо «Сборника сведений о кавказских горцах», Толстому были хорошо известны и другие кавказские периодические издания, содержащие сведения по этнографии и фольклору горцев. В письмах к В. В. Ста-

⁶ Записная книжка хранится в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого Мин. Культуры СССР.

сову и другим лицам он упоминает «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа»⁷ и «Кавказский сборник».

Весь фольклорный и этнографический материал по Кавказу, тщательно изученный и помеченный Толстым в период создания им повести «Хаджи Мурат», по своему содержанию, разнообразию и объему во много раз превосходил тот материал, который был использован в повести. В процессе изучения этнографического материала Толстым собирались такие сведения и отмечались такие факты по кавказской этнографии, которые не имели прямого отношения ни к самой повести, ни даже к замыслам ее, выраженным в толстовских вариантах. Указанное обстоятельство явилось следствием того, что материал этот изучался Толстым не только в рамках, которые предъявлялись ему как автору реалистического повествования, а гораздо шире — как этнографом-кавказоведом.

В повести «Хаджи Мурат» обширные знания этнографии кавказских горцев использованы с большим художественным чутьем. Толстой останавливается не на случайных, а на типичных, наиболее существенных явлениях современной ему жизни горцев. Создавая бытовые сцены, описывая одежду и жилище, Толстой не загромождает повествования излишними этнографическими деталями. Он использует этнографический материал постольку, поскольку это необходимо для реалистического изображения действительности, а не ради погони за экзотикой.

Толстой работал над повестью «Хаджи Мурат» с 1896 по 1904 г. Существует десять редакционных версий повести с многочисленными рукописными вариантами.

Из истории создания «Хаджи Мурата» известно, что первоначально Толстой намеревался описать только гибель Хаджи Мурата (первая шемардинская версия повести — «Репей»), не касаясь ни его прошлой жизни, ни эпохи в целом. Но в процессе работы над повестью тема Хаджи Мурата у Толстого постепенно расширялась. В последующих редакциях повести: второй и третьей версии «Репей», четвертой и пятой, уже называвшихся «Хаджи Мурат», шестой и седьмой, названных «Хазават», девятой и десятой — «Хаджи Мурат», Толстой охватывает всю эпоху, описывая и прошлую жизнь своего героя и быт горцев.

Представляет большой интерес изучение творческого процесса использования Толстым этнографических данных в различных редакциях его повести. Этнографические детали в повести Толстого встречаются, начиная с первой, шемардинской, и кончая последней редакцией. Изучение всех последующих вариантов повести показывает, что Толстой тщательно взвешивал значимость каждой детали. Во всех вариантах можно найти новые бытовые подробности.

В первой шемардинской редакции повести, законченной 14 августа 1896 г. и носившей название «Репей», этнографических данных сравнительно мало. Толстой дает некоторые подробности одежды горцев — «черный бешмет, подпоясанный ремнем с большим кинжалом», черные мягкие чуваки и «черные спущенные ноговицы». Он подчеркивает характерную привычку горцев сидеть, облокотив руки на скрещенные ноги и обязательно в папахе: «Хаджи-Мурат замер в той же позе, облокотив руки на скрещенные ноги и опустив голову в папахе». Однако, в данном случае, за типично горским этнографизмом у Толстого вырисовывается

⁷ В библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохранилось 20 выпусков этого сборника — 8, 10, 15—17, 19—22, 25—32, 33—37, 39, 40. В письме от 30 января 1904 г. Л. Н. Толстой благодарит попечителя Кавказского учебного округа М. Р. Завадского за присылку ему выпусков этого сборника. Завадский 2 января 1904 г. писал Толстому: «Вследствие желания Вашего сиятельства, переданного мне учителем Шульгиным, я вместе с сим поручил отправить на имя Ваше 8, 10, 15, 16, 17, 19—22 и 25—32 выпуски «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», издаваемого при Управлении вверенного мне округа. К сожалению, я лишен возможности выслать Вашему сиятельству все вышедшие в свет выпуски этого сборника, так как некоторые из них в настоящее время составляют библиографическую редкость».

особенное и индивидуальное в личности изображаемого им героя. Здесь Толстой использует типичную для сидящих горцев позу (со скрещенными ногами), в которой «Хаджи Мурат замер... опустив голову», и для того, чтобы выразить его внутреннее душевное состояние — до некоторой степени безвыходность и тяжесть его раздумий, заставляющих склонить голову на руки. Здесь у Толстого пример органического слияния типично этнографической черты с индивидуальными чертами изображаемого персонажа. Это способствует наиболее яркому и в то же время этнографически правдивому раскрытию образа.

В этой рукописи Толстой вскользь отмечает горский обычай отдаривания⁸. Так, например, Хаджи-Мурат в ответ на то, что Мария Дмитриевна «подала ему корзиночку с абрикосами», «постепенно отвязал от своих часов сердоликовую печатку и подал ей». Толстой сообщает и некоторые подробности мусульманского молитвенного обряда — «каждый день пять раз молился, расстилал ковер и омываясь в быстрой речке», или: «в знак умерщвления внешних чувств закрыл большими пальцами уши, а указательным глаза». В этой рукописи нет еще многих бытовых деталей из жизни горцев, которые Толстой включил в последующие редакции. Запись на полях рукописи — «сакля — дом. Ходят ли женщины за водой?» — свидетельствует о том, что в процессе работы над повестью у Толстого развивался интерес к этнографическим деталям. В двух последующих редакциях повести от октября и ноября 1897 г. заметно увеличился этнографический материал.

Во второй редакции (11-я рукопись) описан горский обычай гостеприимства. Горец Таймасхан, встречая гостя, выражает перед ним, согласно горской традиции, свое радушие, совершенное почтение и полную готовность служить ему — «Таймасхан взялся за стремя, чтобы гость слез и ...повел гостя в дом», «Таймасхан обернулся к гостю и, приложив обе руки к груди, сказал, что он все сделает...», «Сыну он велел сейчас же зарезать барана, жене он велел делать чайпильники и варить баранину».

Толстой отмечает особенности устройства горского жилища — «врытую в гору саклю с галлерейкой», «маленькое оконце, в котором лежала шерсть», «сакли без окон с узким продольным отверстием», «чисто смазанный пол сакли», «пахучий дым от зажженных во всех домах кизяков для кипячения». Описана и одежда горцев: «Таймасхан в шубе, подпоясанный поясом с кинжалом», «шубы в накидку», «черные хозыри на белой черкесске», «ноговицы с чувяками», «черного курпея папах», на «свеже-бритой синей голове» горца. Одежда горянок — «желтая рубаха с широкими рукавами и в уборе монет на груди». Толстой изображает женщину, идущую за водой, «с большим кувшином на голове» и вслед за ней идущую «девочку лет 13-ти с маленьким кувшином». Интересно, что это бытовое явление, отмеченное в форме вопроса на полях рукописи шемардинской редакции, теперь введено в текст с характерной подробностью: в горах за водой ходят и дети, для которых изготавливают обычно специальные маленькие кувшины.

В третьей редакции повести (17-я рукопись) встречается частичное описание похоронного обряда: «Он застал только похороны отца: как несли его на носилках покрытого черной буркой и как Ханум шла за ним с другими женщинами и рвала на себе волосы». Толстой отметил характерные черты горского похоронного ритуала, а именно: умершего, как правило, несут хоронить на специальных носилках, называемых горцами «лестницей»; умершего мужчину обязательно покрывают сверху черной

⁸ Напомним, что этот обычай был известен Толстому по личным наблюдениям. См. письмо к Т. А. Ергольской от 6 января 1852 г. (Юбилейное издание Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Письма 1844—1855 гг., т. 59).

буркой⁹; проявление горя по умершему близкой ему женщиной. Горько плакать, рвать на себе волосы, бить себя в грудь и царапать ногтями лицо до крови в знак скорби по умершему считается в народе большим достоинством оплакивающей¹⁰.

Уже в этой ранней редакции рукописи выявилась характерная особенность использования Толстым этнографического материала. Он берет наиболее существенные этнографические элементы, которые необходимы ему в соответствии с его художественными требованиями для того, чтобы правдиво передать определенный момент повествования.

Характерно в этом отношении и описание горских обрядовых празднеств: «На празднике весны, когда выезжают в первый раз с плугом, он, засучив рукава и штаны, бегал и тоже обежал всех и обвешанный кинжалами, был введен в круг. Он же одним ударом шашки срубил голову барану и разрезал платок»¹¹. Или: «На празднике Курбан-Байрам он обскакал всех и лошадь его была вся увешана кинжалами и увязана платками так, что насилу могла итти».

Из всех хорошо известных Толстому подробностей этих празднеств он взял только те, которые необходимы для показа непревзойденной ловкости его героя, «резвости, молодечества и удалства».

К описанию этих праздников Толстой вновь возвращается в девятой редакции (48-я рукопись). Он пытается внести дополнительные этнографические подробности, но потом почти все описание зачеркивает. В каноническом тексте об этих праздниках не упоминается в связи с изменением общей композиции повести и исключением из нее подробностей, относящихся к детству и юности Хаджи-Мурата.

Повествуя о прошлой жизни Хаджи-Мурата, Толстой в той же редакции текста (15-я рукопись) отмечает горский обычай кровомщения, из-за которого Хаджи-Мурат, первоначально желавший перейти на сторону Кази-Муллы, после убийства его отца мюридами, резко изменил свои намерения и «сражался с горцами и Кази-Муллой за смерть своего отца».

В той же рукописи Толстой упоминает и горский обычай умыкания¹². Хаджи-Мурат «женился, увезя жену из Гоцатля. Родные выплатили за нее калым и она осталась». И далее: «Хаджи-Мурат сошелся с Абунунчал-Ханом и с ним вместе увез ему жену».

Описывая в 24-й рукописи сбор кукурузы у деда Хаджи-Мурата, Толстой, упомянув о полевом мешочке с чуреком и сыром, лежавшим под камнем, подметил типичную бытовую черту дагестанских горцев: «Руксат Али-Кизы села, достала лежавший под камнем мешочек, вынула из него черек и сыр и дав часть Хильясу, села на камень». Этот мешочек (обычно шерстяной) с чуреком и сыром и до сего времени является неотъемлемой принадлежностью каждого горца или горянки, отправляющихся в поле.

В 17-й и 19-й рукописях третьей редакции отмечена характерная привычка горцев «строгать палочку»¹³. «Хаджи-Мурат опустил голову и долго просидел так; потом взял палочку у тахты, достал из-под кинжала с слоновой вправленной золотом ручкой булатный ножик и начал ее резать». Или: «Как только он оставался один, он садился на ковер, до-

⁹ Женщин, как правило, покрывают не буркой, а одеялом.

¹⁰ По горскому обычаю, мужчины не должны плакать по умершему.

¹¹ Такая деталь, как разрезание платка, повидимому, была известна Толстому по личным наблюдениям, так как в литературных источниках, с которыми знакомился Толстой, об этом нигде не упоминается.

¹² Интересно отметить, что в статье А. В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним» («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1) Толстой подчеркнул следующее место: «Несмотря на легкость заключения браков, в Дагестане довольно сильно развит обычай похищать или увозить невест».

¹³ Эта деталь прослеживается в повести Толстого, начиная с третьей редакции и кончая десятой, включающей и канонический текст.

ставал ножик из-под кинжала и начинал резать палочку и вспоминать». Известную и поныне привычку горцев — строгать палочку на досуге во время размышлений или во время беседы Толстой подметил, еще будучи на Кавказе, что отражено в его письме от 9 ноября 1856 г. к В. В. Арсеневой: «Работать умно, полезно, с целью добра — превосходно, но даже просто работать вздор, палочку строгать¹⁴, что-нибудь, в этом первое условие естественной хорошей жизни...»¹⁵ Несомненно, эта деталь введена в текст на основе личных наблюдений, так как в литературных источниках, с которыми знакомился Толстой, о ней нигде не упоминается. Великий художник, желая подчеркнуть напряженное психологическое состояние героя, удачно использовал для этого характерный национальный штрих.

Воссоздав в первых редакциях повести многие типичные черты быта дагестанских горцев, Толстой в последующих редакциях прибавляет новые и одновременно уточняет, а в отдельных случаях перерабатывает ранее написанное. Так, в пятой редакции упоминается о старинном обычае горцев, согласно которому все основные житейские вопросы решались в ауле советом старейшин: «на площади у мечети два раза собирався джамаат стариков, чтобы обсудить, как поступить надо»¹⁶. В этой же рукописи описан праздничный вид горского мальчика, с «чисто выбритой головой», одетого «в бешмет и черкеску с хозырями, обтянутую ремнем с кинжалом».

В 29-й рукописи шестой редакции, относящейся, как и пятая, к 1898 г., дана типичная картинка горского быта: «Мать, идя за дровами, носила его за спиной в корзине и водила за руку, возвращаясь с полным на голове кувшином воды от фонтана, и иногда кормила пирожками и укладывала его голого спать на крыше и покрывала шубой и гладила папахой». В этом описании нашла художественное выражение целая совокупность этнографических элементов: широко распространенный и очень удобный в горных условиях способ переноски маленьких детей в корзине за спиной, обычная манера горянок носить воду из источников в кувшинах, подпирая их головой, привычка укладывать детей спать на крыше голыми и покрывать их шубой, обычай гладить лицо ребенка перед сном папахой¹⁷. В прошлом из-за отсутствия белья горцы всегда укладывали детей спать голыми под овчиную шубу, заменявшую одеяло. Зачастую голыми ложились спать и мужчины. Эту черту быта, порожденную бедностью горцев, Толстой, повидимому, наблюдал и сам во время пребывания на Кавказе. Кроме того, он находил указание на это и в литературе, которую изучал в период создания повести. Смотри, например, пометы Толстого в «Сборнике сведений о кавказских горах», относящиеся к следующим местам текста: «...беззаботно играют ребятишки (дети аварцев.— У. Д.-Ч.). Последние всегда полунагие, хотя костюм их и имеет претензию походить на зимнее, теплое платье. Он состоит из старого полшубка, во многих местах порванного, с оборванными до плеч рукавами, не закрывающего ни груди, ни живота; из холщевых или другой какой-нибудь бумажной материи, штаников, тоже порванных и достигающих немного ниже колен» (вып. III, стр. 6). «У горцев нет постельного и ночного белья и они спят совершенно нагие» (вып. VII, стр. 10).

В девятой редакции (48-я рукопись), относящейся уже к 1902 г., обычай гладить лицо ребенка папахой мотивирован Толстым народным поверьем: «Когда она до-нага раздевши любимого сына, укладывала его

¹⁴ Разрядка моя.— У. Д.-Ч.

¹⁵ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, Юбилейное издание, Письма 1856—1862 гг., т. 60.

¹⁶ Этот обычай отмечен и в каноническом тексте повести.

¹⁷ По старинному народному поверью горцев, это предотвращает ребенка от злых сил — шайтана.

голенького спать на крыше под овчиной шубой, она, погладив его папайхой, чтобы сон его был не потревожен шайтаном¹⁸, садилась на корточки подле него и пела». В каноническом тексте этот горский обычай не отмечен.

В той же редакции (39-я рукопись) в более развернутом виде по сравнению с третьей редакцией изображен обряд оплакивания умершего: «Он видел свою мать с растрепанными волосами и изуродованными чертами лица, шедшей за конем, везущим тело, раздиравшую себе лицо ногтями и вырывавшую себе пряди черных волос».

В данном случае Толстой, внося дополнительные этнографические детали, достиг значительно большей художественной выразительности текста.

Подлинного драматизма в описании обряда оплакивания достигает Толстой в каноническом тексте повести, где он приводит и новые этнографические подробности, не упоминавшиеся в предыдущих редакциях повести. «Сын... был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину. Благообразная женщина, служившая во время его посещения Хаджи-Мурату, теперь, в разорванной на груди рубаше, открывавшей ее старые, обвисшие груди, с распушенными волосами стояла над сыном и царапала себе в кровь лицо и не переставая выла. Садо с киркой и лопатой ушел с родными копать могилу сыну».

В десятой редакции повести замечается общее увеличение сведений по этнографии Кавказа.

Например, более полно и ярко, чем во всех предыдущих текстах, в последней редакции повести отражен традиционный обычай гостеприимства горцев. Старик «гостеприимно взялся за повод лошади Хаджи-Мурата и правое стремя». Такой прием и поныне считается обязательным в Дагестане при встрече гостя. «Старик, опередив Хаджи-Мурата, отворил ему легкую скрипевшую дверь в саклю», а хозяйка «стала раскладывать подушки у передней стены для сидения гостя». Хозяин дома «считал своим долгом защищать гостя-кунака, хотя бы это стоило ему жизни, и он радовался на себя, гордился собой за то, что поступает так, как должно» (т. е. по традиции).

Хаджи-Мурат дарит Бульке, сыну Марии Васильевны Воронцовой, дорогой серебряный кинжал, который очень понравился мальчику, а Марии Дмитриевне — белую бурку. Подлинное знание Толстым этнографии северокавказских горцев сказывается и в том, как мотивировка этих поступков Хаджи-Мурата раскрывается в диалоге действующих лиц. Толстой хорошо знал привычку горцев пояснять свои обычаи людям иной национальности. В соответствии с этим Хаджи-Мурат говорит Марье Васильевне, что «такой их закон, что все, что понравилось кунаку, то надо отдать кунаку», а Марье Дмитриевне — «...ты похвалила бурку, возьми. — Зачем это? — сказала Марья Дмитриевна, покраснев. — Так надо. Адат так, — сказал Хаджи-Мурат».

Таким же приемом Толстой разъясняет и содержание горских обычаев кровомщения и примирения за убийство.

О горском обычае примирения за убийство Толстой впервые упоминает только в окончательном тексте своей повести. Нукер Хаджи-Мурата, аварец Ханефи, рассказывает, как отец его убил дядю Хаджи-Мурата и родственники убитого должны были убить его и тогда Ханефи «попросил принять его братом. — Что значит: принять братом? — Я не брил два месяца головы, ногтей не стриг и пришел к ним. Они пустили меня к Патимат, к его матери. Патимат дала мне грудь, и я стал его братом».

Важно отметить, что в «Материалах Х[аджи]-М[урата]» Толстой, записав в пункте I «О примирении за убийство», ссылается на статью

¹⁸ Разрядка моя. — У. Д.-Ч.

А. В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним». В этой статье описаны обряды примирения за убийство у кюринцев, кумыков и других горских народов. Например, у кюринцев «в знак примирения на убийцу надевают саван и опоясывают его шашкой», у кумыков «старики и кадий приводят убийцу и ставят его вдали от родственников убитого, так чтобы только можно было рассмотреть его лицо», и «он с обнаженной головой падает на землю и не встает до тех пор, пока близкий родственник убитого не скажет ему: «встань, мы простили тебя» и т. д. Однако такой обряд примирения, о котором рассказывает Толстой, в статье Комарова не описывается. Этот обряд существовал у аварцев и подробности о том, что убийца в знак примирения должен был не брить головы, не стричь ногтей и прикоснуться к груди старшей родственницы убитого, были известны Толстому не из литературы¹⁹, а из других источников. Это свидетельствует о необыкновенно тщательном изучении и отборе Толстым этнографического материала.

Обычай кровной мести в Дагестане отражен в каноническом тексте повести следующим образом. В беседе с Лорис Меликовым Хаджи-Мурат рассказывает о том, как он с братом Османом убил имама Гамзата, так как им «надо было кровь его за ханов», т. е. отомстить за ханов, которые доводились им молочными братьями. «Кумышки... князья, жившие в Таш-Кичу и ненавидевшие Хаджи-Мурата и имевшие с ним кровомщение», воспрепятствовали приезду Хаджи-Мурата в мечеть. Характерен и эпизод нападения кумыцкого князя Арслан-Хана на Хаджи-Мурата у дома Ивана Матвеевича. «За что он его убить хотел?» — спросил Бутлер через переводчика. — Он говорит, что такой у нас закон, — передал переводчик слова Хаджи-Мурата. — Арслан-Хан должен отомстить ему за кровь, — вот он и хотел убить».

Каждый приведенный Толстым бытовой штрих, относящийся к жизни горцев, типичен для них, вытекает из особенностей всего их общественного уклада.

Не случайно, например, Хаджи-Мурат, съев немного хлеба и сыра, «отстранился от еды», несмотря на то, что он «более суток ничего не ел». Согласно горскому этикету, существующему и поныне, горец-джигит не должен много есть в гостях.

Характерно описание поведения горянок в присутствии мужчин: «женщины, тихо двигаясь в своих красных, бесподошвенных чукьяках, устанавливали принесенное перед гостями». О молодой сказано: «Она не смотрела на гостей, но видно было, что чувствовала их присутствие». Тихие движения, мягкие шаги, боязнь поднять глаза — все эти штрихи подчеркивают бесправное, приниженное положение горянок в прошлом в семье и обществе. Считая женщин низкими существами, мужчины не позволяли себе говорить о делах в их присутствии. «Садо и Хаджи-Мурат — оба молчали... Элдар же... был неподвижен, как статуя, во все время, пока женщины были в сакле».

Верно представлена в повести и домашняя обстановка горцев. Правильно изображено их жилище, внутреннее устройство и убранство, отмечено характерное в пище, утвари, одежде, вооружении и т. п.

Толстой отмечает «дверь и столбы галлерейки», типичные для горской сакли. В сакле он выделяет кунацкую, предназначенную для приема гостей, в которой «на гладко вымазанной и чисто выбеленной стене... между двумя большими тазами» висело оружие хозяина, и второе отделение, «где жило все семейство». Отмечен и характерный «запах дыма и кислого молока» в сарае, где доили коров и топили молоко.

Типичен для пищи горцев подбор кушаний, которыми угощали Хаджи-Мурата в доме Садо. Обычен и прием подавать гостю воду для

¹⁹ Статья А. В. Комарова по этому вопросу была в то время наиболее популярной и в своем роде почти единственной.

омовения рук перед едой. «Жена Садо несла низкий круглый столик, на котором были чай, пильгиши, блины в масле, сыр, чурёк — тонко раскатанный хлеб — и мед. Девочка несла таз, кумган и полотенце».

Поражает тщательность описания Толстым одежды горцев и манеры ее ношения. Толстой замечает «мягкие чувяки», «подтянутую черкесску» и «бешмет» горца, или «снятые у двери деревянные башмаки»²⁰ и сдвинутую на затылок старую истертую папаху».

«Я люблю писать только то, что я хорошо понимаю», — писал Толстой в одном из писем Александре Андреевне Толстой 26 января 1903 г. Слова эти относятся ко времени, когда создавалась повесть «Хаджи-Мурат» и они вполне применимы к ней. Толстой действительно «хорошо понимал» изображаемый им быт северокавказских горцев. Его описание элементов материальной культуры и поведения северокавказских горцев точно совпадает с подлинными фактами кавказской этнографии. Многие этнографические черты отмечены Толстым на основе его личных наблюдений. Это подтверждается тем, что в литературных источниках, которыми пользовался Толстой, о таких деталях не упоминается.

Само собой понятно, что Толстой не задавался целью фотографического воспроизведения этнографических особенностей северокавказских горцев. Использование этнографического материала тесно увязано с художественным замыслом автора. Воспроизведение этнографических деталей подчинено художественным требованиям. Поэтому материал о быте северокавказских горцев, содержащийся в повести, качественно отличается от этнографического материала. Толстой использует этнографические подробности для показа реальной обстановки, в которой происходит действие, и для характеристики и раскрытия образов горцев — главного героя и эпизодических персонажей повести в национальном преломлении.

Сравнительное изучение последовательных редакций повести «Хаджи-Мурата» с точки зрения использования автором этнографического материала показывает, что Толстой производил очень тщательный подбор, добиваясь передать типическое без перегрузки текста этнографизмами. Поэтому он вычеркивал одни детали и вводил другие или вновь возвращался к некоторым зачеркнутым. В каноническом тексте этнографических элементов значительно больше, чем в предыдущих редакциях текста, что свидетельствует о том, что в процессе создания повести Толстой неуклонно продолжал изучать этнографические материалы.

Сочетание огромного художественного чутья с глубоким изучением вопроса привело Толстого к верному пониманию и подлинно проникновенному изображению быта северокавказских горцев.

²⁰ Горцы при входе в дом всегда снимают свои башмаки или галоши и остаются в комнате в мягких чувяках или одних шерстяных носках, подшитых кожей.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. П. АНИКИН

О СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Изучение специфических особенностей народного творчества — важнейшая задача советской фольклористики.

В. С. Бахтин в статье «О некоторых проблемах фольклористики»¹ справедливо критикует авторов «Очерков русского народнопоэтического творчества советской эпохи» (М.—Л., 1953) за то, что они не освоили до конца концепцию, согласно которой народное творчество есть *коллективное* творчество трудовых масс народа. Невнимание к коллективности творчества, как к отличительной особенности «фольклора», свойственно не только авторам «Очерков», но и многим другим специалистам по народной поэзии. Это свидетельствует о крайне неблагоприятном положении, которое сложилось в науке о народном творчестве.

В. С. Бахтин обстоятельно показал неправомерность отнесения сырых, а в некоторых случаях и порочных произведений к народному творчеству.

Как свидетельствуют «Очерки», некоторые фольклористы до сих пор не преодолели одного серьезного теоретического заблуждения Ю. М. Соколова. Академик Ю. М. Соколов много сделал для организации работы собирателей и исследователей народного творчества, для популяризации его; в теоретических работах Ю. М. Соколова высказано немало правильных положений относительно народного творчества. Но в теоретических работах Ю. М. Соколова было немало и ошибок. Ю. М. Соколов неправильно, в прямой ущерб коллективной природе народного творчества, преувеличивал роль и значение отдельного мастера в творческом процессе и тем самым неверно решал вопрос о специфических особенностях народной поэзии.

Признавая, что «фольклор» творится народом, Ю. М. Соколов предлагал считать каждого исполнителя устно-поэтических произведений автором их, а каждую отдельную запись общенародного произведения *самостоятельным* отдельным произведением. Он писал: «...к каждому варианту необходимо относиться как к имеющему самостоятельное значение художественному факту. Стоит только сделать записи, например, сказок на один и тот же сюжет от двух различных сказочников, чтобы убедиться в том, что мы имеем дело с двумя разными произведениями, хотя сходными тематически и сюжетно»². Таким образом, народное творчество становится совокупностью большого числа отдельных произведений, созданных отдельными авторами. Тем самым снимается вопрос о коллективном творчестве в народной поэзии.

Ю. М. Соколов приравнивал коллективный творческий процесс в народной поэзии к индивидуальному творческому процессу в литературе. Он писал: «Как бы велика ни была власть поэтической традиции, по

¹ «Советская этнография», 1953, № 2.

² Ю. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1938, стр. 13.

существо в творческом устно-поэтическом процессе нет принципиального отличия от того, что составляет творческий процесс и в литературе»³.

Как свидетельствуют «Очерки», часть советских фольклористов продолжает некритически относиться к теории индивидуального происхождения произведений народного творчества.

Тенденция приравнять народно-поэтический коллективный творческий процесс к творческому литературному процессу наделала много бед авторам «Очерков». Авторы оказались бессильны отличить литературное творчество начинающих поэтов и писателей от подлинного коллективного творчества широких трудовых масс.

Теория индивидуального происхождения народно-поэтических произведений в своих истоках восходит к давним временам. Развитие положений ее дала историческая школа, отрицавшая творческие возможности широких масс и считавшая творцами «фольклора» представителей господствующих классов. Народные массы, по этой теории, лишь портили то, что было создано отдельными выдающимися лицами.

Советские фольклористы должны решительно преодолеть ошибки либерально-буржуазных теорий. Наша наука имеет свое богатое теоретическое наследство, и она должна его использовать. Это наследство оставили нам революционные демократы. Огромнейшее значение для нас имеют высказывания по вопросам народного творчества классиков марксизма, их соратников и учеников.

Напомним, что говорили о предмете науки предшественники советской фольклористики. Вождь и глава русских революционных демократов — Н. Г. Чернышевский писал о народных песнях, «созданных всем народом, как одним нравственным лицом», и этим отличал их от произведений, «писанных отдельными лицами»⁴. Этот взгляд разделяли и В. Г. Белинский и Н. А. Добролюбов.

Для глубокого знатока и теоретика народной поэзии А. М. Горького была бесспорной мысль о том, что устная поэзия — творчество коллективное. А. М. Горький не раз говорил о «коллективной силе народных масс, создавших бессмертные драгоценности в поэтическом творчестве»⁵. «Только гигантской силой коллектива, — писал А. М. Горький в статье «Разрушение личности», — возможно объяснить непревзойденную и по сей день глубокую красоту мифа и эпоса, основанную на совершенной гармонии идеи с формой»⁶; и далее: «Мощь коллективного творчества всего ярче доказывается тем, что на протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного Илиаде или Калевале»⁷ (разрядка моя. — В. А.).

В народной поэзии творческий процесс носит ярко выраженный коллективный характер, и именно в этом, по убеждению А. М. Горького, заключалась специфическая особенность народного творчества.

В беседе с композитором У. Гаджибековым И. В. Сталин сказал: «Народ свои песни шлифует в продолжение столетий и доводит до высшей ступени искусства»⁸. В высказывании И. В. Сталина подчеркнута коллективная творческая природа высокохудожественной народной песенной поэзии. Вне понимания народного творчества как творчества коллектива, как творчества, создаваемого поколениями народа, как творчества, подвергающегося многолетней шлифовке в процессе всей жизни устных произведений, нельзя дать объяснения бессмертному художественному совершенству устно-поэтических

³ Ю. М. Соколов, Указ. раб., стр. 13.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Статья «О песнях разных народов» Н. Берга (1854), Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 305.

⁵ А. М. Горький, Литературно-критические статьи, ГИХЛ, М., 1937, стр. 32.

⁶ Там же, стр. 26.

⁷ Там же, стр. 27.

⁸ Узеир Гаджибеков, Пути советской оперы, журн. «Советская музыка», 1939, № 5, стр. 21.

произведений, равно как нельзя объяснить и ряд других важнейших характерных особенностей народного творчества.

В народном искусстве запечатлены творческие усилия множества людей. Коллективный творческий труд есть условие создания бессмертных народно-поэтических художественных ценностей. Вот почему устные произведения в записи от отдельных сказочников и песенников — не профессионалов являют образцы высокого искусства. Народная сказка, записанная от одного человека, не создана им целиком.

Здесь уместно поставить вопрос о том, какую роль играет личный творческий почин в создании народной поэзии.

Значение личного творчества в народной поэзии огромно: не будь его, не было бы и самого коллективного творчества. История народного творчества знает замечательных творцов устной поэзии: «вопленица» И. А. Федосова, сказитель былин Т. Г. Рябинин, самарский сказочник А. Новопольцев, мастера советской устной поэзии — Е. П. Кривошеева, М. Р. Голубкова и многие другие.

Каждый из сказителей вносит в устно-поэтическое творчество что-то свое, и, если это новое полно и образно выражает мысли и чувства народа, оно принимается другими людьми, начинает переходить из уст в уста. В результате совместной работы многих лиц появляется общее, несущее на себе неизгладимую печать коллективного труда.

Коллективное творчество, народный художественный опыт передаются из поколений к поколениям, от одних людей к другим. Результаты коллективного творческого труда усваиваются каждым мастером народного искусства. Как правило, отдельный мастер берет у народа поэтические приемы, выразительные средства, интонацию, поэтический склад, нередко и самые образы и идейное освещение событий, о которых он рассказывает.

Творчество отдельных мастеров и творчество всего коллектива народа составляют нерасторжимое единство: коллективный труд — достоинство всего коллектива. Именно по этой причине о произведениях народного творчества нельзя сказать, что они целиком созданы тем или иным «автором». Их автор — народ.

Творчество отдельного человека и творчество народа составляют нерасторжимое единство при условии, если отдельный человек выражает народные мысли и чувства и в том, что нового вносит он в коллективное народное творчество, и в том, как он осваивает коллективный художественный опыт своих предшественников. Необходимо иметь в виду, что отдельный человек может не только улучшить результат коллективного труда, он может и ухудшить его. Но в процессе коллективной творческой обработки произведения, в конце концов, порча, ложь, все чуждое народу в целом уничтожается. Замечательно об этом говорил М. И. Калинин «Вы понимаете, — сказал он, — что в народе не может сохраниться то искусство, которое не представляет ценности. Народ — это все равно, что золотоискатель, он выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий, только самое ценное, самое гениальное»⁹.

Наблюдения А. М. Горького над процессом создания произведений народного творчества подтверждают мысль о том, что коллективное начало в народной поэзии явилось главной, определяющей силой, ставшей основой для поэтической деятельности отдельных людей. По удачному выражению героини рассказа «Как сложили песню» кухарки Устиньи она складывает песню, «как нитку сучит»¹⁰. И, действительно, из кудели устной поэзии народа она поистине сучит песенную нить, не затрудняясь в выборе поэтических приемов. Устинья импровизирует строку за строкой, пользуясь готовыми оборотами, поэтическим словарем, художе-

⁹ М. И. Калинин, О литературе, Лениздат, 1949, стр. 196.

¹⁰ А. М. Горький, Собр. соч., т. 11, М., 1951, стр. 292.

ственными средствами всей песенной устной поэзии. Заимствуя из народной лирики близкое себе, нужное для выражения ее мыслей, и ее настроения, Устинья создает, конечно, свою песню о тоске, лишениях и муке, которые испытывает в большом капиталистическом городе человек, оторванный от родного села. Но разве можно сказать, что песня Устиньи со всеми поэтическими особенностями, стилем, образной системой, ритмикой создана только ею? Конечно, нет. Устинья складывала песни на основе всей народной поэзии, в общем народно-поэтическом стиле и в согласии с общим идейным направлением народной песенной лирики.

В народном творчестве действует особая народно-поэтическая традиция. Народно-поэтическая традиция, передающаяся от поколений к поколениям, есть коллективный художественный опыт народа, закрепленный в сложной системе поэтических приемов и выразительных средств, единых для всех творцов народной поэзии в данный исторический период развития народного творчества. Народно-поэтическая традиция есть передача от поколений к поколениям устных народных произведений, шлифуемых на протяжении веков. Народно-поэтическая традиция есть, таким образом, выражение и проявление коллективного творческого процесса.

Эта традиция дает возможность многим сказителям вести творческую работу над одним и тем же образом, что, как правило, исключено в письменной литературе. Именно благодаря этой традиции былинный эпос был донесен до нашего времени неизменным в существенных своих чертах.

Благодаря устной традиции на протяжении ряда лет в каждый большой исторический период народ вырабатывал общий для всех сказителей художественный стиль, который составляет неотъемлемую принадлежность всех произведений устной народной поэзии этого периода.

Эту особенность народной поэзии точно отметил Н. А. Добролюбов. «Разбирая внимательно наши песни, сказки и пр., — писал Н. А. Добролюбов, — нельзя не подметить, что в них народ создал себе некоторый особенный способ выражения, которого придерживается более или менее неизменно и постоянно»¹¹.

Народно-поэтическая традиция является силой, способствующей развитию народного творчества. Традиция изменяется с изменением идейного облика народа, с изменением социального положения трудовых масс народа.

Итак, специфика народной поэзии состоит в том, что это коллективное творчество широких трудовых масс народа. Народно-поэтическая традиция, сказывающаяся в творчестве отдельных мастеров, есть проявление и выражение коллективного творческого начала народной поэзии. В народной коллективной поэзии обязательно соавторство предшествующих и последующих создателей — исполнителей произведения. Можно сказать и можно доказать, что в стиле разных сказочников есть много общего, обусловленного тем, что они соучастники коллективного творческого процесса.

Традиция существует и в литературе, но эта традиция отличается от народно-поэтической традиции. Она не связана, как в народном творчестве, с прямым заимствованием чего-либо со стороны писателя у своих предшественников, она не связана с единым для всех писателей художественным стилем, она исключает непрерывную работу нескольких писателей над одним и тем же образом, над одним и тем же художественным произведением. Правда, образ Дон Жуана привлек Мольера, Байрона, А. С. Пушкина, А. К. Толстого и других писателей. Но ведь этот образ взят из народного творчества, и только это обстоятельство позволило писателям возвращаться к одному и тому же образу, в основе своей созданному народным творчеством. Писатели приняли участие в коллек-

¹¹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в 6 томах, т. 1, 1939, стр. 522.

тивной работе народа. Это лишь подтверждает положение о коллективной творческой природе народной поэзии. Между тем, что бы мы сказали, если бы сегодня одним из писателей вздумал обрабатывать подобным путем, скажем, образ Онегина или Клима Самгина, образы, не известные народному творчеству. Такие вещи невозможны. «Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов,— писал В. Г. Белинский.— Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина. что он их ученик; но нельзя сказать и еще меньше доказать, что он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов»¹².

Коллективная творческая природа создала условия для яркого отражения в народном творчестве существенных особенностей *народа*, подлинных чаяний и ожиданий народных.

Народная поэзия творится коллективно, каждый из творцов ее, простой труженик, обладает немалым жизненным опытом. Вот что говорил П. П. Бажов о стариках — бывальцах Урала, хранителях и творцах народного искусства: «Таких старичков много было на уральских заводах. Это старые опытные рабочие, которые лет двадцать пять, а то и больше проработали у печей, в шахтах, на приисках, «изробились», уже не нужны хозяевам. Их переводят на работу полегче: в лесообъездчики, в сторожа. Это обычно, видевший виды человек. Он философ, и философия его зиждется на огромном жизненном опыте. Он всегда знает что нибудь занятное, и у него есть досуг, чтобы порассказать»¹³.

Трудно себе представить, как огромен жизненный опыт всего народа, взятый целиком. Из жизненного опыта отдельных творцов народной поэзии складывается коллективный социально-исторический опыт народа, он-то и воплощен в народном творчестве. Слова А. М. Горького о пословицах и поговорках: «...пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный социально-исторический опыт трудового народа...»¹⁴ — можно отнести ко всем произведениям народного творчества.

Огромный социально-исторический опыт народа — источник правдивого изображения действительности в народном творчестве. Глубокая жизненная правда — характерная черта народного творчества.

Неглубокое, а иногда и искаженное отражение действительности в народной поэзии, если оно не привнесено в народное творчество случайным путем, всегда связано с исторической ограниченностью мировоззрения народных трудящихся масс. Историческое развитие народной поэзии в том и состоит, что народ все глубже и глубже постигал существо действительности. Жизненная правда в рамках исторически возможной глубины отражения действительности является характерной чертой народной поэзии.

Коллективная творческая природа народного искусства обусловила яркость и полноту отражения важнейших тем современной народу жизни. Чаще всего это основная, центральная для эпохи тема и освещается она всегда с точки зрения народа. Иначе и быть не может. Народ, об устном творчестве которого идет речь, творец истории. Все исторические события кровно касаются народа. Понятно, что эти события находят свое отражение в творчестве народа. Коллективный творческий процесс создает условия для отражения таких событий: передаваться от одного к другому, волновать *всех*, многие тысячи людей может только то, что всех касается, что имеет самое непосредственное отношение к судьбам *всех*. Все постороннее, нехарактерное, жизненно не важное устраняется при коллективном творческом процессе. История народного творчества свидетельствует, что темы для создаваемых произведений народ выделяет из числа цен-

¹² В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 334.

¹³ Цит. по кн.: Л. Скоринно, П. П. Бажов, «Советский писатель», 1947, стр. 32 (запись беседы от 24 мая 1943 г.).

¹⁴ А. М. Горький, Литературно-критические статьи, стр. 346—347.

тральных вопросов эпохи и освещает их с точки зрения трудящихся масс. Именно эта черта народного творчества позволила А. М. Горькому сказать на Первом Всесоюзном съезде советских писателей: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества»¹⁵.

Следующим характерным признаком народного творчества, обусловленным народным коллективным процессом, является то обстоятельство, что обобщения народного творчества носят чрезвычайно широкий характер. Емкость их необыкновенна.

А. М. Горький неоднократно на протяжении всей своей долголетней деятельности высказывал мысль о том, что народной поэзии свойственна необыкновенная сила обобщений. Об образах Прометея, Святогора, Ильи и Микулы А. М. Горький писал как о «широких обобщениях», созданных наряду с «сотней других гигантских обобщений жизненного опыта народа»¹⁶.

Именно коллективным происхождением народной поэзии объясняется та ее особенность, что народная поэзия типизирует такие черты в изображаемых ею людях, которые с наибольшей полнотой и заостренностью выражают сущность данной социальной силы. Для народного творчества характерна такая индивидуализация героев, которая целиком зиждется на вскрытых существенных чертах социальных типов. К примеру, герой сказки часто не имеет имени. Обычно в сказках действует бедняк и богатый, поп и работник, царь, солдат и т. д. С этим фактом связана и обнаженная, доведенная до предела простоты жизненная коллизия: столкновение попа и работника, царя и солдата, крестьянина и помещика, рабочего и капиталиста.

Народное творчество берет самое существенное в жизни изображаемых людей, самое с у щ е с т в е н н о е в общественных отношениях и тем удовлетворяет интересам всего трудового народа. Вот что писал Н. Г. Чернышевский о народной песне: «Народная песня должна прилагаться к чувствам решительно каждого человека; иначе она не нужна целому народу, а годится только для нескольких отдельных лиц...»¹⁷

Важнейшим следствием коллективного творческого процесса в народной поэзии является высокое совершенство народно-поэтических произведений. Об этом уже говорилось выше.

Народное искусство правдиво и вследствие этого совершенно, потому что оно творится непосредственными участниками жизни, практической борьбы, связанной с изменением действительности. Нужно оценить всю глубину мысли, заложенной в определении народного творчества, которое дал А. М. Горький. Он говорил, что это — «творчество т р у д о в о г о народа» (разрядка моя.— В. А.).

В народной поэзии отражена и оценена реальная действительность, познание которой имеет такое огромное значение в деятельности тружеников. Непосредственная связь народного искусства с общественной практикой народа является основной причиной художественного совершенства народного творчества. Коллективный творческий процесс в народной поэзии создал условия проявления социально-исторического опыта народа, вынесенного из его общественной практики.

Итак, коллективный творческий процесс дает возможность проявиться в народной поэзии глубокой жизненной правде, народности идейно-тематического содержания, широте, емкости и глубине обобщений и художественному совершенству народно-поэтических произведений. Это и есть характернейшие черты народного творчества. Вне понимания коллективной творческой природы народной поэзии все эти особенности устной поэзии трудового народа не объяснить.

¹⁵ А. М. Горький, Литературно-критические статьи, стр. 643.

¹⁶ Там же, стр. 27.

¹⁷ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, стр. 306.

Не учитывая коллективной творческой природы народной поэзии, нельзя понять и характера речевых норм, которые соблюдает народ в своем творчестве. Языку народной поэзии свойственна сильная тенденция к соблюдению общенародных норм. Коллективный творческий процесс очищает язык народной поэзии от провинциализмов.

Историческое изучение языка народной поэзии позволит выяснить конкретную картину все большего и большего проникновения общенародных речевых норм в язык народной поэзии. По мере сложения нации, по мере единения разрозненных территориальных областей в единую национальную общность тенденция к общенародной речевой норме все больше и больше прогрессировала в устном творчестве народа.

Тенденция к общенародной норме выразилась в том, что все наиболее распространенные сказки народа, песни, пословицы и поговорки созданы из чистого общенародного языка. Эта тенденция выразилась и в том, что во всех общих для народного творчества стилистических приемах — постоянных эпитетах, сравнениях, зачинах, концовках и т. д. — редко употребляются диалектные слова и диалектные обороты.

Коллективный творческий характер свойственен и произведениям устного творчества советского народа. Коллективное творческое начало проявляется в современных частушках, в песнях, в пословице, поговорке, в устном рассказе (если рассказ живет среди народа, переходя из уст в уста) и в других произведениях живых жанров советского устного народного творчества.

То обстоятельство, что, например, частушечная поэзия есть творчество коллектива, доказывается без труда общим частушечным строем этой поэзии, наличием множества вариантов одних и тех же частушек, записанных в разных местах СССР. Складывая частушки, тот или иной участник общего коллективного творческого процесса опирается на художественный опыт своих предшественников. Близость разных творцов частушки значительно более тесная, чем близость поэтов, создающих близкие по теме и идее стихотворения. Близость эта качественно иная, ибо она предполагает взаимное творческое общение, использование общих, вошедших в оборот огромного коллектива идей, образов, тем.

Значительно сложнее обстоит дело с другими жанрами. В. С. Бахтин подверг серьезной критике жанр сказа, сказки, зачислив безоговорочно их в разряд произведений не коллективного творчества, а творчества индивидуального. Это положение не может быть принято без оговорок. Не все советские сказки и сказы являются индивидуальным творчеством отдельных авторов.

Сказ Т. А. Долгушевой «По твоим заветам все исполнилось»¹⁸, сказка Ф. А. Конашкова «Самое дорогое»¹⁹, многие сказки и сказы других сказочников и сказителей, — это творчество, которое не могло бы иметь места, не предшествуй ему длительная народно-поэтическая традиция, коллективный художественный опыт, доставивший Т. А. Долгушевой и Ф. А. Конашкову огромный запас отшлифованных в веках художественных средств, приемов.

Сказительница Т. А. Долгушева вложила в слова своего сказа непоколебимую веру советского народа в построение коммунизма.

И одна у нас сейчас дороженька
К счастью, светлая, лучистая, широкая.
И ведет по этой, по дороженьке
Нас родная наша партия,
К счастью светлому дороженьку
Не развеять ветру черному,

¹⁸ «Творчество народов СССР», изд-во «Правда», стр. 66—67.

¹⁹ Там же, стр. 96—99.

Не снести песку зыбучему,
Не залить рекой глубокою,
Не покрыть грозою-тучею²⁰.

Могла ли Т. А. Долгушева, не опираясь на коллективный творческий опыт народа, не опираясь на вековую народно-поэтическую традицию, сложить эти замечательные строки? Бесспорно, нет. Коллективное это творчество?— Да, это творчество народа!

Было бы грубым заблуждением, однако, думать, что все, на чем лежит печать коллективной поэзии, есть творчество народа. Каждому известны стилизации, созданные отдельными людьми.

Такова, например, былина М. К. Рябикина «О богатырях Отечественной войны»²¹ и некоторые другие псевдонародные произведения. Это — нехудожественные, серые, примитивные, искажающие нашу действительность произведения.

При определении подлинно народных произведений необходимо отличать действительно свойственное всему народу от того внешнего, чуждого народу, наносного, что может иметь место и в содержании и в форме устного произведения, сфабрикованного отдельным человеком. Это верно не только для устного творчества советской эпохи, но и для предшествующих эпох.

Советской устной поэзии глубоко чужды разного рода ложные малохудожественные стилизованные произведения. Глубоко изучить новые черты народной поэзии советской эпохи, следить за всеми изменениями, которые вносит в устно-поэтическую традицию советская действительность,— важная задача науки о народном творчестве.

²⁰ «Творчество народов СССР», стр. 66—67.

²¹ «Фольклор Советской Карелии», Петрозаводск, 1947, стр. 73—80.

Л. ШВЕДОВА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Редакция журнала «Советская этнография» весьма своевременно открыла дискуссию по вопросам фольклора: у нас много назревших и нерешенных вопросов.

Советская фольклористика имеет значительные достижения в области записи и издания произведений народного устно-поэтического творчества, но обобщение и систематизация этого материала затрудняются тем, что отстает теоретическая разработка вопросов фольклора. Выход в свет «Очерков русского народно-поэтического творчества советской эпохи» (М.—Л., 1952) наглядно демонстрирует отставание теории науки. В «Очерках» нет единой концепции народного творчества, они зачастую противоречивы в оценке отдельных фольклорных произведений. Книге в целом присущ описательный характер, в ней слабо развиваются теоретические положения. Самый отбор материала для анализа иногда не обусловлен спецификой фольклора. Авторы книги не дали четкого определения понятия «народное творчество советской эпохи», не выявили специфики советского фольклора на основе обозреваемого ими материала.

В этом отношении критика «Очерков», данная в статье В. С. Бахтина¹, должна быть признана правильной.

Досадным упущением является и отсутствие библиографии в таком итоговом труде, как «Очерки».

Перед советскими фольклористами стоит важная теоретическая задача выяснить прежде всего предмет своей науки, специфику устно-поэтического творчества трудящихся масс советской эпохи. Ключом к решению этой задачи должно явиться определение фольклора, данное А. М. Горьким: фольклор как устно-поэтическое творчество трудового народа. Это определение наиболее четко; оно охватывает понятие фольклора во всем его объеме.

Песни, сказки, частушки, былины выражают мысли и чувства народа, его взгляд на жизнь, на современную действительность, на историю. Фольклор является коллективным искусством, которое возникло и развивалось как устное искусство. Устная форма является обязательным признаком фольклора, она прочно связана с коллективным характером фольклора. Неграмотность не является причиной устности. Они могут сопутствовать друг другу, но неграмотность творцов и носителей фольклора вовсе не является признаком фольклорного произведения. В народе не перестанут рассказывать сказки, анекдоты, побывальщины, не перестанут петь песни и частушки оттого только, что люди овладели грамотой. Первоначально фольклорное произведение может быть записано его создателем. Но, в отличие от литературного произведения, жизнь песни, сказки, частушки — не в книге и не в единичном исполнении, а в

¹ Журн. «Советская этнография», 1953, № 2.

живом устном слове сотен людей. Коллективность и устность — неразрывные и неотъемлемые черты фольклора как прошлой, так и нашей эпохи.

Советский фольклор, как и фольклор прошлого, характеризуется коллективностью создания и живет в народных массах, ему присуща устная форма бытования. Советский фольклор является творчеством трудящихся. В чем же отличие советского фольклора от фольклора прошлого?

Ответа на этот вопрос мы должны искать в изменении положения народа, в новом содержании понятия «советский народ».

Слово «народ» имеет несколько смысловых значений. В фольклористике понятие «народ» раскрывается прежде всего как трудовые массы определенной эпохи и определенной национальности, народности, национальной группы. В различных общественно-экономических формациях сам объем понятия «народ» меняется, в каждой общественно-экономической формации в него входят различные классы, различные социальные слои населения. Народ образует собой большинство населения, которое в антагонистических общественных формациях находилось в угнетении.

В России первой половины XIX в. народ — это прежде всего крестьянство. Выражение и защита интересов народа были в этот период выражением и защитой стремлений крестьян, находившихся под крепостным игом.

Устно-поэтическое творчество этого периода — творчество преимущественно крестьянское. Оно характеризуется единой тематикой и единством поэтического стиля. Это творчество охватывает все общественно значимое в жизни с точки зрения крестьянина. Фольклор этого периода отражает весь жизненный обиход крестьянина; его идейная направленность определена симпатиями и антипатиями крестьянства; мечта о лучшей жизни в сказках, песнях этого периода выступает как идеал крестьянина.

Появление рабочего класса и его рост знаменуют собой новый этап в развитии освободительного движения в России. Передовые интересы всего народа в этот период выражает пролетариат. Освобождение всего народа стоит в прямой зависимости от разрывания пролетарского движения. Рабочий класс — ведущая сила народа.

В русском фольклоре со второй половины XIX в. все сильнее начинают звучать новые темы, рабочая струя вносит в фольклор активное стремление к революционному изменению действительности. Вместе с тем и крестьянский фольклор в период первой русской революции насыщается политически острыми темами.

Но как рабочий класс, так и крестьянство до Октябрьской революции были угнетенными классами, придавленными материальной нуждой и лишениями. Лишь представители привилегированных классов имели все условия для овладения вершинами науки, искусства, литературы. Люди из народа с трудом пробивали себе дорогу в литературу, — достаточно вспомнить тяжелую судьбу Шевченко, Кольцова, Глеба Успенского. Многие неведомые таланты остались неизвестными, не раскрывшимися в литературе.

Передовая литература того времени создавалась в основном лучшими представителями господствующих классов и была обусловлена борьбой народа за свое освобождение. Но эта литература встречала всяческие препоны на пути к народу: сюда относятся и цензурные преследования и неграмотность огромного большинства населения. Передовые деятели русской культуры болезненно ощущали разрыв интеллигенции и народа и могли лишь мечтать о времени, когда крестьянин-труженик «Белинского и Гоголя с базара понесет».

Сравнительно незначительным было и влияние литературы на устную народную поэзию, которая в течение веков сохранила свои специфические особенности.

Каковы же изменения в положении народа в социалистическую эпоху, изменения, которые обуславливают и характерные особенности советского народного творчества?

В результате победы социализма, в результате уничтожения эксплуататорских классов в нашей стране сложилось общество, состоящее из двух дружественных классов и трудовой интеллигенции. Рабочие, колхозники и интеллигенция нашей страны коренным образом отличаются от пролетариата, крестьянства и буржуазной интеллигенции предшествующего периода. Впервые в истории все государственные и общественные учреждения служат интересам народа.

Социалистическое общество характеризуется морально-политическим единством. В нашей стране народ — это рабочие, колхозники и трудовая интеллигенция. Трудящиеся массы в нашем обществе — это все население Советской страны, где нет места эксплуататорским классам, где стираются грани между трудящимися классами.

Оба дружественных класса социалистического общества и советская интеллигенция, обслуживающая трудящихся, характеризуются единством цели: построением коммунистического общества. Для всех слоев нашего общества характерна единая идейная устремленность: уверенность в успехе коммунистического строительства, гордость за страну, строящую коммунизм, вера в силу нашей партии, советский патриотизм, дружба народов, интернационализм. На этой основе сложилась единая по содержанию социалистическая культура нашего общества, которая является культурой всего советского народа. Думы и стремления народа находят свое выражение в советской литературе и в советском фольклоре, которые представляют собой единое по идейной направленности творчество советских людей, существующее в двух формах: литературной и устной коллективной.

Изучение фольклора социалистического общества, строящего коммунизм, должно быть в свете изложенного выше изучением устного творчества всех слоев нашего общества. В нашем обществе исчезла противоположность классов, при которой народные массы держались в темноте и невежестве. В период перехода к коммунизму подъем культуры народа на новую, высшую ступень ставится как важная очередная задача. Перед нашим обществом открывается величественная перспектива повышения уровня образования всех трудящихся до уровня образования работников умственного труда. Мы живем в начале этого периода, тем более интересно дать записи, характеризующие изменения в устной народно-поэтической традиции, изменения, конечно, неизбежные.

Можно предположить (и фольклорные записи позволяют это сделать), что здесь особенно важны два момента: отражение в устно-поэтическом творчестве единой для всех слоев нашего общества социалистической идеологии и активное влияние на устную словесность литературных форм поэзии. Уже сейчас фольклористы, которые занимаются записью устных произведений, могут отметить, что устный материал, бытующий в городе и в деревне среди интеллигенции, рабочих и колхозников, становится все более единым.

В частности, фольклористы, наблюдавшие за бытованием песни, отмечают существование единого современного песенного репертуара для рабочих, колхозников и интеллигенции. Повсеместное распространение имеют лучшие песни советских композиторов, которые распространяются через кинофильмы, радиопередачи, концерты.

И в городе, и в деревне получила широкое распространение художественная самодеятельность. Не являясь фольклором в собственном смысле этого слова, она имеет огромное значение. Участие в самодеятельности приобщает трудящихся к активному освоению богатств русского и мирового искусства. С другой стороны, самодеятельность открыла просторную дорогу к сцене жанрам народного искусства: народной

песне, частушке и другим. Концерты и радиопередачи, программы которых составлены из народных песен, частушек, танцев, пользуются неизменным успехом среди всех слоев трудящихся нашей страны. В этой связи интересно отметить широкое распространение частушки в студенческой самодеятельности, интерес к ней в среде интеллигенции.

Положение трудового народа в нашей стране, свободного от угнетения, создало прочную основу для уничтожения разрыва между литературой и фольклором, разрыва, который зависел в конечном счете от социально-экономических условий. Советская литература и советский фольклор имеют одну и ту же идейную направленность. Мы можем говорить и о методе социалистического реализма в советском фольклоре. Фольклор наших дней сочетает в себе поэтические традиции старого фольклора с его прочно сложившейся образностью и новые элементы. Народу, которому доступны все богатства культуры, не является чуждой и литературная, «книжная» форма поэзии. В современной народной песне можно отметить соединение этих двух линий. Отчетливо заметно взаимодействие частушки и лирических стихотворений советских поэтов.

Останется ли при этих условиях устное коллективное творчество? На этот вопрос следует ответить положительно. Невозможно предположить, что в народе исчезнет потребность петь, рассказывать только потому, что народным массам открыты все богатства культуры. Расцвет советской частушки и песни, их характерные особенности подсказывают нам пути, по которым пойдет развитие советского фольклора.

Несомненно, что советский фольклор будет развиваться, но характер устно-поэтического творчества не может не быть иным вследствие колоссальных изменений в положении трудящихся масс. И здесь в первую очередь важно отметить, что между советской литературой и фольклором, единными по их идейной устремленности, не существует непродолимой грани ни по их художественной форме, ни, тем более, по социальному положению их создателей. Признак «профессионального» и «непрофессионального» создания (признак шаткий и для определения фольклора прошлого) не может применяться к советскому фольклору. Разграничение устных произведений, живущих в народе, на «народные по бытованию» и «народные по происхождению» отдаст духом схоластики и вульгарного социологизма.

В наши дни поэт и народ выступают, выражаясь словами Чернышевского, как одно нравственное лицо. Они воодушевлены одними стремлениями, им дорого одно. Поэт-профессионал имеет сейчас все возможности создать произведение, которое бы выражало чувство и мысль народа. Устное произведение, которое бы жило в народе, отвечая его настроениям и стремлениям, которое бы выразило в обобщающем образе мысль всего народа, может быть создано как профессиональным поэтом, так и творцом-непрофессионалом.

«Катюша» Исаковского, ее распространение и жизнь в народе — яркое свидетельство того, что образ, созданный советским поэтом, может приобрести все черты подлинно народного, «фольклорного» образа. М. Исаковскому удалось создать обобщение, близкое и дорогое народу. Образ Катюши стал олицетворением простой советской девушки-патриотки. Он вобрал в себя типические черты характера советской девушки. Сама песня построена в традициях народной песни.

Образ Катюши стал живым народным обобщением. Текст песни в устном бытовании не имеет расхождений с текстом поэта или дает незначительные разночтения. Варьированию подвергся сам образ девушки. В песнях о Катюше (насчитывающих свыше 200 текстов) советская девушка выступает и как партизанка, и как медицинская сестра и т. д. Но типические черты, выраженные в образе песни Исаковского, сохраняются везде: это любящая девушка, патриотка своей Родины. Поэту-профессионалу удалось создать широкое народное обобщение. М. Иса-

ковский верно подметил чувство, мысль народа и выразил его в песне, используя поэтическое мастерство, сложившееся в народе.

Основная черта фольклорного произведения — коллективность. Эта черта не может определяться «непрофессиональностью» создания произведения, живущего устно. Коллективность как неотъемлемый признак фольклора проявляется прежде всего в том, что произведение фольклора выражает мысль, созревшую и выношенную в народе, его взгляд, его мечту. Коллективность проявляется в отборе, в признании народом того или иного устного произведения и в шлифовке на протяжении десятилетий и веков, которая обтачивает форму произведений и делает чеканной самую идею его. Но было бы неверно думать, что произведение фольклора вследствие его коллективного характера первоначально не сложено «никем». В создании фольклора прошлого тоже участвовали талантливые творцы, имена которых часто оставались неизвестными или сохранялись в преданиях, легендах. Их роль состояла в том, что они подмечали и благодаря своей одаренности выражали в форме произведений народного искусства те мысли и чувства, которые волновали народ. Их нельзя считать единоличными создателями этих произведений, так как они отливали в конкретную художественную форму то, что творчески развивал трудовой народ (об этом прекрасно говорил А. М. Горький). Народ выносил ту мысль, то чувство, которое легло в основу произведений, слагавшихся певцами и сказителями, а сама форма этих произведений создавалась в результате жизни песен, сказок, преданий и т. п. в народе. Единство народа и поэта было исходной точкой в создании фольклора.

В прошлые эпохи это единство создавалось чаще всего тогда, когда поэт по своему социальному положению, трудовой деятельностью относился к угнетаемому народу. В наши дни есть все условия для того, чтобы профессионал-литератор создавал песни, частушки, которые были бы по душе народу. Фольклористы с полным правом наблюдают за жизнью таких песен, как «Широка страна моя родная», «По долинам и по взгорьям», «Катюша». К понятию советской народной песни всего более подходят те произведения (независимо от того, созданы ли они поэтом-песенником, или участником самодеятельности, или кем-либо другим), которые живут в устах народа, которые получили широкое признание в народе благодаря их идейной направленности и ясной, доходчивой форме.

Характерная черта фольклора — наличие ведущего, основного жанра для каждой исторической эпохи, такого жанра, который способен отразить современную или близкую для исполнителя-создателя действительность. Наряду с этим в фольклоре каждой эпохи продолжают существовать старые жанры, созданные в предшествующие эпохи, но в силу устного бытования способные в большей или меньшей мере вбирать в себя отклики на современность.

В фольклоре наших дней продолжают существовать старые сказки, традиционные народные песни, даже былины; они продолжают интересовать слушателей и исполнителей. Но эти жанры — создание прошлых эпох, они не могут отразить социалистическую действительность вследствие специфических особенностей своей художественной формы.

Наиболее популярными и широко распространенными жанрами фольклора сейчас являются частушки и песни. Они отражают нашу современность. Популярность того или иного устного жанра определяется характером эпохи и тем, насколько тот или иной жанр отвечает запросам времени. Следует признать, что фольклористы не так давно допускали ошибку, когда признавали новины за живой, развивающийся вид народного искусства. Форма былины не пригодна для выражения современных идей народа, хотя она представляет большую ценность как создание народного гения прошлых эпох. Необходимо отметить, что уменьшается интерес к традиционной сказке. В области устной прозы хотелось бы поста-

вить на обсуждение фольклористов проблему народного анекдота как в русском фольклоре, так и в фольклоре других народов. Фольклористы этим пока не занимались, хотя предмет заслуживает внимания. Интересно отметить, что старая бытовая русская сказка по форме часто близка жанру короткого анекдота. Следует указать на то, что анекдот народного содержания как особый вид устного рассказа имеет значительное распространение в среде колхозников и рабочих.

Народный анекдот, как особый устный короткий рассказ, имеет длительную историю в русском фольклоре. Нам известны записи такого рода произведений, относящиеся к XVIII в. (сборник В. Березайского «Анекдоты о пошехонцах», 1795). Эти анекдоты были использованы Щедриным в «Истории одного города» (повидимому, через сборник пословиц В. Даля). Известны анекдоты о попах, барах и т. д., относящиеся к XIX и XX вв.

Интересно развитие анекдота в зарубежном современном фольклоре.

Трудящиеся капиталистических стран высмеивают в этих коротеньких рассказах политику американских экспансионистов, используя этот жанр как сатирическое оружие.

В. Василевская в своих очерках «В Париже и вне Парижа» приводит сатирический французский анекдот, разоблачающий маршаллизацию стран Европы:

«Встречаются два француза:

— Объясни мне, — просит один из них, — что, собственно, мы получаем по плану Маршалла?

— Как что? Уголь из Англии.

— Это чудесно. Наконец-то начнут отапливать квартиры.

— Ну, нет, квартир, видишь ли отапливать не будут, потому что уголь мы должны отдать Швеции за автомашины.

— Вот и отлично. Куплю себе автомобиль и буду ездить, сколько душе угодно.

— Гм... Автомобиль-то, положим, не купишь, ведь мы должны автомашины отдать Бельгии за кофе.

— В конце концов, и это неплохо. Будем пить настоящий кофе вместо этих эрзацев.

— Что ты говоришь. Мы не можем пить кофе, так как должны отдать его Англии за уголь.

— Так что же мы, собственно, получаем по «плану Маршалла»?

— Как ты бестолков, мой милый. Ведь я уже полчаса тебе толкую: уголь!».

Известно, что народный анекдот использовывал Ю. Фучик. В подпольном сатирическом журнале «Трнавечек» он в числе других материалов печатал анекдоты, ходившие среди населения Праги, в которых разоблачалась геббельсовская пропаганда и высмеивались мероприятия гитлеровцев.

А. М. Горький писал: «Если анекдот остроумен, он украшает историю, как художественная миниатюра страничку летописи»³. Особенностью современного фольклора является то, что в нем преобладают жанры малых форм (пословица, частушка, песня, более короткая, чем народная традиционная). Это своеобразные «художественные миниатюры».

Говоря о фольклоре, следует еще и еще раз подчеркнуть, что признак художественности обязателен для фольклорного произведения. В. С. Бахтин в своей статье относит художественность к числу субъективных качеств произведения. Это неверно. Хотя в нашем литературоведении специфика искусства, законы художественности еще недостаточно изучены, все же несомненно, что художественное совершенство произведения

² В. Василевская, В Париже и вне Парижа, изд. «Лит. газеты», М., 1949, стр. 4.

³ А. М. Горький, Полное собрание сочинений, т. 26, М., 1953, стр. 202.

является объективным качеством, которое определяется законами искусства как особой формы отражения действительности.

Фольклор — это тоже вид искусства, и к его исследованию мы должны подходить, помня о художественности, об эстетической красоте произведений фольклора. Недооценка фольклора как вида искусства называется не только в «Очерках русского народно-поэтического творчества советской эпохи», но и в практике многих фольклористов-собирателей. В последние годы фольклористы много занимались записью рассказов о личной жизни рабочих и колхозников, рассказов Героев Социалистического Труда. В «Очерках» такие рассказы ставятся в один ряд с частушками, песнями как явления устного искусства⁴. Правильно ли это?

Большинство устных рассказов биографического характера, записанных фольклористами, представляет интерес. Эти записи говорят о замечательных фактах жизни советских людей. Часто язык этих рассказов ярок и образен. Но все же их нельзя считать произведениями фольклора. Такие рассказы интересны для истории, этнографии, но не для фольклористики, как науки о художественном, поэтическом творчестве трудовых народных масс. Рассказы биографического характера освещают жизнь народа, но они не относятся к искусству. Фольклор и этнография тесно связаны. Но они не тождественны.

Революционеры-демократы Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Щедрин, Некрасов рассматривали фольклор в тесной связи с жизнью народа, требовали таких публикаций песен, сказок, где бы ясно вырисовывалось положение народа, который рассказывает эти сказки и поет эти песни. В условиях жестокой цензуры они использовали публикацию фольклорного материала как один из способов раскрыть перед обществом правдивую картину жизни крестьян. Сравнительно с этой задачей выявление специфики фольклора как явления искусства занимало в их работах подчиненное место, хотя никогда не снималось совсем. Белинский и Чернышевский всегда отмечали, что устная поэзия — это искусство народа, которое отличается эстетической красотой.

В советскую эпоху, когда перед всеми видами искусства стоит важная задача идейного воспитания трудящихся в духе коммунизма, проблемы художественно совершенной формы приобрели особое значение. Партия призывает писателей к созданию высокохудожественных произведений. Литературоведение и критика должны обращать сейчас особое внимание на художественное совершенство и красоту произведений. Богатая и полнокровная литература может быть создана лишь тогда, когда писатель прикоснется к животворному источнику народного искусства. Учеба писателя образному языку народа — залог создания яркой, выразительной литературы. Фольклористы должны в полную силу поставить проблему художественного совершенства устной народной поэзии. При публикации и исследовании фольклора необходимо всегда помнить, что фольклор — это образное отражение действительности, это словесное искусство. Советское литературоведение и фольклористика должны глубже разработать проблему фольклора как особой области словесного искусства.

⁴ См. о рассказе «Люблю своих коров» в книге: «Очерки русского народно-поэтического творчества», М.—Л., 1952, стр. 484 и сл.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

А. И. СОБЧЕНКО

ЛИБЕРИЯ

Либерия расположена в Западном Судане, в предгорьях массива Нимба. Площадь ее достигает 120 тыс. км². Общая численность населения около 2 млн. человек. На севере и востоке Либерия граничит с колониальными владениями Франции — Французской Гвинеей и Берегом Слоновой Кости, на западе — с английским протекторатом Сьерра-Леоне, с юга берега ее омывают воды Гвинейского залива.

Страна производит каучук, кофе, пальмовое масло, рис и тростниковый сахар. В недрах ее обнаружены золото, алмазы, платина, бокситы, слюда, магнезит. Вблизи г. Монровии, столицы Либерии, открыты залежи высококачественной железной руды, запасы которой исчисляются примерно в 130—140 млн. т.

Либерия номинально считается независимой республикой, но фактически ею владеют США, для которых она служит источником сырья, рынком сбыта товаров, а также базой для дальнейшего проникновения в Африку крупных американских монополий.

Десмонд Бекл, один из африканских общественных деятелей, следующим образом оценивает «независимость» Либерии:

«Правительство Либерии формально считается автономным в решении вопросов внутренней политики и международных отношений. На самом же деле оно, «по традиции», находится под контролем США»¹.

Интенсивное проникновение американского капитала в экономику Либерии началось с 1925 г. В это время каучуковые ресурсы страны стала эксплуатировать американская фирма «Файрстон тайр энд раббер компани». Она получила от правительства Либерии концессию на 1 млн. акров земли под каучуковые плантации сроком на 100 лет с предоставлением права строительства порта, а также железных и шоссейных дорог. В настоящее время на плантациях этой компании работает около 30 тыс. рабочих, насильно завербованных среди коренного населения страны.

Во время второй мировой войны экономическая зависимость Либерии от США значительно усилилась. Страна была вовлечена в долларовую сферу. В 1943 г. около 80% всего экспорта из Либерии в США составлял каучук. Из всех ввезенных в том же году в Либерию товаров 91,8% были доставлены из Соединенных Штатов Америки.

В послевоенный период резко увеличилось проникновение в страну новых монополистических объединений, захвативших в свои руки важ-

¹ Десмонд Бекл, Либерия — колония США в Африке, «Всемирное профсоюзное движение», 1952, № 24, стр. 32.

нейшие отрасли экономики Либерии. Крупнейшими из них являются «Стеттиниус ассошиейтс лайбириа компани» и «Лайбириа майнинг компани».

Первая была создана в 1945 г. бывшим государственным секретарем США Эдвардом Р. Стеттиниусом вместе с другими крупными американскими капиталистами. Компания получила от правительства Либерии право на деятельность в стране до 2017 г. Ближайшей задачей ее является увеличение добычи сырья (какао, пиломатериалов, железной руды и других минералов) и доведение годового объема экспорта, составившего в 1947 г. 10 млн. долларов, до 100 млн. долларов. Американским капиталистам принадлежит 65% акций компании, что дает им возможность диктовать свои условия либерийскому правительству.

«Лайбириа майнинг компани» в 1946 г. получила концессию на разработку залежей железной руды в районе Боми Хилз до 2026 г. Об интенсивности эксплуатации этой компанией железнорудных месторождений можно судить хотя бы по тому факту, что Либерия, которая никогда не поставляла железа на мировой рынок, в настоящее время выдвинулась на шестое место среди стран, экспортирующих железную руду.

Эти компании вместе с крупными американскими нефтяными монополиями («Сокони вакуум» и «Техаас ойл») и двумя судоходными концернами получили также от государственного департамента США в управление и эксплуатацию вновь построенный порт Монровия.

Со времени второй мировой войны возросло военно-стратегическое значение Либерии для США. В районе севернее г. Маршалл, на берегу р. Фармингтон, для бомбардировщиков построен аэродром Робертс Филд, стоивший правительству США около 5500 тыс. долларов. На озере Фишерман, в районе Кейп Маунт, оборудованы аэродромы для гидросамолетов².

В 1943 г. начались работы по модернизации и расширению порта Монровия. На эти и другие работы правительство США ассигновало 20 млн. долларов. Ассигнованию этой суммы предшествовало соглашение, заключенное в 1952 г. между Либерией и США. В соответствии с этим соглашением правительство республики Либерия обязуется предоставить правительству Соединенных Штатов Америки право создания и эксплуатации такого военного, военно-морского и военно-воздушного оборудования в порту Монровия и в районе порта, которое потребует правительству Соединенных Штатов Америки для осуществления его военных планов в южной части Атлантического океана³.

Таким образом, настоящими хозяевами Либерии являются крупные американские монополии.

Республика Либерия возникла более 100 лет назад. В момент проникновения европейцев на африканский материк часть Верхней Гвинеи, в частности и современная Либерия, была населена различными племенами, которые еще не знали государственных образований. Работоторговля XVI—XIX вв. нанесла первый удар по самостоятельному развитию народов Верхней Гвинеи и причинила им неисчислимы бедствия. Многие племена, стараясь спастись от работоторговцев, бросали свои земли и скрывались в густых тропических лесах, другие же были истреблены. В результате этого население быстро уменьшилось. Систематическая колонизация Либерии началась в XIX в.

В 1816 г. в Америке было создано так называемое «Американское колонизационное общество», поставившее своей задачей переселение

² Н. Villard, Rubber-cushioned Liberia, «The National Geographic Magazine», т. XCIII, 1948, № 2, февраль, стр. 201.

³ См.: Десмонд Бекл, Указ. соч., стр. 33.

освобожденных негров-рабов из Америки на африканский континент. Таким путем американские рабовладельцы хотели избавиться от нежелательного и беспокойного элемента, а развивавшаяся американская буржуазия надеялась создать себе более или менее прочную опору на «черном материке». Большинство освобожденных рабов считали своей родиной Новый Свет и не изъявляли желания ехать в далекую и незнакомую Африку. Число согласившихся на это путешествие было совсем незначительным. В 1821 г. американская шхуна «Аллигатор» доставила на мыс Месурадо первую партию переселенцев. Здесь, на земле, купленной «Колонизационным обществом» у одного из местных племен, было основано первое поселение прибывших. Поселение было названо Монровией в честь президента США Монро, автора «доктрины Монро». Впоследствии Монровия стала столицей Либерии.

В 1822 г. «Колонизационное общество» вывезло в район мыса Месурадо вторую партию переселенцев из Америки. К 1832 г. на побережье Либерии, к востоку от мыса Месурадо, были основаны еще три колонии: в Гранд Басса, в Сино и на мысе Пальмас. В 1847 г. большинство поселений объединилось, и Либерия была провозглашена «независимой республикой».

Вывезенные из Америки негры столкнулись, как выражаются буржуазные авторы работ по Либерии, с «враждебностью» местных племен. На самом деле «враждебность» местного населения была обусловлена вполне естественным стремлением противостоять захвату племенных земель пришельцами, которые пытались приобрести их любыми способами, вплоть до насильственного отторжения военным путем. Вследствие этого в различных областях страны вспыхивали восстания. Вторая половина XIX в. была насыщена стихийными восстаниями племен гола, кру, гребо и других. В период с 1850 по 1910 г. вся южная часть Либерии была охвачена восстаниями⁴. В 1915 г. вспыхнуло восстание племени кру. Движение приняло столь широкий размах, что в либерийские воды был направлен американский крейсер «Честер», с помощью которого восстание было жестоко подавлено.

Население Либерии, как и соседних колоний Западного Судана, этнически неоднородно. Империалистический раздел Африки затормозил естественный процесс консолидации родственных племен в народности. Народы, населяющие Гвинейское побережье и верховья рек Сенегал и Нигер, были расчленены колониальными границами между Либерией, английской колонией Сьерра-Леоне, французскими владениями: Берег Слоновой Кости, Французская Гвинея и другими. Поэтому вопросы, связанные с этническим составом Либерии, весьма сложны. Реакционная буржуазная этнографическая наука обычно не ставит вопроса о соответствии колониальных границ границам этническим, так как объективное освещение этого вопроса вскрывает сущность политики империалистических держав, расчленивших народности и племена границами своих колоний.

По различным источникам, в Либерии насчитывается от 23 до 28 племен. Так, например, американский этнограф Г. Шваб называет 23 племена⁵, между тем из них только 11 живут целиком в Либерии. Остальные расселены как на территории Либерии, так и за ее границами, в пределах других колоний.

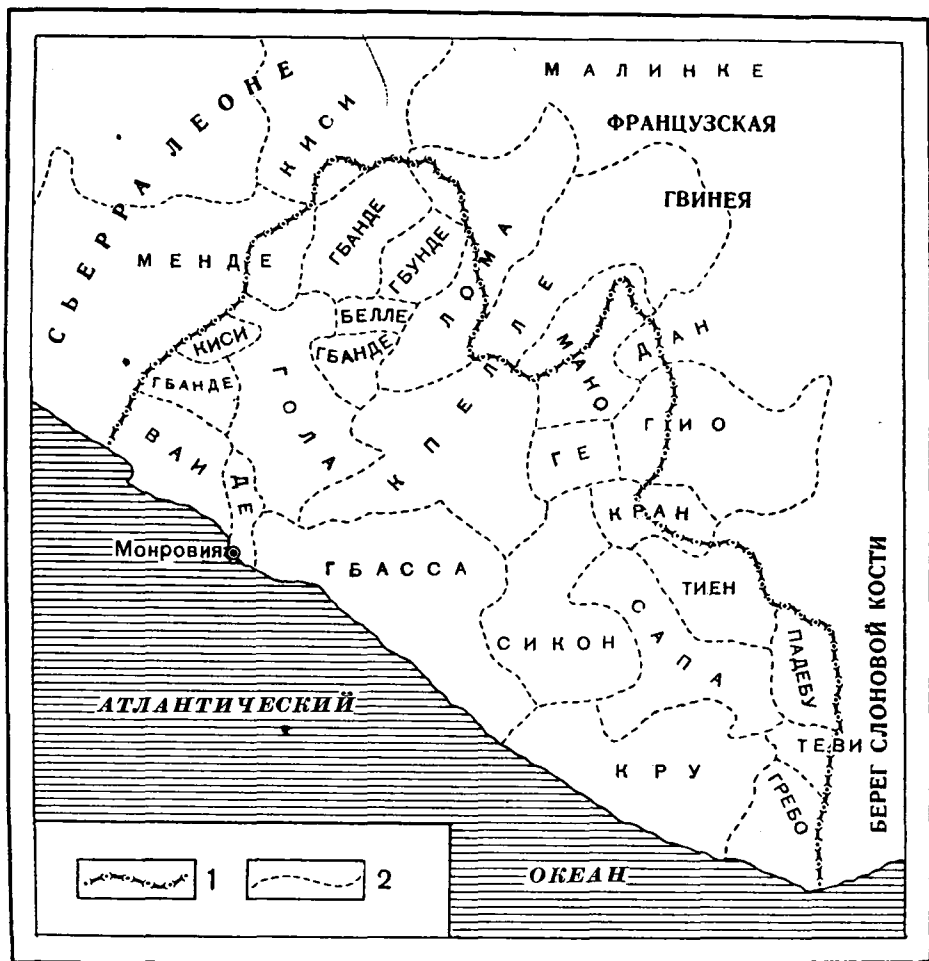
Население Либерии резко делится на две группы: американо-либерийцы — потомки негров, вывезенных в XIX в. из Америки, и коренное население, освоившее страну с незапамятных времен. Согласно различным

⁴ R. Buell, *The Native Problem in Africa*, New York, 1928, стр. 783.

⁵ G. Schwab, *Tribes of the Liberian Hinterland*. «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», Harvard University, vol. XXXI, Cambridge, Massachusetts, 1947, стр. 19.

⁷ Советская этнография, № 4

источникам, американо-либерийцы составляют от 12 до 100 тыс. человек⁶. Это «цивилизованное» общество, по терминологии буржуазных авторов, противопоставляет себя «аборигенам», или местному населению. Американо-либерийцы в основном живут в Монровии и других городах на побережье и составляют привилегированную группу по сравнению с коренными жителями страны. В руках эксплуататорской верхушки сосредоточена вся хозяйственная и политическая деятельность. Члены

Этническая карта Либерии: 1 — границы Либерии; 2 — границы территории населяющих ее народов

(Источник: G. Schwab, Tribes of the Liberian Hinterland, «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», Harvard University, vol. XXXI, стр. 20)

правительства и правительственные чиновники, крупные и мелкие торговцы, буржуазная интеллигенция — все они обычно выходцы из среды американо-либерийцев. Большинство из них является проводниками империалистической политики крупных американских монополий. Американо-либерийцы говорят на английском языке, который объявлен государственным языком Либерии.

⁶ Данные о численности американо-либерийцев содержатся в следующих источниках: D. MacDougald, The Language and Press of Africa, Philadelphia, 1944; Десмонд Бекл, Указ. соч., стр. 33; R. Harrington, Liberia «Africa's Black Republic», Canadian geographical journal, т. XLVI, № 1, 1953, стр. 10, и др.

Коренное население страны относится к трем лингвистическим группам: манде⁷, ква и так называемой атлантической.

Языки манде распространены на значительной территории Западного Судана, в верховьях рек Сенегал и Нигер, в Либерии и Сьерра-Леоне. Лингвисты делят их на две группы: манде-тан (северные мандинго) и манде-фу (южные мандинго). Классификация эта основана на том, что северные мандинго употребляют слово «тан», а южные — «фу» для обозначения числительного «десять». В Либерии на языках манде говорит около 835 тыс. человек⁸. К группе манде-тан относятся малинке, ваи, мано (манья); к группе манде-фу принадлежат кпелле (кпесе), лома (тома)⁹, менде, гбанде, гбунде, гио, ге.

На языке малинке в Либерии говорит около 200 тыс. человек, большая же часть этого народа (около 1333 тыс.) живет в соседних колониях — Французский Судан, Берег Слоновой Кости, Французская и Португальская Гвинея, Гамбия, Сьерра-Леоне. Буржуазная наука обычно считает, что малинке и другие близко родственные им группы мандинго являются не более как отдельными племенами. Однако это совершенно не соответствует действительности. В XIII—XV вв. в верховьях рек Сенегал и Нигер существовало могущественное государство Мали, поэтому можно предполагать, что уже в то время процесс консолидации мандингской народности был в основном завершен. Ядром этого государства были малинке (люди Мали).

Ваи насчитывают до 160 тыс. Они населяют побережье Либерии между реками Мано и Сент-Поль. Около 25 тыс. ваи живет на территории английской колонии Сьерра-Леоне. Это единственный народ Либерии и один из немногих народов Западного Судана, который около 1834 г. создал свою письменность, получившую в конце XIX и начале XX в. некоторое распространение и среди других племен. По данным Вестерманна, специалиста в области африканских языков, посетившего Либерию в 1914 г., многие вожди племен имели из племени ваи писцов, которые нередко вели переписку с либерийским правительством¹⁰.

Народы, говорящие на языках манде-фу, живут к северу и северо-востоку от ваи. Они населяют северную и центральную области Либерии, орошаемые реками Лоффа, Сент-Поль и Мано. Вестерманн, уделивший большое внимание изучению культуры кпелле, одного из племен манде-фу, считает языки этой группы близко родственными¹¹. Действительно, они имеют сходный словарный состав и почти одинаковый грамматический строй. Крупнейшими племенами манде-фу являются кпелле (кпесе), которых в Либерии насчитывается около 400 тыс., и лома (тома) — около 75 тыс. человек¹². Кпелле, лома, гбанде и другие племена, населяющие северную часть современной Либерии, уже давно вели оживленный обмен с народами более северных областей Западного Судана — малинке и другими. Торговцы малинке, заходя на юг, в страны

⁷ В некоторых источниках для обозначения народов этой языковой семьи употребляется термин «мандинго». Название это не совсем точное, так как словом «мандинго» следовало бы обозначить народность верховьев рек Сенегал и Нигер, говорящую на одном из языков группы манде.

⁸ Демографическая статистика по Либерии поставлена очень плохо. Например, совершенно неизвестна численность гбанде, гбунде, беле и некоторых других народов Либерии. В настоящей работе все сведения о численности отдельных народов взяты из названного выше справочника Мак Дугалда. Автор справочника не учитывает численности двуязычного населения в колониях, в том числе и в Либерии, поэтому общая численность населения, указанная в начале его таблицы, обычно меньше суммы, получающейся в результате сложения всех цифровых данных по отдельным языкам.

⁹ Американо-либерийцы племя лома называют «бузи».

¹⁰ D. Westermann, Die Kpelle — ein Negerstamm in Liberia, Göttingen, 1927, стр. 15.

¹¹ Там же, стр. 12.

¹² Помимо Либерии, около 25 тыс. кпелле и 85 тыс. лома живут во Французской Гвинее.

гбанде и кпелле, оказывали также известное культурное влияние на народы тропического леса.

Народы языковой группы ква расселены вдоль гвинейского побережья, почти от Монровии до Камеруна. В Либерии из этой группы живут кру и родственные им по языку гбаса, гребо, тиен, сикон, де и другие. Общая численность их около 850 тыс. человек, из них около 500 тыс. собственно кру. Значительные группы кру встречаются в других колониях (7 тыс. в Сьерра-Леоне и 100 тыс. на Берегу Слоновой Кости).

В период захвата Либерии кру оказывали упорное сопротивление. В настоящее время они являются одним из передовых и наиболее активных народов в антиимпериалистической борьбе. Среди кру, которые в большей степени затронуты капиталистическими отношениями, чем народы внутренних областей страны, интенсивно идет процесс классового расслоения: сложился пролетариат, выделилась буржуазия, имеется интеллигенция.

К атлантической языковой группе в Либерии относятся киси и гола. Численность гола около 150 тыс. человек. Они живут несколько севернее Монровии. Территория их начинается у р. Сент-Поль и тянется вплоть до границ Сьерра-Леоне. Предполагают, что гола — пришельцы из северных областей. Сказать что-либо более определенное весьма трудно. В XIX в. гола, так же как и кру, оказывали упорное сопротивление новым поселенцам.

Примерно такая же численность (150 тыс.) и киси, населяющих пограничную область Либерии и Сьерра-Леоне, однако большая часть их, около 200 тыс. человек, живет за пределами Либерии¹³.

Кроме названных этно-лингвистических групп, в Либерии живут немногочисленные представители народности фанти, относящейся к языковой группе ква, основная масса которых сосредоточена на Золотом Берегу, и куранко, большая часть которых живет в более северных районах Западного Судана.

В Либерии распространены в основном племенные языки. Кроме того, около 200 тыс. человек говорят на английском языке и около 75 тыс. на арабском.

Среди языков Либерии выделяются кру и родственные ему языки, на которых говорят 850 тыс. человек. Говорящих на языках кпелле, лома, гбанде и других близких им насчитывается около 500 тыс. человек. На языке вай говорят 160 тыс. Этническая разобщенность и чудовищный империалистический гнет задерживают превращение этих языков в языки народностей.

Основное занятие коренного населения Либерии — земледелие. Главнейшие культуры — рис, кукуруза, бататы, кассава, различные виды проса и сахарный тростник. На западе гола в небольших масштабах культивируют кофе, а на юго-востоке гребо возделывают какао. Кофе и в особенности какао в последнее время приобретают товарное значение и вывозятся за границу. Земледелие ведется весьма отсталым способом. До сих пор широко применяется так называемая подсечно-огневая система. Основными земледельческими орудиями являются нож, топор и мотыга.

Ножи и топоры применяются для расчистки участков земли от кустарников и деревьев. В Либерии распространены массивные широкие крытые ножи с изгибом в сторону отточенного рабочего края. Топор имеет очень узкое лезвие, не более 3,5—4 см в ширину. Длина деревянной рукоятки до 50 см.

Вырубка кустарника и деревьев является обязанностью мужчин, однако нередко в этой тяжелой работе им помогают женщины и сыновья-подростки. Утром, отправляясь на работу в лес, мужчины берут с собой

¹³ Из них 150 тыс. человек во Французской Гвинее и 50 тыс. в Сьерра-Леоне.

несколько хорошо отточенных ножей и топоров, которые обычно складывают в мешок, сплетенный из листьев пальмы рафии.

Способы расчистки участков у народов Либерии в принципе не отличаются от применяемых населением других лесных областей Африки, в частности Камеруна. Кустарник, образующий густые заросли, вырубает ножами на уровне человеческого роста. Затем топорами подрубают большие деревья, которые своими ветвями и листвой затемняют поле. Для ускорения и облегчения труда обычно выбирают группу близко друг от друга растущих деревьев. Деревья меньшего диаметра, расположенные с краю, подрубают топорами лишь наполовину. В последнюю очередь валют самое большое дерево, которое во время падения увлекает за собой частично подрубленные деревья.

После того как вся срубленная зеленая масса достаточно подсохнет под палящими лучами тропического солнца, ее сжигают, а несгоревшие крупные деревья оттаскивают к краю участка. Обработку поля и посадку культуры стараются закончить до наступления дождливого сезона, чтобы дождь не успел смыть золу, которая является весьма ценным удобрением.

Для взрыхления почвы в Либерии применяются два вида мотыг: с железным наконечником и целиком деревянные, представляющие собой заостренный сук дерева. Деревянные мотыги употребляют для обработки влажных мягких почв восточных районов. В основном они встречаются у племени тиен. Мотыги и специальные палки с заостренными концами, употребляемые для посадки риса, считаются собственностью женщин, тогда как ножи для расчистки участка от кустарников и деревьев в большинстве случаев принадлежат мужчинам.

Особое внимание уделяется культуре риса, который является основным продуктом питания большинства народов Либерии. Под рис стараются выбрать лучший участок, так как от урожая его зависит благосостояние семьи в течение значительной части года. Рис сажают два раза в год. Уборкой урожая занимаются преимущественно женщины. Вооружившись небольшими ножами, они захватывать в горсть несколько колосьев, срезают их и затем связывают полосками ротанга в более крупные пучки. Урожай часто просушивают тут же на поле. Пучки рисовых колосьев развешивают либо на ветвях кустарников, либо под специальными навесами, крытыми листьями пальмы.

В течение года рис хранят в больших корзинах, установленных около хижины. Высота корзин более 2 м, диаметр 1,5 м. Корзины-зернохранилища, так же как и жилые хижины, устанавливаются на специальных глиняных платформах, чтобы в них не проникала сырость. Некоторый запас риса, которым пользуются для ежедневного приготовления пищи, часто хранят в хижине, на «чердаке». Кроме риса, либерийцы употребляют в пищу корни кассавы, просо, бобы, земляные орехи, бататы и другие культуры.

В хозяйстве племен, живущих по берегам рек, а также у народов Гвинейского побережья гбаса, гребо, в особенности у кру, большое значение имеет рыболовство. Способы ловли рыбы весьма разнообразны: широко применяются сети, удочки, специальные ловушки и пр. Нередко используются различные яды, которые бросают в небольшие речки. Яд действует очень быстро. Как только одурманенная рыба всплывает на поверхность, ее вылавливают особыми сачками.

Некоторую роль играет охота, хотя в настоящее время она уже утратила свое былое значение. Скотоводство развито слабо. Местные жители разводят крупный рогатый скот, овец и коз. Крупный рогатый скот, как правило, сосредоточен в районах, пограничных с Французской Гвинеей, и является собственностью вождей или глав больших семей.

Хозяйство народов Либерии, особенно ее внутренних областей, имеет натуральный характер. Крестьяне обычно обеспечивают себя не только

продуктами питания, но должны изготавливать также самые разнообразные предметы домашнего обихода для себя и своей семьи.

Народы Либерии с давних времен знают обработку дерева, ткачество, плетение, гончарство, обработку металла. Но у большинства племен еще не произошло отделения ремесел от земледелия — необходимую в хозяйстве утварь, циновки и прочее изготавливает сам крестьянин. Из дерева, например, выделяют ручки к мотыгам, топорам и ножам, деревянные мотыги, ножи для ножей, ступки для очистки зерна, барабаны, культовые маски, различной формы сиденья и множество других предметов.

Большое значение имеет также плетение. Наряду с изготовлением циновок у всех народов Либерии широко развито плетение корзин, которые весьма разнообразны по величине, форме и назначению: одни служат для хранения продуктов или зерна, другие для ловли рыбы и т. д.

Гончарство в основном сохраняется во внутренних областях страны. Занимаются им женщины. При изготовлении глиняной посуды повсеместно применяется так называемая спиральная техника. Посуду изготавливают как плоскодонную, так и с круглым дном. Обычно глиняную утварь украшают орнаментом, а затем обжигают на кострах, которые разжигают за чертой селения.

Прядение и ткачество распространены довольно широко. Материалом для изготовления тканей служит хлопок. Из него изготавливают прочные нити, которые нередко окрашивают в разнообразные цвета: синий, красно-коричневый, желтый. Прядением занимаются преимущественно женщины, хотя иногда в этом участвуют также и мужчины (например, у мано).

Ткачество является исключительно мужской профессией. Народам Либерии известны ткацкие станки двух видов. Оба они очень простой конструкции. На них получают длинную, но очень узкую полосу ткани. При изготовлении одежды эти узкие полосы сшиваются в более широкое полотнище. Подобный способ ткачества и изготовления одежды распространен и в других областях Западного Судана.

Обработка металла — единственный вид ремесла в Либерии, который уже давно отделился от земледелия. Различные металлические предметы производятся не только для собственного потребления, но и для обмена. Среди местных племен широко были известны изделия кузнецов племени киси. В настоящее время старинные способы плавки металла забыты. Кузнецы, как и всюду в Африке, при изготовлении необходимых металлических предметов ограничиваются перековкой железного лома. Изменилось положение и во многих других видах домашней промышленности, особенно в ткачестве. Изделия местного производства вытесняются привозными тканями американского происхождения. Однако домашняя промышленность продолжает сохранять довольно большое значение.

Абсолютное большинство населения Либерии живет в деревнях. Многие деревни состоят всего лишь из нескольких хижин, однако встречаются и большие селения, насчитывающие более 250 жилищ. Например, у племен северных областей некоторые селения состоят из 600 хижин, а на побережье Гвинейского залива, где живут кру, можно встретить небольшие города, насчитывающие до 4000 человек населения.

Жилые постройки двух типов: круглые с конусообразной крышей на севере и четырехугольные на юге, в основном у кру. Для предохранения от затопления во время сильных тропических ливней пол в хижинах делают в виде глиняной платформы высотой от 20 до 120 см. В центре хижины помещается очаг для приготовления пищи. Дым выходит через проем в стене, служащий одновременно и входом в жилище.

В середине деревни расположен «дом собраний» — навес, укрепленный на массивных деревянных столбах. Это центр общественной жизни деревни. Здесь устраиваются собрания жителей, производится суд. Муж-

чины обычно приходят сюда поделиться новостями. Они располагаются здесь на целый день, занимаясь выделкой различных предметов домашней промышленности: плетут циновки, корзины, режут по дереву и пр. Если проходящие через деревню караваны не могут разместиться в хижинах, «дом собраний» служит убежищем для путников, нуждающихся в ночлеге. Поток путников довольно велик. На больших и проселочных дорогах Либерии, которые тянутся от побережья во внутренние районы страны, можно встретить караваны носильщиков с корзинами риса, предназначенного для продажи на склады компании Файерстона, а также группы едущих наниматься на работу в города, на плантации и рудники.

Деревни обычно строят на возвышенности, вблизи рек. Около больших селений нередко расположена рыночная площадь, на которую в определенные дни местные жители выносят для обмена продукты и различные изделия несложной домашней промышленности. Условными единицами обмена на этих базарах служили самые разнообразные предметы: небольшие слитки меди, табак, ткани. У киси, лома, гбунде и других народов северных районов страны в качестве единицы обмена были приняты «джилинде» — железные палочки длиной 40—50 см, изготовленные в основном кузнецами племени киси. «Джилинде» иногда обменивались на английские шиллинги (36—60 шт. за один шиллинг). Как велика область распространения этих местных единиц обмена в настоящее время, сказать трудно, несомненно лишь одно, что теперь они быстро вытесняются деньгами.

Многие рынки Либерии, а следовательно, и селения, расположенные около них, повидимому, очень древнего происхождения. Георг Шваб во время поездки по Либерии в 1927 г. встречал базарные площади, которые более чем на 1 м были ниже уровня окружающей их земли. По мнению местных жителей, это произошло в результате регулярного подматывания площади после рыночных дней на протяжении нескольких сот лет.

Основная экономическая единица в Либерии — «домохозяйство». Членами домохозяйства является муж, жена (или жены) и их дети. Они живут в одной или нескольких хижинах, расположенных по соседству. Если у мужчины несколько жен, то каждая из них имеет особую хижину, где она живет со своими детьми. Члены домохозяйства совместно обрабатывают участок, выделенный им из земель, принадлежащих селению, пользуются рыболовными и охотничьими угодьями, однако прав частной собственности на все это не имеют.

Несколько домохозяйств, связанных узами родства по мужской линии, занимают отдельный «квартал» в селении. Фактически эту группу составляют братья по отцовской линии, дети и внуки, а также различные категории зависимых людей. В некоторых источниках эта группа родственников нередко определяется как род, однако правильнее считать ее большой патриархальной семьей, которая уже в значительной степени подверглась разложению.

Глава семьи, обычно старейший член ее, выполняет различные культовые церемонии и является хранителем общинной семейной собственности, которую составляют скот, иногда деньги, некоторые предметы, имеющие отношение к культу предков, и пр. Он несет определенную ответственность за поведение членов семьи, разбирает споры между ними.

Распорядителем земли является вождь селения, который наделяет участками земли отдельные домохозяйства. У некоторых племен, например у гребо, систематически производится передел земли между большими семьями, а затем глава семьи распределяет участки между домохозяйствами. Согласно старым традициям, члены домохозяйств обязаны подчиняться указанию главы большой семьи, влияние которого в прежние времена было очень велико. Ныне в связи с интенсивным разложе-

нием первобытно-общинного строя в Либерии роль главы большой семьи в значительной степени уменьшилась.

Большой интерес для объяснения социальной структуры народов Либерии представляют материалы, собранные Г. Скаддер Микелем среди кру в большом прибрежном селении Гранд Гесс и соседних деревнях¹⁴. Хотя Скаддер Микель рассматривает общественную организацию кру безотносительно к развивающимся товарно-капиталистическим отношениям, все же его данные позволяют выяснить некоторые интересные стороны социальной организации кру, свойственные в значительной степени всему населению Либерии.

У кру, так же как и у многих других народов Либерии, основной экономической единицей является домохозяйство, в состав которого входят муж, жена и их дети. Домохозяйство представляет собой часть большой патриархальной семьи, которую Г. Скаддер Микель неправильно называет родом (*gens*). Глава семьи является хранителем старинных традиций и общесемейной собственности. Однако общественная собственность у кру несколько уже, нежели у других народов Либерии, и в основном распространяется на скот и частично на лодки. Во главе селения стоит вождь. При нем имеется совет, состоящий из глав больших семей, которые формально считаются представителями народа. Каждое селение кру поделено на «кварталы», которые в настоящее время превратились в чисто административные районы деревни, так как границы их в большинстве случаев не совпадают с границами расселения больших семей. Например, в селении Гранд Гесс из тринадцати больших семей только шесть живут каждая в одном «квартале», остальные семь разбиты на две и даже на три части между различными кварталами селения. Это обстоятельство, конечно, значительно ослабляет влияние глав патриархальных семей на своих подчиненных.

У кру, в отличие от многих других народов Либерии, каждый женатый мужчина имеет право получить из земельных угодий селения определенный надел в индивидуальное владение. Женщины также имеют небольшие земельные участки, которые наследуют по материнской линии. Это свидетельствует о том, что среди кру до настоящего времени сохраняются пережитки древних родовых норм матриархата.

В хозяйстве кру, как прибрежных жителей, большое значение имеет рыболовство. В сложившихся формах владения лодками давно уже возникли предпосылки к зарождению частной собственности.

По величине и грузоподъемности лодки подразделяются на два типа: большие, приспособленные для перевозки грузов, и маленькие, применяемые для рыбной ловли. Маленькие лодки находятся в собственности домохозяйств или отдельных лиц. Тяжелые лодки считаются собственностью больших семей. Формально лодкой имеет право пользоваться любой член семьи. Однако на практике большее время на ней работает тот, кто возглавлял ее постройку. Развитие денежных отношений привело к тому, что инициатор постройки лодки стал привлекать для погрузки и разгрузки пароходов наемную силу из членов других домохозяйств, не принадлежащих к его большой семье. Из заработанных денег рабочие получали поровну, а владелец лодки несколько большую долю. Определенное вознаграждение инициатор постройки лодки получал даже в том случае, когда ею пользовались члены его большой семьи, которые формально имели такое же право на лодку.

Примерно так же обстоит дело у ган, живущих на Золотом Берегу. Владелец лодки, если он не работает вместе с нанятыми рабочими, получает равную с ними часть улова. В случае участия в ловле он получает двойную часть. Эти примеры показывают, что у народов Либерии и

¹⁴ H. Scudder - Mekeel, Social administration of the kru, A preliminary survey. «Africa», London, т. X, № 1, 1937 и т. XII, № 4, 1939.

особенно у кру, наряду с общинной собственностью, давно уже зародилась тенденция к созданию частной собственности, ведущая к образованию классового общества.

В Либерии, особенно в глухих районах тропического леса, сохранились еще тайные союзы. Наиболее известен из них союз поро, встречающийся под различными названиями у народов внутренних областей страны. Сущность его в условиях развивающегося товарного хозяйства быстро меняется. Руководители тайных союзов, используя старые традиции, эксплуатируют подчиненное им население, заставляют его работать на себя и, таким образом, фактически превращаются в эксплуататоров.

Жизнь населения «независимой» Либерии ничем не отличается от жизни народов других колоний Африки. Либерийская деревня характеризуется типичной для колоний экономической, социальной и культурной отсталостью и так же, как любая колониальная деревня, служит для империалистов источником дешевой, а нередко и даровой рабочей силы.

Родо-племенная организация поставлена на службу империализму. Вся система административного управления страной подчинена цели извлечения максимальных прибылей для монополистических компаний США и эксплуататорской верхушки америко-либерийцев. Практикой узаконены принудительный труд и долговое рабство.

Либерия разделена на две большие части: прибрежную, в которой в основном сосредоточены все америко-либерийцы, и внутреннюю, где живут исключительно коренные жители. Прибрежная часть разделена на пять административных областей (графств). Каждая из них тянется от побережья в глубь страны приблизительно на 40 км. В этой узкой береговой полосе действуют законы, в основу которых положена либерийская конституция.

Во внутренних областях установлены так называемые «туземные» законы, которые в значительной степени ограничивают права местного населения. Вся внутренняя часть страны разделена на три большие провинции, которые в свою очередь делятся на более мелкие административные округа (дистрикты). Дистрикты управляются особыми уполномоченными, комиссарами, которые находятся в непосредственном подчинении секретариата внутренних областей.

Номинально считается, что эти территории находятся под совместным управлением комиссара и верховного вождя племени. В действительности же деятельность вождей подчинена воле комиссара и сведена к сбору налогов с населения, обеспечению рабочей силой плантаций и дорожного строительства и разбору мелких тяжб своих подчиненных.

Комиссар дистрикта назначается из среды америко-либерийцев. В принципе этот способ управления сходен с так называемой системой «косвенного управления», широко применяемой на Золотом Берегу, в Нигерии и других английских колониях Африки.

В основе этой системы лежит использование империализмом наиболее реакционных сил африканского общества. Эксплуататорская верхушка америко-либерийцев и реакционная часть вождей племен превратились в социальную опору американских крупных монополий, в посредников империалистической эксплуатации коренного населения. При сборе налогов с земледельцев вождь получает 10% с собранной суммы. Кроме того, он нередко увеличивает размер налога в свою пользу. Это усугубляет и без того тяжелое положение крестьян. Для крупных вождей создавались и другие источники доходов. Например, еще в 1926 г. правительство Либерии основало так называемое «Лейбор бюро» — специальную организацию для обеспечения рабочей силой каучуковых плантаций «Файрстон раббер энд тайр компани». Бюро должно было поставлять не менее 10 тыс. рабочих в год. Руководители бюро послали официальное предписание комиссарам дистриктов провести вербовку определенного

числа рабочих. Комиссары сделали разверстку и обязали вождей племен обеспечить требуемое с него количество людей. За каждого рабочего, представленного на плантацию, бюро и вожди получали от компании Файрстона по одному центу в день.

Вожди племен, материально заинтересованные в эксплуатации своих подчиненных, обычно усердно выполняют распоряжения властей Либерии по быстрому сбору налогов и выполнению разверстки на рабочую силу, требуемую на плантации, дорожное строительство, переноску грузов и т. п. Объем и виды этих работ целиком определяются деятельностью и потребностями американского капитала в стране. Усилившаяся в послевоенное время эксплуатация природных ресурсов Либерии, а также связанная с этим постройка новых дорог требуют дополнительно десятков тысяч рабочих рук.

В стране широко распространен принудительный труд, который носит полурабский характер. В основном он используется на дорожном строительстве и переноске грузов. Труд этот в большинстве случаев не оплачивается. Например, в настоящее время вдоль всего побережья Либерии производится постройка автострады, имеющей большое военное-стратегическое значение. Все города и поселки на побережье страны обязаны поставлять на это строительство определенное число мужчин сроком на две недели. Рабочие должны являться со своими инструментами и необходимым количеством продуктов питания. Тяжелым бременем ложится на коренное население повинность по переноске грузов правительственным чиновникам и военной администрации. Носильщики также работают бесплатно.

Либерия одна из самых отсталых стран в культурном отношении. Грамотность населения исключительно низка: около 95% населения совершенно неграмотно. Однако либерийское правительство мало заботится о разрешении этой проблемы. Об этом весьма красноречиво говорят ассигнования на начальное образование в частных и миссионерских школах. В 1950 г. они составляли 123 177 долларов, или 3% всего бюджета. Примерно такая же сумма (128 702 доллара) расходуется на содержание полиции.

Империалистическая эксплуатация колониальных и зависимых стран, против воли империализма, ведет к разрушению старых, патриархальных форм хозяйства, развиваются новые, товарные и товарно-капиталистические отношения, формируются классы капиталистического общества — пролетариат и буржуазия.

Статистические данные по Либерии весьма скудны. Особенно плохо обстоит дело с цифровым материалом, позволяющим составить ясное представление о вытеснении родо-племенных отношений развивающимися товарно-капиталистическими отношениями. В этом случае могут быть использованы лишь сравнительно немногочисленные указания в различных источниках. Но даже и эти скудные сведения свидетельствуют о том, что данный процесс протекает довольно интенсивно.

Развитие товарно-капиталистических отношений в Либерии вызвало значительные изменения в экономической и социальной жизни страны. Меняются формы собственности, идет процесс классовой дифференциации. Однако в Либерии этот процесс протекает специфично. Промышленной буржуазии здесь нет или почти нет. Буржуазия в основном представлена более или менее крупными торговцами, выходцами из среды американо-либерийцев. Некоторое число мелких торговцев и ростовщиков имеется среди береговых жителей вай и кру.

Основная часть либерийской буржуазии — американо-либерийцы — не связана с народом. Она не принадлежит ни к одной из этнических групп населения и национальной буржуазией считаться не может. Это является одной из причин, объясняющих крайнюю реакционность буржуазии Либерии. Отношение ее к коренному населению страны в сущности

ничем не отличается от политики колонизаторов по отношению к поработанным народам Африки.

Развитие товарно-капиталистических отношений гораздо быстрее происходит в прибрежной части Либерии, населенной народами ваи, кру, гбасса и другими. Здесь еще в начале XX в. в значительной степени развилось отходничество среди ваи и других племен, которые уходили работать по контрактам на плантации острова Фернандо-По. С начала XX в. широкое развитие получило отходничество также среди кру, которые нанимались в качестве матросов на европейские пароходы, совершающие рейсы между различными портами Гвинейского побережья. Многие из них работали грузчиками или выполняли другие работы в либерийских гаванях. Несомненно, в настоящее время в связи с расширением порта Монровия численность рабочих этой категории значительно увеличилась. Некоторое число либерийских рабочих контрактировалось в английскую колонию Золотой Берег.

Численность либерийского пролетариата в настоящее время неизвестна. Однако, несомненно, она растет с каждым днем, так как усиливается эксплуатация экономических ресурсов страны. С увеличением дорожного строительства и расширением портовых городов ощущается нужда в дешевой рабочей силе. Наблюдается приток населения в города и особенно в Монровию, население которой выросло с 10 тыс. человек в 1927 г. до 35 тыс. в настоящее время. Повысилась, повидимому, также и общая численность работающих на плантациях, рудниках и лесных разработках. Только на каучуковых плантациях компании Файрстона работает около 30 тыс. человек. Созданные после второй мировой войны американские объединения «Стеттиниус ассошиейтс лайбириа компани», «Лайбириа майнинг компани» и другие монополии, действующие на территории Либерии, требуют тысяч новых рабочих рук.

Рабочие Либерии, как и другие рабочие всего Западного Судана, в большинстве случаев сезонники, работающие определенное время по контрактам. С окончанием контракта они обычно возвращаются в деревню и некоторое время занимаются земледелием. Таким образом, связь их с землей, а следовательно и с племенной организацией не порывается. Однако родовые узы, искусственно поддерживаемые либерийскими властями, далеко не столь крепки, как в прежние времена. Например, среди кру, наряду с матросами, грузчиками и другими отходниками, имеющими небольшие клочки земли, возникла категория лиц, живущих исключительно наемным трудом и совершенно не связанных с земледелием. В периоды безработицы они лишены средств существования и принуждены занимать деньги у ростовщиков, функции которых среди кру выполняют женщины. Это показывает, что постепенно в прибрежной части Либерии формируется прослойка потомственного пролетариата, ничего общего не имеющего с родо-племенными группами, которые основаны на кровном родстве и общности происхождения. Отходничество в города, на плантации, рудники и т. д. расшатывает родовую организацию и в более глухих районах Либерии.

Растет и укрепляется организованность рабочего класса в борьбе против жестокой эксплуатации народов Либерии со стороны американских монополистов. В феврале 1950 г. вспыхнула стачка на каучуковых плантациях Файрстона. Бастовало 20 тыс. рабочих, требуя увеличения поденной платы. Примерно в это же время объявили забастовку 350 горнорабочих «Лайбириа майнинг компани», требуя также повышения заработной платы. Правительство Либерии — хранитель американских капиталовложений — направило против бастующих вооруженные отряды. Обе стачки были жестоко подавлены.

Несмотря на многочисленные ограничения, среди ваи, гбасса, кру и других племен появилась буржуазная интеллигенция, в большинстве случаев порвавшая связь с родовой организацией. Наиболее сознатель-

ная часть ее ведет активную борьбу за демократические преобразования в стране, против диктаторской политики либерийского правительства, охраняющего интересы американского монополистического капитала. Эта борьба сплачивает прогрессивные силы Либерии, требующие действительной независимости страны, улучшения материального положения и политических прав всех ее народов.

Значительное укрепление рядов демократического лагеря было продемонстрировано во время выборов президента Либерии в 1951 г., проходивших в обстановке террора и репрессий. Вследствие различного рода ограничений, из двухмиллионного населения Либерии право на голосование получили только 320 тыс. человек.

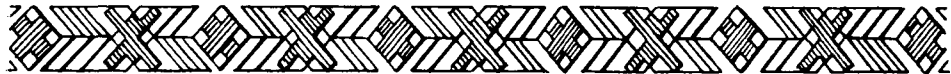
До выборной кампании 1951 г. в стране существовали две политические (буржуазные) партии: партия «истинных вигов» и «партия реформ». Почти на протяжении 100 лет партия «истинных вигов» являлась правящей партией в стране и отражала интересы реакционной буржуазной верхушки американо-либерийцев. «Партия реформ» большого политического значения не имела. Фигурируя на выборах президента для создания иллюзии демократичности, она обычно играла роль официальной оппозиции «истинным вигам». Однако в 1951 г. положение резко изменилось. В результате роста антиимпериалистического движения в Либерии возникла новая «народная партия», в состав которой вошли прогрессивная интеллигенция и общественные деятели страны. Большую часть этой организации составили представители народа кру. Народную партию возглавил Дидху Тве — один из прогрессивных деятелей страны.

На президентских выборах в 1951 г. народная партия выдвинула Дидху Тве кандидатом на пост президента и выступила против партии «истинных вигов» и ее кандидата Табмэна, который должен был занять президентский пост вторично. Табмэн зарекомендовал себя в стране как диктатор и сторонник дальнейшего внедрения американского капитала в экономику Либерии. Антинародная политика Табмэна, посылавшего вооруженные отряды во внутренние области для расправы с коренным населением, не пользовалась поддержкой широких масс и прогрессивно настроенных элементов страны.

Дидху Тве — кандидат народной партии в своей предвыборной программе выдвигал ряд демократических реформ: выборность местных правительственных чиновников и судей, независимость суда от давления и контроля со стороны либерийских властей и др.

Демократические преобразования отнюдь не входили в планы партии «истинных вигов». При поддержке правительства было решено не допустить народную партию к участию в выборах под предлогом, что она якобы не прошла во-время регистрацию. Тогда Дидху Тве примкнул к «партии реформ», которая выдвинула его своим кандидатом на пост президента. Это послужило сигналом к проведению репрессий по отношению к «партии реформ» и ее руководителям. Дидху Тве и его сторонники были лишены права участия в голосовании, помещения партии были разгромлены, а 18 руководителей ее заключены в тюрьму. Дидху Тве вынужден был бежать за пределы страны.

Все эти факты указывают, что непреодолимо растущее в Африке антиимпериалистическое и рабочее движение все больше захватывает и народы Либерии.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Р. Ф. ИТС

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧЖОУКОУДЯНЕ

История раскопок в Чжоукоудяне, где были сделаны знаменитые находки синантропа, в последнее время привлекает широкое внимание общественности Китайской Народной Республики. Эта тема нашла свое отражение и в СССР¹, встречается она и на страницах книг и журналов Западной Европы и США. Вопросы, связанные с историей палеантропологических находок в Чжоукоудяне, затрагивают три аспекта: 1) значение находки синантропа для науки и роль ученых Китая в обнаружении ее; 2) работы в Чжоукоудяне после образования Китайской Народной Республики; 3) судьба коллекции подлинных остатков синантропов.

В 54 км на юго-запад от Пекина расположена деревня Чжоукоудянь. У подножья горы Сишань (западные холмы) долгое время проводили изыскания различные геологические экспедиции. В начале 20-х годов, когда геологи обнаружили здесь палеонтологические материалы, в этот район выехала научная экспедиция, участник которой молодой палеонтолог Пэй Вэнь-чжун в 1929 г. нашел остатки скелета (черепную крышку) и орудия труда одного из ранних предков человека, известного под названием «Бейцзин-жень» (Пекинский человек), иначе синантроп. Раскопки, производившиеся в этом районе в течение 10 лет (с 1927 по 1937 г.), были прерваны в связи с нападением Японии на Китай. Они возобновились только в конце 1949 г.

Агенты различных учреждений, субсидировавшихся монополистическими организациями Западной Европы и США, сразу же после обнаружения в Чжоукоудяне ценнейших палеантропологических материалов, стремились прибрать этот район к своим рукам. Китайские ученые, специалисты, рабочие вкладывали много труда в добывание этих материалов и их изучение. Однако честь публикации результатов исследования иностранцы в основном оставляли за собой. Ученые Китая даже не были приглашены на международные конференции, посвященные этим раскопкам.

За 25-летний период вышло несколько монографий и сборников на различных западноевропейских языках о раскопках в Чжоукоудяне. Если не говорить о нескольких работах Пэй Вэнь-чжуна, в основном относящихся к описанию орудий синантропа, то все эти работы принадлежат перу ученых Западной Европы и США. Широкая научная общественность, знакомясь с работами Зданского, Блэка, Вейденрейха, Андерсона, была введена в заблуждение об истинной роли китайских ученых, и в частности Пэй Вэнь-чжуна, в столь важном мировом открытии.

В одной из своих работ Андерсен, останавливаясь на подготовке к раскопкам в 1927 г., пишет, что костные остатки синантропа были изучены и описаны д-ром Блэком в Анатомическом институте медицинской высшей школы. «Фонд Рокфеллера практически финансировал все предприятие»².

Являвшийся до своей смерти в 1934 г., руководителем исследований гоминид из Чжоукоудяня Дэвидсон Блэк, как и его преемник Франц Вейденрейх, бесспорно внесли известный вклад в дело изучения синантропа. Но Блэк и Вейденрейх в своих исследованиях³, так же как и другие ученые Запада, участвовавшие в раскопках Чжоукоудяня, или замечали вскользь или вообще обходили молчанием работы китайских

¹ См. В. А. Рубин, Археологические раскопки в Китае, «Вестник древней истории», 1952, № 4, стр. 152—154.

² J. G. Andersson, Children of the Yellow Earth, London, 1934, стр. 106.

³ D. Black, On the Discovery, Morphology and Environment of Sinanthropus Pekinensis, London, 1933; F. Weidenreich, The Skull of Sinanthropus Pekinensis, «Pal. Sinica», ser. D., № 5, Peking, 1941.

деятели науки Пэй Вэнь-чжуна, Цзя Лань-бо, Ян Чжун-цзяня, Чжан Хай-цюаня и других. В своей работе Андерсон, говоря о Блэке и Вейденрейхе, даже не считал нужным указать на роль Пэй Вэнь-чжуна в обнаружении костных остатков синантропа⁴. Это в то время, как с 1932 г. проф. Пэй в основном самостоятельно проводил полевые работы.

Реакционное гоминдановское правительство, не заинтересованное в прогрессе отечественной науки, предоставляло широкое поле деятельности иностранному капиталу во всех областях культурной и научной жизни Китая. Проводившиеся на средства фонда Рокфеллера раскопки в Чжоукоудяне обуславливали передачу всех костных материалов для исследования в Объединенный медицинский колледж г. Пекина, существовавший на известный «культурный фонд» США. Американские империалисты использовали этот фонд для идеологической агрессии в Китае. Ими были организованы всевозможные колледжи, пансионы, университеты (в том числе Яньцзинский), широкой сетью опутывавшие Китай и в своих стенах воспитывавшие китайскую молодежь в духе преклонения перед «американским образом жизни».

Отмечая тот неоспоримый факт, что черепная крышка синантропа была найдена Пэй Вэнь-чжуном, буржуазные ученые стремились всячески отстранить его и других китайских ученых (особенно антропологов) от изучения костных остатков синантропа. Опубликованные работы на китайском языке о синантропе оставались неизвестными широкой научной общественности. Поэтому сложилось такое мнение, что автором открытия синантропа является Д. Блэк, описал его Ф. Вейденрейх, а Пэй Вэнь-чжун, хотя и обнаружил черепную крышку, больше известен описанием орудий труда синантропа. К сожалению, эта точка зрения попала и в советскую антропологическую литературу, исключение представляет работа М. М. Герасимова⁵. В ряде советских работ из библиографии незаслуженно выпадает работа Пэй Вэнь-чжуна «Относительно открытия взрослого синантропа в Чжоукоудяне»⁶.

Бесправное положение, в котором оказались китайские ученые — участники раскопок синантропа, — послужило причиной такого поразительного факта, что до победы народной власти в Китае там не было издано общих работ, освещающих историю этих раскопок, не говоря уже о научно-популярных трудах.

За последнее время Китайское Народное правительство вскрыло целый ряд фактов грабительской деятельности «благотворительных миссий» США и Западной Европы. Эти миссии, получая от гоминдановского правительства права на проведение исследований в области народного хозяйства, утаивали от Китая те или иные ценные материалы. Эти разоблачения касаются в основном области геологических исследований, но отчасти затронуты и археологические раскопки в Чжоукоудяне.

Вот как описывает положение научных исследований в районе Чжоукоудяна до победы народной революции видный палеонтолог Китая Ян Чжун-цзянь: «Во-первых, следует сказать, что все права на проведение этих раскопок полностью находились в руках иностранцев. Как права на раскопки, так и на опубликование. В вопросах же исследования, особенно в отношении изучения синантропа, иностранцы узурпировали все; да и остальные материалы изучались исключительно ими. На все это они имели большие привилегии... поэтому не только эксплуатировался труд рабочих китайцев, которые в основном производили раскопки в Чжоукоудяне, но также и труд китайских ученых в проведении исследований. Иностранцы доходили до дачи неправильных, извращенных сообщений... Но самым ужасным является то, что вообще прогресс нашей науки на международной арене, сообщения о работах в Чжоукоудяне на международных совещаниях представлялись не китайцами, а в основном только иностранцами»⁷. Таково было общее положение, хотя имелись исключения в виде работ Пэй Вэнь-чжуна и некоторых других китайских исследователей, но это происходило потому, что игнорирование их деятельности могло бы вызвать широкую волну негодования.

Прежние раскопки в Чжоукоудяне велись на площади, не превышающей 3 км², и за десятилетний период было открыто 17 участков. Из них самыми важными были участки № 1, 13, 15. На участке № 1 были обнаружены остатки синантропа. На участках № 13 и 15 костных остатков человека не было найдено. На участке № 13, расположенном в 1 км южнее участка № 1, в 1933—1934 гг. были найдены каменные орудия, кости млекопитающих животных: оленя, трехлопной лошади, медведя, волка и ряда других ископаемых форм. В 1934—1935 гг. в 50 м восточнее участка № 13 китайский ученый Чжан Хай-цюань начал проводить раскопки и назвал свой район работ «новым участком». Здесь им были найдены каменные орудия.

За десятилетний период была собрана большая коллекция. В советской научно-популярной литературе за последнее время распространились две версии относительно

⁴ J. G. Andersson, *Researches into the Prehistory of the Chinese*, «The Mus. of Far Eastern Antiq.», Stockholm, 1943, стр. 23—25.

⁵ М. М. Герасимов, *Основы восстановления лица по черепу*, М., 1949.

⁶ W. C. Pei, *An Account of the Discovery of an Adult Sinanthropus in the Chou k'ou tien*, *Bull. of Geol. Soc. of China*, vol. VIII, № 3, 1929.

⁷ Ян Чжун-цзянь, *Раскопки в Чжоукоудяне прежде и теперь*, «Кэсюэ тунбао» (Научный вестник), Пекин, 1951, № 7, стр. 693. На кит. языке.

судьбы этих ценнейших коллекций. Проф. С. В. Обручев⁸, основываясь на данных журнала «La Nature», сообщает о потере этой коллекции во время попытки погрузить ее на американское судно в одном из портов Китая. М. Ф. Нестурх писал, что эта коллекция была вывезена в Японию и после капитуляции последней была возвращена Китаю⁹. Однако в китайских научных журналах есть и другие сведения о судьбе коллекции остатков синантропа и его орудия труда. Китайский ученый Ян Чжун-цзянь в указанный работе пишет, что эта коллекция погибла при налете японской авиации на Пирл-Харбор в 1941 г.¹⁰

После опубликования этой статьи Ян Чжун-цзянь получил письмо от палеонтолога Вальтера Кюна, научного сотрудника геолого-палеонтологического факультета Берлинского университета Германской Демократической республики. Это письмо не оставляет и тени сомнения в судьбе остатков синантропа и полностью разоблачает американский миф об их пропаже. В декабре 1941 г., после начала войны на Тихом океане, японцами было захвачено судно США, на котором находились подлинники остатков синантропа, отправленные директором Объединенного медицинского колледжа Пекина в американское посольство. После капитуляции Японии эта коллекция была жульническим образом вывезена в США, где она и находится в настоящее время. Письмо палеонтолога Вальтера Кюна, адресованное директору научно-исследовательского института палеонтологии и лаборатории палеонтологии позвоночных Ян Чжун-цзяню, было опубликовано в центральном органе ЦК КПК¹¹ и журнале «Синьхуа юэбао»¹². Письмо, датированное 6 октября 1951 г., гласит следующее: «Весной этого года мы посетили биологический факультет Лондонского университета. Д. У. С. Ватсон (D. U. S. Watson), декан биологического факультета, сказал нам: «кости и черепа из 1-го участка Чжоукоудяня сейчас находятся в Музее естественной истории США». Перед смертью Вейденрейха Ватсон, будучи в Нью-Йорке, видел эти подлинники в руках у Вейденрейха. ...Эти подлинники были взяты американскими солдатами из Императорского музея в Японии... я очень удивился тому, что Вы ничего об этом не знали. Я попросил Ватсона письменно подтвердить эту новость. Основываясь... на заявлении Ватсона, я определенно утверждаю, что это известие истинно».

Миф о пропаже коллекции синантропа усиленно распространялся не только журналом «La Nature», но и различными американскими научными журналами и изданиями. В 1951 г. в издании того же Музея естественной истории Нью-Йорка, в котором находятся подлинники остатков синантропа, в серии антропологических записок вышла посмертная работа Франца Вейденрейха «Morphology of Solo Man» с предисловием Кёнигсвальда. В своем небольшом предисловии Кёнигсвальд настойчиво трижды высказывает сожаление о «безвозвратной гибели» коллекции синантропа¹³.

В свете только что приведенного перевода письма В. Кюна ясно выступает подлинное лицо официальной «науки» США.

Японские захватчики, а затем и чанкайшистские бандиты значительно разрушили район Чжоукоудяня. В период войны здесь располагались артиллерийские батареи. Все участки раскопок оказались заваленными. Железнодорожная ветка и электростанция были взорваны. Рядом еще шли бон, а в Чжоукоудянь для обследования района раскопок уже приехали ученые-патриоты.

Победа Народной революции коренным образом изменила жизнь китайского народа. В свободном Китае изменилось и положение науки. Был положен конец безраздельному хозяйничанию империалистов и их подручных. Специальным указом Центрального Народного правительства район Чжоукоудяня был национализирован и объявлен государственным заповедником чрезвычайного научного значения. Правительство отпустило средства на возобновление раскопок в этом интересном районе.

В первые же месяцы подготовки к планомерным раскопкам в Чжоукоудяне на «новом участке» Чжан Хай-цюаня начались восстановительные работы. 11 июня 1950 г. представители научной общности страны под руководством Пэй Вэнь-чжуна выехали в район раскопок и в первую очередь посетили «новый участок». Предварительные работы, как пишет участник этой экспедиции палеонтолог и археолог Цзя Лань-бо, дали возможность обнаружить значительное количество костей ископаемых животных¹⁴. Можно было определить кости ископаемого носорога и гигантского оленя. Это были первые находки археологов и палеонтологов нового Китая в Чжоукоудяне.

Крестьяне и рабочие из ближайших мест шли сюда, чтобы помочь ученым возродить район и продолжать археологические работы. Энтузиазм, с которым народ проводил работы по возрождению этого района, дал возможность Академии наук Китайской

⁸ С. В. Обручев, Гибель остатков синантропа, «Природа», 1949, № 5, стр. 64.

⁹ М. Ф. Нестурх, Предки человека, М., Госкультпросветиздат, 1950, стр. 51.

¹⁰ Ян Чжун-цзянь, Указ, соч., стр. 694.

¹¹ «Женминьжибао» от 1 января 1952 г., Пекин.

¹² Журнал «Синьхуа юэбао», Пекин, 1952, № 3, стр. 178.

¹³ F. Weidenreich, Morphology of Solo Man. Introduction G. H. R. von Koenigswald, vol. 43, part 3, N. Y., 1951, стр. 211—213.

¹⁴ Цзя Лань-бо, В Чжоукоудяне обнаружен новый участок окаменелостей, «Кэсюэ тунбао» (Научный вестник), Пекин, 1950, № 3, стр. 181. На кит. языке.

Народной Республики уже в 1950 г. составить план возобновления раскопок в Чжоукоудяне. Для составления плана работ на место выехали Пэй Вэнь-чжун, Ян Чжун-цзянь, Цзя Лань-бо и Лю Сян-тин — научные сотрудники Археологического института Китайской Академии наук. Они обследовали район Чжоукоудяня и ориентировочно установили площадь возможного нахождения остатков костей синантропа и его орудий труда. В этот район были включены и участки, вскрытые ранее. Направление работ было установлено от северной границы района к южной. В отличие от прежних методов раскопок, была поставлена задача идти не только и не столько в ширину, сколько, при условии послойно-поквадратного метода, в глубину, до стерильного слоя, лишенного культурных остатков. Подобная система раскопок дает последовательную стратиграфическую картину и полностью оправдана опытом советских археологов.

Учитывая особую научную важность работ в Чжоукоудяне, Центральное Народное правительство включило их в государственный народно-хозяйственный план и ассигновало необходимые средства. После подготовительного периода и начала стационарных изысканий в 1951 г. прошло сравнительно немного времени, но уже достигнуты большие результаты. Новые археологические исследования дали ценные открытия, которые, как говорит Ян Чжун-цзянь, положили начало новой эпохе в истории Чжоукоудяня. Найденны три зуба синантропа¹⁵, что является важным научным событием в жизни Китая. Найденны новые экземпляры каменных орудий¹⁶.

Только в условиях народно-демократического строя стало возможно издание на китайском языке научно-популярного труда Цзя Лань-бо «Первобытный человек Китая». В 1950 г. в Пекине вышел первый том этого труда, посвященный синантропу (Бэйцзин-жень). Автор в своем предисловии сообщает, что он намерен опубликовать еще два тома. Один из них «Ордоский человек» и другой «Люди Верхней пещеры». Первый том имеет введение, заключение и шесть глав, посвященных итогам раскопок синантропа, геологии района Чжоукоудяня, каменным орудиям, культуре, фауне и образу жизни синантропа. Особый интерес представляют публикуемые впервые материалы из личных коллекций Пэй Вэнь-чжуна (каменные орудия) и Ян Чжун-цзяня (палеонтологические находки). К первому тому приложена полная библиография вопроса.

Общий уровень работы, как пишет в своем предисловии крупный ученый и общественный деятель Китая Пэй Вэнь-чжун, несколько снижает чрезмерное следование Цзя Лань-бо за выводами и методикой Вейденрейха. Пэй Вэнь-чжун справедливо замечает, что Вейденрейх, хотя и крупный ученый, но ученый буржуазной школы, отрицающей диалектический метод. Проф. Пэй призывает изучать древнейшие периоды истории человечества на основе марксистско-ленинской теории¹⁷.

Эта теория поможет китайским ученым так же, как она помогает всей прогрессивной науке, идти правильным путем в научных исканиях. Китайские ученые, успешно трудящиеся на благо народа, использующие богатый опыт советской науки, откроют много новых страниц в истории человечества.

¹⁵ Ян Чжун-цзянь, Указ. соч., стр. 694.

¹⁶ Китайская Академия наук поднесла в дар Музею антропологии МГУ ценнейшую коллекцию подлинных орудий синантропа.

¹⁷ Цзя Лань-бо, Первобытный человек Китая, Пекин, 1950 (на кит. языке), стр. 1—2.

А. С. БЕЖКОВИЧ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РИСУНКИ ВЛ. ПЛОТНИКОВА ПО БЫТУ КАЗАХОВ

(1859—1862 гг.)

В архиве Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде хранится коллекция прекрасных этнографических акварельных рисунков по быту казахов, выполненных в 1859—1862 гг. Вл. Плотниковым. Коллекция поступила в Государственный музей этнографии в 1949 г. вместе с экспонатами быв. Музея народов СССР (Москва).

В коллекции 253 рисунка, размещенных на 45 листах ватмана размером 23×32 см. Все рисунки датированы 1859, 1860 или 1861 г. На каждом стоит ясная подпись: «Вл. Плотников» и четко указано название предмета. В названиях часто используется казахская терминология.

Имея почти столетнюю давность, рисунки эти отображают быт, еще мало затронутый русской культурой. Вл. Плотников производил зарисовки вскоре после фактического присоединения Казахстана к России. Выполненные опытной рукой, с большой добросовестностью, эти рисунки являются уникальными по своему содержанию.

Коллекция дает довольно полное представление об одежде, обуви, головных уборах и украшениях казахов того времени, домашней утвари, кочевом и оседлом жилище (зимовках), сбруе и седлах, ремесленных инструментах, орнаменте и многом другом. Все предметы изображены в красках, причем так искусно передана фактура, что легко различаешь, из какого материала сделан предмет. Художник показал и социальные различия, зарисовав вещи бедных и богатых казахов.

Вл. Плотников, насколько можно судить по датам на рисунках, работал среди казахов в течение трех лет. Давая далее краткое описание рисунков, мы будем придерживаться порядка их расположения в альбоме, так как этот порядок, очевидно, за некоторыми исключениями отображает последовательность зарисовок.

На первых шести листах, содержащих 36 рисунков, изображен комплекс предметов, относящихся к женской одежде, женским головным уборам, женским украшениям и детской прическе (см. рис. 1 и 2). В подписях к некоторым рисункам женской одежды даны указания на родо-племенную принадлежность, например «кипчацкая», «джагал-байлинская» женщина. Из этой группы рисунков необходимо отметить казахский свадебный головной убор «саукеле», изображенный со всеми деталями украшения, очень богатого, пышного и весьма нарядного, а также богатый, шегольской головной убор «джаулак». Одежда представлена по возрастным группам, по сезонам, праздничная и свадебная.

Одежда и некоторые головные уборы показаны на людях, так, как их носят. Для наиболее сложных головных уборов даны рисунки, изображающие вид спереди и сзади. Все женские украшения зарисованы отдельно, причем многие из них, например, браслеты «бэт-муншак» и серьги «унгурша» и «тык-жага», выполнены в натуральную величину¹.

При изучении казахской женской одежды эти рисунки могут оказать существенную помощь исследователю.

Три больших рисунка (№ 19, 20 и 45, по нумерации художника) посвящены наряду казахской невесты и убранству ее лошади. В старом казахском быту, наряду с зависимым, бесправным и угнетенным положением замужней женщины, девушка, особенно в бытность ее невестой, пользовалась относительной свободой, и ей уделялось много внимания. Ее холили и нарядно одевали. Конь и седло, на которых девушка ездila во время перекочевков, всегда были лучше украшены, чем другие. Особенно нарядно выглядел свадебный конь. На рисунке свадебный конь от головы до хвоста сплошь покрыт дорогой попоной, богато украшенной ярким казахским орнаментом. На коне удобное высокое седло, также нарядно украшенное покрывалом с ка-

¹ Здесь и дальше сохраняем транскрипцию казахских терминов, данную Вл. Плотниковым.

Рис. 1. Казахская женская одежда и головные уборы: 1 — казашка в бешмете, повязанная платком; 2 — казашка в головной повязке; 3 — казашка в зимней одежде
Фотоснимки с рисунков выполнены А. А. Гречкиным

Рис. 2 Женская одежда и украшения: 1 — кипчакская казашка; 2 — джагалбайлинская казашка; 3 — казахская девушка в богатом наряде; 4 — браслет; 5 — серьги; 6 — девичьи кожаные калоши

захским орнаментом (рис. 3). Художник показал «ат-турман» — попону свадебного коня и на отдельном рисунке. На третьем рисунке изображена девушка в свадебном наряде верхом на лошади. Все эти рисунки особенно интересны для изучающих народный орнамент.

На следующих шести листах (№ 7—12) помещено 38 рисунков, изображающих мужские головные уборы, мужскую летнюю и зимнюю одежду, сапоги и пояса. Все эти

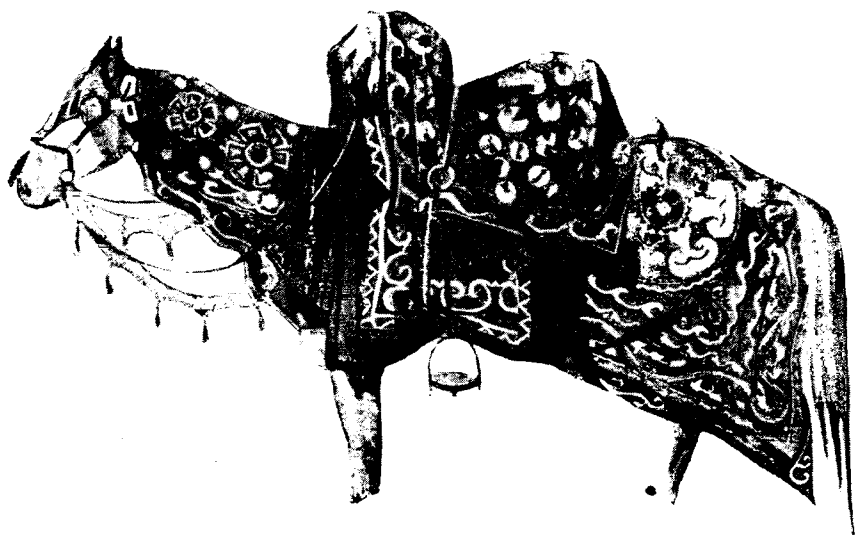

Рис. 3. Свадебный конь, покрытый богато расшитой попоной «ат-турман»

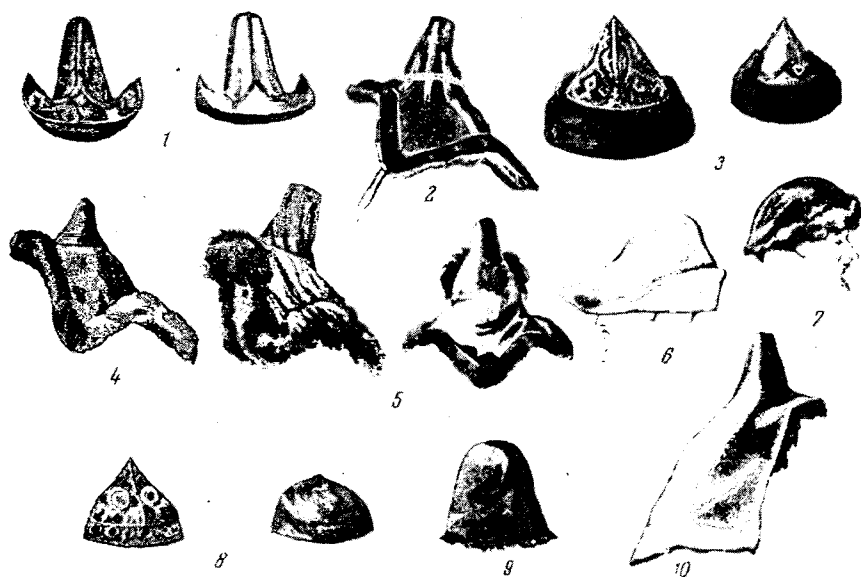

Рис. 4. Головные уборы богатых казахов: 1 — шляпы «калпак»; 2 — малахай; 3 — тюбетейки; малахай: 4 — кипчакский; 5 — джагалбайлинский; 6 — «калпак»; 7 — зимняя тюбетейка; 8 — тюбетейки; 9 — шапка; 10 — башлык

листы в основном относятся к тем же кипчакам и джагалбайлинским казахам, что и предыдущие. Мужских головных уборов представлено 15 типов: калпаки, шапки, малахай, башлыки, тюбетейки, головные повязки нескольких видов. Наиболее нарядно выглядят калпаки — богато орнаментированные головные уборы, являвшиеся принадлежностью одежды султанов, биев и баев. Малахай показаны нескольких видов. Худож-

Рис. 5. Одежда казахов: 1 — казахский чиновник в форменной одежде; 2 — богатый казах в зимней одежде; 3, 4 — кипчакский казах; 5 — покрой распахнутой рубахи «джедже»; 6 — казахская шапка; 7 — покрой обычной рубахи «куйлык»

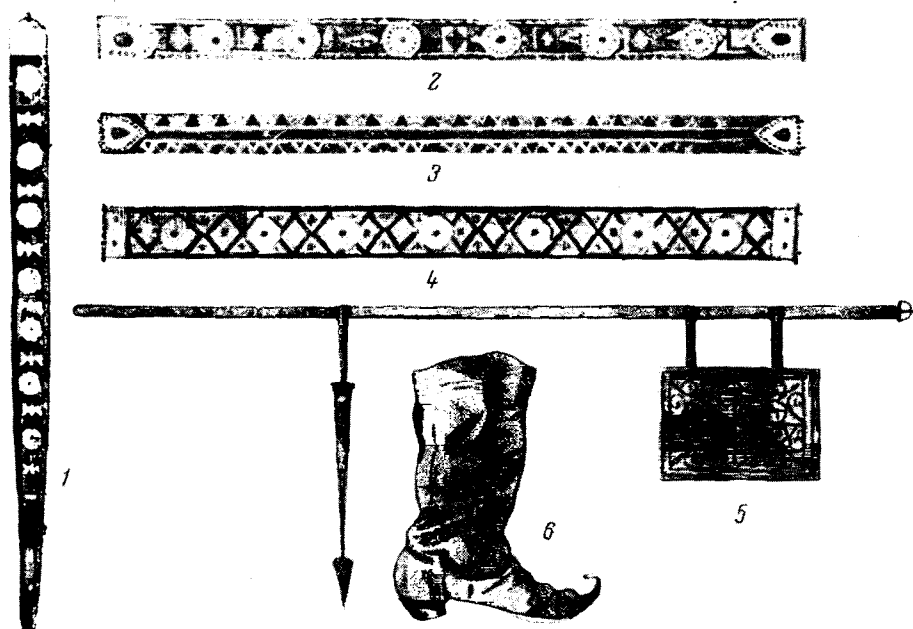

Рис. 6. Казахские пояса с украшениями: 1, 2, 4 — «денгмент»; 3 — «кур»; 5 — пояс с орнаментированной кожаной сумкой «ксе»; 6 — казахский сапог

ник зарисовал малахаи кипчаков и джагалбайличских казахов, показав различия этих головных уборов у богатых и бедных. Отмечены и сезонные особенности. Зимние казахские малахаи, приспособленные к местным климатическим условиям, одинаково хорошо защищают от стужи и пурги (рис. 4). Тубетейки также даны с показом сезонных различий и социальной принадлежности. Все рисунки мужских головных уборов датированы 1860 г.

Рисунки мужской одежды показывают главным образом, как одевались богатые бии и баи. Художник показал парадную одежду богатого казаха, его одежду «не в парадном случае», он нарисовал богатого казаха в домашней и в зимней одежде. На отдельном рисунке изображена так называемая «национальная форма» чиновников-казахов. Два рисунка отражают обычную народную зимнюю одежду кипчацких и джагалбайлинских казахов. На двух рисунках показаны мужские рубашки: распашная — «джегде» и обычная рубаха — «куйлёк» (рис. 5).

Несколько рисунков посвящено мужским поясам и их украшениям: «денгмент», «кур» и «ксе» (рис. 6).

На одном рисунке показана мужская казахская обувь — сапог с высоким каблуком и очень острым носком, кончик которого загнут вверх и назад.

На листе 13 помещено 5 рисунков, изображающих казахов и казашек верхом на лошадях, преимущественно в летней одежде. Художнику удалось отобразить легкость и непринужденность посадки этих природных наездников, которые уже с раннего детства усваивали основные приемы верховой езды. На этом же листе показано доение кобылицы.

Семь листов (15—21) заняты 27 рисунками сбруи, седел, чепраков и прочих атрибутов снаряжения и украшения верховой лошади, которым уделялось большое внимание в старом казахском кочевом быту. Художник показал седла богатых, «посредственно состоятельных» и седло бедного казаха, а также женские, детские и вьючные седла. Седло бия, бая не только добротное, но оно обильно украшено росписью, снабжено особой формы стременами узорного литья, затейливой по форме и орнаментированной пряжкой для подпруги; богато расшитые чепраки «тебенге» и подушки, узда, нагрудник и пахвы украшены металлическими бляхами. Добротно, но гораздо беднее украшениями седло и сбруя казаха «посредственного состояния», значительно хуже седло бедного казаха и совсем убогого «беднейшего» казаха: вместо потников какие-то обрывки старого войлока, стремена деревянные, седло без подушки, лишь с одной дрянной подпругой. Рисунки седел убедительно свидетельствуют о большом имущественном неравенстве среди казахов в то время.

Женское седло несколько отличалось от мужского и по форме и по украшению. Вл. Плотников дал рисунок этого седла и рядом показал узорный потник, довольно нарядный, как и само седло. На листе 18 изображено детское седло, отличавшееся некоторыми конструктивными особенностями.

Большой интерес представляют два рисунка вьючных седел: «жязы» — верблюжье седло и «огуз-аша-май» — бычье седло, так как они являются весьма древними элементами кочевой культуры.

На листе 23 помещено 10 рисунков, характеризующих оружие защиты и нападения, бытовавшее у казахов в середине XIX в. Тут и фитильное ружье «мультук», и копье «кайза», и боевой топор «ай-балта», и «шехмар» — простая палица с булавой на одном конце, и «кльч» — богато украшенная сабля среднеазиатского типа, и «куту» — поро-

Рис. 7. Внутренний вид: 1 — казахского бревенчатого дома; 2 — землянки

ховница, прекрасно орнаментированная, и, наконец, плетка «камши» — обязательная принадлежность каждого всадника, джигита и воина. На листе 24 дан рисунок сабли «кылыч» другого образца, кавказского, и изображен кинжал «кан-мар». На листе 25 показаны лук «жак» и стрелы «уек» в кожаных чехлах «курамсак» с типичным казахским орнаментом. Этот довольно разнородный комплекс предметов боевой техники показывает, что в условиях консервативного быта кочевников новое оружие не вытесняло старое, а лишь дополняло его. В результате у казахов 1860-х годов сохранялось такое примитивное оружие, как палица с булавой, топор, копье, наряду с огнестрельным, правда, фитильным ружьем и вполне современной саблей. Повидимому, бии и богатые казахи — баи обзаводились современными саблями с богатым набором серебряных с позолотой украшений, фитильными ружьями, а беднота пользовалась устаревшим оружием.

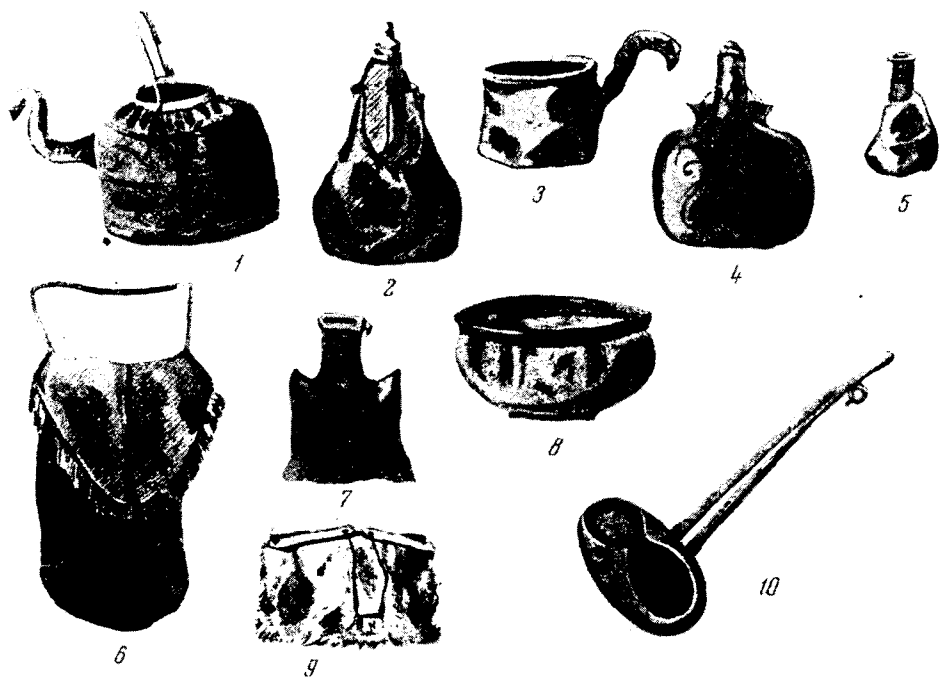

Рис. 8. Казахская утварь: 1 — бурме-кункюк; 2, 4, 7 — турсук; 3 — бие-саватугун-кункюк; 5 — бала-турсук; 6 — аяк-кап; 8 — шар-аяк; 9 — талыс; 10 — умау

На листе 22 изображены народные струнные музыкальные инструменты — «кобызы» и «думбра» двух типов. Рисунки датированы 1861 г. Музыкальные инструменты такого типа сохранились и до наших дней.

Художник уделил довольно большое внимание казахскому переносному кочевому жилищу — юрте. На четырех листах (26—29) дано 18 рисунков юрты, отдельных ее частей и типов орнамента. Рисунки дают представление о внутреннем и внешнем виде юрты богатого и бедного казаха. По конструкции они одинаковы, но у богатого юрта более просторная, она богато украшена специальными «тегереш» и «чием» с красочным орнаментом; у бедного казаха юрта без всяких украшений, старая, почерневшая от дыма и пыли.

Интересны видовые рисунки, дающие представление о степном ландшафте и зимовках казахов в 1861 г. На рисунке «Казахская зимовка на озере» показан аул из группы юрт, обнесенных защитной изгородью. На другом рисунке «Казахская зимовка» на переднем плане в ауле среди юрт художник изобразил постоянный тип жилища, сделанный из бревен в сруб, с одним окном в шесть стекол и плоской крышей. В композиции рисунка этот домик занимает центральное место. Видно, весь рисунок был задуман ради изображения этого необычного для кочевников того времени жилища.

Зимним жилищем казахов была еще и землянка. Художник показал внутренний вид землянки и «избы» (рис. 7). В землянке, как и в «избе», крыша служит и потолком. Оба эти жилища отапливались печью, по конструкции напоминающей русскую печь. В землянке печь обмазана красноватой глиной, а в «избе» выбелена мелом или известью. Наличие «избы» с такой печью в казахской степи, несомненно, результат общения казахов этих мест с русским крестьянским населением.

Более 40 рисунков, размещенных на 7 листах, изображают обстановку казахского кочевого жилища и домашнюю утварь. Почти все сосуды для переноски и хранения жидкости — молока, кумыса, айрана, араки, а также масла и сыра — сделаны из кожи; таковы: «соба», «турсук», различной формы и величины «бурме-кунюк», «бие савату-гун-кунюк», «аяк-кап», «талыс» и другие (рис. 8). Деревянная посуда в то время составляла незначительную часть общего ассортимента. Из фаянсовой посуды казахи, очевидно, имели только чайную чашку «кесе». Это, несомненно, объясняется тем, что в условиях кочевого жизни посуда из легко бьющегося материала была непрактична. Из чугунной и железной утвари у казахов того времени бытовали лишь «казан», «ушак» — тренога, «маса-темир» — щипцы для схватывания горящих углей, «кусюц» — кочерга.

При перекочевках казахи наряду с верховой ездой пользовались и колесным транспортом. На листе 35 помещены два рисунка арб в запряжке, причем один способ запряжки типичный среднеазиатский, без дуги и с седлом, а другой — русский, с дугой и седелкой. Применение русского способа запряжки у казахов в 1860-х годах свидетельствует о давних культурных связях их с русским народом. О таких же связях говорит и рисунок «Верблюжья упряжка» на листе 31. Верблюд запряжен в типичную русскую четырехколесную телегу.

Из сельскохозяйственных орудий зарисованы лишь «кетмень» и «кул-урак» — серп. На том же листе изображен «ручной чигирь» — своеобразное приспособление для полива в виде ковша с длинной рукояткой, привязанного к треноге. Отдельно показано колесо «чигиря».

Из скотоводческого инвентаря внимание Вл. Плотникова привлекли всего два предмета — своеобразные ножницы для стрижки овец и «сырге» — заостренные рогатки, которые прикрепляли к голове жеребенка, когда хотели отлучить его от матери.

Большой интерес представляют изображения надгробных памятников, которым посвящено 13 рисунков. Все эти памятники представляют собой капитальные, внушительных размеров сооружения своеобразной, порой весьма оригинальной архитектуры.

Рассматриваемая коллекция представляет большой интерес и в том отношении, что многие рисунки, как уже отмечалось, ярко свидетельствуют о давних связях казахов с русским народом. Эти связи прежде всего осуществлялись через торговлю. По рисункам одежды нетрудно убедиться, что такие ткани, как кумач, фабричное сукно, бязь, белая и платки, казахи приобретали у русских. Из металлических предметов домашнего обихода явно русского происхождения «казан», «ушак» — тренога для казана и, возможно, «маса-темир» — щипцы для горячих углей и кочерга. Как отмечалось, казахи пользовались русской телегой и применяли русский способ запряжки с дугой. Эти предметы, изготовленные руками русских мастеров и через торговлю попавшие к казахам, прочно вошли в их быт. О влиянии русской культуры на быт казахов свидетельствуют зимние жилища, сделанные из бревен в сруб, с русской печью и застекленными оконными рамами. Несомненно, такие жилища строили сами казахи, усвоившие приемы этого мастерства благодаря тесному общению с русскими.

Из всего сказанного следует, что рисунки Вл. Плотникова представляют многообразный научный интерес и, несомненно, заслуживают опубликования в виде альбома. Альбом Вл. Плотникова будет представлять большой интерес не только для этнографов и историков, но также для художников, литераторов, артистов театров и кино и вообще работников всех областей культуры, которым по роду своей деятельности приходится обращаться к материалам, характеризующим бытовую обстановку казахов в прошлом. Многие рисунки одежды, головных уборов, украшений, юрты, домашней обстановки, седел даны с орнаментом и поэтому представляют большой интерес для искусствоведов, изучающих народный орнамент. Другими, более правдивыми и полными источниками, отражающими материальную культуру казахов середины XIX в., наука не располагает. Даже наши этнографические музеи не имеют датированных коллекций по казахам, относящихся к середине прошлого столетия.

Совершенно бесспорна этнографическая ценность этой коллекции рисунков для исторической этнографии. Те отрывочные сведения по казахской этнографии, которые были опубликованы русскими этнографами, относятся к более позднему времени и не отличаются богатством иллюстраций.

А. АЛИЕВ

БРАК И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ДАРГИНЦЕВ

Многие стороны прежнего быта даргинцев, которые по численности занимают второе место среди народов Дагестана, почти никем не изучались.

В частности, оставались неисследованными формы заключения брака и свадебные обряды, которые и теперь, несмотря на коренные изменения, продолжают сохранять много этнических особенностей. Правда, многие старые формы уже отошли в прошлое, потеряли свое былое значение. Другие переосмыслены и продолжают бытовать в измененном виде. Наконец, появилось много нового как результат иных условий жизни, созданных Советской властью и колхозным строем. Наша задача — показать изменения, характерные для этой стороны быта даргинцев.

В прошлом при заключении брака у даргинцев требовалось, чтобы жених и невеста происходили из равных по знатности, влиятельности и могуществу фамилий. Еще в XIX в. даргинцы придерживались эндогамии, стараясь заключать браки в пределах своего тухума. «Брачный союз горцы предпочитают заключать, — писал Н. Львов, — между близкими родственниками и однофамильцами, если условия для этого благоприятствуют»¹. Однако браки в пределах одного рода не являлись обязательными. Но в прежнее время даргинцы, повидимому, более строго соблюдали обычаи эндогамии. Эндогамия соблюдалась и у других горцев Дагестана.

Ссылаясь на сведения, сообщенные Вейденбаумом, М. М. Ковалевский отмечал: «Браки с родственниками признаются более почетными, и обязательство брать жен из собственного рода настолько строго соблюдается, что, при невозможности найти подходящую для него невесту в собственном роде, жених требует, чтобы избранная им чужеродка подверглась предварительно усыновлению со стороны его рода, и затем уже вступает в брак»².

По словам М. М. Ковалевского, в народе этот обычай объясняется тем, что, отдавая предпочтение чужому аулу, девушка унижает как себя, так и своих односельчан. Жениху также не следует брать невесту из чужого аула, чтобы не обидеть девиц своего селения. «Не разделяя этого толкования, — пишет Чурсин, — М. М. Ковалевский, верный своему обыкновению искать всюду отголоски иранских влияний, высказывает предположение, что обычай эндогамии сложился в нагорном Дагестане под влиянием зороастризма (огнепоклонничество), некогда якобы распространенного в Дагестане»³.

Наши информаторы старики-даргинцы, ссылаясь на сведения, полученные от своих отцов, объясняли приверженность к эндогамии боязнью предательства со стороны жен, взятых из чужих родов.

В подтверждение они рассказали живущее в народе предание, местом действия которого было теперь уже разрушившееся селение КебяхI-ши (Верхнее селение) в окрестностях нынешнего сел. Мюрего Сергокалинского района Дагестанской АССР. Лет 300 назад в 4 км от селения КебяхI-ши находился большой хутор, один из жителей которого был женат на чужеродке. Каким-то образом она узнала, что ее муж со своими родственниками собирается совершить нападение на односельчан ее родителей. Мать мужа, подозревая, что сноха знает о готовящемся нападении, для безопасности заперла ее в отдельной комнате и заставила чесать шерсть. Чужеродка взяла хунжур (мешок с двумя отделениями), набила одно отделение шерстью, незаметно вылезла в окно и отправилась в родное селение, чтобы предупредить родных о предстоящем нападении. По пути она чесала шерсть и клала ее в другое отделение хунжура. Таким образом, она и работу выполнила и нападение предотвратила.

На наш взгляд, не малую роль в соблюдении эндогамии играли экономические причины. В условиях малоземелья отчуждение земельного участка или скота в качестве приданого могло нарушить нормальное функционирование хозяйственной жизни рода или его подразделения. Сохранение эндогамии вплоть до Октябрьской революции можно объяснить наличием, наряду с индивидуальными частными формами землевла-

¹ Н. Львов, Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. III, стр. 18.

² М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, II, М., 1890, стр. 171.

³ Г. Ф. Чурсин, Авары. Этнографический очерк. Рукопись, 1928 г. Архив Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

дения и скотоводства, старинных общинных форм — общинных земель и коллективных сельскохозяйственных работ.

В сохранении эндогамии были заинтересованы эксплуататорские слои населения — феодально-родовая знать и кулаки, так как при соблюдении этого обычая сохранялся более или менее постоянный состав общины, а следовательно, и постоянный контингент бесплатных работников, которых под видом «взаимопомощи» эксплуатировали в своем хозяйстве разбогатевшие сородичи. Соблюдение эндогамии в дореволюционный период сильно тормозило консолидацию различных даргинских этнических групп в единый даргинский народ.

Многоженство у даргинцев, как и у других мусульманских народов Кавказа, было довольно редким явлением. Более одной жены имели лишь отдельные лица из состоятельных групп населения.

Похищение невест случалось довольно часто. Нередко похищение устраивалось с согласия девушки, если родители отказывались выдать ее замуж за избранного ею жениха. При похищении по взаимному уговору дело в большинстве случаев кончалось примирением с родными похищенной и свадьбой. Очень часто даргинцы бедняки похищали девушек потому, что не могли заплатить калым. Если похищение совершалось против воли девушки, то ее родственники, прежде всего родной брат или отец, начинали преследовать похитителя и в большинстве случаев убивали его. По установившимся обычаям, бежавшие находили приют у любого крестьянина, причем тот, кто их принял, должен был защищать их от преследователей.

В прошлом брачным возрастом для девушки считалось 12—13 лет, для юноши — 15—16 лет. Дорожа честью своей дочери, горцы торопились выдать ее замуж в раннем возрасте. Юношу в таком раннем возрасте женили преимущественно зажиточные семьи, а бедные, напротив, были заинтересованы в позднем браке, который позволял юноше поработать на родителей и накопить деньги на калым.

Чтобы накопить средств для уплаты калыма, даргинские крестьяне уходили на отхожие промыслы или нанимались в батраки к местным кулакам. Наш информатор 70-летний Агай Абдулвагабов из селения Мюрего два года пробыл на отхожих промыслах, чтобы накопить средства на калым. «Нас у родителей было шестеро, — рассказывал он, — из них четыре — моложе меня. После 20 лет оставаться неженатым считалось неприличным. Родители мои не имели средств послать калым девушке. Поэтому в 1903 г. я уехал в Баку, а другой брат — в Кисловодск. Мне приходилось не только откладывать часть моего скудного заработка на калым, но и посылать деньги родителям. В течение двух лет еще сэкономил кое-какую сумму для калыма и в 1905 г. приехал домой».

Еще более тяжелым было положение молодой девушки, так как родители обязаны были выделить ей приданое. Многие девушки из бедной крестьянской семьи не могли выйти замуж.

Сватовство у даргинцев проводилось следующим образом. Родители жениха через близких людей намеченной им невесты узнавали, предварительно негласным путем, не выдадут ли девушку за их сына. В случае положительного ответа родители жениха посылали кого-либо, чаще женщину, к родным невесты с извещением, что они желали бы засватать их дочь за своего сына. Получив снова согласие, родители жениха через несколько дней отправляли официальных сватов, обычно мужчину и женщину, наиболее авторитетных в селении. Сваты брали с собой подарки для невесты (головной платок, деньги и пр.). Получив официальное согласие на брак, сваты передавали родителям невесты подарки для нее, но сама она не должна была находиться в это время в комнате. Родители невесты преподносили ответные подарки сватам. Женщине дарили золотое или серебряное кольцо, платок или отрез на платье, а мужчине — отрез шелка на рубашку или кисет для табака, шелковые носовые платки. Подарки со стороны жениха бывали приблизительно в два раза дороже получаемых сватами от невесты.

После обмена подарками сосватанные становились уже официально женихом и невестой. В случае обиды невесты жених имел большее право вступить за нее, чем родители. Спустя некоторое время, иногда через несколько месяцев, иногда через 3—4 года и более⁴, родители жениха в негласном порядке посылали кого-либо к родным невесты, чтобы узнать, что хотели бы они получить в качестве калыма. С этого времени вплоть до женитьбы жених делал подарки невесте, посещал ее дом со своими друзьями.

В Урахи после того, как невеста была засватана, родители жениха приглашали ее на обед. Невеста приходила с матерью или подругой. При прощании родители жениха давали ей в подарок медный таз, кувшин или отрез на платье. После этого невеста могла ходить к родным жениха без всяких приглашений.

В Мюрего сосватанная девушка не только не ходила к родителям жениха, но старалась вообще не показываться им на глаза. Такой порядок соблюдается и теперь в некоторых селениях района.

Незадолго до свадьбы жених посылал своего поверенного для заключения «кебина». Заключение «кебина» для девушки имело большое значение, потому что «кебинное» имущество в случае расторжения брака по инициативе мужа оставалось у жены. Обык-

⁴ В некоторых селениях Сергокалинского района, в частности в Ваваши-Махи, Урахи и др., по договоренности родителей женихом и невестой объявляли детей с 5—6-летнего возраста.

новенно отец, а если отца не было, то дядя по матери или кто-нибудь из «старших мужчин» в присутствии поверенного жениха и двух близких родственников невесты, соблюдая формальность, спрашивал у нее, желает ли она выйти за такого-то и назначает ли спрашивающего своим поверенным для заключения «кебина» с таким-то. Невеста должна была громко, чтобы слышали все, сказать: «Выйти замуж согласна, для заключения кебина с таким-то делаю тебя поверенным». Поверенный невесты спрашивал у присутствующих, слышали ли они, что сказала невеста. После их утвердительного ответа поверенные жениха и невесты начинали разговор о «кебинном» имуществе. Обе стороны долго спорили, но в конце концов приходили к согласию и назначали «кебинное» имущество (махалла мас). После этого представители жениха давали знать родителям невесты о дне свадьбы.

К настоящему времени многое из старых обычаев и традиций, связанных с заключением брака, уже исчезло. Прежде всего потеряло всякий смысл соблюдение принципа общественного равенства и экономической самостоятельности брачующихся сторон. Забыт и строгий обычай не выдавать девушек в чужой аул. Не осталось и следа от многоженства, которое расценивается советским законодательством как преступление. Похищение невесты стало редкостью не только среди даргинцев, но и среди других народностей Дагестана. Это результат огромной воспитательной работы, проводимой партийными и комсомольскими организациями, а также культурно-просветительными учреждениями и судебными органами. Более стойко сохранялся калым.

Редким явлением стало и оформление брака помимо ЗАГСа у мулл и кадиев. Молодежь, особенно мужского пола, все чаще протестует против желания родителей регистрировать брак дважды.

С победой колхозного строя исчез обычай выделения «кебинного» имущества как утративший реальные основы и практический смысл.

Большие изменения произошли в свадебных обрядах. В настоящее время свадьбу приурочивают обычно к концу хозяйственных работ в колхозе, т. е. к началу сентября. Свадебные торжества начинаются рано утром. На свадьбу приходят, помимо официально приглашенных родственников, друзей и соседей, все желающие. Даргинцы с радостью принимают каждого пришедшего. Свадебное гулянье происходит по большей части на плоской крыше дома или во дворе. По краям крыши или двора укладывают бревна для сидения и ставят столы с кушаньями и напитками. В середине оставляют большой круг для танцев. На этой площадке, под звуки зурны «дядь» и барабана «дам», реже гармони, танцуют лезгинку.

Для ведения свадьбы родители жениха заранее намечают тамаду — одного из своих односельчан, славящегося своим остроумием и знающего местные обычаи. Тамада подбирает в помощь себе заместителя тилмадж, советника акьулудган и двух и более исполнителей — чарха-чиби, захлматуни. Мужчины сидят в разных местах двора, девушки и женщины обычно стоят неподалеку от круга. В доме для них отводится отдельная комната, где они отдыхают, угощаются. В отведенную для мужчин комнату женщины не входят, за исключением тех случаев, когда кого-либо из них вызовет тамада.

При звуках зурны и барабана, сопровождаемых хлопаньем в ладоши, кто-либо из молодых людей выходит на середину круга и начинает плясать; к нему присоединяется одна из девушек. В танцах в основном принимают участие девушки и значительно меньше женщины. Войдя в круг, девушка по обычаю не имеет права прекратить танец до тех пор, пока не остановится ее партнер или пока не сменит ее другая девушка. Молодого человека также может заменить другой, но двоим танцевать одновременно с одной девушкой по обычаю не полагается. В прошлом юноши, пользуясь этим обычаем, нередко отбивали друг у друга девушку, что приводило к ссорам и вражде. Часто тут же вынимали кинжал или огнестрельное оружие. За убитого мстили потом родственники. Кровавая месть уносила десятки жизней.

Танцующим присутствующие давали деньги, причем некоторые обоим, а другие только девушке. Давать только юноше не полагалось, так как это означало оскорбить девушку и ее родных. Когда танец пары подходил к концу, сам танцующий давал девушке деньги из своего кармана, а все, полученное во время танца, он отдавал музыкантам или выкладывал на стол тамады для покупки угощения. Такой обычай очень болезненно отражался на кармане бедняков и часто разорял их в течение одного дня. Теперь этот обычай почти изжит. Танцы и пение в доме жениха продолжаются с небольшими перерывами до 3—4 часов дня. Затем все участники свадьбы отправляются с музыкой, танцами и песнями к «гуенуер» — близкому родственнику жениха, который несет большие расходы во время свадьбы, организуя у себя такие же увеселения, как и в доме жениха.

У жениха остаются только близкие друзья и товарищи. Двое мужчин и две женщины, близкие родственники и родственницы жениха, отправляются за невестой на линейке или в автомобиле, который дает колхоз. За приданым невесты посылают от 4 до 7 арб.

В отличие от соседних кумыков, у которых невесту ведут в дом жениха пешком, даргинцы невесту всегда привозят, если даже до дома жениха не больше 10 шагов. Прибывших за невестой в доме ее родителей хорошо угощают, а тому, кому должны вручить невесту (обычно это двоюродный брат или близкий друг жениха), преподносят шелковый отрез на рубашку. Пока продолжается угощение, подруги невесты одевают ее в лучший костюм и нагружают арбы приданым. В настоящее время в качестве при-

даного, помимо постельных принадлежностей, ковров, паласов, медных тазов, сундука, кувшинов, дают кровать, письменный стол, венские стулья и различную медную, фаянсовую и стеклянную посуду. Перед тем как вывести невесту из дома, лицо ее закрывают белым шелковым платком. Невесту сопровождают от 5 до 7 родственниц, причем среди них не должно быть девушек. Сопровождающие невесту проводят в доме жениха две ночи.

По пути от дома невесты до дома жениха с крыш домов на невесту, по старинному обычаю, сыплют муку, чтобы в жизни она не знала в этом нужды. Раньше сопровождавшие невесту женщины, остановившись у дома жениха, требовали от его родителей подрезать ухо буйволицы или коровы и привести к невесте. Скот с подрезанным ухом становился собственностью невесты. Невеста не переступает комнаты жениха, пока, по требованию сопровождающих, родители жениха не подстелят ей под ноги ковер или палас. Затем, по обычаю, невесте дают ложку меда, чтобы такой же сладкой была вся ее жизнь.

Невесту сажают в углу комнаты жениха, а ее подруги и пришедшие вместе с ней женщины начинают убирать помещение привезенными ею вещами. Тем временем родные жениха посылают кого-либо с приглашением к отцу невесты. Отец приходит обычно к вечеру в сопровождении десяти и более родственников. Пришедших сажают в комнате молодых и угощают. Через два-три часа они уходят, а молодежь остается на всю ночь. После ухода отца невесты пришедшие с ней женщины готовят для молодых постель.

Свадьба в даргинских селениях длится обычно два дня, причем вторую половину дня гости, по старому обычаю, проводят в доме «гуенуера», где увеселение продолжается до вечера. В первый день свадьбы жених возвращается домой, когда совсем стемнеет. Его сопровождают двое друзей, с которыми он входит в комнату, где находится невеста. Друзья оставляют молодых, закрывают комнату и садятся возле двери для охраны от любопытных. В настоящее время даргинцами совершенно изжиты такие отвратительные, унижавшие достоинство женщины обычаи, как демонстрация брачной постели для доказательства девственности невесты. Если невеста оказывалась невестенной, жених оповещал об этом выстрелом.

Увеселения возобновляются на другой день с раннего утра. Родственники жениха, которые не смогли прибыть на свадьбу в первый день, обычно привозят с собой различные продукты и напитки для общего стола. Для приезжих отводят отдельную комнату в доме жениха, и они бывают окружены особой заботой и вниманием со стороны родителей жениха и близких родственников. Никакие шутки над ними не допускаются, тогда как односельчан, наоборот, ради шутки постоянно подвергают различным наказаниям и штрафам.

На свадьбу даргинцы приглашают всех уважаемых и популярных в селении певцов. Они поют различные народные песни, исторические и лирические, очень часто за свадебным столом исполняются песни любимого певца даргинского народа Батырая Омара, жившего в середине XIX в.

...От рожденья ты герой,
Друг отважных храбрецов,
И взрастил тебя отец
Всем трусливым на беду.
Ты руками в плен берешь
Волчьих стаи на степях,
Ловишь сокола конем
На подъемах Эндери.
Коль в пути застанет ночь,
Вся земля тебе постель,
Одеяло — небеса,
Серебром расшитый шелк⁵...

Другая его песнь — о любви:

...Если мной ты увлеклась
Как тобой я увлечен,
В самый знойный летний день
Льдом покрылась бы река.
Если б полюбила ты
Так, как я тебя люблю,—
В самый лютый зимний день
Лед покрылся бы травой⁶.

⁵ Эффенди Капиев, Батырай, Махачкала, 1947, стр. 19.

⁶ Там же, стр. 36.

В настоящее время на свадьбах часто можно услышать патриотические песни современных даргинских поэтов.

Как пережиток прежней родовой взаимопомощи довольно стойко держится обычай дакуIбарес, заключающийся в сборе денег с гостей для жениха и невесты в конце второго дня свадьбы. При этом жених сидит на стуле возле двери без головного убора, а невеста стоит с закрытым лицом в углу в окружении женщин. Деньги для жениха принимает мужчина, а для невесты — женщина. Они во всеуслышанье кричат, кто сколько дает. Иногда близкие родственники и друзья жениха вместо денег дарят скот. В настоящее время многие молодые люди, вступающие в брак, отказываются выполнять этот обычай. Однако гости не считаются с этим. Место жениха около двери занимает кто-либо другой, и сбор проходит в таком же порядке. В прошлом обычай дакуIбарес имел очень большое значение. Делая подарки жениху и невесте, родственники таким образом помогали молодой чете организовать самостоятельное хозяйство, а также покрыть часть свадебных расходов. В условиях колхозного строя этот обычай потерял свое значение.

Спустя неделю после свадьбы близкие и товарищи жениха посередно приглашают молодых на ужин. После ужина молодой женщине преподносят подарок в виде самовара, таза, медного кувшина, ковра или другого хозяйственного предмета. В прошлом молодая целый месяц после свадьбы днем совсем не выходила из дома. По истечении месяца она отправлялась навестить своих родителей в сопровождении родственниц жениха, которые брали с собой в подарок различные угощения. После возвращения от родителей молодая получала право выходить на улицу среди дня.

В прошлом родители девушки считали недопустимым спрашивать ее согласия выйти замуж за избранного ими жениха. Теперь отец девушки в большинстве случаев считается с ее склонностями и желанием, о которых узнает через жену или родственницу.

Даже в самых глухих селениях нагорного Дагестана молодежь, привыкающая к тесному общению во время совместной трудовой деятельности в колхозах, освобождается от старых предрассудков и суеверий, по-новому строит семейную жизнь.

Вплоть до 1930-х годов почти не было случаев, чтобы даргинец женился не на мусульманке. Брак с последовательницей другого вероисповедания расценивался родителями и родственниками юноши как величайшая постигшая их беда. Такого юношу считали заблуждающимся, место для души которого уже заготовлено богом в аду. Детей от такого брака считали нечистыми и незаконными. Теперь смешанные браки с представительницами другого вероисповедания или другой национальности, особенно с русскими, часто встречаются не только среди районной и сельской интеллигенции, но и среди рядовых колхозников.

Х Р О Н И К А

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР О 300-ЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Москва, 30 октября 1953 г.

300-летие воссоединения Украины с Россией, исполняющееся в 1954 г., является знаменательным историческим событием в жизни всех народов нашей великой Родины.

Восходя к общему с русским и белорусским народами корню древнерусской народности и будучи связан с ними единством происхождения и общностью всего исторического развития, украинский народ всегда стремился к объединению с братским русским народом. Длительное время украинский народ находился под игом иноземного порабощения, претерпевая страшные разорения и опустошения от нашествия турецко-татарских орд и тяжкие бедствия от гнета польской шляхты. Находясь под угрозой уничтожения, он непрерывно боролся против чужеземных поработителей. Эта борьба украинского народа находила широкий отклик и сочувствие среди русского, белорусского, молдавского и польского крестьянства, страдавшего от гнета феодалов. В освободительной войне 1648—1654 гг. главной и решающей силой являлось украинское крестьянство.

Результатом общенародной борьбы, во главе которой стоял выдающийся политический деятель и полководец Богдан Хмельницкий, было решение Переяславской Рады 8(18) января 1654 г. о воссоединении Украины с Россией в едином государстве. Этим решением украинский народ навеки связал свою судьбу с единокровным русским народом, своим надежным защитником и союзником, и тем самым спас себя и обеспечил свое национальное развитие.

Воссоединение Украины с Россией имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народа. Это сплотило два великих славянских народа для совместной борьбы против иноземных захватчиков и привело к историческим победам над их общими угнетателями, над царизмом и капиталистическим рабством.

Передовые люди русского народа всегда признавали право Украины на национальную независимость и вместе с прогрессивными деятелями украинского народа боролись против позорной политики натравливания народов России друг на друга, проводившейся царизмом при поддержке великодержавных шовинистов и украинских буржуазных националистов.

Великие достижения нерушимой дружбы двух братских народов свидетельствуют о тщетности всех попыток буржуазных националистов подорвать и расторгнуть неразрывный союз русского, украинского и других народов Советского Союза.

Решающее значение для дальнейшего развития русского, украинского и всех других народов России имело образование самого революционного в мире российского пролетариата и создание его боевого авангарда — Коммунистической партии.

Украинский пролетариат первым вслед за русским пошел на штурм капитализма. В результате Великой Октябрьской социалистической революции украинский народ создал свое национальное социалистическое государство. В огне гражданской войны против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, в социалистическом строительстве и в Великой Отечественной войне еще более укрепились союз и дружба украинского и русского народов. Ныне украинский народ, воссоединив все свои земли в едином социалистическом государстве, вместе со всеми народами великого Советского Союза под водительством Коммунистической партии уверенно идет вперед по пути к коммунизму.

Новый этап в развитии и укреплении дружбы народов открыла победа Великой Октябрьской социалистической революции. Осуществление ленинско-сталинской национальной политики стало одной из важнейших основ свободы и независимости украинского и других народов Советского Союза, их успехов в области хозяйства и культуры и их развития как социалистических наций.

Украинская социалистическая нация внесла и продолжает вносить свой большой вклад в сокровищницу социалистической культуры многонационального Советского Союза. Исключительно велики достижения украинского народа в области культуры и науки. Украинские ученые, в прошлом активно содействовавшие росту прогрессивной науки в России, в настоящее время все свои силы и знания направляют на развитие советской науки на основе идеологического единства и дружбы ученых всех братских народов Советского Союза.

Академия наук СССР, учитывая великое историческое значение 300-летия воссоединения Украины с Россией — этого национального праздника украинского и русского народов и всех других народов Советского Союза, полагает необходимым ознаменовать его как торжество братского единения, сотрудничества и дружбы народов в области науки и культуры.

В связи с этим Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. Созвать в апреле 1954 г. Общее собрание Академии наук СССР с приглашением всего состава Академии наук Украинской ССР и представителей академий наук союзных республик.

Утвердить следующую повестку дня Общего собрания Академии наук СССР, посвященного 300-летию воссоединения Украины с Россией:

1) Приветственное слово Президента Академии наук СССР академика А. Н. Несмеева;

2) Выступление Президента Академии наук УССР академика А. В. Палладина;

3) Доклад академика А. М. Панкратовой «Историческое значение воссоединения Украины с Россией»;

4) Доклад академика А. Е. Корнейчука «Советская украинская литература в ряду литератур народов Советского Союза»;

5) Доклад академика К. В. Островитянова «Экономическое сотрудничество украинского и русского народов».

2. Поручить бюро отделений Исторических наук, Экономических, философских и правовых наук, Литературы и языка провести юбилейные сессии, посвященные 300-летию воссоединения Украины с Россией, широко привлекая к участию в этих сессиях украинских ученых. План сессий отделений представить в Оргкомитет не позднее 10 ноября с. г.

Организовать также юбилейные заседания в институтах этих отделений. Бюро отделений утвердить тематику юбилейных заседаний ученых советов институтов не позднее 15 ноября с. г.

3. Рекомендовать всем бюро отделений Академии наук СССР в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией организовать совместно с учреждениями Академии наук УССР сессии, посвященные достижениям украинского народа в области науки и культуры, а также научно-популярные доклады и лекции. Тематику и план этих выступлений бюро отделений должны утвердить не позднее 15 ноября с. г.

4. Создать Оргкомитет по проведению Общего собрания АН СССР и сессий отделений, посвященных 300-летию юбилею воссоединения Украины с Россией, в составе: акад. А. В. Топчиева (председатель), акад. А. В. Палладина, акад. Г. Ф. Александрова, акад. В. В. Виноградова, акад. К. В. Островитянова, акад. А. М. Панкратовой, акад. М. Н. Тихомирова, чл.-корр. АН СССР С. В. Киселева и В. Ф. Куревича, и. о. председателя Отделения общественных наук АН УССР проф. И. К. Белододе, действ. члена АН УССР Н. К. Гудзия, проф. А. Л. Сидорова, директора ФБОН В. И. Шункова, директора Издательства АН СССР А. И. Назарова и проф. П. Н. Третьякова (секретарь Оргкомитета).

5. Поручить Оргкомитету рассмотреть конкретную программу сессий и других мероприятий, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией, и представить на утверждение Президиума АН СССР к 20 ноября с. г. Одновременно представить смету необходимых расходов по отделениям Общественных наук и другим учреждениям АН СССР.

6. Считать необходимым отметить 300-летний юбилей воссоединения Украины с Россией изданием следующих научных и популярных трудов:

1) Сборник докладов на Общем собрании Академии наук СССР, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией. Утвердить редколлегия сборника в следующем составе: акад. В. В. Виноградов, акад. Г. Ф. Александров, акад. А. М. Панкратова. Тексты докладов представить в Издательство АН СССР к 1 марта 1954 г., тираж сборника — 10 тыс. экземпляров.

2) Три тома документов «Воссоединение Украины с Россией», подготовленные институтами Истории АН СССР и АН УССР в объеме 130 п. л. тиражом 10 тыс. экземпляров.

3) Сборник статей в память 300-летия воссоединения Украины с Россией, подготовленный Институтом истории и Институтом славяноведения АН СССР и Институтом истории АН УССР, срок сдачи в Издательство — 1 ноября 1953 г., тираж 15 тыс. экземпляров. Ответственные редакторы: проф. А. Л. Сидоров, П. Н. Третьяков и К. Г. Гуслийский.

4) «Очерк истории советской украинской литературы», подготовленный Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, объем — 20 п. л., срок сдачи в Издательство — 15 января 1954 г.

5) Научно-популярная брошюра проф. Гуслисто и Голобуцкого о 300-летию воссоединения Украины с Россией, объем 5—6 п. л. Просить Институт истории АН УССР обеспечить подготовку этой брошюры и представление ее в РИСО АН СССР не позднее 1 декабря 1953 г.

6) Обязать Институт философии АН СССР (акад. Г. Ф. Александров) подготовить и издать в течение 1954 года труды «История общественной и философской мысли Украины» и «Избранные произведения революционно-демократических мыслителей Украины».

7. Предложить редакциям журналов Академии наук СССР и, прежде всего, редакциям журналов по общественным дисциплинам обеспечить широкое освещение исторического значения 300-летия воссоединения Украины с Россией, а также сотрудничества в области научно-исследовательской работы.

8. Обязать Бюро РИСО АН СССР по согласованию с Академией наук УССР представить к 20 ноября с. г. предложения об издании выдающихся трудов украинских ученых и мыслителей прошлого в сериях «Классики науки» и «Литературные памятники», а также важнейших трудов современных украинских ученых.

9. Рекомендовать директорам институтов Академии наук СССР привлечь научных сотрудников АН СССР к участию в устной и печатной пропаганде исторического значения воссоединения Украины с Россией.

10. Обязать директора фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР проф. В. И. Шункова организовать к Общему собранию Академии наук СССР выставку, посвященную 300-летию воссоединения Украины с Россией.

11. Опубликовать настоящее постановление в журналах Академии наук СССР.

Президент Академии наук СССР академик *А. Н. Несмеянов*

Главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР
академик *А. В. Топчиев*

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В УКРАИНСКОЕ ПОЛЕСЬЕ

Научный коллектив Украинского государственного музея этнографии и художественного промысла Академии наук УССР в гор. Львове с 1952 г. начал изучение современной культуры и быта украинского Полесья, где в соответствии с решениями XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза в плане развития народного хозяйства нашей страны осуществляются грандиозные социалистические преобразования. Началом нашей работы была проведенная в августе 1952 г. экспедиция в Сарненский, Рокитнянский, Высоцкий и Заречнянский районы Ровенской области, представляющие собой наиболее типичные места украинского Полесья. Обширная территория этих районов почти сплошь покрыта лесами и болотами. Земледелие имеет ограниченное применение. Материальная и духовная культура населения сохраняет еще много архаизмов и пережитков, обусловленных вековой отсталостью этого края. Но тем ярче и выпуклее на этом фоне выступают новые, социалистические производственные и бытовые отношения колхозного советского Полесья.

Экспедиция музея была кратковременной и носила разведывательный характер. Добытые ею материалы дают возможность сделать только некоторые предварительные обобщения и наброски для дальнейших исследований. В ее задачу входило: изучение характерных особенностей земледелия, ремесел и промыслов, особенностей материальной культуры (народная архитектура, домашняя обстановка, одежда), народного искусства, нового, советского общественного и семейного быта, а также изучение культурных и бытовых пережитков с целью выявления причин их бытования в настоящее время и мер к их устранению. Материалы по этим темам собирались и изучались в плане раскрытия действия основного экономического закона капитализма в досоветском Полесье, одной из самых отсталых и эксплуатируемых областей царской России и буржуазной Польши. Об этом красноречиво свидетельствуют чрезвычайно отсталая техника сельского хозяйства и низкая производительность труда в прошлом, тяжелая нужда и невероятно низкий, нищенский жизненный уровень полешан до воссоединения в 1939 г. этого края с Украинской Советской Социалистической Республикой.

Коренная перестройка всей хозяйственной жизни полесского села обусловила быстрый рост новой культуры. В этом процессе нас особенно интересовало появление новых особенностей в культуре Полесья, заполнение традиционных национальных форм новым, социалистическим содержанием.

Села в обследованных экспедицией Сарненском, Рокитнянском, Высоцком и Заречнянском районах расположены обычно на небольших песчаных возвышенностях или вдоль берегов рек и озер (Старое Село, Глинна, Озера, Кухочкая Воля, Боровое). Почти вплотную к селам подступают леса. Довольно широко распространено хуторское расселение. Причины этого различны. Только небольшая часть хуторов возникла в старину, большинство из них было создано в результате столыпинской реформы и хуторской политики правительства буржуазной Польши. В ряде мест, бывших во время

Великой Отечественной войны очагами партизанского движения и потому подвергавшихся особенно жестоким репрессиям со стороны немецко-фашистских оккупантов, население искало убежища, выселяясь из сел в глухие леса, куда враги не рисковали добираться. В настоящее время проводится планомерное переселение хуторян в села, необходимое как в хозяйственном, так и в общественно-культурном отношении.

Основным видом старого народного полесского жилища является хата. По своим основным элементам она относится к тому типу жилья, который распространен и на других украинских территориях, но вместе с тем обладает специфическими для лесных районов особенностями. Остановимся на главных из них.

Хата строится «в сруб» из тесаных с обеих сторон бревен. Внешняя побелка на стенах хат либо совсем отсутствует, либо имеет ограниченное применение (белится только один-два простенка или же побелка обрамляет широкой полосой только окна и дверь).

Наиболее примитивным, довольно распространенным типом старого жилища является однокамерная хата или хата со «стебкой» или сенями, в которой ютилась преимущественно беднота. Крыша старой полесской хаты состоит из низкого двускатного перекрытия из толстых колотых досок, опирающихся на две сошки или на чурки. Полесские хаты до недавнего времени были курными, теперь «курниц» почти нет, но во многих старых хатах отсутствуют печные трубы. Печной дым через отверстие в стене выходит в сени и рассеивается под крышей.

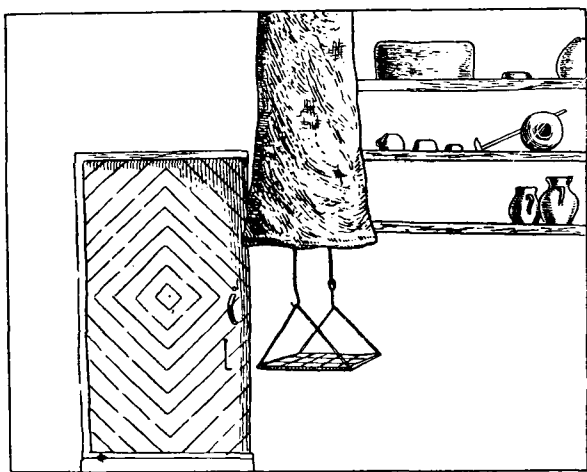

Рис. 1. «Посветка»; Старое Село Рокитнянского р-на Ровенской обл.

Внутреннее оборудование полесской хаты мало чем отличается от хат других украинских территорий. Печь, часто опирающаяся на деревянный сруб, своим отверстием обращена к «передічному» окну. Вдоль двух стен идут лавки, в переднем углу помещается стол. Между печью и лавкой («лавой») помещается «піл» — помост для сна. Этот «піл» часто бывает узким (1 м) и длинным (3 м и более).

Характерной особенностью внутреннего оборудования старой полесской хаты является «посветка» — оригинальное приспособление для освещения лучиной, состоящее из обмазанного глиной мешка, подвешенного к отверстию в потолке. Внизу мешок не зашит, а натянут на обруч, к которому подвешена железная решетка. На этой решетке жгут лучину, дающую довольно яркий свет (рис. 1).

«Мисники» в полесских хатах очень скромны — они состоят из двух-трех небольших полок, так как декоративная посуда здесь почти не употребляется.

Наряду с хатой важным архитектурным компонентом усадебного комплекса является «стебка», выполняющая функции кладовой, где хранят продукты, одежду и т. д. Название «стебка», как это давно уже отмечено исследователями, происходит от старославянского «истба», «истебка», т. е. изба, хата, жилище. «Стебки» всегда строятся, как и хата, в сруб, часто из тесаных брусев, и кроются так же, как хаты; внутри белятся. Собственно, «стебка» отличается от хаты только своими размерами и отсутствием окон и печи. Это позволяет поставить вопрос о том, что «стебка» является пережиточной формой одного из типов древнеславянского жилья, изменившей теперь свою функцию. «Стебки» широко распространены и на соседних территориях белорусского Полесья.

Таким образом, украинская полесская хата имеет выразительные общие черты с белорусской избой и северорусскими домами (открытый сруб, отсутствие внешней побелки, система перекрытия); то же можно сказать и о «стебке» — клети. Об этой же

общности свидетельствует «ток» (рис. 2). Это реликтовый тип хозяйственной постройки, соорудившейся в сруб из круглых бревен, имевший план шестиугольника и характерную конструкцию перекрытия. Родство этой постройки со старорусским крепостным зодчеством очевидно.

Современная архитектура полесского села, особенно интенсивно растущая в пунктах, пострадавших во время Великой Отечественной войны, обусловлена потребностями нового колхозного быта. В первую очередь развивается строительство хозяйственных

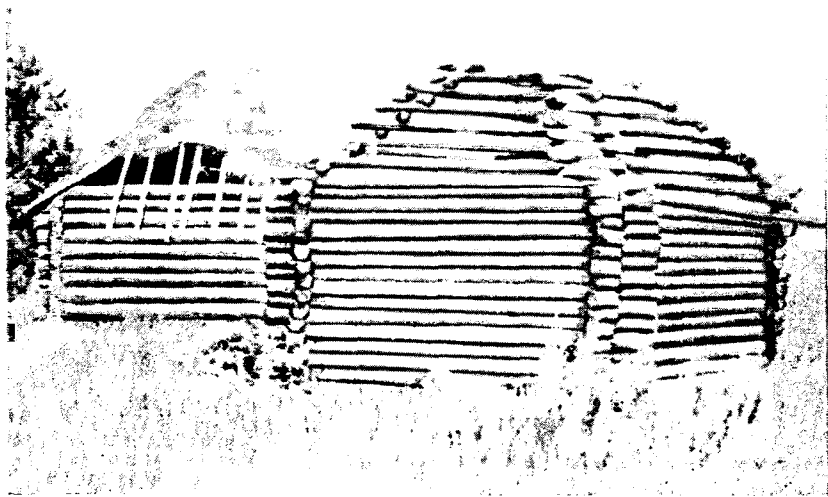

Рис. 2. Старинный ток; с. Дроздин, Рокитнянского р-на Ровенской обл.

колхозных центров, зданий школ, клубов, медпунктов, сельсоветов. Строительство осуществляется силами самих колхозников из традиционного материала — дерева. Наиболее выделяются из этих новых построек школы и клубы. Хотя эти высокие, просторные с большими окнами здания мало похожи на низкие, темные, тесные хаты старого Полесья, но они все же сохраняют ряд традиционных приемов техники и архитектурного оформления. Так, эти общественные здания строятся в сруб из тесаных бревен, часто не имеют внешней побелки, кроются гонтом.

Новые дома колхозников сильно отличаются от старых хат: кухня обычно отделена от жилой комнаты, окна достаточно велики для полной освещенности, полы не земляные, а дощатые. Новые дома колхозников имеют не только внутреннюю, но и внешнюю побелку, а также совершенно отсутствовавшие в старых хатах крылечки.

Основным занятием населения полесских районов было хлебопашество, но оно не могло обеспечить прожиточного минимума населения. Во многих из обследованных экспедицией сел до воссоединения на одного трудоспособного приходилось меньше гектара тощего песчаного поля. В условиях концентрации земель в руках помещиков и кулаков число малоземельных и безземельных крестьян было очень велико. Отсталая, примитивная техника земледелия (деревянное рало, соха, деревянная борона и т. д.) могла обеспечить только ничтожные урожаи ржи, ячменя, гречихи, картофеля. Население, спасаясь от голода, искало дополнительных средств существования, как, например, сбор ягод в лесах и на болотах, рыболовство, бортовое пчеловодство, работа на лесных промыслах, разные ремесла — бондарное, гончарное, ткачество и другие.

Не говоря уже о земледелии, которое на Полесье в условиях колхозного строя быстро прогрессирует, и другие традиционные занятия населения нашли свое место в новой экономике полесских районов. Так, например, в Заречнянском районе значительную роль играет рыболовство. В колхозах существуют рыболовческие бригады. Широко организовано через заготовительные пункты сбор ягод, еще недавно служившее средством наживы для скупщиков.

Некоторые виды народных промыслов теряют хозяйственное значение в связи с широким внедрением советской фабричной продукции. Так, стало излишним домашнее сукновальное производство, заметно сокращается производство грубого домашнего полотна, замененного в быту хлопчатобумажными тканями.

Современная народная одежда полешан почти полностью шьется из фабричных материалов, но в покрое, колорите и орнаментике сохраняет местные традиции. Так, в женском костюме продолжают господствовать многосборочная «спідниця», широко-

кавная, богато вышитая рубаха. Сохраняется и старинный, общий для восточнославянских народов покрой такой рубахи: «стан», «уставка», «рукава», «підручніки», «чохла», «ковнір» — все из прямоугольных кусков полотна (рис. 3).

Очень богата и разнообразна орнаментика вышивок, которыми украшаются женские и мужские рубахи, женские передники и головные платки. Наряду с сохранением

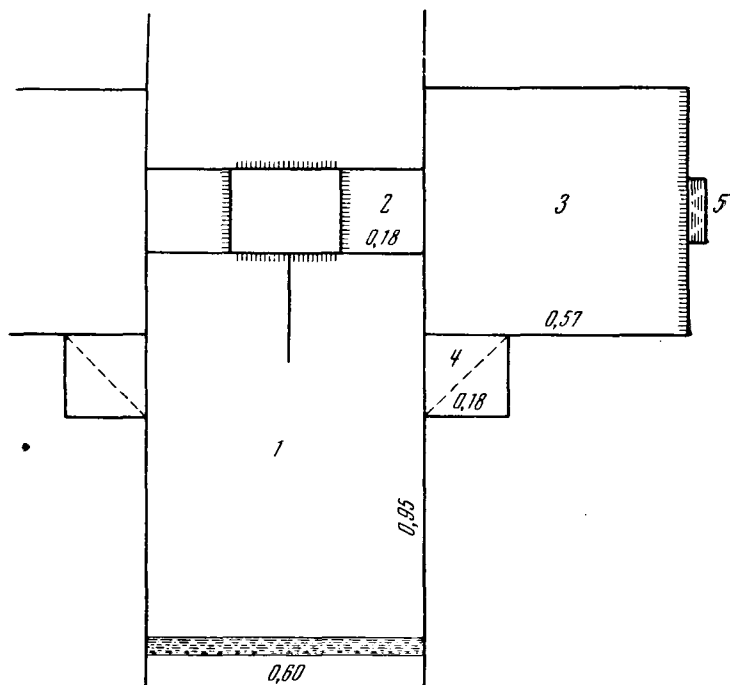

Рис. 3. Старинный покрой сорочки: 1 — «стан»; 2 — «уставка» (наплечье); 3 — рукав; 4 — «підручник»; 5 — «чохла»; с. Озеры, Высоцкого р-на Ровенской обл.

древних традиционных форм строгих геометрических узоров, очень близких к орнаменту русских и белорусских вышивок, широко развивается сочная растительная орнаментика, выполненная свободным швом (гладью) в очень нарядном, богатом цветовом сочетании. Среди старой техники орнаментирования тканей привлекают внимание чистотой выполнения «перебор», «занизування». Эта техника всегда связана с геометрической орнаментикой. Такими «переборами» и «заволіканнями» наряду с вышивкой украшаются воротники, рукава, лацзуги и подолы рубах. Необходимо отметить большое распространение на Полесье вышивки, которая заметно вытесняет другую технику орнаментирования одежды. В результате большого распространения вышивки женская одежда стала очень живописной. Женские сорочки, передники, головные платки покрыты пышными букетами, гирляндами цветов, вышитыми гладью в светлой мажорной гамме (рис. 4). Композиция вышивок и их расположение на одежде свидетельствуют о развитии художественном вкусе вышивальщиц, а также о широком процессе отражения в народном искусстве нового, радостного оптимистического мироощущения.

Велики культурные сдвиги в жизни современного полесского села после воссоединения его с Украинской Советской Социалистической Республикой. Новое содержание, проникая в старые формы, из года в год, со дня на день изменяет внешний облик села. Там, где когда-то нераздельно господствовали корчма и церковь, построены школы, клубы, библиотеки, медпункты, аптеки, сельские магазины. Так, например, в селе Железница Заречнянского района Ровенской области, где в прошлом было четыре корчмы, теперь есть неполная средняя школа, клуб, сельмаг; люди дружно работают в своем колхозе; в селе Глинное, Рокитнянского района Ровенской области, где находится укрупненный колхоз, есть неполная средняя школа, два клуба (один из них с большим театральным залом), библиотека, два магазина, медпункт; в с. Ремчицы соседнего Сарненского района, где находится колхоз «Червоний партизан», в 1952 г. построен клуб, при нем работают кружки художественной самодеятельности, шахматно-шашечный, физкультурный, имеются библиотека, насчитывающая свыше 2000 книг, медпункт и аптека, школа семилетка, охватившая учебой всех детей, сельмаг, который своим ассортиментом товаров обслуживает и культурные нужды селян.

В полесском селе уже есть своя советская интеллигенция, значительные кадры культурных работников, коллективы учителей, агрономы, зоотехники, врачи и т. д. Пол-

ностью ликвидирована неграмотность. В результате проведенной медицинским персоналом большой работы значительно улучшилось санитарное состояние жилья уменьши-

Рис. 4. Вышивка на женском головном платке; с. Зализница Высоцкого р-на Ровенской обл.

лась смертность. Врачебный или фельдшерский пункт, аптека, родильный дом, детский сад и детские ясли пользуются заслуженным авторитетом среди населения, которое считает эти учреждения неотъемлемой частью своего нового быта. Однако еще не изжито до конца косность населения в отношении пользования медицинской помощью, не всегда обращаются к врачу за советом. Например, был случай смерти мальчика от укуса ядовитой змеи из-за того, что родители не обратились своевременно за врачебной помощью, а на одном из хуторов Рокитнянского района Ровенской области мы встретили женщину, которая долгое время тяжело болела лишь потому, что после укуса змеи тоже не обратилась к врачу, а лечилась, как и в первом случае, заговорами местного знахаря.

Наряду с новыми явлениями в быту полесского села сохраняются некоторые из старых обычаев, наполнившись новым содержанием. Так, например, обычай празднования обжинков принял форму колхозного праздника. Когда жатва заканчивается, из хлебных колосьев свивают венки, украшают его дубовыми листьями и разноцветными лентами и торжественно, с песнями приносят в село, где его помещают в сельсовете; там он и хранится (с. Кухоцкая Воля Заречнянского района Ровенской области). В колхозе устраивают торжество с музыкой и танцами.

Произошли крупные сдвиги в мировоззрении полешан. Население обследуемых районов в значительной степени освободилось от религиозных предрассудков и влияния церкви. В целом ряде селений церкви из-за недостатка верующих стоят закрытыми. Однако отдельные обычаи, связанные со старыми верованиями, темнотой и суеверием в прошлом, еще бытуют, преимущественно среди стариков, — молодежь к этим обычаям, как правило, относится отрицательно. Пользуется, например, распространением связанный с культом мертвых обычай вешания на придорожных и могильных крестах «фартушков» или узорных частей «рушников» (с. Любашов). Существует также обычай установки на одной могиле вплотную один за другим нескольких крестов в память об умерших вне дома членах семьи, место погребения которых неизвестно. Сохранение этих пережитков среди полешан следует отнести главным образом за счет недостаточного внимания, уделяемого местной советской и партийной общественностью антирелигиозной пропаганде.

Не все вопросы, поставленные перед экспедицией, удалось в 1952 г. разрешить. Работа по дальнейшему глубокому исследованию современной культуры и быта украинцев Полесья в свете теоретических положений работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и материалов XIX съезда КПСС коллективом музея продолжена в 1953 г.

М. Ломова, М. Козакевич, П. Жолтовский

ВЫСТАВКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

С 11 июля по 4 августа 1953 г. в Москве в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького действовала выставка промышленности и сельского хозяйства Китайской Народной Республики. За 25 дней ее работы непрерывный поток москвичей и приезжих из других городов Советского Союза проходил перед витринами и стендами трех павильонов выставки, ярко и наглядно показывавшими достижения Китайской Народной Республики в развитии добывающей и обрабатывающей промышленности, в подъеме производительности сельского хозяйства, в создании материальных основ культурного роста пятисотмиллионного населения Китая. Далеко не всегда павильоны выставки могли пропустить всех желающих посетить ее. Средняя ежедневная посещаемость составила более 20 000 человек. Всего выставку посетило свыше 500 000 человек.

Каждый советский гражданин, посетивший выставку, с чувством глубокого удовлетворения ощутил поистине поразительные производственные успехи народов Китая. Выставка промышленности и сельского хозяйства КНР в 1953 г. не случайно приобрела характер своеобразного отчетного показа производственных достижений. В соответствии с общей программой, принятой первой сессией Народного политического консультативного совета Китая, глава правительства КНР Мао Цзэ-дун поставил перед народом задачу в течение трех лет достигнуть довоенного уровня сельскохозяйственного производства. За истекшие три года эта задача не только выполнена, но в значительной мере перевыполнена. Представленные на выставке схемы и диаграммы показывают, что по продовольственным культурам уровень валового выхода продукции 1952 г. составляет по отношению к довоенному уровню 116,9%, по хлопку-сырцу — 152,3%, по табаку — 253,3%. Производство джута и кенафа за три года выросло на 533%.

Сухой язык этих цифр живо воспринимался посетителем выставки благодаря большому количеству фотоснимков крупного размера, муляжей плодов и овощей, вещевых экспонатов (можно было, например, не только увидеть джут в натуре, но и проследить процесс его обработки вплоть до выделки мешковины). Многие посетители впервые увидели рами (индийскую крапиву), пробковый дуб, женьшень, съедобные семена лотоса — «ляньцзи», китайскую некачанную капусту — «цин коу» и длинный (до 40 см.) огурец «хуангуа», китайский персик (вчетверо больше среднеазиатского и не круглой, а сердцевидной формы), апельсины «чичэн» (сплюснутые сверху и снизу), груши «личжи» и «лун-янь» и др., а также чумизу, гаолян, сою, названия которых уже давно вошли в наш обиходный словарь.

Значительные успехи достигнуты и в области животноводства. Так, поголовье крупного рогатого скота, лошадей, мулов и ослов выросло за три года на 35% и превысило довоенное на 13,5%. Поголовье мелкого домашнего скота (овец, коз и свиней) увеличилось за тот же срок на 50%, превысив довоенное на 12%.

Такой подъем во всех областях сельскохозяйственного производства стал возможен благодаря трудовому энтузиазму, которым китайское крестьянство отвечает на заботу со стороны коммунистической партии и народного правительства. Эти результаты свободного труда на освобожденной земле. Благодаря проведению аграрной реформы, в основном завершенной к августу 1952 г., в Китае навсегда ликвидирована феодальная собственность на землю, ликвидированы как класс кровососы-помещики. Около 300 миллионов безземельных и малоземельных крестьян получили в собственность 47 млн. га земли. К этому следует добавить земли, дополнительно орошенные или избавленные от угрозы наводнений, ранее не засевавшиеся или использовавшиеся не полностью. За три года только на средства самих крестьян построено более 3.360.000 мелких и средних оросительных каналов, плотин, дамб, капитально отремонтировано или вырыто новых 600.000 колодцев. Огромные средства отпускаются на эти работы государством. За три года за счет государственных капиталовложений построено 358 крупных ирригационных сооружений.

Два крупных электрофицированных макета дали посетителю выставки наглядное представление о плане строительства грандиозных гидротехнических сооружений на реках Хуайхэ, Хуанхэ — Вэйхе и Янцзыцян и о ходе их строительства, осуществляемого в значительной части методом народной стройки.

Значение ирригационных работ для подъема сельского хозяйства нашло свое яркое выражение в диаграмме, показывавшей размеры земельных площадей, дополнительно

орошенных за истекшие три года, по отдельным административным областям Китая. Так, в центрально-южном Китае дополнительно обводнено 12 300 000 му земли, в северном 18 400 000 му и т. д. По всему Китаю эта площадь выразится в 46 млн. му, или 2,875 тысяч га.

Огромные успехи в развитии продуктивности сельского хозяйства, как и массовое участие крестьян в строительстве ирригационных сооружений, стали возможны благодаря механизации сельского хозяйства и совместному труду крестьян. Для историка или экономиста, изучающего формы производственной кооперации, китайская деревня дает материал исключительной ценности. В современной китайской деревне наблюдаются все ступени производственной кооперации — от простейших, временных бригад трудовой взаимопомощи (когда земля, орудия труда, семена и тягловый скот находятся в частной собственности крестьянской семьи, коллективным же является только труд) до колхозов, подобных колхозам СССР. Уже в 1952 г. различными формами производственной кооперации было охвачено 65% всех крестьян в ранее освобожденных и 25% в новоосвобожденных районах. Общее число кооперативов превысило 4000.

Объединение трудовых усилий это не просто арифметическая сумма энергии отдельных членов бригады. Оно намного превосходит такую сумму, намного увеличивает производительность труда. Еще продуктивнее более высокие формы объединения — колхозы. На крупных колхозных земельных массивах открыты широкие возможности механизации всех звеньев трудового процесса, применения передовой агротехники и т. д. На земле, которая еще менее десятилетия назад была раздроблена на клочки, арендуемые на кабальных условиях деревенской беднотой, теперь стало возможно применение самолета для борьбы с сельскохозяйственными вредителями и тому подобных мероприятий. Планирование хозяйства, использования техники и рабочей силы открывает возможность возделывания культур, ранее не известных в данной области, особенно широко развивать посев технических растений. Укрепляется и создается сырьевая база растущей промышленности Республики.

1953 год, соответственно решениям правительства КНР, должен стать годом небывалого роста ее промышленности. Увеличение государственных ассигнований (по сравнению с 1952 г. на 150%) позволило развернуть строительство 170 промышленных объектов, в их числе: завод тонколистового железа, завод по производству бесшовных стальных труб, 6 крупных электростанций, 10 машиностроительных предприятий (завод тяжелого машиностроения, завод электрооборудования, станкостроительный завод и т. д.), 6 текстильных предприятий (4 хлопчатобумажных и 2 льняных), 2 фабрики по изготовлению медикаментов.

В 1953 г. освоено производство ряда новых типов станков (по образцам станков Советского Союза) — продольно-строгальные, карусельные токарные, винтовые пяти-метровые зубофрезерные. Молодые китайские рабочие демонстрировали на выставке работу на универсально-фрезерном, поперечно-строгальном, одностоечном карусельном и других станках китайского производства. Особый интерес вызвала у зрителей демонстрация автоматического ткацкого станка, на котором работала шанхайская текстильщица Сун Юн-и. Советские текстильщицы расспрашивали о ее методах работы на 33 таких станках, передавали ей свои замечания. Такие же беседы возникали и у других станков.

В развитии промышленного строительства большую роль играет рост продукции предприятий, выпускающих строительные материалы. Так, производство цемента в 1952 г. возросло по отношению к 1949 г. на 350%. В 1953 г. оно увеличится еще почти вдвое.

Богато и разнообразно была представлена на выставке добывающая промышленность Китая, богатого ископаемыми. По запасам угля он занимает четвертое место в мире; по ряду ископаемых — первое. На стендах второго павильона посетители увидели образцы угля, слюды, горючих сланцев, вольфрама, молибдена, нефти и нефтепродуктов, естественных мраморов, каолина и т. д. Ряд фотографий этого раздела выставки был посвящен геолого-разведочной работе. По плану 1953 г. объем изыскательских работ и первичного освоения рудных богатств увеличивается по сравнению с 1952 годом в 6 раз. Фотографии демонстрировали общий вид горнорудных месторождений, отдельные моменты производства, условий труда. Советский зритель, которому по фотографиям хорошо знакомы условия труда горняков Китая в период господства чанкайшистской банды, мог наглядно представить себе всю силу контраста настоящего и безвозвратно ушедшего прошлого в отношении технической оснащенности, темпов нарастания добычи ископаемых (добыча угля выросла за 3 последние года вдвое, нефти в 3,5 раза), а главное — в отношении к человеку и к труду. Человек труда теперь чувствует себя хозяином производства. Даже на частновладельческих предприятиях повышение производительности труда идет в интересах государственного хозяйства и права рабочих защищены законом. Труд стал делом чести, доблести, героизма.

Живой и поистине неослабный интерес посетителей вызвали экспонаты первого павильона, где были представлены изделия текстильной, кожаненной, бумажной, резиновой, фармацевтической и особенно художественной промышленности и кооперированных ремесленных предприятий — тех производств, продукция которых направлена на удовлетворение непрерывно растущих потребностей трудящихся Китайской Народной Республики, в свою очередь являясь наглядным свидетельством этого роста. На вы-

ставке были представлены ткани: белоснежное льняное полотно, пан-бархат (не только всех основных цветов, но и специфичный крапчатый, выполненный по темноголубому фону брызгами серебра), шерстяные ткани, шелк, парча. Помимо однотонных тканей в Китайской Народной Республике широкий сбыт имеет ткань, меняющая расцветку в зависимости от угла падения на нее света. Проходя мимо полотнища, с удивлением замечаешь, что озерно-зеленая расцветка сменяется желтой, затем темнорозовой и снова зеленой.

Уже здесь, на примере тканей, экспонаты выставки наглядно опровергают утверждения американских буржуазных эстетствующих искусствоведов и их европейских подпевал об утрате «величайших традиций древнего искусства». Наоборот, лучшие образы, черты и приемы национального китайского искусства возрождены и получили новую жизнь в современном Китае. Достаточно взглянуть на сюжет рисунка тканей. Здесь традиционная символика: бамбук и сосна — пожелание долголетия, бабочки и сороки — символ радости, летучие мыши — символ счастья, пара мальчуанов — «хэ-хэ» — пожелание мира и спокойствия, пион (прежде пожелание богатства — денег, теперь пожелание благополучия), роза (прежде пожелание знатности — успехов в достижении чинов; теперь пожелание успехов в делах) и многие другие. Полностью сохранен и развит прием двухплановой ткани: с блестящим, несколько выпуклым рисунком и матовым фоном. Такая ткань может быть одноцветной или двух-трехцветной (на выставке экспонировалась ткань с зеленым фоном и золотыми павлинами). Двухплановые ткани часто используются на каминные экраны. Таков был на выставке экран с попугаями-какаду над кустом пионов. Из экранов ручной работы особый интерес вызвал на выставке большой трехстворчатый экран, затянутый тканью кремового тона, передающей пустоту небес; в верхней части створок вышиты гладью фигуры летящих женщин-генцев — копия уйгурских фресок в пещерах Дунь-хуана. Используя образцы старинного уйгурского изобразительного искусства, художник обогатил культуру китайского народа новыми замечательными рисунками. Интересно осмысление рисунка мастерицами-вышивальщицами: подпись к экрану гласит «Освобожденные в Новом Китае женщины стремятся ввысь к светлой жизни».

Органически связаны с лучшими образцами старинного изобразительного искусства и шитые черным шелком картины, передающие монохромную (тушевую) живопись в духе Ван Вэя (VIII в.). Их сюжеты (беседка на берегу моря, дорога под округлыми холмами, ведущая через горбатый мостик, или заоблачный дворец и сад бессмертных и т. д.) как будто иллюстрируют приписываемый Ван Вэю «Трактат о живописи» («Рисуй и круглые, как шар, холмы, и водопад, стремящийся из облаков»). Это невольное живописно-литературное восприятие закреплялось соседней витриной, где демонстрировалась сцена из оперы «Пролитая чаша» (см. рис. 1). И костюмы, и фигуры актеров, и задник сцены, на котором изображен гигантский феникс, шиплющий пион (символическое пожелание счастливой супружеской жизни), поражали богатством, яркостью, смелостью сочетания красок.

Цветовое богатство вышивок резко контрастировало с блекло-белым тоном кружевных изделий, представленных на соседних стэндах и столиках. Следует отметить, что китайские кружева в литературе совершенно не описаны. Образцы их крайне редки в музеях мира (в музеях СССР известны кружевная мантилья-воротник в костюме XVII в., хранящаяся в Музее антропологии и этнографии при Институте этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, и кружевные саше в Музее изобразительных искусств им. Пушкина в Москве). Тем больший интерес представляют образцы кружевных работ сучжоуских и ханьчжоуских мастериц, в большом количестве представленные на выставке (рис. 2).

Немногим полнее представлены в музеях мира китайские ковры. Как правило, это длинноворсовые изделия средней плотности с симметричным рисунком темных тонов (хорошие образцы ковров с сюжетным рисунком имеются в Музее восточных культур в Москве). На выставке были представлены ковры 6 типов: пекинские плотные с низким ворсом настенные и очень плотные длинноворсовые ковры для пола (с рисунком, копирующим европейские лепные потолки); тяньцзиньские средней плотности и высоты ворса (с изображением джонки и др.); нанькинский плотный, низкого ворса (с огненно-золотыми орнаментальными цветами по черному полю); синьцзинский, подобный гарусной вязке (с крупными пионами по зеленому полю их листьев) и, наконец, совершенно не известный ранее в СССР тип ковра — так называемый женский (обычно ковровщики — мужчины). Это чрезвычайно своеобразное изделие — неворсовый ковер. Рисунок составляют узелки и петли, выполненные по основе ковра «в две иглы» (подобно крупному гарусному шитью по шерсти). Этот прием позволяет передать орнаментацию и сюжетные рисунки почти архитектурно.

Почти весь второй этаж павильона был посвящен изделиям тех отраслей художественной промышленности и ремесла, которые с давних времен составили Китаю славу страны высокоразвитого искусства: фарфор, лак, нефрит, резная слоновая кость, резное дерево и пробка, ажурное и литое серебро, изделия из бамбука, плетенье из соломки и т. д. Как уже упомянуто, в искусствovedческой литературе Западной Европы и Америки широко распространены утверждения, что в Китае утрачены многие производственные секреты (секрет состава смазки лакируемого изделия, подготовки слоновой кости к обработке, состава золотистой бронзы, секрет красителей и т. д.). Варианты утверждений о причинах деградации китайского искусства различны, но ни одно из

Рис. 1. Костюмы к опере „Пролитая чаша“
(Вышивка многоцветной гладью по шелку)

Рис. 2. Китайские кружева работы ханьчжоуских и сучжоуских мастериц

них фактически не имеет никакого отношения к искусству Китайской Народной Республики. Действительно, развитие капитализма в Китае, наводнение страны дешевыми и крайне низкокачественными изделиями промышленности Западной Европы, а затем и Америки, в корне подорвали китайское художественное ремесло. Растущая товарность ремесла, при крайней дешевизне рабочих рук, вынуждала ремесленника отказаться от тщательнейшей обработки каждого изделия, резко сократить время изготовления каждой вещи за счет снижения ее качества, переходить на серийное производство изделий, утративших, вследствие этого, присущую предметам старокитайского искусства индивидуальность. Товарность ремесла привела к связи его с международным рынком, чрезвычайно подверженным влиянию моды. Спад моды на те или иные изделия приводил иногда к физической гибели множества ремесленников и к забвению того или иного ремесла. Например, в 1933 г., после мирового экономического кризиса, внезапно упала мода на волосные изделия, что привело к полному свертыванию этого ремесла (на полтора десятилетия) и гибели от голода сотен ремесленников и членов их семей — участников производства. В Китайской Народной Республике учет спроса зависит не от моды, а от роста культурно-эстетического уровня народных масс, ставших потребителем изделий художественной промышленности и ремесла. Неся искусство в массы жаждущего культуры и благодарного потребителя, работники художественной промышленности и ремесла переживают творческий подъем, не только восстанавливая все «утраченные» секреты производства, но и обогащая свой арсенал приемов новыми изобретениями путем кропотливого исследования, творческого освоения лучших образцов искусства и наследия культуры братских народов и т. д. Период нового расцвета переживает костерезное искусство. На выставке были представлены прекрасные кантонские изделия из резной кости¹. Среди них фигурка женщины, настольные экранчики с гравированным рисунком и стихами на обороте, резные из целого куска кости шары (внутри каждого из которых от 10 до 25 шаров), резные и подкрашенные шахматы, излюбленные в крестьянской среде кузнечики на «цин-коу» — некочанной капусте (символ вечной юности), фигурки дракона (в народной мифологии повелителя вод, а значит, и орошения). К образцам индийского искусства близки слоны (слон «сян» — по созвучию иероглифов — символ счастливого Нового Года) и резной клык с изображением цветущих садов на островах Чжоу-шань. По техническим приемам и изысканству к слоновой кости близки резные изделия из камня: феникс, рыбки, фигурки «хэ-хэ» из бледносерого и темнозеленого тибетского нефрита, заготовки для печатей из яшмы и др.

Нежными, как бы воздушными, предстали перед зрителем ювелирные изделия из ажурного серебра: брошки в виде бабочки, подноски — рыбки-телескопы, не спящие и годные на любой палец кольца с накладными изображениями жабы (символ богатства), браслеты тибетского образца с накладными ажурными пластинами или с полудрагоценными камнями.

Экспонировавшиеся на выставке образцы фарфора (вазы, табуреты, большие чаши и тазы, рюмки, тарелки и др.) близки к фарфору с многоцветным легким рисунком на белом фоне, характерному для конца XIX в., однако превосходят его по тонкости линий рисунка и цветовой яркости. Особый интерес представляет портретный фарфор, выполненный в мастерских Цзиндэчжэна, знаменитого «фарфорового города», ставшего ныне государственным народным достоянием. На обычных в продукции Цзиндэчжэна больших фарфоровых досках, на блюдах и вазах в тоне тушевого размыта даются портреты классиков марксизма и вождей коммунистической партии Китая и СССР. Северо-коричневые тона и тонкость линий любовно выполненного портрета, подчеркиваемые сверкающей белезной фона, придают изображению рельефность и удивительную живость.

К старинным образцам близки современные изделия, покрытые красным лаком. Пожалуй, только бирюзово-голубой тон эмали, которой выполнена ее внутренняя облицовка, позволяет отличить чечевицеобразную туалетную шкатулку от старинных образцов краснолаковых изделий с «выбранным» фоном, т. е. с врезным рельефом. Оригинал — черно-золотой фуцзяньский лак. Общее изумление вызывала лакированная посуда. Шелковые в два-три слоя формы кроются несколькими слоями лака. Предельно легкие изделия необычайно прочны, легко выдерживают температуру пламени и не бьются при падении. Массивные, темнокрасного тона образцы резьбы по натёкам лака привлекали внимание своим сложным рисунком на сюжет «Истории трех государств» («Саньгочжи янь-я»).

Разнообразно по формам изделий, их назначению, расцветке и орнаментации была представлена на выставке перегородчатая эмаль. Творческая мысль художников Китая, специализирующихся в этой области прикладного искусства, шла по различным линиям. Традиционная форма чаши с низкими краями использована для устройства абажура настольной лампы, тулово которой выполнено в форме древнего сосуда. В рисунке ваз клуазонн перенесен орнаментальный пояс древних бронзовых ваз с глазковым орнаментом и масками животных. В отдельных случаях пояс сохранен лишь как

¹ Часть дублетов к экспонатам выставки поступила в открытую продажу в Москве; образцы их приобретены Институтом этнографии и войдут в число экспонатов постоянной выставки Музея антропологии и этнографии при Институте этнографии АН СССР в Ленинграде.

прием декорировки (например, по тулову темнокоричневой с золотой сеткой вазы дан голубой орнаментальный пояс с белыми голубями мира). Традиционный рисунок свадебных округлых ваз и чечевицеобразных шкатулок — белые цветы вишни на синем фоне — уступил место сложному золотому кружевному узору по терракотовому полю. Этот глухой оранжево-песчаный тон фона воспринят от дунхуанской фрески, иногда вместе с ее рисунком. Блюда с изображением парящих гениев, чаши с сюжетным рисунком из цикла борьба мифических животных отражают влияние древнего уйгурского искусства. Золотые завитки рисунка, образуемые проволочками перегородчатой эмали, заставили по-новому звучать бледнозеленый растительный орнамент фарфоровых изделий.

Относительно бедно было представлено на выставке резное дерево. Китайские ремесленники — великие мастера использования особенностей формы и структуры дерева. Резьба из корня дерева, по наростам и по их срезу, использование насечки для прорисовки деталей скульптуры, применение мозаики из различных древесных пород — все это издавна известно китайским мастерам резьбы по дереву. Устроители выставки показали эту отрасль художественного производства рассредоточенно. Помимо двух прекрасных сундуков из камфарного дерева, украшенных в технике резного рельефа сценami по роману «Повести речной заводи» («Шуйху чжуань»), резное дерево было показано в накладных медальонах и ажурном рисунке столика швейной машины, в подставках под вазы и блюда, в оправе зеркала и т. д. К этой же группе изделий можно отнести картину «Острова на озере Дунтин», выполненную из тончайших срезов пробки. Художнику удалось выполнить из тончайшего лепестка пробки не только общие контуры беседок и дворцов, но отдельно каждую деталь узора их баллюстрады и крыши.

Значительно проще и скромнее изделия из полированного бамбука, почти зеркальная поверхность которых скупо украшена врезным рисунком (веточка бамбука, контур птички и т. д.) или строчкой затертых цветной мастикой иероглифов.

Обычные бытовые вещи становятся здесь предметом искусства. Таковы шаньдунские изделия из отбеленной соломки-тесмы. Свыше 400 тысяч женщин участвуют в производстве соломки, ее отбелке, выделке цветной тесмы (она служит для подплетения в изделия, украшенные цветным геометрическим орнаментом) и изготовлении из нее вееров, подносов, хозяйственных сумок, корзинок, дверных и оконных штор, циновок и т. д. В год они производят до 40 000 ящиков тесмы.

Большой заключительный зал выставки был посвящен нерушимой дружбе народов Китая и СССР. Экспозиция павильона открывалась огромным тобеленом — копией известной картины о подписании в 1952 г. Китайско-Советского договора, навеки закреплявшего эту дружбу. Картина выполнена цветной шерстью пятью сестрами Лю настолько искусно, что кажется объемным макетом. Вторая картина, также символически передающая установление вечного союза между СССР и новым Китаем, персонифицируемых главами обоих государств — И. В. Сталиным и Мао Цзэ-дунем (копия картины Налбадяна и других «Великая встреча»), выполнена гладью по шелку, с подкраской акварелью, 39 вышивальщицами: Вэнь Чжи-ин, У Чжун-шуй и другими. Картина помещалась в центральной части зала. Там же находились два больших макета памятников советским людям, павшим в борьбе против императорской Японии. Горячая благодарность советским людям за их дружеское сочувствие делу освобождения Китая от империалистического и чанкайшистского ига, бескорыстную помощь их в восстановлении и развитии транспорта, промышленности, сельского хозяйства Китайской Народной Республики нашла отражение в ряде фотографий и вещевых экспонатов выставки. Это сказывается и в том стремлении изучить русский язык (что облегчается русской графикой — самой гибкой и самой близкой фонетике китайского языка), которое характерно для Китая наших дней. Бурно растет число организаций и индивидуальных членов Общества китайско-советской дружбы². Общество издает более 10 журналов, популяризуется русская художественная, искусствоведческая и, особенно, научная литература. Можно поражаться, насколько быстро доходят до китайского читателя наши литературные новинки (в китайском переводе), как глубоко знают вопросы советского искусствоведения китайские переводческие группы. Продвигаются на китайскую сцену произведения русских классиков, лучшие произведения советской драматургии. Фотографии выставки показывают, как искренне и горячо переживают китайские артисты роли Павла Корчагина, Зои, краснодонцев. Китайский народ глубоко интересуется жизнью Советского Союза и много и хорошо о ней знает.

Организация выставки, несомненно, сыграла большую роль в деле ознакомления советских людей с достижениями Китайской Народной Республики.

Г. Стратанович

² В 1949 г. было 2176 организаций, с общим числом членов Общества 1317 тысяч человек; в 1952 — 188 612 организаций и 59 931 тысяч человек.

ПЕРВЫЙ КОНГРЕСС ПОЛЬСКОЙ НАУКИ И ПОЛЬСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

С 29 июня по 3 июля 1951 г. в Варшаве проходил Первый конгресс польской науки, на котором присутствовало около двух тысяч научных работников всех отраслей знания. Конгресс подвел итоги развитию научной мысли в стране, дал критическую оценку реакционным буржуазным теориям, господствовавшим в Польше между двумя мировыми войнами (частично имеющим хождение и в народно-демократической республике), наметил дальнейшие пути развития польской науки в период построения социалистического государства.

Крупнейшим результатом конгресса явилась организация (на базе ранее существовавших Академии наук и искусств в Кракове и Варшавского научного общества) новой Польской академии наук в Варшаве, центра научной мысли страны.

Президент Польской Народной Республики Болеслав Берут в письме к участникам конгресса так оценивал поставленные перед конгрессом задачи: «Этот конгресс, несомненно, явится переломным моментом в истории польской науки, послужит залогом активизации и поднятия на более высокий уровень исследований и личных усилий массы научных работников, поможет более тесному их сближению и участию польских ученых в великих исторических преобразованиях, которые переживает сейчас польский народ»¹.

Конгрессу предшествовала полуторогодичная подготовительная работа, выразившаяся в ряде общегосударственных мероприятий. Непосредственная подготовка к конгрессу проходила в 11 секциях и 61 подсекции под руководством специально созданного организационного комитета во главе с проф. Яном Дембовским, в настоящее время являющимся президентом Польской академии наук.

Польские этнографы приняли деятельное участие в подготовке и проведении конгресса в составе секции философии и общественных наук.

17—19 февраля 1951 г. в Кракове состоялась общегосударственная конференция этнографов. Конференция подвела итоги организационной и научной работы Польского этнографического общества за истекшие шесть лет, дала критическую переоценку состоянию польской этнографии до 1944 г. и в условиях народно-демократической республики за период с 1945 по 1950 г. приняла шестилетний научный план работы Польского этнографического общества (1951—1956).

На конференции был намечен ряд задач, которые должны лечь в основу дальнейшей работы, как то: творческое освоение марксистско-ленинской методологии этнографических исследований, усиление работы над популяризацией достижений советской этнографической школы, изучение современного быта польского народа, сотрудничество этнографов с представителями других отраслей наук в деле построения социализма и др.²

Как показало состоявшееся в июне 1949 г. 24-е общее собрание Польского этнографического общества в Торуня, назревшей задачей польской этнографии явилась необходимость критической оценки истории польской буржуазной этнографии, ее основных направлений с целью разоблачения реакционных буржуазных теорий.

Такая переоценка с марксистско-ленинских позиций всего пройденного польской этнографией пути явилась бы реальной помощью прогрессивной части польских этнографов старой школы, помогла бы им пересмотреть свои взгляды, встать в ряды строителей социалистического государства. Краковская общегосударственная конференция выработала на основе заслушанных докладов резолюцию, дающую «оценку достижений польской этнографии и этнологии с точки зрения прогрессивной общественной мысли»³.

Как отмечается в резолюции, начало серьезной заинтересованности бытом народа и его культурой со стороны прогрессивной польской интеллигенции относится к концу XVIII и началу XIX в., периоду, предшествовавшему освобождению крестьян, и тесно связано с именем Гуго Коллонтая (1750—1812), крупнейшего публициста, политического деятеля, просветителя Речи Посполитой в период ее разделов.

Интерес к народной культуре проявляют и возникающие в это время научные общества. В этот период усиленно изучается фольклор, появляется ряд монографий об отдельных этнических группах Польши. Следующий этап в развитии польской этнографии начинается со вступлением Польши на путь капиталистического развития. Рост интереса к народной культуре, обычаям связан с господствовавшими среди передовых слоев интеллигенции «тенденциями демократизации общества и борьбой за дальнейшую экономическую, общественную и политическую эмансипацию крестьянства»⁴. В 1851 г. возникает в Краковском университете первая в Польше кафедра географии, внесшая свой вклад в изучение польского народа. В этот период появляются крупные систематизированные этнографические описания. Первое место среди них занимает

¹ «Życie nauki», 1951, № 7—8, стр. 651.

² См. журн. «Lud», т. 39, 1952, стр. 624—625.

³ Ocena dorobku polskiej etnografii i etnologii z punktu widzenia postępowej myśli społecznej, «Lud», т. 39, 1952, стр. 626—629.

⁴ «Lud», т. 39, стр. 626.

монументальный труд Оскара Кольберга «*Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, klechdy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce*». Как отмечает резолюция, в этнографических работах этого периода «почти совершенно не находят отражения передовые идеи того времени, связанные с развитием промышленности и появлением буржуазии»⁵, доминирующее место в этнографических работах продолжают занимать описания традиционных народных обычаев, фольклор.

Большое значение в развитии польской этнографии имела организация в 1873 г. в составе Польской академии наук и искусств Антропологической комиссии и появление в 1875 г. первого периодического издания по вопросам антропологии, первобытной истории и этнографии — «Собрание сведений по краевой антропологии»⁶.

В конце XIX и начале XX в. страна переживает дальнейшее развитие капитализма, рост рабочего класса, разорение крестьянства, обострение классовых противоречий. В Польшу проникает научный социализм, выходят первые издания переводов трудов Маркса, Энгельса.

В области этнографии наряду с описательными работами, собиранием фактического материала появляются теоретические работы, приближающиеся к марксистской методологии, увеличивается заинтересованность общественными отношениями, историей первобытного общества. Однако господствующая часть польских этнографов выступает последователями эволюционизма. В это время возникает первая кафедра этнологии при Львовском университете (1910), в 1895 г. открывается в Люблине Польское этнографическое общество.

Значительную роль в развитии этнографии сыграло появление в этот период ряда периодических этнографических изданий («*Wisła*», «*Lud*»). В период между двумя войнами польская этнография, как правильно отмечает резолюция, выступает послушным орудием господствующих классов, пытающихся при помощи этнографического материала, этнографических теорий оправдать захватническую политику буржуазного польского правительства, скрыть классовые противоречия и т. д.

Новая эпоха в развитии польской этнографии наступила с установлением народно-демократической власти. В настоящее время этнография, как и вся польская наука, переживает борьбу старой буржуазной идеологии с побеждающим марксистским мировоззрением. Расширяется тематика этнографических исследований, объектом изучения становятся быт и культура трудящихся масс. Гораздо медленнее и труднее меняется методология этнографических исследований. «Несмотря на то, что тематика этнографических работ все быстрее приспосаблиется к потребностям социалистического строительства, методика исследования этих работ не развивается параллельно с достаточным освоением методологических основ исторического и диалектического материализма»⁷, — констатирует резолюция.

Заключительная часть резолюции резюмирует основные задачи, стоящие перед польской этнографической наукой. Последующая работа польских этнографов планируется в следующих трех основных направлениях: а) исследование проблем исторической этнографии; б) изучение традиционной культуры трудящихся масс; в) изучение динамики преобразований национальной культуры в процессе создания социалистического общества.

Вся дальнейшая работа этнографов должна теснее координироваться с задачами социалистического строительства путем: а) разработки тем исследований, игнорировавшихся или умышленно искажавшихся польской буржуазной этнографией; б) изучения народного искусства с целью приобщения лучшего его наследия к национальной культуре строящегося социалистического государства; в) оказания содействия в организации народных промыслов; г) содействия в становлении нового быта деревни путем изучения ее классовой, экономической структуры, изменяющихся запросов и потребностей крестьянства и т. д.

Конференция отмечает необходимость скорейшего создания в составе Польской академии наук Института этнографии, на который ляжет реализация указанных выше задач, координация работы всех существующих этнографических центров, подготовка кадров научных работников.

Краковская конференция утвердила шестилетний план работы Польского этнографического общества. Шестилетний план в целом отражает задачи, намеченные в резолюции конференции, предусматривая широкое развитие научно-исследовательской и издательской работы⁸.

Основное место в исследовательской работе польских этнографов на намеченное шестилетие займет написание 12 историко-этнографических монографий отдельных районов Польши, продолжение работы над Польским этнографическим атласом и Атла-

⁵ «*Lud*», т. 39, стр. 626.

⁶ «*Zbiór wiadomości do antropologii krajowej (1815—1892)*»: с 1892 по 1905 г. выходит под названием «*Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne*», с 1905 по 1925 г. под названием «*Prace i materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne*».

⁷ «*Lud*», т. 39, стр. 628.

⁸ J. Gajek, *Zadania Polskiego towarzystwa ludoznawczego w okresie najbliższego 6 ciolecia*, «*Lud*», т. 39, стр. 606—611; *Sześcioletni plan pracy Polskiego towarzystwa ludoznawczego*, «*Lud*», т. 39, стр. 612—624.

сом польской народной одежды. На данных истории, экономики, археологии, этнографии будет освещена история и этнография Малой и Великой Польши, Верхней и Нижней Силезии, Западного и Восточного Поморья, Куявской, Подляской, Люблинской, Мазовецкой, Курпеевской областей.

Намеченные монографии явятся частью большого труда по общей этнографии Польши.

Работа над составлением Польского этнографического атласа началась в 1947 г.⁹ Перед составителями Атласа стояла большая, интересная задача зафиксировать важнейшие элементы культуры отдельных этнографических групп Польши, их изменение в процессе исторического развития, взаимовлияние культур соседних областей. К настоящему времени создана значительная сеть корреспондентов, разослано шесть тематических анкет, разработана основная карта, обработано семь первых пробных тематических карт. Согласно шестилетнему плану, дальнейшая работа будет проводиться по собиранию материала в архивах, изучению опубликованной литературы по вопросам материальной культуры. Помимо анкетного опроса, на местах будет организована работа этнографических отрядов.

В последние годы проводится интенсивная работа по составлению Атласа польской народной одежды, который войдет составной частью в Польский этнографический атлас. В настоящее время вышло из печати шесть тетрадей Атласа, охватывающих шамотулский, курпиовский, кжчоновский, нижнесилезский, жешовский, шчавницкий типы костюма¹⁰.

Шестилетний план предусматривает обработку и последовательное издание 52 монографий, фиксирующих региональные группы народной одежды, дающих исторический очерк каждого ее типа.

В связи с проводимой работой над изучением материальной культуры польского народа предполагается написание учебников по материальной культуре Польши и соседних славянских народов.

Как констатировала краковская конференция, слабым местом в современной польской этнографии является методологическая сторона проводимых исследований. В целях дальнейшего освоения марксистско-ленинской методологии этнографических исследований, передового опыта советской этнографической науки шестилетний план предусматривает организацию в составе Польского этнографического общества методологической секции. В план работы секции входит издание информационно-библиографического бюллетеня, целью которого будет систематическая информация польских этнографов о состоянии и достижениях советской этнографии, разработка инструкций, программ для сбора этнографического материала, организация научных конференций, совещаний. В плане работы на 1954—1955 гг. намечено издание полной библиографии марксистской этнографической литературы.

Польское этнографическое общество будет продолжать выпуск своих основных продолжающихся изданий: «Lud», «Prace etnologiczne», «Prace i materiały etnograficzne»¹¹. Значительное место в названных изданиях займет публикация переводов работ советских этнографов, разработка истории польской и общеславянской этнографии. Шестилетний издательский план предусматривает также опубликование избранных трудов советских этнографов. Помимо публикации текущих материалов, Польское этнографическое общество предприняло систематическое опубликование архивных материалов, хранящихся в архивах общества, Польской академии наук, Института архитектуры при Варшавском политехникуме и т. д. За 1951—1955 гг. предполагается издание 20 томов «Этнографического архива». До настоящего времени вышли первые четыре тома издания¹².

Этнографическое общество предусматривает проведение большой библиографической работы по изданию указателей содержания основных этнографических журналов

⁹ J. Gajek, Polski Atlas Etnograficzny, Lublin, 1947; M. Frankowska, Problemy Atlasu Etnograficznego, «Lud», т. 38, 1949.

¹⁰ «Atlas polskich strojów ludowych», cz. 2, zes. 1: A. Głapa, Strój szamotulski, Lublin, 1951; cz. 3, zes. 9: F. Seweryn, Strój dolnośląski, Lublin, 1950; cz. 4, zes. 5: M. Zywińska, Strój kurpiowski, Puszcz Białej, Poznań, 1952; cz. 5; zes. 7: J. S'wieży, Strój krzonoński, Poznań, 1952; cz. 5, zes. 18: R. Reinfuss, Strój góralski szczawnicki, Lublin, 1949; cz. 5, zes. 13: F. Kotula, Strój rzeszowski, Lublin, 1951.

¹¹ За послевоенные годы вышли из печати: «Lud», т. 36—39, 1945—1952; «Prace i materiały etnograficzne», т. VI—IX, 1947—1951; «Prace etnologiczne» pod red. E. Frankowskiego i J. Gajka, т. I: F. Milewski, Zarys językoznawstwa ogólnego, cz. I. Teoria językoznawstwa, Lublin, 1948; zes. 1: Tekst, zes. 2, Atlas; т. 2: W. Klingner, Wschodnio-europejskie rusalki i pokrewne postaci demonologii ludowej a tradycja grecko-rzymska, Lublin, 1950; т. 3: M. Plezia, Greckie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów słowian, cz. I, Poznań, 1952.

¹² «Archiwum etnograficzne», № 1: A. Oleszczuk, Ludowe obrzędy weselne na Podlasiu, Lublin, 1951; № 2: B. Baranowski, Najdawniejsze procesy o czary w Kaliszu, Lublin, 1951; № 3: S. Szczotka, Materiały do dziejów zbrojnictwa góralskiego z lat 1589—1782, Poznań, 1952; № 4: S. Filzak, Materiały etnograficzne i historyczne z terenu zagórzan, Poznań, 1952.

и работ крупнейших польских этнографов¹³. В течение предстоящего шестилетия предполагается издание библиографии польской этнографии за 1945—1955 гг.

Среди теоретических работ польских этнографов, появившихся в период подготовки к Первому конгрессу науки, следует отметить обширную статью сотрудников Лодзинского университета Антонины Кłosковской и Яна Лутынского, посвященную современному состоянию изучения первобытной истории¹⁴. Появление указанной статьи характеризует стремление польских этнографов серьезно подойти к критической переоценке наследия прошлого — выявить связь реакционных буржуазных направлений, господствовавших в социологии и этнографии панской Польши, с реакционными этнографическими школами Запада, что невозможно было сделать без освоения основных положений передовой этнографической науки и критического осмысления ведущей реакционной американской школы. Указанная статья состоит из двух частей: «Психологическая ориентация современной американской этносоциологии» (автор А. Кłosковская) и «Проблемы и методы советской этнографии» (автор Я. Лутынский).

А. Кłosковская в своей части работы останавливается на критическом разборе положений функциональной школы по материалам работ ее основателя — Бронислава Малиновского — и основного реакционного направления современной американской этнографии — этнопсихологического — на примере работ его крупнейших представителей Р. Бенедикт, М. Мид и других. Давая в основном правильную оценку господствующего в современной американской этнографии направления как реакционного, антиисторического, автор, однако, не связывает «научные» взгляды указанных этнографов с их классовым мировоззрением, политической ориентацией, с их прислужнической ролью как верных слуг англо-американского империализма. Это, по видимому, не учитывается автором при анализе основных положений функциональной школы и этнопсихологического направления.

Функциональная школа в буржуазной этнографии возникает в 20-х годах текущего столетия и отражает, как известно, крутой поворот этнографической науки в сторону реакции. Останавливаясь на методе этнографических исследований представителей «нового направления», автор статьи правильно оценивает его как «ярко выраженный антиисторизм»¹⁵; вместе с тем Кłosковская считает положительными сторонами этого метода непосредственный контакт с изучаемым народом, всестороннее изучение культуры народа. Эта односторонняя характеристика функционального направления обходит молчанием практическое значение работ представителей данной школы, имеющих ярко выраженный реакционный характер.

Как известно, Малиновский и его последователи, выступая против кабинетных исследований своих предшественников, призывают «иметь дело с действительностью». Однако под этим внешне кажущимся правильным положением скрывается стремление поставить этнографию на службу колониальной политики империализма, при помощи изучения быта народов колоний облегчить управление последними.

Практическое значение функциональной теории заключается в том, писал Малиновский, что «она учит относительному значению различных обычаев, показывает, как они спелены один с другим и как с ними нужно обращаться миссионерам, колониальным властям и всем тем, кто намеревается экономически эксплуатировать торговлю и труд дикарей»¹⁶.

Автор статьи подвергает обоснованной критике «теорию» национальной культуры, выдвинутую представителями этнопсихологической школы. Основным объектом этнографических исследований в работах представителей этой школы выступает отдельный индивидум с его психологией, сложившимися привычками и характером. Согласно этой теории, психология личности определяет состояние общества. Понятие нации этими псевдоучеными сводится к «относительной общности характера». Отрывая национальную культуру от ее конкретных носителей, отбрасывая в сторону национальный характер культуры, они подменяют ее понятием «модели культуры».

¹³ Предполагается издание указателей к следующим периодическим изданиям: 1) «Gryf», Toruń, тт. I—IX; 2) «Lud», Lublin — Poznań, тт. I—XXXIX; 3) «Materiały do antropologii, archeologii i etnografii», Kraków, тт. I—XIX; 4) «Orli lot», Kraków, тт. I—XXIV; 5) «Prace i materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne», Kraków, тт. I—V; 6) «Prace i materiały etnograficzne», Lublin, тт. I—X; 7) «Prace komisji etnograficznej», Kraków, тт. I—XVI; 8) «Wierchy», Lublin; 9) «Wisła», Lublin, тт. I—IX; 10) «Zaranie Śląskie», Katowice, тт. I—XIX; 11) «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», Łódź, тт. I—XVIII; 12) «Ziemia», Kraków, тт. I—XLI.

¹⁴ A. Kłosowska i J. Lutyński. Z zagadnień teorii i metodologii współczesnych badań nad społeczeństwami pierwotnymi, «Przegląd nauk historycznych i społecznych», Łódź, т. I, 1951, стр. 263—327.

¹⁵ A. Kłosowska, Psychologiczna orientacja, etnosocjologii amerykańskiej, стр. 270.

¹⁶ Цит. по статье: Д. А. Ольдероге и И. И. Потехин, Функциональная школа в этнографии на службе империализма, сборник «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды И-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XII, М., 1951, стр. 53.

Это положение этнопсихологического направления совершенно справедливо оценивается автором статьи как идеалистическое, антиисторическое, «область необоснованных обобщений и выводов»¹⁷. Однако, подходя к оценке этнопсихологического направления только как к идеалистическому заблуждению, автор статьи упускает из виду, что теоретические построения представителей данного направления являются не чем иным, как попыткой обосновать установление американского империалистического господства над миром. Это и порождает заинтересованность американских этнографов «национальными моделями культуры», с целью выработки на этнографическом материале рецепта замены последних мировой «моделью культуры», в основу которой, с их точки зрения должна лечь «высшая» американская культура.

Дальнейшим шагом вперед в деле разоблачения реакционных направлений современной буржуазной этнографии является статья Юзефа Халасинского¹⁸, на подробном разборе которой мы остановимся ниже. В своей работе, посвященной в целом критической характеристике «социографических» исследований, проводимых социологами и этнографами буржуазной Польши, автор совершенно правильно связывает «культурологическое» и «психологическое» направление в польской этнографии с этнопсихологизмом американских этнографов. Современные буржуазные этнографические теории рассматриваются им в тесной связи с классовым характером этнографической науки. «Полевая этносоциология, представленная Брониславом Малиновским и английскими этнографами, развилась в связи с потребностями империалистических государств: наряду с возрастающими трудностями в управлении колониями и получении с них прибылей, необходимо было создание «администрации», опирающейся на знание жизни, культуры и общественных отношений «первобытных народов», которыми ранее интересовались от случая к случаю и дилетантски»¹⁹.

Ян Лутынский в статье «Проблемы и методы советской этнографии»²⁰, используя работы советских ученых, знакомит польского читателя с историческим путем, пройденным советской этнографией, с основными методами советской этнографической науки. На конгрессе в подсекции философии и общественных наук, где принимали участие этнографы, проходили дискуссии по ряду общих теоретико-методологических проблем, в частности по вопросам социологии. В ходе дискуссий была вскрыта и разоблачена реакционная сущность взглядов польского социолога Знанецкого и его школы, имевших широкое хождение в Польше в период между двумя мировыми войнами. На конгрессе было уделено большое внимание вопросам изучения народного искусства. Конгресс констатировал необходимость проведения всесторонних исследований конкретных изменений культуры и быта польского народа, вступившего на путь построения социализма. Эти исследования, как отмечает редакция журнала «Философская мысль», «должны быть совершенно иными, нежели так называемые «территориальные исследования» (*badania terenowe*), модные в современной буржуазной социологии, и особенно в американской социологии»²¹. Они должны быть основаны на методе диалектического и исторического материализма. Как на одну из важнейших задач было указано на необходимости выработки на основе марксистско-ленинской методологии новых методов исследования польской действительности, разработки новых программ по сбору материала. Польские этнографы, как указал конгресс, должны принять активное участие в разработке вопросов современности, в борьбе за разоблачение буржуазного наследия прошлого, помня, что «еще немало суеверий и фальшивых концепций, приводящих к отрыву теории от практики, научной работы от жизни и потребностей народа, тормозят научные исследования, ведя их по неверному пути»²².

Таким образом, Первый конгресс польской науки поставил перед польскими этнографами, как и перед научными работниками других отраслей знания, конкретные задачи, наметил перспективы дальнейшего развития.

В дальнейшем мы остановимся на обзоре основных направлений в работе этнографов за период, протекающий с момента закрытия конгресса.

Важнейшей задачей всей польской науки является борьба с реакционным буржуазным наследием прошлого, разоблачение буржуазной идеологии среди польских ученых, с тем, чтобы, избавившись от реакционного груза прошлого, занять ведущее место в строящемся социалистическом государстве. Эта борьба находит свое проявление в первую очередь в области методологии.

Польская этнография уделяет большое внимание методам исследования общественных явлений в современной Польше.

Центральный теоретический марксистский орган Польской Республики, издаваемый Институтом философии Польской академии наук — «*Myśl filozoficzna*», — уделяет большое внимание вопросам, поднимавшимся на конгрессе.

¹⁷ A. Kłosowska, Указ. статья, стр. 293.

¹⁸ J. Chałasiński, Z. zagadnień metodologii badań społecznych, «*Myśl filozoficzna*», 1951, № 1—2, стр. 75—105.

¹⁹ Там же, стр. 82.

²⁰ «*Problemy i metody radzieckiej etnografii*», стр. 298—327.

²¹ «*Myśl filozoficzna*», Warszawa, 1951, № 1—2, стр. 74.

²² List Prezydenta R. P. Bolesława Bieruta do uczestników I kongresu Nauki Polskiej, «*Myśl filozoficzna*», 1951, № 1—2, стр. 4.

Редакция открыла на страницах своего журнала дискуссию о методах исследования общественных явлений, поместив статьи проф. Ю. Халасинского и проф. Ю. Гохфельда.

Статья проф. Гохфельда «К вопросу о различии исторического материализма и буржуазной социологии»²³, посвящена разоблачению реакционной сущности так называемой «малой социологии» и ее методов «территориальных исследований», родоначальником и вдохновителем которой является Флориан Знанецкий, польский социолог периода между двумя мировыми войнами, в настоящее время подвизающийся в Соединенных Штатах Америки, известный своими клеветническими выпадами против Советского Союза и народно-демократической Польши.

Социология, как отмечает Гохфельд, занимала одно из ведущих мест в научной жизни буржуазной Польши, являясь верным орудием в руках правящих классов. В первые годы существования молодой народно-демократической республики, когда марксистско-ленинское мировоззрение не занимало еще ведущего места среди польской интеллигенции, представители социологической школы продолжали сохранять ведущие посты в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях. Характеризуя направление исследований польских социологов того времени, Гохфельд пишет: «Теорию и методы», мировоззрение и арсенал понятий буржуазной социологии, в особенности же англо-саксонской социологии, хотели сделать орудием для исследования и планирования общественных изменений в народной Польше... Тот факт, что новый общественный строй должен быть строим планового хозяйства, натолкнул социологов на мысль о развитии территориальных исследований; однако по существу они относили проблематику и методы территориальных исследований к предметам немарксистской социологии, достижения этого метода, по их мнению, нужно заимствовать, развивать далее и призывать, частично пользуясь системой марксистских обобщений, марксизм же в свою очередь требует «модернизации», «дофилософствования» и дополнения; налицо имеются обстоятельства, способствующие выполнению этого задания, так как сам народно-демократический строй в Польше является чем-то средним между парламентарной буржуазной демократией и диктатурой пролетариата. В этой плоскости университетская социология соприкасается с политической сущностью гомулковщины, и в особенности пепезовщины, с ревизионизмом и оппортунизмом социал-демократического типа»²⁴.

Здесь автор стремится вскрыть сущность польской социологии послевоенного периода, старавшейся старые методы, формы и тематику исследований общественных явлений, жизни народа приспособить к условиям народно-демократического строя, пытавшейся свою порочную методологию выдать за «современный этап развития марксизма в социологии».

Проф. Гохфельд в разбираемой статье останавливается на разоблачении основных положений реакционной школы Знанецкого, а также на отдельных ошибках польских социологов послевоенного периода, как то: Халасинского, Шуркевича, Щепаньского и других. «Малая социология» Знанецкого и его последователей сводит «территориальные исследования» к анализу отдельных «социальных групп», классифицируемых ею по признаку разновидностей общественного сознания отдельных индивидуумов, используя для этого статистико-демографические описания и исследования личных документов. Изучение отдельных «социальных групп» с позиций субъективного идеализма подменяет в работах представителей «малой социологии» конкретный анализ классовой структуры общества²⁵. Ю. Гохфельд, подвергнув резкой критике с марксистских позиций основные положения «малой социологии», указывает на необходимость организации единственно научных исследований всех сторон жизни польского народа с позиций исторического и диалектического материализма, проводимых «на основе радикальной критики всей буржуазной социологии и радикального разрыва с ее проблематикой, ее теориями, ее методами исследований»²⁶.

Народно-демократическое правительство и Польская Объединенная рабочая партия, ведя борьбу со всякого рода проявлениями реакционной буржуазной идеологии в области науки, оказывают всестороннюю помощь прогрессивной части польской интеллигенции, честно стремящейся сбросить с себя идеологические наследие прошлого и овладеть марксистско-ленинским мировоззрением. Проф. Халасинский, член редакции журнала «Myśl filozoficzna», в прошлом один из видных последователей школы Знанецкого, выступил на страницах журнала со статьей «К вопросу методологии общественных исследований»²⁷, в которой подверг резкой критике свои ошибочные, немарксистские взгляды в социологии.

²³ J. Hochfeld, O niektórych aspektach przeciwstawności materializmu historycznego i socjologii burżuazycznej, «Myśl filozoficzna», 1951, № 1—2, стр. 106—154.

²⁴ Там же, стр. 119—120.

²⁵ См. И. С. Нарский, Польский философский журнал в борьбе за пропаганду марксизма, «Вопросы философии», М., 1953, №1, стр. 213—214.

²⁶ J. Hochfeld, Указ. статья, стр. 153.

²⁷ J. Chałasiński, Z. zagadnień metodologii badań społecznych, «Myśl filozoficzna» 1951, № 1—2, стр. 75—105.

Автор статьи подробно останавливается на критическом разборе одного из ведущих направлений польской социологии периода между двумя мировыми войнами, представленного в его четырехтомном труде «Молодое поколение крестьян»²⁸.

Польская социология и этнография в годы между двумя мировыми войнами развивалась, как указывает автор, под непосредственным влиянием реакционной американской социологии. Основным предметом исследований «малой социологии» являлось изучение жизни польской деревни и тесно связанной с ней проблемы эмиграции и реэмиграции польского населения. Тематика социологических исследований этого периода продиктована направлением внешней и внутренней политики буржуазного правительства Польши. В период между двумя мировыми войнами, в связи с общим ухудшением экономического положения трудящихся масс, наблюдается массовая эмиграция городского и сельского населения империалистической Польши за границу, в частности в Америку, в поисках хлеба и работы. В связи с этим возрастает интерес к проблемам эмиграции среди польских социологов, экономистов, этнографов, стремившихся скрыть ее истинные причины и характер под грузом рассуждений о прогрессивной роли реэмигрантов в польской деревне и т. д. В предвоенные годы проблемами эмиграции в Польше занимались крупнейшие социологические, статистические и экономические центры Варшавы, Познани. Однако изучение конкретно-исторической действительности, общественно-экономических, социальных условий жизни трудящихся панской Польши, вынуждавших к массовой эмиграции, подменялось социологами и этнографами изучением «проблемы контактов между традиционной сельской культурой» польского населения и передовой «городской промышленной культурой» Америки, «влиянием и общественной ролью реэмигранта в деревне». Эмигрант выступал в исследованиях социологов, с одной стороны, как «цельный комплекс или система стремлений и общественных взглядов, тесно связанных с общественной структурой его группы», с другой стороны, как «носитель общественной ценности своей группы»²⁹.

Таким образом, как правильно указывает Ю. Халасинский, общественно-экономическая сущность эмиграции, связанная с империалистической фазой капитализма, с проблемой капиталистических отношений в деревне, с вопросом о классовой структуре польской деревни этого периода, «подменялась проблематикой различных «культур» и образов индивидуумов»³⁰.

Как было сказано выше, в междувоенный период польские этнографы и социологи основное внимание в своих работах обращали на изучение польской деревни. Однако конкретно-исторические исследования капитализирующейся деревни с ее классовым расслоением, обостряющейся классовой борьбой оставались вне поля зрения их работ. Этнография отражала основную черту польской науки в период между двумя войнами, «характеризующуюся стремлением большего или меньшего бесцельного собирательства... от народных песен и народных выражений до бабочек и минералов, отсутствием обобщений»³¹.

Ю. Халасинский в разбираемой статье останавливается на критике основных положений своего многотомного труда «Молодое поколение крестьян», характерных для социологических исследований крестьянского населения довоенной Польши.

В основе изучения в «Молодом поколении крестьян», отмечает автор, лежит не конкретный сельский коллектив определенного района Польши, а искусственно выделенная «форма общественного объединения» («forma skupienia społecznego»), определяемая интерперсональной структурой отношений небольшой соседской группы.

Прародителями такой формалистической установки представителей «малой социологии» являются социолого-психологическая концепция «первоначальных групп» («grupy pierwotnych») и теория «чистых общественных форм» американской социологии.

В пределах намеченных «общественных объединений» проводилось изучение «общественно-психологических изменений» польской деревни в плоскости двух различных культур: «культуры шляхетской» и «культуры крестьянской», противостоящих городской культуре. Изучение общественно-экономических изменений в польской деревне ограничивалось процессом перехода от крестьянской культуры (kultura chłopska), характерной для соседской крестьянской общины, к «национальной крестьянской культуре» («kultura chłopska narodowa»), характерной для всего польского народа.

Исходя из реакционной концепции «крестьянской формы польской национальной культуры», представители «малой социологии», как признает автор, отрицали ведущую роль рабочего класса, союз с крестьянством, отрицали неизбежность революционной борьбы. Теоретические выводы и освещение конкретного материала были направлены на «создание такого характера массовых процессов бурной эпохи крестьянских забастовок и классовой борьбы, который бы из процессов исторических преобразований народа исключил неизбежность политической революционной борьбы»³². Основной идеей «Молодого поколения крестьян» является эволюционное развитие польского крестьянства путем просвещения и улучшения его материального быта,

²⁸ J. Chałasiński, *Młode pokolenie chłopów*, Warszawa, 1934.

²⁹ J. Chałasiński, *Z zagadnień metodologii badań społecznych*, стр. 86.

³⁰ Там же.

³¹ J. Dembowski, *Organizacja nauki polskiej*, «Życie nauki», 1951, № 7—8, стр. 688.

³² J. Chałasiński, *Z zagadnień metodologii badań społecznych*, стр. 89.

борьба за моральную эмансипацию крестьян при помощи сельских школ и молодежных союзов. Младокрестьянское движение рассматривалось как самостоятельное, изолированное от революционной борьбы рабочего класса движение сельской молодежи. Как указывает автор статьи, проблематика «Молодого поколения крестьян» была оторвана от конкретно-исторических условий, от конкретной исторической формации и основывалась на идеалистическом положении о том, что «процессы преобразования польской деревни формируются в психологической плоскости, независимо от развития капитализма»³³.

Автор оценивает свои прошлые теоретические обобщения как «выражение кулацкой идеологии», «народническое политиканства», указывая, что «научный метод шел тут в паре с буржуазным мировоззрением автора»³⁴. Однако автор статьи ошибается в оценке политической ситуации в польской деревне между двумя войнами, считая, что «миф крестьянской моральной революции» не был его собственным вымыслом, что это была «идеология большей части сельской молодежи»³⁵. История революционной борьбы в предвоенной Польше дает факты участия в ней передовой части крестьянства, его трудящихся масс в союзе с рабочим классом против гнета помещиков и капиталистов. Идея «моральной революции» черпала своих сторонников среди сельской буржуазии и остальных слоев польского крестьянства.

Заканчивая свою статью, Ю. Халасинский указывает на необходимость этнографам и социологам старой школы решительно порвать с методами исследования буржуазной социологии. Овладевая марксистско-ленинским мировоззрением, осваивая опыт методологии исследований передовой советской этнографической науки, польские этнографы должны расширять и углублять свою работу по изучению культуры и быта польского народа.

Борьба передовой части польских этнографов с остатками буржуазной идеологии в своих рядах ведется путем систематического освоения передовой этнографической науки Советского Союза. После Первого конгресса польской науки польская этнографическая пресса значительно усилила интерес к советской этнографии. Наряду с использованием в указанных выше статьях работ крупнейших советских этнографов, за последние годы появился ряд оригинальных статей, посвященных характеристике советской этнографической школы, методам исследования советских этнографов.

Евгений Франковский в журнале «Lud» помещает статью, посвященную характеристике пути, пройденного советской этнографией³⁶. Щепаньский знакомит читателя с работами советских этнографов по изучению современного быта и культуры колхозной деревни³⁷.

Знакомство с работами советских этнографов проходит путем опубликования, переводов их статей и рецензий на советские работы. Вышедшее в 1952 г. после трехлетнего перерыва основное периодическое издание Польского этнографического общества «Lud» содержит переводы статей С. П. Толстова «В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии»³⁸, С. А. Токарева «Проблема этногенеза в этнографии»³⁹, подробное изложение статей И. И. Потехица «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии»⁴⁰, М. Г. Левина, Я. Я. Рогинского и Н. Н. Чебокарова «Англо-американский расизм»⁴¹, обзор V и VI вып. «Кратких сообщений» Института.

Как констатировала Краковская конференция этнографов, важной задачей сегодняшнего дня в полевой работе является восполнение тематических пробелов буржуазной польской этнографии, разработка тематики, игнорировавшейся буржуазными учеными. Основным объектом изучения этнографов должен стать народ, его быт и культура. Польские этнографы, руководствуясь принятыми на конференции решениями, начали работу по изучению общественных отношений в польской деревне. Вышедшие в конце 1951 г. 8—9 томы «Этнографических трудов и материалов» содержат обработанные полевые материалы 1946—1950 гг. по вопросам сотрудничества и взаимопомощи среди польского крестьянства в прошлом и в наши дни⁴².

Большая работа проводится этнографами, совместно с археологами и искусствоведами, по изучению народного искусства.

Польские этнографы, базируясь на высказываниях классиков марксизма-ленинизма, по-новому подходят к изучению народного творчества во всех его формах.

13—15 мая 1951 г. Государственным институтом искусств в Ядвигине была организована конференция, посвященная актуальным проблемам изучения польской народной

³³ J. Chałasiński, Z zagadnień metodologii badań społecznych, стр. 95.

³⁴ Там же, стр. 92.

³⁵ Там же, стр. 93.

³⁶ E. Frankowski, Etnografia radziecka, «Lud», т. 39, стр. 1—42.

³⁷ J. Szczepański, Etnograficzne badania nowych form kultury w Związku Radzieckim, «Wieś», Warszawa, 1952, № 19.

³⁸ S. P. Tolstow, W. I. Lenin i aktualne zagadnienia etnografii, «Lud», т. 39, стр. 43—64.

³⁹ S. A. Tokarew, Zagadnienie etnogenezy w etnografii, «Lud», т. 39, стр. 65—101.

⁴⁰ «Lud», т. 39, стр. 416—418.

⁴¹ Там же, стр. 424—426.

⁴² «Prace i materiały etnograficzne», тт. 8—9, Poznań, 1951.

пластики. Одновременно была открыта выставка образцов народного искусства отдельных мастеров и продукции сельских артелей⁴³.

Конференция приняла резолюцию, обращающую внимание на необходимость всестороннего, систематического изучения народного творчества населения городов и сел в тесной связи с историей и экономикой страны⁴⁴.

«Распространение и приближение к современности культурного творчества во всех его разнородных проявлениях и областях — это задание, которое ляжет на плечи современного поколения художников и на плечи всего народа новая историческая эпоха, эпоха народной демократии», — говорит Болеслав Берут⁴⁵. Польские этнографы в сотрудничестве с археологами, искусствоведами проводят большую работу по изучению народного искусства, выявлению сохраняющихся его традиционных народных форм с целью включения прогрессивного его наследия в общую сокровищницу национальной культуры.

Лучшие образцы творчества народных мастеров широко популяризируются путем выставок, конкурсов. В течение 1951—1952 гг. проведен ряд выставок различных видов народного искусства. Не останавливаясь подробно на их характеристике, мы ограничимся только кратким их перечислением, что может служить наглядной иллюстрацией широты проводимой работы.

В начале 1951 г. Министерством культуры и искусства в Закопане был проведен конкурс работ народных мастеров по резьбе, рисункам на стекле. 8 апреля была открыта «Выставка подгаланского народного искусства», включившая материалы конкурса, образцы старого народного искусства из сборов Музея им. Татржаньского и работы членов Центральной кооперации народных и художественных промыслов⁴⁶.

29 июля была открыта выставка народного искусства в Кольбели⁴⁷, 7 июля в Любартове демонстрировались произведения Люблинской области⁴⁸, в сентябре этого же года состоялась выставка работ мастеров Августовского и Сувалянского районов⁴⁹, в этом же месяце в Краковском дворце искусств была открыта выставка народного искусства и рукоделия Краковской области⁵⁰, в октябре функционировала в городе Серадзе⁵¹ выставка народных аппликаций и в г. Лукове — тканей и керамики⁵².

И. Калоева

⁴³ Konferencja w sprawie aktualnych zagadnień naukowo-badawczych i twórczych polskiej plastyki ludowej, «Polska sztuka ludowa», Warszawa, 1951, № 3, стр. 67—69.

⁴⁴ Краткое изложение докладов, заслушанных на конференции, см. в статьях: B. Urbanowicz, Konferencja w Jadwisinie, «Polska sztuka ludowa», 1951, № 4—5, стр. 146—153; A. Wojciechowski, Zagadnienia rzemiosła i przemysłu artystycznego na tle stosunku do dziedzictwa polskiej sztuki ludowej. Referat wygłoszony na konferencji, «Polska sztuka ludowa», 1951, № 4—5, стр. 99—118.

⁴⁵ «Polska sztuka ludowa», 1952, № 1, стр. 4.

⁴⁶ R. Reinfuss, Z wystawy sztuki ludowej w Zakopanem, «Polska sztuka ludowa», 1951, № 3, стр. 78—81.

⁴⁷ B. Kacznogowska, Wystawa sztuki ludowej w Kołbeli, «Polska sztuka ludowa», 1951, № 6, стр. 180—182.

⁴⁸ E. Janikowska, Z wystawy sztuki ludowej w Lubartowie, «Polska sztuka ludowa», 1951, № 6, стр. 183—185.

⁴⁹ R. Reinfuss, Pokonkursowe wystawy sztuki ludowej w Augustowie i Kolnie, «Polska sztuka ludowa», 1951, № 6, стр. 186—190.

⁵⁰ N. Blumówna, Wystawa sztuki i rękodziela ludowego, «Polska sztuka ludowa», 1952, № 1, стр. 59.

⁵¹ Z. Ciesla-Reinfussowa, Z wystawy wycienanek ludowych w Sieradzu, «Polska sztuka ludowa», 1952, № 1, стр. 52—54.

⁵² R. Reinfuss, Z wystawy pokonkursowej w Lukowie, «Polska sztuka ludowa», 1952, № 1, стр. 55—58.

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ ГРЕКОВ
(1882—1953)

9 сентября 1953 г. после продолжительной тяжелой болезни на 72-м году жизни скончался академик Борис Дмитриевич Греков.

В его лице советская наука понесла трудно возместимую потерю. Умер крупнейший советский ученый, виднейший общественный деятель нашей страны, член Президиума Академии наук СССР, депутат Верховного Совета СССР, заместитель председателя Советского комитета защиты мира.

Около 45 лет своей жизни отдал академик Б. Д. Греков исторической науке, проявив себя как выдающийся ученый и педагог.

Его первые исследования по русской истории появились еще в предреволюционное время, когда русская буржуазная наука, по определению Б. Д. Грекова, «зашла в безвыходный тупик», стремясь уйти в сторону от классового анализа изучаемых явлений. Однако Б. Д. Греков не пошел за своими учителями — буржуазными историками, рано проявив интерес к изучению социально-экономической истории, к истории русского крестьянства, его беднейших слоев.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции содействовала научному росту Бориса Дмитриевича Грекова, помогла ему стать на путь марксизма-ленинизма, плодотворно развернуть свою научную деятельность.

Б. Д. Грекову принадлежит более 200 исследований. Его крупнейшие труды посвящены истории Древней Руси, истории русского крестьянства и древних славян. Таковы «Киевская Русь», «Крестьяне на Руси», «Полища» и другие работы.

Основные вопросы истории СССР эпохи феодализма впервые были разработаны на основе марксистско-ленинского учения Б. Д. Грековым. Его исследования наносили сильнейший удар разного рода буржуазным теориям. Основные выводы Б. Д. Грекова по истории феодального строя в нашей стране, как и по истории древних славян,

прочно закрепились в советской исторической науке. Народ — творец истории неизменно во всех исследованиях Бориса Дмитриевича стоял в центре внимания автора.

Этнографическая наука многим обязана Б. Д. Грекову. В своих исследованиях он осветил ряд важнейших вопросов, имеющих прямое отношение к этнографии русского народа, восточных славян и всего славянского мира. На богатом разнообразном материале Борис Дмитриевич прекрасно обосновал высокий уровень развития, достигнутый восточными славянами накануне возникновения у них государственности. Пресловутой норманской теории был нанесен сильнейший удар. Б. Д. Греков много сделал для выяснения происхождения славян, в особенности восточнославянских народов. Он показал общность культуры древнерусского народа, всемирно-историческое значение Древней Руси, ее культурные связи.

В его трудах, наряду с другими видами исторических источников, широко привлекались и этнографические материалы. Б. Д. Греков понимал значение этнографии для исторических исследований, неизменно со вниманием следил за ее успехами.

Своими исследованиями Борис Дмитриевич непосредственно участвовал в разработке важнейших этнографических проблем. Проблема сельской общины и большой семьи у древних славян, затем у восточных славян и, в частности, у великороссов, привлекала к себе внимание Б. Д. Грекова. В таких работах, как «Киевская Русь». «Крестьяне на Руси», «Полища», «Большая семья и вервь «Русской Правды» и «Полицкого Статута» («Вопросы истории», 1951, № 8) и другие, академик Б. Д. Греков осветил происхождение и сущность сельской общины — верви, ее отличие от большой семьи; исследуя историю русского, белорусского и украинского крестьянства, он блестяще показал разложение верви и изживание ее пережитков.

Советские этнографы, работающие по этнографии восточнославянских народов всегда будут обращаться к трудам Бориса Дмитриевича. В них они найдут также поучительные для себя образцы исторического анализа с использованием этнографических материалов, а равно и научной разработки явлений общественной жизни далекого прошлого, важных и для этнографической науки.

Трижды за свои научные труды Б. Д. Греков был удостоен Сталинской премии.

Советский патриот-ученый Борис Дмитриевич всю свою жизнь, наряду с научной, вел также большую педагогическую работу. Он не прерывал ее до последних дней своей жизни, подготовив большое число специалистов по истории СССР — учителей, научных работников. Человек редкого обаяния, исключительно чуткий и отзывчивый Борис Дмитриевич оказывал благотворное влияние на своих учеников, которые высоко ценили и любили его.

Советская научная общественность высоко оценила значение и результаты исследовательской деятельности Б. Д. Грекова: в 1935 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР, а затем и действительным членом Академии архитектуры СССР. Академии наук Польши и Болгарии также избрали его своим действительным членом, а Пражский университет избрал Бориса Дмитриевича доктором философии. С 1937 г. он в разное время возглавлял Институт истории материальной культуры, Институт славяноведения, Институт истории, Отделение истории и философии Академии наук СССР.

Свою научную, научно-организационную и педагогическую работу академик Б. Д. Греков сочетал с высокими обязанностями государственного деятеля в качестве депутата Верховного Совета РСФСР, а затем Верховного Совета СССР.

Борис Дмитриевич Греков активно участвовал в общественной жизни нашей Родины. Последние годы своей жизни он посвятил благороднейшей задаче борьбы за мир. Он шел в первых рядах борцов за дело мира. Являясь заместителем председателя Советского комитета защиты мира, Борис Дмитриевич активно участвовал в этом гуманныйшем движении нашего времени, и его голос в защиту мира не раз звучал на конференциях и конгрессах.

Советское правительство высоко оценило деятельность академика Б. Д. Грекова и наградило его двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Образ Бориса Дмитриевича Грекова — передового деятеля нашей науки, ученого-патриота, советского педагога, активного борца за дело мира, человека редкого обаяния — навсегда останется в памяти советских людей.

А. И. Казаченко

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

«КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА» НА НОВОМ ЭТАПЕ

(По поводу сборника «Kultur und Sprache»)¹.

Сборник, изданный венским «Институтом народоведения» к IV международному конгрессу антропологов и этнологов, представляет собой очень показательное явление. В нем хорошо отразилось и идейное состояние этнографии и смежных наук в буржуазных странах Европы, и до некоторой степени настроение и политическая ориентация определенных кругов интеллигенции этих стран.

Западная Европа в последние годы все более и более испытывает тяжесть американского диктата, который дает себя знать и в политической и в экономической сферах и отзывается на всех областях культуры. Проводником влияния американского империализма в буржуазной этнографической литературе служат те новые течения, которые в самих США получили за последние годы господство: «психологическое» (или психорасистское) направление вместе с учением об «аккультурации», далее изучение «современных общин» и пр.² Но в европейских буржуазных странах все выше поднимается волна народного недовольства диктатурой американского доллара, и правящие круги этих стран вынуждены считаться с настроением народных масс. В то же время и буржуазия европейских стран не может помириться со все растущей своей зависимостью от американского капитала. Все это отражается и в области научной деятельности, в частности, в этнографической науке.

В противовес американским империалистическим направлениям этнографической науки в Англии и странах Британской империи продолжает господствовать «свое» направление — функционализм, представляющий собой своего рода теоретическое обоснование системы колониального «непрямого управления». На такую же самостоятельность претендует и хорошо известная венская «культурно-историческая» школа, возглавляемая патером Вильгельмом Шмидтом и патером Вильгельмом Копперсом и опирающаяся на поддержку могущественной международной организации католической церкви. Эта группа — издатель интересующего нас сборника.

Напомним кратко читателю историю возникновения и развития этой своеобразной школы в буржуазной этнографии. Эта история — характерный эпизод в многовековой борьбе реакционных сил против прогрессивной научной мысли, борьбе, в которой церковь издавна сочетала прямое гонение на науку и преследование всякого свободомыслия с обходными маневрами: с попытками использовать данные самой науки для борьбы против настоящей науки. Одной из таких попыток и является «культурно-историческое» направление в этнографии, возглавляемое католическим патером В. Шмидтом.

Широко эрудированный этнограф и лингвист, хотя и никогда не отличавшийся особой разборчивостью в методе, В. Шмидт вот уже почти полвека выступает с многочисленными и объемистыми писаниями на темы главным образом древнейшей истории человечества. С самого начала он поставил себе нисколько не скрываемую цель — доказать при помощи «научных» данных истинность библейско-католического мировоззрения: первобытное откровение и первобытный монотеизм как исходную форму религии; первобытную монагамию в качестве древнейшей формы семьи; частную собственность как вечную основу общежития. Эта прямая защита антинаучных тезисов соверша-

¹ «Kultur und Sprache», herausgegeben von Wilhelm Koppers unter Mitwirkung von Robert Heine-Geldern und Josef Haekel, Institut f. Völkerkunde d. Universität Wien, Wien, 1952.

² См. сборник «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии, новая сер., т. XII, М., 1951.

лась и совершается под флагом строгой науки. Не стесняясь в выборе источников, Шмидт подбирал любые материалы, которые казались пригодными для служения поставленной цели: он использовал в разное время и ненаучную «пигмейскую» теорию Кольмана, и парадоксальную теорию Эндрю Лэнга о вере в «делателей» как одной из исходных форм религии, и известную «монотамическую» концепцию Вестермарка; и, наконец и особенно, — теорию «культурных кругов» Фрица Гребнера. С этой последней Шмидт наиболее крепко связал свою научную деятельность. Он существенно видоизменил, развил, обобщил гребнеровскую концепцию «культурных кругов», сделал ее своим основным методом, — так называемый «культурно-исторический метод», — а впоследствии, когда сам Гребнер и его прямые последователи постепенно сошли со сцены, именно В. Шмидт оказался общепризнанным главой этой школы, — ныне именуемой обычно «венской культурно-исторической школой».

Первая основополагающая работа В. Шмидта — «Die Stellung der Pygmäenvölker in der Entwicklungsgeschichte des Menschen» (Stuttgart, 1910). В ней Шмидт еще не гребнерианец, но последователь теории Кольмана о пигмейских народах, как представителей якобы древнейшей стадии человеческой истории. Уже в этой книге полностью обнаруживается «метод» Шмидта — подбирать и отбрасывать свидетельства источников в зависимости от того, полезны они или вредны для заранее составленного вывода. Примерами такого обращения с фактами полна эта книга. Общий вывод ее, способный привести в изумление свежего человека, но вполне вытекающий из методологических приемов автора, заключается в двух основных положениях: а) что пигмеи Азии и Африки — это «древнейшие» и «первобытнейшие» из всех существующих и вымерших народов, представители более ранней ступени развития, чем, например, австралийцы, которых Шмидт в свою очередь считает более примитивными, чем даже неандертальцы (!); б) что у этих представителей древнейшего человечества ясно видны все те добродетели, которыми библейская традиция и христианская догматика наделяют первых сотворенных богом людей: единобрачие, чистая мораль, частная собственность и, конечно, почитание единого небесного бога-творца, а все отрицательные стороны их характера, быта и культуры — результат дурного влияния соседних «высокорослых» народов.

В дальнейшей своей работе В. Шмидт, сохранив верность «пигмейской» теории, примкнул к гребнеровской школе культурных кругов, метод которой он попытался применить, например, в своей работе уже 1913 г.: «Kulturkreise und Kulturschichten in Südamerika». Но главное свое внимание Шмидт направил на собрание и посильную подтачку этнографического материала, пригодного для обоснования его теории «прамонотеизма» (первобытного единобожия). Эта теория была им заимствована у Э. Лэнга, но «обосновывалась» Шмидтом самостоятельно и при помощи невероятно обильного фактического материала из разных частей света, толкуемого им вкрявь и вкось, посредством приемов, вполне аналогичных примененным в книге о пигмеях. Основная масса этого материала изложена Шмидтом в его многотомном труде «Ursprung der Gottesidee» (первоначально в кратком изложении на французском языке в журнале «Anthropos» — «L'origine de l'idée de Dieu», 1911—1912, затем по-немецки, с 1912 г.).

Огромное трудолюбие и необятная эрудиция автора, поставленные им на службу благочестивой цели — «научного» оправдания библии, — завоевали Шмидту недостижимый авторитет в буржуазной науке. Ему обеспечена поддержка могущественной католической церкви. У него множество последователей — по большей части католических священников, как он сам; многие из них служат миссионерами в колониальных странах, либо посылаются им в специальные экспедиции и старательно подбирают материал в духе трудов Шмидта (Ван-Оверберг, Шебеста, Гузинде, Копперс и др.). Папа назначил его директором Ватиканского музея и членом кардинальской коллегии. Он основал и возглавляет крупный международный научный орган «Anthropos» и исследовательский институт того же названия в Вене (ныне во Фрейбурге, Швейцария).

Научный авторитет Шмидта держится в значительной степени на том, что труды его подавляют своим обилием, обширностью, огромным аппаратом ссылок и примечаний, колоссальной библиографией. Критиковать его нелегко. Немногие смельчаки — свободомыслящие ученые, поднимавшие против Шмидта оружие критики, были легко повергаемы во прах его тяжелой эрудицией в сочетании с полемическим искусством, каким отличаются многие католические богословы. Большинство же буржуазных ученых, даже и равные ему по эрудиции, не решаются или просто не желают вступать с ним в полемику, даже и не будучи его прямыми единомышленниками: для буржуазной науки в целом просто невыгодно, да и невозможно пытаться разоблачать антинаучную сущность самого авторитетного из «научных» направлений, столь энергично защищающего устои капиталистического общества.

Поэтому такие столпы буржуазной науки, как Р. Лоуи и другие, ограничиваются обычно вежливыми замечаниями о «спорности», «недостаточной доказанности» и пр. отдельных положений Шмидта, но никогда не позволяют себе прямо обвинить его в извращениях и подтасовке фактов.

Кроме того, надо отдать должное тактическому искусству В. Шмидта, который умеет во-время отказаться от явно скомпрометированных концепций, сохраняя при этом свои основные позиции. Так, например, воспользовавшись в свое время методом Гребнера для построения своей теории «первобытного монотеизма», он впоследствии фактически отмежевался от этого достаточно раскрытированного и обанкротившегося

метода, хотя добытые при его помощи результаты продолжает выдавать за доказанную и бесспорную научную истину.

Приобретенный таким способом огромный авторитет в мировой буржуазной науке и поддержка католической иерархии позволили Шмидту и его школе занять довольно независимую позицию по отношению к нацистской зарезе. В годы гитлеровской оккупации Австрии В. Шмидт перебрался в Швейцарию, куда было перенесено и издание «Антропоса». Журнал и его основатель остались в Швейцарии и после окончания войны, хотя главный штаб «культурно-исторической школы» во главе с В. Копперсом продолжает пребывать в Вене.

Рецензируемый сборник издан под редакцией В. Копперса, которому принадлежит руководящая передовая статья. Сам же Шмидт ограничился помещением в сборнике одной статьи. Весь сборник в целом, и содержанием статей и самым составом авторов, очень характерен для современного состояния и венской культурно-исторической школы и, как уже говорилось, — до некоторой степени и вообще европейской буржуазной этнографии.

Любопытен состав авторов. Из 20 статей сборника 15 принадлежат австрийским, по большей части венским ученым (считая в их числе и самого Шмидта, ныне живущего в Швейцарии). Это понятно, раз издатель сборника — Институт народоведения Венского университета. Во руководство сборника явно стремилось придать ему интернациональный характер. Часть статей написана на французском и английском языках, и в числе авторов есть ученые из других стран. Каких же? Двое из них — из Англии, по одному — из Голландии, Индии и Бельгийского Конго. Показательно отсутствие в числе авторов ученых из Америки, а также из Западной Германии, фактической колонии США. Разумеется, не представлены ученые из стран народной демократии.

Уже этот состав участников позволяет догадываться об идейной направленности сборника. Еще яснее говорит о ней самое его содержание.

Большая часть статей написана на узкие специальные темы этнографии и лингвистики, многие из них представляют значительный интерес. Мы скажем о них ниже. Но наиболее интересна вводная, редакторская статья В. Копперса, посвященная одной из важнейших методологических проблем этнографии — проблеме историзма. Заголовок ее — «Der historische Gedanke in Ethnologie und Prähistorie».

Нельзя отрицать, что автор удачно выбрал тему для своей «установочной» статьи. Принцип историзма — действительно важнейший, основной принцип этнографической науки. Подлинный историзм — это критерий настоящей, подлинной этнографической науки. Однако, как же понимает сам Копперс принцип историзма и против кого заостряет он свое выступление? — Попробуем ответить сначала на первый вопрос.

Как понимает Копперс свой «историзм» или «историческую идею» (der historische Gedanke)? Он избегает ясной формулировки на этот счет, но из самого изложения видно, что для автора понимание «историзма» складывается из нескольких элементарных, общеизвестных до банальности истин, дополненных привычными для буржуазной науки, но глубоко ошибочными утверждениями, и из нескольких третьестепенной важности вопросов, не заслуживающих даже названия «проблем».

Во-первых, в понятие «историзма» для Копперса входит идея единства человечества и его истории. «История человеческой культуры есть единство», — заявляет автор (стр. 11, см. также стр. 38, 56 и др.). Исходя из этой довольно-таки элементарной истины, автор делает ряд выводов, по меньшей мере сомнительных, а частью и просто неверных. Из факта единства человеческой истории он заключает, например, что никаких резких, качественных граней внутри исторического процесса и не существует; он считает недопустимым проводить такую грань между нижним и верхним палеолитом (стр. 61), между питекантропом³ и неандертальцем, с одной стороны, и Homo sapiens — с другой (стр. 31—32). Уже из этого примера видно, что Копперс понимает «единство человеческой истории» и «единство человеческого рода» не в научном, а в богословском смысле. С его точки зрения, «древнейший доступный науке человек был действительно и полным человеком» (стр. 64), и, судя по общему контексту, автор включает сюда и питекантропа. О том же еще более выразительно говорит и стремление Копперса противопоставить человеческую историю области естественных наук. На первый взгляд может показаться, что такое противопоставление оправдано и с точки зрения исторического материализма и что тезис автора: «этнология (как и доистория) есть наука о духе, точнее историческая наука, а не естественная наука» (стр. 60), не противоречит марксистскому пониманию. Но на самом деле смысл этого противопоставления иной. Утверждение автора, что «как в области истории, так и в области этнологии (и доистории) отсутствуют законы, с которыми работают естественные науки» (стр. 60), есть по сути не что иное, как основной тезис реакционной риккертанской философии, противопоставляющей, как известно, «науки о природе» «наукам о культуре» и отрицающей за последними всякое право искать какие-либо общие закономерности, ибо-де в области человеческой истории и культуры все индивидуально, все неповторимо. Известно, что именно риккертанская философия легла в основу гребнерианства, на почве которого возросла и венская школа Шмидта и Копперса. И хотя автор избегает упоминания даже имени Риккерта, но сомнительно, чтобы он его не знал. Во всяком случае, ясно.

³ В тексте стоит «Anthropus», но по смыслу ясно, что это просто опечатка вместо «Pithecanthropus».

что «историзм» Копперса — это не подлинный историзм материалистической науки, а риккертianство в сочетании с богословско-церковной идеей единства человеческого рода, сотворенного богом.

Из принципа единства человеческой истории вытекает для Копперса и другая мысль — с нашей точки зрения тоже довольно немудрящая: требование сочетания «этнологии» (т. е. этнографии) с «доисторией» (т. е. археологией). Для советских ученых тесная связь этих двух наук не только давным-давно установлена в принципе как элементарнейшее методологическое требование, но и практически согласованная работа этнографов и археологов во многих случаях принесла свои богатые плоды. В буржуазной же науке, как видно, приходится все еще провозглашать необходимость увязки археологии с этнографией. Копперс, впрочем, не ограничивается простым провозглашением. Он с большим удовлетворением излагает взгляды трех новейших археологов («доисториков»), у которых он нашел в том или ином виде попытку поставить вопрос о связи археологии (доистории) с этнологией, или как-то «историзировать» археологию. Один из этих авторов — Эрнст Вале из Западной Германии — пытается дать «этническую интерпретацию» археологическим культурам; другой — итальянская исследовательница Пиа Лавиоза-Цамботти, напротив, недооценивает значение этнографии и обнаруживает недостаточную осведомленность в ней; третий, наконец, — барселонский профессор Перикот-и-Гарсиа — видит в этнологии якорь спасения от ограниченности археологического материала. Вот все — если не считать нескольких критических замечаний о фашиствующем археологе Менгине, впрочем, представляющем вчерашний день буржуазной науки, — что Копперс смог обнаружить в западноевропейской буржуазной археологической литературе по важному вопросу об увязке археологии с этнографией. О постановке этого вопроса в собственно этнографической литературе он в настоящей статье не говорит. У читателя создается не очень-то выгодное представление о буржуазной науке и в этом вопросе.

По поводу координации («параллелизации») археологического материала с этнографическим Копперс высказывает еще одну мысль, которая кажется ему новой и существенной. Она касается вопроса, в советской науке много раз обсуждавшегося и принципиально давно решенного, а именно: Копперс предлагает различать два вида «параллелизации» — «свободное» (freie) и «связанное» (gebundene). Под этими несколькими искусственными обозначениями скрывается довольно простая мысль: «свободное параллелизирование» — это тот случай, когда исследователь устанавливает какое-либо сходство в культуре древнего и современного народа, не предполагая прямой генетической связи между ними; «связанное» же параллелизирование пытается установить именно такую связь и, кроме того, предполагает по аналогии сходство и в тех сторонах культуры (например, в духовной культуре), которые непосредственно не засвидетельствованы источниками. К этой мысли о двух типах «параллелизации» Копперс возвращается несколько раз (стр. 35, 36—37, 58, 65). Что Копперс при этом многократно напоминает о необходимости осторожности при сопоставлении археологических и этнографических фактов (стр. 15, 24, 52, 63), это делает ему, конечно, честь, но для советской науки тоже не представляется чем-то особенно новым.

Вопрос о «параллелизации» связан для Копперса с другим, более широким вопросом, который составляет для него, видимо, важнейшую проблему, гвоздь всех проблем «культурно-исторического метода»: это вопрос о том, имеют ли сходные явления культуры разных (в том числе далеких друг от друга) народов происхождение из одного источника или они возникли независимо одно от другого. Вопрос этот — «диффузия или самостоятельное развитие», «диффузия или конвергенция» — дебатруется в буржуазной науке, как известно, не со вчерашнего дня, и по нему накопилась уже порядочная литература. Мало того, вопрос этот был настолько раздут в буржуазной этнографии, что именно вокруг него сложились целые школы и направления в этой науке: ведь и гребнерианская школа «культурных кругов», и возникшая из того же источника «культурная морфология» Фробениуса, и школа Риверса в Англии, и ответивший от нее «панегиптизм» Эллиота-Смита и Перри, и датское диффузионистское направление Биркет-Смита и Матиасена, и пр. — все это лишь разновидности того общего течения в буржуазной этнографии, которое исходит из признания маловероятности самостоятельного и параллельного развития сходных явлений культуры у разных народов. Принципиальное отрицание параллельного возникновения аналогичных форм культуры в сходных условиях, но независимо одна от другой, составляет, как известно, основу основ гребнеровской «культурно-исторической» школы, ее центральную идею. Что же удивительного, что и последователь этой школы Копперс уделяет данному вопросу столь важное место?⁴

Но как раз здесь-то и раскрывается со всей ясностью глубокая, принципиальная разница, противоположность, между так называемым «историзмом» всех диффузионистских направлений буржуазной науки и подлинным историзмом, лежащим в осно-

⁴ Какое большое значение придает Копперс признанию «диффузии» как признаку «исторического» мировоззрения, показывает один характерный пример: Франц Боас, по его словам, признавал, что варка пищи в воде была изобретена где-то в одном месте и один раз, — это обстоятельство показывает, «как глубоко исторически умен Боас в отдельных случаях мыслить и судить» (стр. 16).

ве марксистско-ленинского мировоззрения. То, что для буржуазных этнографов «историческое направление» представляется едва ли не центральной проблемой всей науки, советские этнографы считают одним из второстепенных частных вопросов, который при этом решается совершенно конкретно в каждом отдельном случае. Советские этнографы отнюдь не отрицают диффузии (заимствования, взаимовлияния) культуры. Больше того, советские этнографы (и историки) придают большое значение прогрессивному культурному влиянию более развитых, передовых народов на более отсталые (например, влияние русской культуры в Сибири). Они признают, что влияние это может быть очень сложным, что оно часто бывает взаимным и в конечном счете ведет к обогащению культуры всего человечества. Но советские ученые не придают «диффузии» значения самостоятельного фактора развития. В отличие от ученых буржуазного лагеря, они не видят в этом понятии отмычки ко всем проблемам истории культуры. Мало того, они не противопоставляют «диффузии» самостоятельному развитию, да и не видят принципиальной разницы между тем и другим: ведь и заимствование какого-либо элемента культуры от другого народа, и самостоятельное появление этого элемента культуры происходят в результате возникновения определенной общественной потребности, без которой ничто и не заимствуется и не возникает самостоятельно; в то же время и заимствование и самостоятельное изобретение происходят лишь при наличии достаточных условий для этого — прежде всего в виде определенного уровня производительных сил.

Отрицая принципиальное значение за вопросом о самостоятельном возникновении или диффузии культурных элементов, советские этнографы, естественно, не могут согласиться с тем, что сторонники диффузионизма (и в том числе автор разбираемой статьи) — это защитники «исторической идеи». Автор и его единомышленники обнаруживают, напротив, в этом деле не более и не менее, как полнейшее непонимание того, что такое настоящая «историческая идея».

Примкнув с самого начала к той разновидности диффузионизма, которая была связана с именем Гребнера, В. Шмидт и В. Копперс проявили, однако, достаточно сообразительности, чтобы своевременно заметить наиболее слабую сторону гребнерианства — ту, которая сразу же стала мишенью критики со стороны даже снисходительных буржуазных ученых: речь идет о теории «культурных кругов». Что гребнеровские «культурные круги» — это просто искусственный и механический набор случайных схваченных и ничего между собой общего не имеющих вещей, это было ясно всякому мало-мальски здравомыслящему человеку. Вполне понятно поэтому, что Шмидт уже в своих ранних работах постарался придать гребнеровским «культурным кругам» более обобщенный вид, освободив их от слишком бросающихся в глаза черт случайности и чисто местных обозначений. Так появились у Шмидта, вместо гребнеровских «культуры бумеранга», «западнопапуасской», «восточнопапуасской» культур, «меланезийской культуры лука» и пр., «культурные круги», носящие широко обобщенные обозначения и претендующие на универсальность: 1) «первобытные» (Urkulturreise), к которым Шмидт относит «экзогамно-моногамный» (пигмеи), «экзогамно-поло-тотемический» (юго-восточные австралийцы и тасманийцы) и «экзогамно-равноправный» (арктические народы) культурные круги; 2) «первичные» (Primäre Kulturreise), распадающиеся на «экзогамно-материнско-правовой» (низшие земледельцы), «экзогамно-отцовско-правовой» (тотемические высшие охотники) и «большесемейно-отцовско-правовой» (скотоводы-кочевники) культурные круги; 3) «вторичные» (Sekundäre Kulturreise), распадающиеся на «свободно-материнско-правовые» и «свободно-отцовско-правовые» культурные круги (каждый в локальных вариантах); наконец, 4) «третичные» (Tertiäre Kulturreise) культурные круги, включающие древние высокие культуры Азии, Европы и Америки⁵.

Несмотря на крайнюю искусственность, вычурность обозначений, «культурные круги» Шмидта могли бы считаться действительно некоторым приближением к историческому построению развития общества и культуры, если бы... если бы только они не были построены целиком на тех же произвольно подобранных гребнеровских элементах культуры плюс столь же произвольный и априорный постулат самого Шмидта об особой «древности» пигмейских народов.

Порочность теории «культурных кругов», даже в ее усовершенствованной Шмидтом редакции, достаточно очевидна и для многих буржуазных ученых. Правда, последние едва ли могут заметить ее полнейшую антиисторичность, ибо понятие историзма, в настоящем смысле этого слова, есть книга за семью печатями для буржуазной науки. Но произвольность, искусственность, априорность самого построения этих гребнеро-шмидтовских «культурных кругов» не может не заметить мало-мальски добросовестный буржуазный ученый, — для этого особого исторического чутья и не требуется.

Вот почему не должно нас удивлять, что сами главари «культурно-исторической школы» начинают понемногу отмежевываться от теории «культурных кругов». В разбираемой статье Копперс это отмежевывание продлевается в осторожной, дипломатической форме, но достаточно ясно. Автор напоминает в ней своим читателям, что еще в 1931 г. он указывал на «кризис культурных кругов» и что этот «кризис» теперь, в 1952 г., «начинает действительно обнаруживаться» (стр. 27, также стр. 35). Но, торо-

⁵ См., например, W. Schmidt, Handbuch der vergleichenden Religionsgeschichte, 1930, стр. 234.

лится сейчас же прибавить Копперс, «это никоим образом не означает кризиса исторического метода» (имеется в виду, конечно, «исторический метод» в понимании венской католической школы). «Напротив,— старается он сделать хорошую мину при плохой игре,— именно углубление и уточнение методики повело к плодотворной и толкающей вперед критике старых построений культурных кругов» (стр. 27).

Копперс поэтому считает необходимым проводить строгое различие между «культурно-историческим методом» или «историко-этнологической методикой», установленной Гребнером, и его учением о культурных кругах (стр. 20). Этим самым он как бы укоряет критиков Гребнера в том, что они не видели этого различия и, критикуя гребнеровские культурные круги, полагали, что этим разделяются и с гребнеровской методологией.

Однако подобные рассуждения Копперса — не более как полемический прием, при том мало удачный. Если разобрать всю систему доказательств в любой из работ как самого Гребнера, так и Шмидта, Копперса и других его последователей, то нетрудно убедиться, что все их доказательства и рассуждения в конечном счете выводятся из отнесения того или иного явления к определенному «культурному кругу». Именно в этом отнесении целиком зиждется пресловутая «объективность» введенного Гребнером метода, который так кичится его последователи. Копперс напрасно думает, что читатели за истекшие со времени первых работ Гребнера и Шмидта 40—50 лет успели забыть, на чем собственно строилось все величественное здание всемирно-исторической концепции венской школы с его первобытным монотеизмом, первобытной экзогамно-моногамной системой и прочим вздором. Читатели хорошо помнят, что все это строилось целиком на «культурных кругах», а эти последние — на географическом размещении и сочетании произвольно подобранных элементов культуры. Никаких других опорных точек у этого здания не было и нет. И если Копперс теперь думает, что можно разрушить фундамент, на котором построен дом, а дом останется стоять, то он жестоко ошибается. Подвергнуть ревизии и отбросить культурные круги, сослужившие свою службу,— это со стороны Копперса (и стоящего за ним Шмидта) не только черная неблагодарность, но и неудачный расчет на легкое верие и забывчивость читателей.

Вернемся к вопросу об «историзме», как его понимает Копперс. Нам осталось сказать о нем немного. Чтобы не оставалось ни у кого неясности в том, для чего собственно нужен автору и его единомышленникам этот «историзм», автор сам не упускает случая отметить в этой статье важные для него выводы, к которым приводит «исторический метод». Он устанавливает черты культуры, свойственные, по его мнению, «всему человечеству». Таково, в частности, «индивидуальное и семейное сознание собственности», выступающее, по автору, «на самых примитивных и древних ступенях» не меньше, чем на более поздних (стр. 62). Копперс имеет в виду здесь, конечно, частную собственность, присущую, по его мнению, всему человечеству; он, как и другие буржуазные ученые, не имеет представления о принципиальной разнице между частной собственностью, известной только в классовом обществе, и личной собственностью, существовавшей и при первобытно-общинном строе. Из других «вечных» и особенно характерных для «начальных времен» исторических явлений Копперс упоминает, разумеется, веру в «высшее существо». Он говорит об этом как бы вскользь (стр. 63), но ни для кого не секрет, что в этом тезисе — вся соль исследований венской католической школы.

Для должной оценки теоретического уровня, на котором стоят все «исторические» рассуждения Копперса, стоит привести еще один штрих. Автор отмечает с особой признательностью услугу, оказанную этнографам со стороны одного новейшего философа, венского профессора Р. Мейстера: последний, оказывается, философски обосновал деление человеческой культуры на три сферы — хозяйство, социологию и духовную культуру, из чего следует, по Копперсу, что эти три части «культур» тоже были свойственны «всюду и всегда» всему человечеству (стр. 64). Нам остается лишь поздравить почтенного автора с этим столь важным и оригинальным открытием!

Мы теперь ясно видим, как понимает Копперс «историзм», «историческую идею», развитию которой в этнографической науке он посвятил передовую статью. Можно только порадоваться, что подлинный научный историзм не имеет ничего общего с этой «исторической идеей»: в противном случае ему не поздоровилось бы от услуг такого «защитника».

Постараемся теперь уяснить себе, против кого же направляет Копперс свою защиту «исторической идеи» в археологии и этнографии? Кого он считает ее противниками? Ответить на этот вопрос не так просто, ибо автор ведет полемику очень осторожно и явно многого не договаривает. В тексте статьи — и в самом изложении и в выводах — у него рассеяно немало критических замечаний, порой даже резких, против отдельных ученых и целых направлений. Он критикует односторонний географизм, теорию «элементарных идей» Бастиана, прелогическую теорию Леви-Брюля, теорию промискуитета и приоритета материнского права Бахофена и Моргана (стр. 60—61), довольно резко критикует функционализм Малиновского (стр. 18—19, 62), не считая критики молодых и малоизвестных ученых. Но, за исключением функционализма, ни одно из названных направлений не может считаться серьезной угрозой для школы, возглавляемой Шмидтом и Копперсом, ни с одним из них не стал бы автор завязывать всерьез полемику, тем более, что большинство их принадлежит прошлому. Думается, что полемика его направлена по существу против других, не называемых, но гораздо более опасных

противников. Неслучайно, вероятно, Копперс не называет ни одного имени современного американского ученого (Боас и Лоуи — люди отшедшего поколения — не в счет). Ему, конечно, известны работы американских психорасистов и других реакционеров от науки, известно и их направление. Но он явно не осмеливается прямо выступить против них, назвать их по имени, хотя многие критические замечания автора, например по адресу функционалистов, могут быть обращены и против них.

Еще более показательно полнейшее игнорирование Копперсом работ русских и советских ученых. Едва ли они ему неизвестны: ссылки на исследования советских ученых, в том числе и самые последние, довольно часты в работах сторонников венской школы, они встречаются и в журнале «Антропос» и в рецензируемом сборнике. Нет, автор, видимо, сознательно избегает полемики с марксистско-ленинской этнографией и археологией, — по причинам ли дипломатическим или не чувствуя себя в силах схватиться с таким противником, — трудно судить. Он ограничивается косвенной, совершенно неудачной, полемикой: бьет по более легкой цели, отзываясь, например, пренебрежительно о взглядах Бахофена и Моргана и, вероятно, предполагая, что попадает этим в советскую науку; он с похвалой отзывается о тех исследованиях даже своего противника Малиновского, где последний доказывает «свободу личности» в древнейшую эпоху (стр. 19), очевидно, пытаясь этим бросить камень в огород учения о первобытно-общинном строе. Напрашивается вывод, что Копперс сам понимает, что выступать с защитой принципа историзма против советской науки по меньшей мере смешно и что в советской науке господствует какое-то иное понимание историзма, ему, Копперсу, недоступное. Все это, впрочем, лишь предположения. Фактом остается то, что Копперс предпочитает иметь дело с противниками, либо давно умершими, либо не особенно опасными.

Из других статей сборника представляет наибольший принципиальный интерес статья В. Шмидта. Хотя она посвящена совершенно иной теме, чем статья Копперса, однако рассмотрение ее приводит к довольно сходным выводам.

Название этой статьи звучит несколько странно: «Брак и семья в омужчиненном материнском праве» (*Ehe und Familie im vermännlichten Mutterrecht*). Что такое «омужчиненное материнское право», мы скоро увидим, а сначала надо сказать, что интерес Шмидта к вопросам истории семьи и брака — вовсе не случаен. Уже много лет, как он в своих работах старается «научно» установить, наряду с первобытно-библейским единобожием, также и первобытно-библейскую моногамную форму семьи и, опираясь на учение о «культурных кругах», наметить ее последующую эволюцию. Главное препятствие для выполнения им этой задачи заключается в том, что свободомыслящие ученые (буржуазные) уже давно установили исторический приоритет женской линии родства (материнское право) перед мужской линией (отцовское право), что, конечно, противоречит библейскому сказанию об Адаме и Еве. Поэтому главную цель свою в этом вопросе Шмидт вполне здраво видит в том, чтобы найти для материнского права более скромное и более позднее место в истории человечества. Гребнеровская теория культурных кругов дала ему для этого солидную по видимости базу: материнское право было объявлено составной частью одного или даже двух последовательных «культурных кругов». Гребнер называл их «восточнопапуасской» и «меланезийской культурой лука», Шмидт теперь именует «экзогамно-материнско-правовой» и «свободно-материнско-правовой» культурные круги. Но так как обильные и разнообразные факты плохо укладываются в тощую схему, то Шмидт, видимо, ощущает потребность в известных усовершенствованиях этой схемы. К числу таких усовершенствований относятся введенное им довольно любопытное понятие «омужчиненного материнского права» и попытка в настоящей статье изложить в общей форме исторический ход развития материнского права. Изложение получилось, правда, сбивчивое и не очень ясное, но оно в некоторых отношениях интересно. Вот как рисуется теперь Шмидту общая картина возникновения и дальнейшей истории «материнского права».

В начале человеческой истории господствовала «упорядоченная билатеральная семья» (иначе говоря, моногамия). Шмидт ставит вопрос о формах собственности этой эпохи и полагает, что «носителем собственности на землю» была тогда «не отдельная личность и не индивидуальная семья, а только слабо связанная большая семья (*die lose Grossfamilie*), т. е. семья родителей с семьями женатых сыновей». Члены этой большой семьи имели право охотиться (мужчины) и собирать растительную пищу (женщины) на общей территории площадью в несколько квадратных километров. При этом «все, что каждый для себя добывает или что ему подарено, есть его собственность, будь то мужчина, женщина или ребенок». Когда женщина в дальнейшем переходит от собирания к возделыванию растений, они принадлежат по старинному праву ей, но ей же принадлежит и земля, на которой они посеяны, «ибо она этой земле сообщила новую ценность». Женщина, таким образом, первая индивидуальная владелица земли, и этим она нарушает старый закон собственности. «Такова хозяйственная основа материнского права, которая возникает без всякой „мистики“, просто по тогдашним законам собственности», — говорит Шмидт (стр. 260). Надо сознаться, что подобное «материалистическое» объяснение под пером духовного лица выглядит довольно необычно.

Далее Шмидт пытается наметить последовательные фазы развития и упадка материнского права. Первая, восходящая фаза состоит в переходе от первобытного патрилокального брака к «браку посещения» (*Besuchsehe* — дислокальный брак): последний

вытекает из того, что и женщина, «привязанная к своему месту через свою земельную собственность», и мужчина, «привыкший к тысячелетней патрилокальности», не могут покинуть своего местообитания. Но это лишь переходная фаза. В дальнейшем муж окончательно привыкает поселяться в доме жены, брак становится матрилокальным. «Это высшее развитие материнского права, подлинный матриархат, ибо здесь одна лишь женщина является владелицей земли и передает ее по наследству своим дочерям» (стр. 261).

До сих пор изложение Шмидта, хотя и схематично, притом спорно, но довольно ясно, и со многими мыслями его можно согласиться. Неясно только одно: при чем здесь «культурные круги» и «культурно-исторический метод»? Свое изложение, выдержанное в стиле классического эволюционизма, Шмидт не сопровождает никакими оговорками или ограничениями, не пытается отнести описываемые явления к какому-то определенному «культурному кругу». Читатель имеет полное право рассматривать их как этапы развития всего человечества.

Дальше неясности возрастают. «От этого высокого положения материнского права идет два спуска (zwei Abstiege)», — заявляет автор. «Один из них совершается в океанской южной окраинной области материнского права, в Меланезии, Новой Гвинее и Австралии, где материнское право наталкивается на равноправную первобытную культуру (gleichrechtliche Urkultur) или на мужеправовую тотемическую охотничью культуру (Männerrechtliche totemistische Jägerkultur). Здесь женщина уже не передает более наследства и дочь уже не наследует, а передает наследство брат матери и наследует сын матери (der Muttersohn), его племянник с материнской стороны. Здесь женщина спускается со своей высоты в своего рода рабство (eine Art Arbeitssklaverei), она становится дешевой рабочей силой, которую мужчина использует через возрастающее многоженство. Я называю это состояние омужчиненным материнским правом. В Австралии, где земледелие исчезло, материнское право превратилось в лишенное корней (entwurzeltes Mutterrecht)» (стр. 261).

Здесь читатель становится в полнейший тупик и перестает что-либо понимать. Во-первых, автор говорит о «двух спусках» от высшей точки материнского права, но характеризует только один из этих «спусков»; в чем же состоит другой «спуск»? Ни здесь, ни во всей остальной части статьи об этом нет ни слова. Во-вторых, в предыдущем изложении говорилось, как мы уже отмечали, об общей линии развития материнского права из первобытного состояния, и автор ни полсловом не оговаривал, что есть и другая линия развития из того же первобытного состояния — к отцовскому праву; поэтому неожиданное появление неведомо откуда взявшейся отцовско-правовой «тотемической охотничьей культуры», на которую «наталкивается» материнское право, не может не озадачить читателя. В-третьих, если и объяснить эту неувязку простой забывчивостью автора, который на первых страницах упустил из вида оговориться, что параллельно материнскому праву у других народов развивается-де отцовское право, то все равно остается налицо крайняя непоследовательность Шмидта, который объясняет происхождение и развитие материнского права (худо ли, хорошо ли) из чисто внутренних условий жизни общества, а для объяснения упадка материнского права обращается к традиционному для венской школы «столкновению культур». В целом, автор не проявляет даже элементарной логической последовательности и не придерживается до конца своего же метода.

Дальнейшее содержание статьи мало интересно. Оно сводится к сетованиям автора о печальной участи женщины, которая в эпоху «омужчиненного материнского права» лишилась всех своих прав на землю, на плоды своего же труда и пр., и к разбору нескольких локальных примеров. Заслуживает внимания, пожалуй, лишь одна мысль Шмидта, опять-таки довольно неожиданная для сторонника гребнеровского метода: он считает теперь, оказывается, что «2-классовая» культура, в которой Гребнер, как известно, видел древнейшую форму материнского права, является как раз не ранней, а поздней формой, возникшей в результате соприкосновения первоначальной «материнско-правовой культуры» с местными океанскими «первобытной» и «тотемической» культурами (стр. 264). Чтобы смягчить свое разногласие с Гребнером, Шмидт пишет следующее: «Гребнер был прав в той мере, что его 2-классовая культура в Океании есть самая ранняя появляющаяся там материнско-правовая культура, но она не является сама по себе⁶ (in sich) абсолютно древнейшей и поэтому самой чистой и первоначальной культурой» (там же). Здесь опять нельзя не подивиться крайней непоследовательности Шмидта. Он, видимо, забыл, что ведь вся хваленая «объективность» защищаемого им «культурно-исторического метода» в том и состоит, что выводы о последовательности «культур», о том, какая из них «старше», какая «моложе» и пр., делаются исключительно на основании их географического размещения, а не на основании, например, субъективной оценки уровня их развития. И именно размещение этих «культур» в Океании послужило Гребнеру, как известно, критерием для определения их относительного возраста (что все эти «культуры» суть в действительности чистейшие фикции, об этом мы сейчас не говорим, это другой вопрос). Если теперь оказывается, по Шмидту, что определенная культура является в данной области одной из древнейших, а сама по себе — одной из поздних, то спрашивается, откуда же

⁶ Разрядка наша. — М. Л. и С. Т.

вообще он берет основания для суждения о том, что древнее и что позднее в человеческой истории? Совершенно очевидно, что и здесь Шмидт фактически отказывается от «культурно-исторического метода». Это делает еще более вероятным предположение, что и в начале разбираемой статьи Шмидт недаром упустил из вида свои «культурные круги» и что вообще в построении статьи преобладает заурядный эволюционизм, тот самый, с которым Шмидт боролся всю свою жизнь, причем местами он пытается даже позаимствовать кое-что у исторического материализма (связь форм семьи с формами собственности). «Культурно-исторический» же метод здесь в сущности ни при чем, и от него лишь местами сохраняется потерявшая смысл фразеология.

Таким образом, вывод из разбора данной статьи Шмидта совершенно тот же, что и из редакционной статьи Копперса: полное банкротство не только теории «культурных кругов», но и всего «культурно-исторического метода», банкротство, фактически признаваемое самими его корифеями.

Что касается всех остальных статей сборника «Культура и язык», то из них лишь очень немногие имеют какое-то отношение к идеям «культурно-исторической школы». Такими можно считать, пожалуй, лишь две статьи о проблеме пигмейских языков Центральной Африки, ибо пигмеи ведь занимают, как мы знаем, особое место в построениях этой школы. Автор одной из этих статей, пater Пауль Шебеста, давний соратник Шмидта, пытается обнаружить следы «пигмейского языкового слоя», образующего будто бы «основной слой» или «основу» теперешних языков пигмейских племен бассейна Конго (стр. 451). Автор другой статьи, Вааст ван-Бюльк, находит, напротив, что у пигмеев нет языка, на котором не говорили бы те или иные из их высокорослых соседей, но в целом объявляет проблему еще «далекой от разрешения» (стр. 391—392).

В прочих статьях нельзя уловить даже отдаленной близости к проблемам и идеям, которыми живет венская школа. Это случайный набор никак не связанных между собой статей, некоторые из коих, посвященные специальным проблемам, представляют бесспорный интерес. Из таких статей можно отметить: исследование трагского профессора Алоиса Клосса (видимо, словенца) о «жертвоприношении утоплением»; статью венского профессора Йозефа Гекеля «Представление о втором «я» в центрально-американских высоких культурах» (речь идет о так называемом «нагуализме», вере в животное-двойника); статью доктора Эриха Дробеца из Вены о народной медицине австралийцев, где автор очень хорошо показывает наличие у австралийцев, наряду с знахарством, также и целой системы рациональных лечебных средств, выработанных стихийным опытом народа; статью Р. Хейне-Гельдерна о проблемах переселений народов в Тихом океане, где очень серьезно исследуются вопросы происхождения полинезийцев и других народов Океании.

Отметим еще статью венского этнографа доктора Карла Иетмара «К проблеме тунгусской «прародины», посвященную изложению исследований советских этнографов, историков, археологов, антропологов и лингвистов, так или иначе касающихся вопросов этногенеза тунгусов. В свете этих исследований автор должен признать полную несостоятельность концепции Широкогогорова, считавшего тунгусов выходцами из Китая, концепции, разделяемой В. Шмидтом, В. Копперсом и другими представителями венской школы и давно отвергнутой советскими учеными. Работа содержит ряд спорных, а порой и неверных утверждений. Так как в ней заметное место уделено изложению и разбору работ одного из авторов настоящей рецензии (М. Г. Левина), последний оставляет за собой право вернуться к ее рассмотрению особо.

Небольшая статья доктора Александра Славико (Вена) посвящена медвежьему празднику у айнов и гиляков (нивхов). Интересны приводимые автором материалы по айнам, заимствованные из японской литературы.

Профессор Венского университета Франц Ганчар публикует в сборнике статью «Состояние и историческое значение коневодства Средней Азии в первом тысячелетии до н. э.». В обеих указанных работах широко использованы исследования советских ученых.

Некоторые из названных нами статей заслуживают специального разбора, но в рамках общей рецензии он не представляется возможным.

М. Г. Левин, С. А. Токарев

Искапаемый человек и его культура на территории СССР. Ученые записки МГУ, вып. 158, Труды Института антропологии, М., 1952.

Институт антропологии Московского университета за несколько десятилетий своего существования внес большой вклад в палеантропологию СССР и изучение культуры древнейшего человечества. Очередной том трудов Института дает новый ценный материал по этой тематике, добытый главным образом организованными Институтом экспедициями на р. Десну и в бассейн Волги. Сборник в основном публикационный, но в каждой публикации затрагивается и ряд общих вопросов, актуальных для советской антропологии, археологии и этнографии.

Открывается сборник статьей М. В. Воеводского «Ранний палеолит русской равнины». Написанная еще в 1946 г., эта очень ценная сводная работа уже широко исполь-

зовалась в археологической и антропологической литературе. М. В. Воеводский на основе анализа археологических и геологических данных доказал, что мустьерская эпоха палеолита относится ко времени до рисского оледенения, что значительно углубляет древность существования неандертальского человека. Находки мустьерских изделий под рисской мореной на Десне опровергают хронологическую схему Буля-Обермайера, относивших все палеолитические эпохи к вюрмскому времени и отрывавших их на много тысячелетий от остатков обезьянолюдей. Одновременно М. В. Воеводский доказывает широкое заселение человеком русской равнины уже в эпоху мустье. Этот важный для истории заселения СССР вывод подтвержден последними находками советских археологов. Отметим ряд местонахождений не моложе мустьерского времени на средней Волге, открытых М. З. Паничкиной в 1951 г., и серию мустьерских орудий, выделенных К. М. Поликарповичем среди находок на стоянке Бердыж в Белоруссии (мустьерские кремни отличаются от верхнепалеолитических по патине). Ряд находок, описанных М. В. Воеводским как мустьерские, вызывает, однако, сомнения. Таковы два массивных отщепа из Мельтинова на Оке. Первые находки каменных орудий в Мельтинове сделаны еще В. А. Городцовым в 1895 г. Его коллекция, оставшаяся неизвестной М. В. Воеводскому и хранящаяся в Историческом музее, содержит как аналогичные отщепы, так и грубую неолитическую заготовку топора, полированное долото и др. Повидимому, описанные М. В. Воеводским отщепы также относятся к неолиту, ибо такие грубые отщепы встречаются в комплексах неолитических кремневых мастерских (Новоклиновка II в Приазовье, Поливанов Яр на Днестре).

В статье «К вопросу о Пушкаревском палеолитическом жилище» М. В. Воеводский полемизирует с П. И. Борисовским, видевшим культовый памятник в нагромождении бивней мамонтов над остатками жилища стоянки Пушкарки I (Десна), и убедительно показывает, что бивни входили в конструкцию перекрытия жилища. Следующая статья М. В. Воеводского «Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулаково II)» дает образцовое описание деснинской стоянки конца палеолита с остатками жилища и богатым инвентарем. Особенно интересна находка 22 зерноотерок, говорящая о том, что собиране злаков, предшествовавшее земледелию, зародилось уже в это раннее время.

Четвертая статья М. В. Воеводского «Стоянка Аникиев*Ров I» посвящена одному из 18 палеолитических местонахождений, выявленных Деснинской экспедицией близ с. Пушкарки. Раскопки обнаружили в овраге Аникиев ров огромное скопление костей мамонта (не менее 17 особей) и единичные кремневые изделия. Необычный характер находок М. В. Воеводский объясняет тем, что палеолитический человек сбрасывал кости мамонта в овраг, делая какую-то запруду. Это предположение мало вероятно. Плотина палеолитическому человеку была не нужна. Скорее, в Аникиевом рву надо видеть место, где производилась разделка туш убитых при загонной охоте мамонтов. Редкая концентрация стоянок на урочище Погон близ Пушкарей объясняется удобством этого места для загонной охоты. Это — мыс, ограниченный с двух сторон крутыми сбрывами, необходимыми для загонной охоты. Расположение основных стоянок урочища Погон таково, что они преграждают путь к реке загоняемому на мыс стаду животных и заставляют повернуть его к глубокому оврагу Мосолов ров. В ответвлении этого оврага и находится Аникиев ров. Расположение поселений на мысу заменяло, таким образом, обычные при загонной охоте загороди, направляя преследуемых животных к определенному участку, где они находили свою гибель.

Статья С. Н. Замятиной о находках обработанных кварцитов в с. Шубное на Дону, сопровождаемая заметкой П. А. Никитина о геологии стоянки, дополняет первую статью М. В. Воеводского, сообщая еще об одном мустьерском местонахождении на русской равнине. Статьи В. А. Хохловкиной и К. С. Алексашиной посвящены ранне мезолитической стоянке Покровщина у с. Пушкарки, давшей наряду с орудиями палеолитических типов нуклеидные орудия, характерные для всего мезолита Десны.

Серия статей посвящена новым палеоантропологическим находкам — сходненской черепной крышке (статьи В. В. Сахарова, О. Н. Бадера, М. А. Гремяцкого и Н. А. Сивельникова), Хвалынской черепной крышке и пяточной кости с полуострова Тунгуз на Волге (статьи О. Н. Бадера и М. А. Гремяцкого), фрагментам черепов из-под Днепропетровска и черепному своду с р. Северки под Москвой (статьи Т. С. Кондукторовой). Все указанные находки характеризуются рядом примитивных черт, позволяющих говорить о переживании в них некоторых неандерталсидных особенностей. Неясность стратиграфических условий всех этих находок заставляет, однако, относиться к ним с большой осторожностью и воздерживаться от далеко идущих выводов.

В двух заметках М. Д. Гвоздавер публикует вкладышевый наконечник со стоянки Талицкого на р. Чусовой и статуэтку мамонта из Авдеева на Сейме. Костяной наконечник из стоянки Талицкого интересен тем, что в его пазах найдены так называемые пластинки с притупленной спинкой. О назначении этих орудий высказывались разные мнения (по П. П. Ефименко, это бритвы для подрезания волос), и только публикуемый наконечник доказывает, что это вкладыши для составных орудий. Это объясняет, почему в мезолите пластинок с притупленной спинкой нет в комплексах с геометрическими орудиями (Крым) и много там, где геометрических орудий нет. Разные типы вкладышей были распространены в разных районах. Стала понятна связь увеличения и уменьшения числа этих орудий с распространением и уменьшением числа иволжистых наконечников стрел в Свицких комплексах. В раннем свидере пластинок с притуплен-

ной спинкой много, а наконечников стрел мало, далее вкладыши исчезают, а стрелы широко распространяются, позднее число стрел уменьшается, а пластинки снова широко распространяются. Таким образом, в северном мезолите шло то же соперничество простых наконечников стрел, сделанных из пластинок, с вкладышевыми наконечниками, какое описано для Крыма Г. А. Бонч-Осмоловским. Публикация костяной статуэтки мамонта из Авдеева дополняет наши знания об искусстве палеолитического человека в СССР, известного нам почти исключительно по женским статуэткам и орнаментам на кости.

Статья В. Д. Лебедева «Материалы по промысловой ихтиофауне городищ рек Десны и Сейма» основана на сборах Деснинской экспедиции из раннеславянских городищ и содержит характеристику видового состава промысловых рыб и техники их лова. Статьи этого типа редки в нашей литературе, что увеличивает ценность работы В. Д. Лебедева. Следует только заметить, что глиняные блоки, часто находимые на городищах и описанные автором как грузила для сетей, не обязательно служили для этих целей. На Гочевском городище Б. А. Рыбаковым найдена печь, сложенная из таких глиняных блоков.

В целом сборник трудов Института антропологии МГУ дает ценный материал для антропологов и археологов. Следует пожелать, чтобы Институт продолжал издание своих работ и в следующем тме опубликовал материалы многолетних исследований в Крыму и на Урале.

А. А. Формозов

НАРОДЫ СССР

Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века (Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса), изд. Главсевморпути. Л.— М., 1951.

Освоение русскими людьми в XVI—XVII вв. обширных арктических пространств северной Сибири сыграло первостепенную историческую роль. Этим объясняется тот интерес, который проявляют ныне представители самых различных специальностей к изучению историко-археологических памятников этого периода, происходящих с территории северной Сибири. Следует, однако, указать, что в области изучения памятников экспедиций русских землепроходцев (остатки стоянок, зимовок, селищ) сделано еще очень мало. Рецензируемый нами сборник привлекает поэтому к себе внимание.

Сборник посвящен публикации и детальному анализу археологических памятников XVII в., обнаруженных на острове Фаддея и в заливе Симса (восточная часть полуострова Таймыр)¹. Следует отметить, что эти находки были впервые зафиксированы не археологами — честь обнаружения этих памятников принадлежит группе сотрудников гидрографической экспедиции Главсевморпути, работавшей на судне «Норд» в 1940—1941 гг. Находки вызвали интерес в Арктическом институте, который счел необходимым организовать специальную историко-археологическую экспедицию во главе с проф. А. П. Окладниковым. Экспедиция провела детальные археологические изыскания на местах находок — как на острове Фаддея, так и в заливе Симса².

Первый раздел рецензируемого сборника открывается статьей руководителя экспедиции А. П. Окладникова. В этой работе дается детальный отчет об археологических раскопках, произведенных автором на острове Фаддея и на побережье залива Симса. Как текстуальная часть отчета, так и иллюстративный материал (фотографии и схемы) дают исчерпывающее представление о ходе работ и достигнутых результатах.

В статье М. И. Белова «Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова» дается общий исторический и историко-этнографический очерк морских походов русских вокруг северной оконечности полуострова Таймыр.

Несколько соображений критического порядка следует высказать в адрес вводной части работы М. И. Белова, в которой автор, привлекая ряд известных археографических памятников, рассматривает ранние этапы проникновения русских за Урал. Автор датирует установление систематического «торгово-промыслового общения» русских с ненецкими племенами серединой XVI в. (стр. 41). Есть основания полагать, что стабилизация торгово-обменных отношений между русскими и теми этническими группами, которые населяли Югру, совершилась гораздо раньше.

Говоря о «югорских» походах, имевших место в княжение Ивана III, автор указывает, что русские называли местные племена самоеды или югрой (стр. 41). Надо отметить, что русские люди уже задолго до «югорских» походов начали дифференцировать

¹ Первая публикация находок была дана Б. О. Долгих (см. его статью «Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII в.», сб. «Проблемы Арктики», 1943, № 2).

² Выпуску рецензируемого сборника предшествовали две работы А. П. Окладникова: «Древнерусские полярные мореходы у берегов Таймыра» (Арктический научно-исследовательский институт, Доклады юбилейной сессии. М.— Л., 1945) и «Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра» (изд. Главсевморпути, 1948; рецензию И. Гурвича см. «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 229—230).

в своем представлении такие этнические образования как «самоядь» и «югры». Так, в Нестеровой летописи (под 1096 г.) при упоминании о походах в югорскую землю указывается, что «Югра же людье есть язык нем и сидят с Самоядью на полуночных странах». Несколькo более позднее известие (первая четверть XII в.) гласит: «ходиша люди старин за Югру и Самоседь».

В небольшой статье Ф. М. Шедлинга (ей предшествует более общая статья М. И. Белова «Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке») приводятся результаты изучения остатков судна, открытых на острове Фаддея. Автор считает возможным допустить, что найденные фрагменты относились к двум шлюпкам (карбасам). Досадным моментом, свидетельствующим о редакционной недоработке, является формулировка резюме статьи Ф. М. Шедлинга. Автор нечетко определяет историческое значение публикуемых материалов, говоря, что «находка на о. Фаддея подтверждает сведения о плавании русских в Арктике в начале XVII в.» (стр. 82). Здесь автору надо было бы указать, что речь идет о совершенно определенном районе «Ледовитого моря». Достаточно хорошо известно, что русские плавания по морям системы Северного Ледовитого Океана имели место и в гораздо более раннее время: например, путь из русского архангельского Поморья в Обскую губу был освоен русскими мореходами уже в начале XVI в. Находка же на острове Фаддея подтверждает факт плавания русских мореходов вокруг Таймыра, а вовсе не общие сведения о старинных русских арктических плаваниях — эти плавания давно подтверждены и притом достаточно надежными источниками.

Второй раздел сборника («Вооружение, снаряжение и казна экспедиции») начинается статьей С. В. Бахрушина. Здесь дается обобщенная характеристика снаряжения русских сибирских промышленных людей XVII в. Несмотря на очень общий характер этой работы, она несомненно облегчает широкому читателю осмысление материалов, помещенных в данном разделе сборника.

В числе материалов, разбираемых в статье М. Ф. Косинского, упоминаются как вооружение (ножи и остатки двух ружейных замков), так и «огнестрельное снаряжение» — пулелейки, пули и свинец. Автор статьи увязывает материалы своей работы с более поздними этнографическими данными, привлекая при этом материалы известного исследователя культуры и быта народов северной Сибири А. А. Попова, собранные им у долганов.

Н. Д. Травин рассматривает в своей статье остатки нарт, обнаруженные раскопками, и дает их реконструкцию. С точки зрения автора эти нарты были двухкопильными.

Основную массу рыболовных принадлежностей, рассмотрению которых посвящена публикация К. К. Суворова, составляют деревянные полавки, являющиеся изделиями несомненно русского типа. Подобного рода изделия были хорошо известны в старину и встречаются и поныне.

Особое место в публикациях данного раздела занимает статья И. Г. Спасского. В ней рассматривается тот нумизматический материал, который был найден при раскопках. Коллекция, анализу которой посвящена данная статья, состоит из трех с половиной тысяч серебряных монет XVII в. Не может быть сомнения в том, что перед нами коллекция, которая должна быть высоко оценена специалистами-нумизматами. Вместе с тем этот материал дает возможность прочно датировать события, с которыми он связан. И. Г. Спасский устанавливает, что русские мореходы, остатки экспедиции которых были найдены, появились у северных берегов Таймыра в 1615—1617 гг.

В этом же разделе помещена статья С. Н. Замятина, посвященная старинным русским шахматам, найденным при раскопках. Привлечение автором разнообразных этнографических материалов позволило ему сделать ряд интересных выводов, среди которых следует в первую очередь отметить убедительно аргументированную мысль о том, что шахматы стали известны среди народов Северной Азии (эвенков, якутов, юкагиров, камчадалов, алеутов) через посредство русских. Это — интересный факт в истории взаимодействия русской культуры и культуры народов Сибири.

Найденные предметы прикладного искусства, которые представлены перстнями, серьгами и иными украшениями, а также культовые предметы (кресты и др.) разобраны в статье Н. Г. Порфиридова. Для рассмотрения комплекса находок в целом существенное значение имеют два вывода автора: во-первых, заключение его о месте производства изделий прикладного искусства (русский архангельский Север), во-вторых, датировка этих предметов началом XVII в.

Исследование одного из предметов прикладного искусства вполне обоснованно выделено редакцией сборника в виде специальной статьи А. П. Окладникова «Бронзовое зеркало»³. Известно, что металлические зеркала подобного типа (с изображением кентавра) имели чрезвычайно широкое распространение как на европейской территории, так и на обширных пространствах Сибири. А. П. Окладников отмечает, что история возникновения этих зеркал очень длительна и сложна, охватывая время с первого тысячелетия до н. э. до конца средневековья. Автором привлечен значительный сравни-

³ Развернутую публикацию этой статьи см.: А. П. Окладников, Бронзовое зеркало с изображением кентавра, «Советская археология», XIII, 1950, стр. 1391—72.

тельный материал, который дает ему возможность проследить наиболее важные этапы развития рассматриваемого им типа изделий. Работа А. П. Окладникова представляет большой интерес для этнографов, археологов и историков искусства.

Рассмотрению бытового инвентаря, обнаруженного при раскопках, посвящена статья Я. В. Станкевич. Эта публикация, как и ряд других работ этого сборника, представляет интерес не только в плане специфически сибирском, но и в общем плане изучения быта и культуры Московской Руси. Я. В. Станкевич подвергает сравнительному анализу найденные при раскопках топоры. Привлеченные аналогии дают автору веские основания для датировки топоров с залива Симса началом XVII в. Этот вывод убедительно подтверждает общую датировку памятника, данную А. П. Окладниковым и рядом других авторов рецензируемого сборника.

Среди остального деревообделочного инструментария отмечаются скобели, тесло, лучковое сверло. Существен тот факт, что ряд орудий из числа инструментов, найденных при раскопках, был заимствован у русских некоторыми народами северной Сибири и имел хождение в их обиходе, например, у долганов и эвенков (стр. 168).

Работа Л. И. Якуниной посвящена характеристике найденных фрагментов одежды и обуви. Наибольший интерес представляют остатки одежды. В результате тщательной реставрации удалось добиться реконструкции мужской свиты. Обнаружены остатки женской одежды; это дает основание предполагать, что в составе экспедиции была и женщина. То же утверждает Б. О. Долгих в помещенной в сборнике статье «Этнографические материалы». Он считает, что подавляющее большинство рассматриваемых им находок принадлежало бывшей в составе экспедиции женщине, которая по своей этнической принадлежности скорее всего являлась иганасанкой.

Из статей, опубликованных в числе материалов специальных анализов, известный интерес в историко-этнографическом отношении представляет статья В. В. Гинзбурга, посвященная антропологической характеристике костных остатков человека. Автор отмечает, что исследованные им костные остатки принадлежали трем субъектам. При этом он не исключает возможности того, что больше половины костей (характеризуемых весьма грацильным строением) принадлежало женщине, причем женщине, происходившей из аборигенного населения северной Сибири. Другое предположение автора — о принадлежности обладателей остальных двух черепов к числу населения севера Европейской России — хорошо увязывается с историко-этнографическим материалом, упомянутым нами ранее и характеризующим тесную связь находок с русским архангельским Севером.

Следует отметить досадный промах, присущий сборнику в целом: помещенные в конце статей библиографические ссылки во многих случаях не согласуются с данными в тексте ссылками на страницы цитируемой работы или археографического издания.

Особо надо сказать об иллюстративном материале сборника. Количественно сборник богат иллюстрирован, причем таблицам, помещенным в приложении, предшествует описание находок, образцово составленное Н. И. Башмуриной. Однако качество иллюстраций (четкость печати) весьма неоднородно и явно оставляет желать лучшего.

Давая общую оценку рецензируемого сборника, следует подчеркнуть, что отмеченные по ходу рецензии недостатки никоим образом не снижают общей его значимости. Сборник несомненно представляет собой крупный вклад в историческую этнографию сибирского Севера.

Памятники, добытые экспедицией А. П. Окладникова на острове Фаддея и на берегу залива Симса, позволяют составить отчетливое суждение о том, что культура русских людей сибирского Севера была теснейшим образом связана с высокой культурой русского архангельского Севера.

А. Грач

ЦЕННЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ АРМЯНСКОГО УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА¹

Вышедший в 1951 г. сборник «Армянские пословицы» (*Հայկական ասածանիք*), составленный кандидатом филологических наук А. Т. Ганалаяном, является большим достижением армянской советской фольклористики.

Это первое полное научное издание армянских народных пословиц и поговорок, выполненное с большой добросовестностью, на основе кропотливой собирательской работы и тщательного критического исследования материала. В сборнике приведено около 40 000 пословиц и поговорок с их наиболее важными вариантами. Книга снабжена подробным тематическим указателем, облегчающим нахождение той или иной пословицы или поговорки.

Армянские фольклористы впервые занялись собиранием народных пословиц и по-

¹ Ա. Տ. Ղանալյան, Հայկական ասածանիք. Տեքստ և հետազոտություններ ժողովրդական ասածանիքի ու ասացվածքների. Հայկական ՍՍՌ-ի Հրատարակչություն. Երևան. 1951.

говорок, следуя примеру известных русских собирателей пословиц В. И. Даля, И. М. Снегирева, Ф. И. Буслаева и других. В деле собирания и издания армянских народных пословиц и поговорок видную роль сыграли Григор Тер-Арутюнян, Г. Сrvандз-тян, Т. Навасардян и другие. Они накопили богатый материал, но все же более половины пословиц, приведенных в рассматриваемом сборнике, опубликованы впервые А. Т. Ганалаяном. Кроме того, он первый из исследователей занялся истолкованием их идейного содержания, исследованием мастерства формы, изучением языка.

В качестве источника А. Т. Ганалаян, помимо собственных записей, использовал фольклорно-этнографические, печатные и рукописные сборники, литературные и этнографические периодические издания, произведения армянских писателей. Критически изучая тексты, он провел тщательный отбор их. В сборник не включены фигурировавшие в прежних изданиях умышленно искаженные пословицы и поговорки, чуждые армянскому народу, заимствованные загадки, крылатые слова, идиоматические выражения. А. Т. Ганалаян справедливо замечает, что некоторые тексты, помещенные в сборнике Г. Тиграняна² вроде «Հող բերիս՝ ուկի դառնիս» (возьмешь землю, пусть она станет золотом) или «Բոցիկ անոշ՝ երազը բարի» (да будет сон твой сладким, а сновидение благим), являются не пословицами, а обычными благословениями. Не вошли в рассматриваемый сборник опубликованные в различных изданиях надуманные пословицы, такие, как «ւար ու ձոր՝ փիւ տերտեր փոր» (горы и доли — брюхо дурного попа), что является «отредактированным» вариантом известной народной пословицы «ւար ու ձոր՝ տերտեր փոր» (брюхо попа — горы и доли).

К достоинствам сборника надо отнести удачно разработанную систему классификации текстов. В большей части сборников, изданных в прошлом, пословицы и поговорки располагались в алфавитном порядке. А. Т. Ганалаян совершенно справедливо подверг критике недостатки этого метода, показав его ненаучность. При подобной классификации игнорируется идейное содержание пословиц и исключается возможность их тематического группирования. Расположенные друг за другом в алфавитном порядке, пословицы и поговорки не имеют между собой никакой связи ни по смыслу, ни по тематике, ни по социальному содержанию. Мало того, при подобном расположении оказываются разделенными различные варианты одной и той же пословицы начинающиеся с разных букв, что затрудняет их изучение.

А. Т. Ганалаян отверг и именной или предметный метод расположения пословиц и поговорок (человек, животное, природа и т. д.), при котором также не принимается во внимание смысловая сторона. По общему предмету сводятся в одну группу совершенно разные по смыслу и социальному содержанию пословицы, а пословицы, имеющие одинаковый смысл или выражающие одну и ту же мысль, помещаются в разных местах, под различными именами.

Отказавшись от алфавитного и предметно-именного методов, А. Т. Ганалаян расположил пословицы и поговорки соответственно их основному смыслу и социальному содержанию. Этот метод классификации в ограниченном виде пытались применять ранее и другие исследователи, но наиболее полную и подробную разработку он получил в рассматриваемом сборнике. А. Т. Ганалаян поставил перед собой задачу сгруппировать пословицы и поговорки с одинаковым или сходным содержанием в разделы, а внутри этих разделов в отдельные тематические подразделы, давая каждому из этих разделов и подразделов обобщающий заголовок. В результате получилось шесть разделов, из которых пять основных и один дополнительный, помещенный в виде приложения. Каждый раздел имеет свои подразделы (всего 150). Такое разделение, сколько бы автор ни называл его «условным», имеет большие преимущества по сравнению с другими способами.

Трудно переоценить ту кропотливую и тяжелую работу, которую проделал А. Т. Ганалаян при подготовке текстов и изучении вариантов пословиц и поговорок. В соответствии с выбранным им методом классификации он провел углубленный анализ идейного содержания пословиц и поговорок и всестороннее исследование текстов. Выводы этого исследования в сжатой форме обобщены им в предисловии к сборнику.

По достоинству оценив роль и место пословиц в истории культуры создавшего их народа, А. Т. Ганалаян справедливо отмечает: «Велика познавательная ценность народных пословиц и поговорок. Пословицы дают богатый материал для изучения подлинной истории трудового народа, широко отражая и обобщая весь его социально-исторический жизненный опыт, стремления и надежды, его борьбу против стихийных сил природы, против внутренних и внешних, светских и духовных угнетателей, его мировоззрение и психологию, его быт и верования».

Он приводит глубоко поучительные примеры, показывающие, как высоко оценили пословицы и поговорки классики марксизма и как умело применяли их в своих гениальных произведениях.

² Г. Тигранян, Пословицы, поговорки и прибаутки армян Новой Нахичевани, Ростов, 1892. Գ. Տիգրանյանի. արածր, ամացածր և գրոյցը Հայոց նոր-Նախիջևանի. Ռուսով, 1891.

Переходя к анализу идейного содержания и разбору особенностей формы армянских народных пословиц и поговорок, А. Т. Ганалаян предварительно коротко останавливается на вопросе о происхождении армянских пословиц и поговорок. Он доказывает, что для них важным источником служили общественная жизнь, эпос, эпический жанр устного народного творчества и частично литература, откуда исходят и быстро распространяются в народе крылатые слова и выражения.

Интересны замечания А. Т. Ганалаяна относительно долговечности пословиц и поговорок. Начав жизнь с незапамятных времен, пословицы «продолжают жить и в новое время, подчас меняясь по смыслу и приобретая новое содержание, а иногда употребляются в старом значении, поскольку в жизни еще продолжают сохраняться основа аллегории и элементы миропонимания, психологии и быта, служащие основой для содержания пословицы». Народ, однако, не удовлетворяется одними лишь старыми пословицами и поговорками. Новые общественные отношения дают ему возможность создавать новые пословицы, отражающие жизнь, быт, политические стремления и думы трудового народа в новую эпоху. Так, например, в наши дни были созданы такие пословицы, как: «Царь лишился трона, а кулак — удачи», «Есть трудодни, есть и счастье» и другие.

А. Т. Ганалаян берется за решение и такого сложного вопроса, как определение времени создания пословиц и поговорок. Трудность здесь состоит в том, что пословицы, возникнув в незапамятные времена, непрерывно подвергались изменениям, каждый раз приспособляясь к понятиям и представлениям новой исторической эпохи. Исследование затрудняется и тем, что пословицы являются иносказательными произведениями, лишенными сюжета и чрезвычайно лаконичными. Поэтому необходимо предварительно раскрыть их иносказательную форму, выявить прямое значение, содержание и только после этого приступить к определению времени их создания. В этом отношении замечания А. Т. Ганалаяна в большинстве случаев остроумны и убедительны. При определении времени создания многих пословиц и поговорок он умело использует положения исторического материализма, отдельные высказывания классиков марксизма-ленинизма.

А. Т. Ганалаян разносторонне и глубоко исследует вопрос об отражении в пословицах и поговорках исторической судьбы, исторической среды, политической жизни и быта армянского народа. Особенно интересны толкования тех пословиц и поговорок, в которых отразилась действительная картина политической жизни и исторической судьбы армян. Эти толкования в большинстве случаев очень убедительны. Однако нам хотелось бы сделать замечание по поводу расшифровки смысла пословицы «*Արաքի էնքան է պզտիկացի, որ Արին-Գուրին էշով կանցնին*» (Аракс настолько обмелел, что Али-Кули и на осле переедут). А. Т. Ганалаян пишет: «Приняв за основу то природное свойство Аракса, что он, как образующаяся из горных потоков река, обычно сильно вздувается весной, а осенью, наоборот, сильно мелеет, народ в иносказательной форме намекает на тех ничтожных и недостойных людей, которые, увидя в опале людей, некогда имевших высокое положение, третируют и презирают их. В пословице, одновременно (подчеркнуто нами. — В. Н.) в образе обмелевшей матери армянских рек символизируется тяжкая перемена, происшедшая в прошлом и исторических судьбах страны, потеря ее независимости и завоевание иноземными захватчиками (Али-Кули)» (Предисловие, стр. XXVII).

На наш взгляд, основной смысл пословицы заключается не в аллегории, как полагает А. Т. Ганалаян, он связан не с природными особенностями Аракса, а с политической жизнью и судьбой страны. Использованное в пословице сочетание собственных имен Али-Кули воспринимается как символ арабских, персидских и турко-сельджукских захватчиков, и основная идея данной пословицы, по нашему мнению, заключается в том, что вследствие непрерывных нашествий иноземных захватчиков обороноспособность Армении настолько ослабла, что внешние враги могли с легкостью вторгнуться в страну. Образ Аракса взят потому, что политический центр Армении всегда находился в Араратской долине, для которой Аракс играл роль своего рода природного рубежа.

А. Т. Ганалаян конкретными фактами опровергает положения, выдвинутые последователями теории заимствований. Он вскрывает антинаучность этих положений и решает этот вопрос с позиций исторического материализма, доказывая на примерах, что сходство и общность как между пословицами, так и «вообще сходство между культурой и важнейшими произведениями различных народов в основном объясняются общими условиями жизни трудовых слоев этих народов или же общностью этих условий, пройденными ими одинаковыми историческими путями, сходством общественно-экономических формаций и основанной на этих последних общностью жизненного опыта, миропонимания, быта и психологии».

Отвергая антинаучное положение теории заимствований, согласно которому все народы якобы перенимали у «избранных народов» все, в том числе и пословицы, А. Т. Ганалаян убедительно доказывает самобытность как армянских, так и других народных пословиц. В то же время он признает культурное взаимодействие и взаимное влияние различных, особенно же соседних народов. Именно под этим правильным углом зрения автор рассматривает вопрос о сходстве, общности и заимствованиях пословиц у армян, русских, украинцев, грузин, азербайджанцев и других народов.

Особого внимания заслуживает та часть исследования, где А. Т. Ганалаян рассматривает идейное содержание армянских пословиц и поговорок. Он вскрывает демократический характер этого жанра устного народного творчества и показывает, что создаваемые народом пословицы во все исторические эпохи общественного развития были направлены против социальных и чужеземных угнетателей, против светских и духовных эксплуататоров, против халифов и султанов, шахов и ханов, против церкви, суда и чиновников (например: «Верблюду сказали — поздравляем, тебя царь зовет; а он ответил — либо в Шарур за рисом пошлет, либо в Кохп за солью»; или: «Закон писан для богача, наказание для бедняка» и др.).

В этом разделе своего исследования А. Т. Ганалаян на конкретном материале народных пословиц вскрывает антинаучную и антиисторическую сущность теории затухания классовой борьбы. Он пишет: «Армяне народные пословицы и поговорки красноречиво опровергают антиисторическое и реакционное утверждение, согласно которому в прошлом якобы существовал единый и не разделенный на классы армянский народ, со своей единой национальной культурой и идеями».

В пословицах и поговорках народ выражает присущий ему оптимизм, глубокую веру в счастливое будущее, когда не будет угнетателей и эксплуататоров, но одновременно на основе своего жизненного опыта он хорошо сознает, что это светлое будущее само не явится, за него нужно бороться. Отражение этой мысли А. Т. Ганалаян справедливо видит в таких прекрасных и выразительных пословицах, как «дерево само не дает дров», «кривя шею, не достигнешь желанной цели» и др.

Своеобразное истолкование получили в исследовании противоречивые мысли и рассуждения, встречающиеся в пословицах и поговорках.

Специальная глава исследования посвящена рассмотрению вопросов художественности и языковой культуры народных пословиц и поговорок. А. Т. Ганалаян приводит мнения по этому поводу русских и армянских классиков, подтверждающие большую выразительность и поэтическую образность пословиц и поговорок, и затем делает интересные выводы об особенностях языковой культуры и художественной выразительности этого жанра устного народного творчества армян.

Сборник «Армянские пословицы» является ценной и необходимой книгой для писателя и публициста, агитатора и журналиста и вообще для всякого, кто любит устное народное творчество и стремится пользоваться этой богатой и обильной сокровищницей «мудрого мышления».

В. Налбандян

Д. И. Гусев, *Поносовский колхоз «Правда»*, Коминтермгиз, Кудымкар, 1952.

В 1952 г. Коми-пермяцкое государственное издательство выпустило книгу Д. И. Гусева «Поносовский колхоз „Правда“». Работая в области этнографии коми-пермяков, автор поставил своей задачей показать «скачок, происшедший в культурном развитии коми-пермяков за годы Советской власти, а также показать глубочайший революционный переворот, произведенный колхозным строем в коми-пермяцких деревнях» (стр. 4). В основу работы положены материалы, собранные автором в 1947, 1948 и 1949 гг. совместно с членами экспедиции Института этнографии Академии наук СССР и кафедры этнографии Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова, аспирантом при которой он состоит.

Изучение культуры и быта современной колхозной деревни СССР является одной из актуальных задач советской этнографии, задачей трудной и до конца еще не решенной, поэтому каждая новая работа на эту тему представляет большой интерес и заслуживает внимания. Казалось бы, рецензируемая работа, объемом в 19 печ. листов, должна оказать немалую помощь в изучении культуры и быта современного колхозного крестьянства; однако, к сожалению, автор не справился с поставленной перед собой задачей. Описание старого быта населения района оторвано от жизни страны в целом, нет связи с историей русского народа. С другой стороны, описание Поносовского колхоза дано изолированно, вне связи со всем коми-пермяцким народом.

В разделе «История прошлой жизни поносовцев» автор вводит в заблуждение читателя, утверждая, что «постепенное знакомство русских людей с Пермской страной, с IX до XV века, сопровождалось включением этой страны в орбиту влияния Новгорода Великого» (стр. 9). Известно, что до XIV в. в русских источниках Пермь называется территория по Средней Вычегде и Вымы, населенная коми-зырянами, а территория пермяков под именем Перми Великой выступает в русских памятниках не раньше XIV в. А ведь в этой книге автор говорит только о коми-пермяках. Далее совершенно непонятным и недоказанным является положение автора, что «окружающее коми-пермяцкое население ассимилировало пришлое русское население. Здесь уже давно господствует коми-пермяцкий язык и культура. Однако наличие многих русских слов в языке, русские элементы в материальной и духовной культуре, распространение русских фамилий — все это свидетельствует о значительной доле участия русского этнического элемента в формировании обитателей этих мест» (стр. 10). Говорить об ассимиляции русских пермяками совершенно неправильно. Наоборот, пермяки, стоявшие значительно

ниже по культурному уровню по сравнению с русскими, непрерывно испытывали на протяжении ряда веков, начиная по крайней мере с XV в., сильное влияние русской культуры, о чем говорят все стороны их культуры и быта. Некоторые группы коми-пермяков в значительной степени обрусели. Культурным связям с русским народом, прогрессивному влиянию русской культуры на коми-пермяков автор не уделит должного внимания; хотя, делая общие выводы, он упоминает о таком влиянии (стр. 51—52), но при описании дореволюционного хозяйства и быта коми-пермяков (стр. 32—49) не показано, в чем конкретно выразилось положительное влияние русской культуры.

Собственно этнографическое описание жителей поносовских деревень занимает около трети книги. Раздел «Материальная культура в дореволюционное время» содержит много неясностей и неточностей. Например, говоря о происхождении подполья в коми-пермяцкой избе, автор пишет: «Подполье называлось «ждоджув», очевидно, оно имеет своего предшественника еще в древнем типе коми-пермяцкого жилища — землянке, которая уже фигурировала в виде центрального углубления: ямы-хранилища» (стр. 33). Где, когда была эта яма-хранилище, остается неясным. Далее, непонятно, почему четырехскатная крыша была заимствована у русских. Совершенно недоказанным звучит следующий вывод автора: «Все эти сооружения: баня, яма, амбар и сама коми-пермяцкая изба генетически были связаны с более древними типами построек, некогда бытовавшими в этих местах» (стр. 33). Известно, что русская культура оказала очень сильное влияние на пермяков и многие из хозяйственных построек, а возможно и сама, первоначально курная, изба были заимствованы от русских, но автор, говоря о жилище пермяков, совершенно не касается влияний со стороны русских. Неприемлемо, ненаучно звучит и заключительная фраза при описании жилища: «Долгое время бытовавшие здесь дореволюционные типы коми-пермяцких жилищ и построек, несмотря на тысячелетнюю эволюцию в развитии, очень часто выражали бедность и нищету их обитателей» (стр. 34). Вдумавшись в эту фразу, можно прийти к выводу, что тысячелетняя эволюция жилища пермяков должна была бы в конце концов служить выражением их зажиточности и богатства.

Единственная попытка научно подойти к изучаемому материалу — дать этнографическую характеристику современного жилища поносовцев — не удалась. Новый тип жилища колхозников колхоза «Правда» автор сравнивает со средневеликорусским жилищем. Такое сравнение звучит очень неопределенно. Во-первых, неизвестно, о каком средневеликорусском жилище идет речь — о дореволюционном или современном; во-вторых, известно, что единого типа средневеликорусского жилища не существует.

Невольно вызывает вопрос и удивление у читателя утверждение автора о том, что в новых домах колхозников вторая изба превращается в клеть, наряду с которой существует и амбар во дворе колхозника. Объяснение этого явления тем, что теперь колхозники живут малыми семьями, звучит неубедительно. Уже в конце XIX в. малые семьи были преобладающим типом семьи у коми-пермяков, а жилище состояло из двух изб. В целом описание материальной культуры дано очень примитивно, из него невозможно сделать никаких научных выводов.

Значительную политическую и научную ошибку сделал автор, объясняя «замкнутый круг нищеты, из которого никогда не выходили коми-пермяки», не феодально-крепостническим гнетом, а «господством трехполюки» (стр. 28).

Большие возражения вызывает раздел «Семейно-общественные отношения в прошлом». Игнорируя феодально-крепостнический строй и капитализм в России, автор видит в прошлом коми-пермяков лишь «пережитки родового быта, которые в дореволюционное время в значительной мере определяли общественные отношения жителей поносовских деревень» (стр. 43—44). Хуже всего, что сама родовая организация лишена у автора всякой материальной базы. По Д. И. Гусеву, «основным признаком рода было родовое кладбище» (стр. 43). Автор неправильно рисует эволюцию семьи. По Д. И. Гусеву, развитие семьи у пермяков происходило от группового брака к моногамной семье, а затем к большой патриархальной. Переход к моногамной семье у пермяков произошел, по мнению автора, под влиянием русских. Этот взгляд на происхождение моногамной семьи у пермяков напоминает положение известного буржуазного этнографа И. Н. Смирнова, который возникновение моногамии у народов Поволжья связывал с появлением русских. В действительности же моногамная семья основывается на частной собственности, которая возникла у пермяков еще до прихода русских; русские застали у них уже классовое общество. Покончив с моногамной семьей Д. И. Гусев говорит: «Однако, в конце XIX в. здесь господствовала уже большая патриархальная семья с всеильной властью главы семьи». Как известно, большая патриархальная семья, являющаяся переходной ступенью от парной семьи к моногамной, возникла в период патриархата и в классовом обществе сохранялась как пережиток первобытно-общинного строя.

Неправильными являются также положения автора о том, что родовая ячейка «увтыр» является родом и таким образом родовая организация господствовала у пермяков вплоть до революции, что пережитком родовой организации является «прием в дом тестя мужа дочери при отсутствии в семье работоспособных мужчин» (стр. 43), что «большие семьи в поносовских деревнях представляли в пережиточной форме большие семейные общины» (стр. 41), что драки между пермяками из-за дележа земли и лугов можно рассматривать как пережиток родовой вражды, и т. д.

Так характеризовать общественные отношения у пермяков до революции значит забывать о том, что они прошли в своем развитии период феодализма и вступили на путь капитализма. Конечно, не пережитки первобытно-общинного строя определяли жизнь коми-пермяцкого крестьянства до революции, а капиталистические отношения, которые глубоко проникли в быт пермяцкой деревни, о чем сам автор говорит в разделе об историческом прошлом позосовцев и о хозяйстве до революции.

Если описание дореволюционных семейных и общественных отношений грешит ошибками, то характеристика тех же самых вопросов в советский период ограничивается общими рассуждениями. Например, касаясь духовного воспитания детей в семье, автор пишет: «Новое юное племя колхозных семей растет свободным от воспоминаний о тяжелом прошлом, а малыши не помнят даже героических дней Великой Отечественной войны. Лишь дедушки и бабушки, матери и отцы рассказывают им об этих днях, свидетелями которых им пришлось быть. Советская детвора растет, воспитываемая в новых социалистических условиях» (стр. 134).

Большее половины рецензируемой книги посвящено описанию хозяйства колхоза «Правда». Описание дано по образцу сделанных экономистами описаний колхозов различных районов Советского Союза, но автор не показал, какое значение для этнографического исследования имеет такое подробное описание хозяйства колхоза. Несомненно, в задачи этнографа не входит подсчет яйценосности кур, выяснение, сколько раз в день доят коров и когда у свиней бывает обеденный перерыв. Описание хозяйства колхоза также не лишено ошибок. Например, трудно поверить автору, чтобы передовой колхоз в 1942 г. сдал государству только 96 пудов картофеля.

Большую политическую ошибку автор допускает при описании дня колхозников во время сенокоса. Д. И. Гусев сообщает, что во время уборочной кампании колхозники работают по 21 часу в сутки, отводя только 1 час на обед и 2 часа на сон. Приводя такой отнюдь не типичный факт, автор сразу же за этим пишет: «При такой организации работ бригада своевременно выполняет все хозяйственные задания и является передовой в колхозе» (стр. 110). Отсюда колхозник, прочтя книгу Д. И. Гусева, сделает вывод, что его бригада отстает потому, что не работает 21 часа в сутки. А если мы обратимся к стр. 77, то прочтем, что «все процессы сельскохозяйственных работ механизированы, некоторые из них электрифицированы». Повидимому, приведенный автором факт случаен, и его нельзя вводить в научное описание.

Некоторые вопросы совсем не нашли освещения в данной работе, например вопрос о социалистическом соревновании внутри колхоза, о взаимоотношении личной собственности колхозника и общественного хозяйства, очень слабо раскрыта роль МТС и др. К научной неполноценности книги необходимо добавить плохой литературный стиль. Достаточно привести такие фразы: «Все эти верования и представления заключались в фантастическом обоготворении явлений и сил природы и их своеобразным переплетением с таким же фантастическим отражением социальных сил прошедших стадий исторического развития» (стр. 46). Или, в другом месте (стр. 98): «Все утерянное зерно собиралось птицей без человеческого труда».

Даже беглый разбор данной книги приводит к выводу, что эта книга не только не полезная, но и вредная для массового читателя, не знакомого с историей и этнографией коми-пермяков. Возникает вопрос, как профессора С. А. Токарев, М. С. Косвен, Н. Н. Чебоксаров и канд. исторических наук В. Н. Белицер и Б. О. Долгих, которые, судя по тому, что автор выражает им «глубокую признательность и благодарность за неоценимую помощь указаниями, советом и критикой в процессе его работы», читали работу Д. И. Гусева до ее опубликования, — как они могли проглядеть такие грубые ошибки и таким образом, способствовали выходу в свет этой неполноценной книги.

К. И. Козлова

О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы. Сборник Н. Рождественской. Архангельск, 1952.

Выпущенный Архангельским издательством сборник «О рыбаках, морских зверобоях и охотниках» как бы продолжает серию недавно вышедших книг, посвященных этой же теме и отмечавшихся журналом «Советская этнография»¹. Сборник составлен известной собирательницей и исследовательницей народного творчества Н. И. Рождественской, которая уже в течение многих лет сосредоточила свое внимание на изучении этнографии и фольклора русского Севера. Книга в основном состоит из записей самой Н. Рождественской, сделанных в Архангельской области в конце 1940-х годов. Помимо этого, в нее вошли тексты из книги того же автора «Сказы и сказки Беломорья и Пинежья» (1941), немногие записи других советских собирателей: Н. П. Леонтьева, Э. Г. Бородинной-Морозовой, Р. С. Липец, В. А. Попова, И. В. Карнаухова, а также несколько дореволюционных записей.

¹ Р. С. Липец, Рыбацкие песни и сказы, 1950 (см. «Советская этнография», 1951, № 3, стр. 199—201); А. Любимов и Ф. Охотникова, Песни и сказы рыбаков, 1952 («Советская этнография», 1952, № 4, стр. 210—211).

Отбор материала сборника подчинен единому тематическому принципу: первая часть книги посвящена рыбным промыслам, вторая — морским зверобойным промыслам, третья — охоте.

Каждая из этих частей открывается устными сказами, за которыми следуют традиционные фольклорные жанры: пословицы и поговорки, сказки, песни, причитания, частушки. Тексты традиционного фольклора в сборнике отобраны не по принципу их бытования в репертуаре северных промышленников, а по тематическому принципу, т. е. даны те произведения, в тематике которых отразились основные северные промыслы. Таким образом, в книге представлены, как это и явствует из названия, устно-поэтические произведения о рыбаках, морских зверобоях и охотниках, а не рыбацкий или охотничий фольклор.

Очень большой интерес представляют данные в книге подборки редких промысловых пословиц; исключительно интересны отрывки из свадебных плачей, в импровизированном тексте которых отразились детали местных промыслов, послужившие материалом для художественных образов песен и плачей, обогатившие поэтическую речь оригинальными изобразительными средствами.

Своеобразны и колоритны в большинстве своем помещенные в сборнике частушки. Беднее представлены сказки.

В конце первого и третьего разделов книги даны отрывки из индивидуальных произведений М. Р. Голубковой и М. С. Крюковой. Тематически, а также в стилевом плане эти отрывки тесно связаны с книгой, так как выросли на основе того традиционного фольклора, образцы которого приводятся в сборнике.

Однако традиционный фольклор явно не в центре внимания автора книги. Основное содержание книги — рассказы, им же уделено и больше всего внимания в предисловии. Прозаические устные сказы или рассказы уже более двадцати лет завоевали себе почетное место в советских фольклорных сборниках, им посвящена довольно значительная исследовательская литература. Однако до сих пор идут теоретические споры вокруг этого жанра, границы которого до сих пор не очерчены и жанровые особенности которого четко не установлены. Устные рассказы не могут, конечно, огулом быть причислены к устно-поэтическому творчеству, т. е. безоговорочно считаться фольклором. Устные рассказы являются таким же периферийным жанром в фольклоре, как мемуары и очерк в литературе, они так же, как последние, стоят на границе художественной и деловой прозы. Многие из них имеют значение, как исторический документ эпохи, как материал, раскрывающий психологию рассказчика, но вместе с тем очень далеки от коллективного творчества, не имеют никакой самостоятельной художественной значимости, никак не могут быть названы устной поэзией.

Рассказы, опубликованные Н. И. Рождественской, несомненно представляют большой интерес для историка и особенно для этнографа. В них ярко отразилась промысловая жизнь Архангельской области конца XIX — начала XX века. Они — своеобразная устная летопись, свидетельствующая о напряженной борьбе охотников, рыбаков и зверобоев с природой в условиях сурового Севера, о тяжелой жизни бедноты, находившейся до Великой Октябрьской революции в кабальной зависимости от хозяев, о жестокой эксплуатации рабочих-покрученников богачами в условиях капиталистического найма.

Рассказы, приведенные в книге, записаны от разных людей, они очень разнообразны по содержанию, стилю, языку и вместе с тем в большинстве из них есть одна общая черта — противопоставление прошлого и настоящего; это не просто рассказы о прошлом, а рассказы о прошлом, оцениваемом с точки зрения социалистического опыта. Настоячиво, из рассказа в рассказ, проходит тема «прежде» и «теперь», благодаря чему рассказы о далеком прошлом воспринимаются как глубоко современные.

Устные рассказы скупы и вместе с тем выразительными средствами рисуют типичные образы промыслового мира: рыбаков, охотников, зверобоев, наделенных необычайным мужеством, упорством и самообладанием; тружеников, влюбленных в родную природу и в свое дело, умеющих вносить в свой труд творческое начало, увлечение, изобретательность и целенаправленную настойчивость, — людей, которые открывали новые пути, потому что у них был «задор на промысел».

В художественном отношении материал сборника не равноценен. Одни рассказы, интересные по сообщаемым в них фактам, вместе с тем бледны и мало выразительны по форме; очевидно, они вызваны к жизни расспросами собирателя и вряд ли когда-нибудь станут общепризнанным достоянием и подвергнутся коллективной шлифовке. Другие же, интересные по фабуле, по яркости своих образов, по богатству поэтического языка, могут по праву быть названы произведениями народного творчества. Многие из них известны в целом ряде вариантов.

Н. И. Рождественская выделяет из числа встреченных ею рассказчиков нескольких, особенно умелых. Неслучайно, что среди них оказались знатоки песен, сказов и причетов. Очень жаль, что в содержательной вступительной статье не сделано попытки раскрыть мастерство этих рассказчиков, так же как нет анализа художественной формы сказов, записанных от рассказчиков-мастеров, а лишь раскрывается фактологическая значимость их.

Составитель книги «О рыбаках, морских зверобоях и охотниках», поставив перед собой задачу осветить северные промыслы конца XIX — начала XX века, был вправе в равной мере использовать произведения народного поэтического творчества, как и

рассказы, ни в коей мере не претендующие на художественность. Поэтому нет основания называть, как это делает автор, весь этот разнообразный прозаический материал термином «народный сказ» и этим в целом определять его, как особый вид устной художественной прозы, т. е. как жанр устно-поэтического творчества.

Книга «О рыбаках, морских зверобоях и охотниках», включающая в себя тематически подобранные пословицы, песни, причеты, сказки и рассказы, представляет интерес не только для узкого круга специалистов, изучающих быт русского Севера, но и для широких кругов читателей, которым эта скромная книжечка поможет понять суровую и вместе с тем прекрасную природу нашего Севера, оценить ответственный и тяжелый труд северян, с опасностью для жизни подчиняющих себе моря и леса, услышать талантливую яркую народную речь, нашедшую свое выражение как в традиционном поэтическом искусстве, так и в простых бесхитростных рассказах, умело записанных чутким собирателем.

Научная ценность книги повышается благодаря наличию в ней подробного комментария, дающего исчерпывающую паспортизацию текстов, и тщательно составленного словаря местных слов и выражений.

Э. Померанцева

М. С. Андреев. *Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)*, вып. 1, Академия наук Таджикской ССР, Институт истории, археологии и этнографии. Труды, т. 7, Материалы к изучению культуры и быта таджиков, под редакцией А. К. Писарчик, ответственный редактор действительный член Академии наук Таджикской ССР А. А. Семенов. Сталинабад, 1953.

Рецензируемая книга является первой частью издаваемой обширной монографии проф. М. С. Андреева, посвященной припамирским таджикам долины реки Хуф, монографии, над которой покойный ученый работал последние годы своей жизни, так и не успев ее полностью закончить и подготовить к печати.

Хуф — небольшая высокогорная долина в бассейне верхнего Пянджа, в недалеком еще прошлом представлявшая собой изолированный, оторванный от внешнего мира горный угол. Естественно, что и быт населения этой долины, ведшего замкнутую, обособленную жизнь, должен был сохранить в себе еще множество архаических черт.

М. С. Андреев считал, что для правильного и наиболее полного выяснения многих пережиточных явлений в жизни таджиков и других народов Средней Азии необходимо детально изучить быт и культуру, различные обычаи и обряды населения одной из наиболее изолированных и лишенных внешнего влияния горных долин, а затем уже произвести более быстрыми темпами сбор сравнительного материала в других местах. Таким объектом М. С. Андреев и выбрал долину Хуф. Еще в 1901 г. в Ташкенте он получил ряд сведений о быте населения этой долины от отдельных хуфцев, приходивших на заработки, а в 1907 г. проездом через Памир М. С. Андрееву удалось на короткий срок побывать и в Хуфе. Однако осуществить детальное изучение быта населения Хуфа стало возможным лишь в Советскую эпоху, во время специально организованных с этой целью экспедиций 1929 и 1943 годов.

Вышедший в свет первый выпуск монографии по Хуфу представляет исключительный интерес не только для этнографов и историков Таджикистана и Средней Азии, но также и для специалистов, занимающихся другими странами и народностями. В книге мы находим описание многих древних обычаев и обрядов, бытовавших среди населения Хуфа, но в настоящее время уже исчезнувших под влиянием бурной социалистической перестройки всего уклада жизни и проникновения в долину советской культуры. Сам автор в предисловии к книге по этому поводу пишет следующее: «Впечатления от поездки 1943 года были поистине ошеломляющие. Там, где раньше приходилось пробираться узкими горными тропами, оказались проложены автомобильные дороги, которые соединили Памир со всеми крупными городами Средней Азии. Все районные центры и многие кишлаки Памира были телефонизированы и радиофицированы. В стране, где до революции население было сплошь неграмотным, я встретил многих молодых памирцев с высшим образованием, в самых глухих местах работали начальные, неполные средние и средние школы. Организация колхозов помогла памирцам более успешно бороться с суровой природой высокогорья, принесла им сытую, обеспеченную жизнь» (стр. 10).

М. С. Андреев принадлежал к старому поколению этнографов. Являясь носителем лучших традиций русской дореволюционной этнографии, он был непревзойденным собирателем материала; большая культура и обширная эрудиция способствовали успеху его работы, помогали ему разыскивать в своих сборах ценный и важный для науки материал, делать весьма интересные сравнения и сопоставления. Большая культура и эрудиция автора ощущаются и в данной книге, которая читается с огромным, прямо-таки захватывающим интересом. Поражают тщательность и научная добросовестность, полнота и детальность описаний, которые были свойственны покойному ученому; отдельные стороны жизни и быта народа описаны столь полно и всесторонне, что к этому описанию вряд ли можно было бы что-либо еще прибавить.

При этом не следует забывать, однако, что М. С. Андреев не был марксистом. Поэтому, при всей своей научной добросовестности и непревзойденном мастерстве этнографа-собираателя, несмотря на подчас весьма удачные отдельные случаи интерпретации материала, правильного истолкования тех или других явлений, в целом мы имеем перед собой лишь сырой фактический материал, требующий еще тщательного научно-исторического анализа, научной обработки; многочисленные факты, приведенные М. С. Андреевым, с одной стороны, сами требуют научной интерпретации, а с другой стороны, могут явиться ценным вкладом для истолкования ряда малоизученных и малоисвоенных вопросов истории первобытного общества и его социальных институтов. И в этом последнем случае научная ценность богатейшего фактического материала, содержащегося в рецензируемой книге, необычайно велика.

Как видно из приведенного ниже перечня содержания книги, в первом выпуске монографии автор сосредоточил свое внимание на вопросах личной и семейной жизни населения Хуфа, в первую очередь на рождении, браке и смерти, этих важнейших этапах жизни человека, сопровождающихся в обществе с недостатком еще высокой культурой огромным числом различных церемоний, обрядов и обычаев.

Основному содержанию книги предпосланы небольшое предисловие от редакции (стр. 4—5), объяснение транскрипционных знаков (стр. 6—7) и предисловие автора (стр. 8—10). Книга делится на следующие одиннадцать глав: I. Название «Хуф». Самоназвание хуфцев (стр. 11—14); II. Некоторые исторические сведения, предания и рассказы о прошлом строе жизни (стр. 15—45); III. Рождение, младенчество и связанные с этим обычаи и верования (стр. 46—82); IV. Наречение имени (стр. 83—89); V. Детство (некоторые обычаи) (стр. 90—95); VI. Игры (стр. 96—119); VII. Свадьба (стр. 120—177); VIII. Замужняя жизнь (стр. 178—184); IX. Смерть, похороны, поминовение умерших (стр. 185—201); X. Представления о загробной жизни (стр. 202—208); XI. Убывание в старое время стариков (стр. 209—211). В книге имеются предметно-тематический указатель (стр. 212—242) и указатель терминов и отдельных слов на припамирских и других языках, составленный А. К. Писарчик (стр. 243—248), а также списки сокращений (стр. 249) и иллюстраций (стр. 250). В работе помещена 21 иллюстрация (16 фото и 5 рисунков, среди последних один план дома). Текст снабжен многочисленными примечаниями автора, а также редактора А. К. Писарчик.

В небольшой первой главе автор дает этимологию слова «хуф», которое, по его предположению, связано с понятием о высоте. Автор приводит небольшую таблицу, показывающую, что термин «хуф» имеет довольно широкое распространение в топонимике южного горного Таджикистана, в частности, в Каратегине (долина реки Сурхоб). Наряду с распространением других припамирских топонимических терминов, таких, например, как «харф || харв», указанный факт лишним раз свидетельствует в пользу теории о былом широком распространении припамирских языков на территории древнего Тохаристана.

Во второй главе М. С. Андреев приводит интересные предания о заселении Хуфа; а также о первоначальных обитателях края. Предания и легенды, повествующие о древних обитателях страны — кафирах и мугах, известны нам отчасти и по трудам других авторов, в частности А. А. Бобринского; они имеют широкое распространение не только в припамирских районах, но и в других районах Таджикистана. Автор приводит любопытную подробность о том, что нагромождение камней, удаленных с обрабатываемых полей, хуфцы приписывают кафирам. Следует добавить, что по преданиям, широко распространенным в Средней Азии, всяческие подобные работы, равно как и древние ирригационные сооружения, приписываются кафирам или мугам; вообще, по преданиям, муги были людьми исполинского роста и большой физической силы, они должны были работать, не покладая рук, в противном случае ногти у них на руках начинали гнить (нохунош кирм мезад). В этой связи интересно сообщение М. С. Андреева, что в предгорьях Средней Азии окаменелые морские раковины от древних отложений носили название «ногтей (или когтей) мугов» (стр. 18).

Во второй главе автором приводятся также много новых, неизвестных или малоизвестных подробностей из недавней истории припамирских стран. Материалы М. С. Андреева ярко характеризуют жестокость и произвол местных правителей и бесправие простого народа в эпоху господства самостоятельных ша, афганских, а затем бухарских феодалов. Подробно охарактеризовано рабство в припамирских странах. Однако здесь нельзя согласиться с автором, который значительное распространение рабства пытается объяснить различием в вероисповедании простого народа (измаилиты) и правящей верхушки (сунниты); причину этого явления следует искать в более глубоких явлениях социально-экономического характера (стр. 29). Весьма ценны также приведенные автором сведения о сословном делении общества, духовенстве и его роли, феодальных податях и повинностях. Здесь мы находим много общего с другими горными районами Таджикистана, в частности с Каратегинем и Дарвазом. Указанная глава несомненно дает большой материал для историков недалекого феодального прошлого Таджикистана.

Главы третья — шестая посвящены вопросам, связанным с рождением и воспитанием ребенка. В них чрезвычайно подробно описаны обряды и церемонии, совершающиеся во время беременности женщины, при рождении ребенка и в первые недели

и месяцы его жизни. На большом материале в третьей главе и в особом к ней приложении М. С. Андреев показывает представление о злом духе, вредящем роженицам и новорожденным — Албасты, приводит широкий сравнительный материал и пытается проследить истоки этого представления. Большой интерес представляет материал, посвященный наречению имени ребенку; в Хуфе, так же как и в других припамирских районах, существовал обычай давать новорожденному два имени, одно из которых тщательно скрывалось до достижения ребенком определенного возраста и обычно являлось именем одного из умерших предков; отмечается также предпочтительное право семьи матери на наречение имени новорожденному. В главе этого же раздела, посвященной играм, автор приводит любопытные сведения о своеобразных клубах мужской молодежи. Следует, однако, отметить, что, говоря о многочисленных обычаях и обрядах, окружавших ребенка с первых дней его жизни, автор нигде не касается того вопроса, что основной причиной всех этих суеверий была ужасающая детская смертность, являвшаяся следствием нищеты, культурной отсталости, отсутствия самых элементарных санитарно-гигиенических навыков в быту таджиков до Октябрьской революции.

Следующий большой раздел книги составляют главы седьмая и восьмая, посвященные браку и семейной жизни. Здесь рассмотрены вопросы о брачном возрасте, о степенях родства, допускающих или запрещающих брачные связи, после чего дано детальное описание брачных обрядов и церемоний, начиная с момента сватовства и кончая увозом новобрачной в дом мужа и первым посещением молодыми родителей жены. Затем дается характеристика положения женщины в семье в прошлом, приводится перечень работ, выполнявшихся женщиной, а также рассматриваются другие вопросы, связанные с семейной жизнью, — супружеская измена и способы дказательства невиновности супругов, развод, многоженство, обычай выдачи вдовы замуж за брата ее покойного мужа (левират).

Сопоставляя материал М. С. Андреева с теми данными, которые известны из других источников, можно видеть, что во всем горном Таджикистане брачный обряд был по существу единым, разница наблюдалась лишь в отдельных деталях. В Хуфе, как и в других местах горного Таджикистана, в брачных церемониях и обычаях можно было наблюдать следы бытовавшего некогда матриархата, что особенно ярко проявляется в той роли, которую как во время свадьбы, так и в повседневной жизни играл дядя со стороны матери. Вряд ли можно согласиться с М. С. Андреевым в отношении того, что ранние (часто колыбельные) браки имели целью отвлечение несчастья; они объяснялись совсем другими причинами, в частности, трудностью выплаты калыма и отсутствием средств на свадебные расходы, а также обычаем предпочтительного заключения браков между лицами определенных категорий родства. Недостаточно ясно описан обычай избегания женихом невесты и ее родственников, столь широко распространенный среди таджиков вообще; говоря о том, что избегание начинается с момента сватовства, автор не показывает, когда же это избегание прекращается и сопровождается ли этот последний момент какими-либо специальными церемониями. Не совсем ясно также из изложения, что автор понимает под термином помолвка (таджикский туи-фатиха) и в какой момент брачных церемоний эта помолвка имеет место. Материалы М. С. Андреева подтверждают тот факт, что во всем горном Таджикистане обряд бракосочетания невесты — девушки и переезд ее в дом мужа совершается днем, в то время как в северном Таджикистане эти церемонии совершались ночью (напротив, церемонии, связанные с бракосочетанием вдовы или разведенной женщины в южном Таджикистане происходили ночью).

Много любопытных подробностей содержит и последний раздел (главы девятая — одиннадцатая), посвященный обычаям и церемониям, связанным со смертью человека и похоронами, а также представлениям о загробной жизни. Предания о былом обычае убивания стариков, приведенные автором, действительно, повидимому, имели широкое распространение в этих районах. В дополнение к изложенному у М. С. Андреева можно упомянуть о сохранившемся в долине Ванджа предании относительно пещеры Кафирсилах, в которую якобы отводили стариков, обрекая их на голодную смерть.

В заключение считаем необходимым отметить инициативу, проявленную научными организациями Таджикистана, приступившими к изданию работы покойного М. С. Андреева, а также большой труд, который взяли на себя директор Института истории, археологии и этнографии Академии наук Тадж. ССР проф. А. А. Семенов и редактор издания А. К. Писарчик, непосредственно подготовившие книгу к печати.

С сожалением приходится отметить недостаточно высокое качество технического оформления книги: плоха бумага, очень плохо отпечатаны фото. Некоторое недоумение вызывает также и необычная пагинация — четные страницы почему-то оказались на правой стороне книги.

Н. А. Кисляков

НАРОДЫ АМЕРИКИ

КАК АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ РАЗВРАЩАЕТ НЕГРИТАНСКУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ

(Книга Ю. Липса о негритянском университете в Вашингтоне) *

Соединенные Штаты Америки, как известно, превзошли все другие страны по части расовой дискриминации, особенно по отношению к неграм. Угнетение негритянского народа, всевозможные издевательства над человеком только за его негритянского происхождения приняли в Америке наиболее отвратительные формы. Помимо экономического гнета, закрепощенности и нищеты широких негритянских масс, в стране установлен режим полного политического и гражданского бесправия негров и — особенно в южных штатах — система «сегрегации», оскорбительного отделения негров от «белых» в быту. Браки между «белыми» и неграми запрещены законом. Негры не имеют права ездить в тех же вагонах поездов и трамваев, что и «белые», не могут посещать те же рестораны, театры, кино, даже церкви, их дети не могут учиться вместе с детьми «белых». Дикая расовая вражда сознательно воспитывается в американцах с раннего возраста. Ею заражены даже многие прогрессивные деятели.

Еще эти факты хорошо известны. Но мало кто знает за пределами Америки, как глубоко внедряется яд расизма и в сознание самих негров. Их детям еще на школьной скамье вбивают в головы, что они — ниже белых и не смеют с ними равняться. В церкви им проповедуется то же. Проводниками расистской человеконенавистнической идеологии выступают здесь негритянские школьные учителя, негритянские пасторы-проповедники. Негритянская интеллигенция сама в значительной мере развращена тлетворным ядом расизма. Но откуда же идет это развращение?

Недавно вышедшая книга проф. Юлиуса Липса проливает яркий свет на этот вопрос. В ней описывается быт негритянского университета в США — питомника негритянской буржуазной интеллигенции. В этой книге раскрывается ужасающая картина того, как святилище науки, каким считается обычно университет, превращено в очаг расистской заразы, в учреждение, где негритянских юношей и девушек в течение нескольких лет систематически развращают, убивают в них всякую здравую человеческую мысль, воспитывают покорных холопов американской буржуазии и проводников той же холопей идеологии среди негритянских масс.

Книга заслуживает серьезного внимания. Скажем сначала несколько слов о ее авторе. Имя его — речательство того, что картина, нарисованная в этой книге, при всей ее уродливости, достаточно правдива.

Юлиус Липс (1895—1950) — немецкий профессор этнографии. Воспитанник Лейпцигского университета, он работал потом в Кёльне под руководством Фрица Гребнера, известного основателя «культурно-исторической школы», одной из самых реакционных в буржуазной этнографической науке, — и сделался его ревностным последователем. В 1920-х годах совершил экспедицию в Северную и Западную Африку (туареги, Камерун), где впервые близко познакомился с неграми и — как он впоследствии говорил — полюбил их. Еще в молодых годах Липс живо интересовался общественными вопросами. Первая его печатная работа посвящена «Интернациональному студенческому движению после войны» (Лейпциг, 1921). После прихода Гитлера к власти Липс, в отличие от многих своих коллег, буржуазных профессоров, не примирился с изуверским режимом, активно выступил против него, сложил с себя звание профессора и уехал из Германии. Он направился сначала в Париж, где профессора-антифашисты Ланжекен и Риве привлекли его к работе в Сорбонне и в «Музее человека». Но уже в начале 1934 г. Липс выехал, по приглашению Франца Боаса, в США, получив там место профессора в Колумбийском университете в Нью-Йорке.

В Америке он прожил до 1948 г., совершив за это время несколько научных поездок — к индейцам Лабрадора, к дакотам и оджибеям. Он выпустил в эти годы ряд специальных этнографических работ, посвященных хозяйству, материальной культуре, обычному праву изученных им народов. В то же время он, вместе со своей женой, Евой Липс, активно развертывал общественно-литературную деятельность, разоблачая преступления нацистского режима, свидетелями и жертвами которого они оба были.

На этот период падает и 2-летняя работа Липса в качестве преподавателя в негритянском Хоурдском университете в Вашингтоне (1937—1939). Впечатления от этой работы и составляли содержание интересующей нас книги.

За годы эмигрантской жизни, непрерывной научной работы и антифашистской борьбы — в мировоззрении Липса произошел перелом. Он разочаровался в методологии реакционной «культурно-исторической школы» и стал склоняться к марксизму, которым, впрочем, до конца своей жизни так и не сумел по-настоящему овладеть.

В 1948 г. Липс покидает труменовскую Америку, где уже душно становилось дышать свободомыслящему человеку, и возвращается на родину. Его приглашали на прежнее место работы — в Кёльн. Но, приехав туда, он с возмущением убедился, что там попрежнему на руководящих постах многие видные деятели гитлеровского режи-

* Julius Lips, Forschungsreise in die Dämmerung, Weimar, 1950.

ма, покровительствуемые англо-американскими оккупационными властями. Липс не остался в Кёльне, а решил вернуться в Лейпцигский университет, свою Alma mater. Здесь он нашел благоприятные условия для научной работы, созданные в обновленной демократической Германии. Он возглавил специальный этнографический институт (ныне институт его имени). Через год Липс был избран ректором Лейпцигского университета и на торжественном акте произнес прекрасную речь в честь Советского Союза, верного друга и освободителя немецкого народа.

Но уже в январе 1950 г. скоростная смерть оборвала неутомимую деятельность этого борца за культуру и свободу, активного антифашиста и антирасиста. Он умер членом СЕПП.

Вот лицо автора книги, содержание которой, посвященное столь важной теме, как расовая дискриминация в США, мы хотим кратко сообщить читателю.

Сама книга, правда, несвободна от существенных недостатков. Она написана очень растянуто, перегружена малоинтересными мелочами, не всегда имеющими прямое отношение к теме, но, видимо, по мнению автора, занимательными. В то же время в книге отсутствуют многие элементарные сведения, которые читатель, естественно, хочет получить о самом крупном негритянском университете в США: нет сведений о его структуре, о факультетах и специальностях, об учебном плане, преподаваемых дисциплинах, о методе преподавания, о количестве студентов и преподавателей и др. Однако и тех сведений, которые мы находим в книге Липса, достаточно, чтобы дать советскому читателю понятие о системе подготовки негритянской интеллигенции в Америке.

* * *

Как известно, «негром» считается в США всякий человек, у которого хоть один из предков был негритянского происхождения. «В США есть люди,— пишет Липс,— имеющие голубые глаза и белокурые волосы и все-таки являющиеся „неграми“». Вообще приходится установить, что негры в США — более чем на 90% метисы и что число чистокровных негров ничтожно мало» (стр. 11). Тем не менее, всем этим «неграм» доступ в общие университеты или совсем закрыт (на Юге), или они допускаются туда с большими трудностями и терпят там всякие унижения. Вот почему существуют отдельные негритянские университеты, где обучается молодежь главным образом из состоятельных негритянских семей. Самый крупный из этих университетов — Howard University в Вашингтоне. Его и описывает Липс под зашифрованным названием «Hill-top University» (личные имена в книге тоже изменены, и сам автор назван в ней «проф. Смитом»).

Уже одно известие о том, что Липс принял предложение преподавать этнографию в негритянском университете, произвело целый переполох среди его знакомых и сослуживцев. Его всячески отговаривали от этой предосудительной должности, предупреждали о неизбежных неприятностях. По приезде в Вашингтон Липс с женой долго не могли найти себе квартиры, так как домовладельцы не желали принимать квартирантов со столь необычным родом занятий. Им пришлось поместиться в дорогой гостинице, причем дирекция ее предупредила Липса, что его будущие «цветные» сослуживцы не будут допущены к нему в гости, будь они профессора или кто угодно. «Так была отрезана, как будто ножом,— пишет с грустью Липс,— наша профессиональная деятельность от нашей общественной жизни» (стр. 26).

На такие же непроходимые перегородки пришлось наталкиваться Липсу и в дальнейшем. Хоуордский университет помещается в негритянской части города, но он резко отделен от кварталов негритянской бедноты. За красивыми железными воротами в громадном парке расположен университетский городок, с его 65 корпусами хорошо построенных и оборудованных зданий, обилием зелени, роскошно обставленными квартирами профессоров и студентов. Негритянская буржуазия не скупится на украшение своего лучшего университета (стр. 28—29, 34). Уже один этот чисто внешний вид показывает, что университет не имеет и не желает иметь ничего общего с жизнью трудящейся негритянской бедноты. И весь быт студентов и профессоров так организован, чтобы еще больше углубить эту пропасть.

Негритянские профессора, преподающие в университете, представляют собой особую привилегированную прослойку цветного населения Америки. Их заработки дают им возможность приспосабливаться к «американскому образу жизни», т. е. подражать «белой» буржуазии. Этим подражанием наполнен весь быт сотрудников негритянского университета, оно заполняет все их существование. Отсюда постоянная скованность и напряжение в поведении университетских преподавателей.

Научный уровень многих профессоров «Хиллтопа» невысок. Там не составляет секрета то, что многие из них «едва ли годились бы и в учителя народных школ в белом мире» (стр. 72). «Ясно, что они плохой образец для молодого поколения»,— говорил один из преподавателей Липсу (стр. 328).

Конечно, в Хоуордском университете есть способные, знающие профессора, есть даже ученые с мировыми именами. Но не они делают там погоду. Преобладающая часть профессоров — рутинеры, боящиеся всякого новшества. Тот, кто пытается предложить что-то новое, нередко подвергается настоящей травле.

Об одном таком случае рассказывает Липс. Один из приезжих преподавателей, индус родом, разработал план широкого общеобразовательного курса для студентов,

который должен был бы ввести их в понимание дальнейших специальных курсов, с тем чтобы заполнить крупные пробелы в их общей подготовке. «Он хотел заинтересовать студентов и затем удовлетворить их интерес знаниями». Профессура переполошилась: в новом плане чудилась революция! Новатор наткнулся на планомерный саботаж: ему на словах обещали всяческую помощь и содействие, а за спиной его высмеивали и втихомолку подстроили торжественное отклонение его плана на ученом совете факультета. Мало того, вскоре беспокойного преподавателя заставили уйти из университета и заменили другим, у которого не было «сумасшедших планов в голове» (стр. 237—243).

Липс рассказывает еще об одном преподавателе, заслуживающем всякого уважения, профессоре немецкого языка Хастингсе, скромном, горячо преданном науке. Его не ценили, коллеги называли его «просто идиотом». Когда он умер от рака, смерть его прошла почти незамеченной, на похоронах почти никто из профессуры не был (стр. 261—262, 268—269).

Поразительно отсутствие товарищеской спайки внутри профессорско-преподавательского персонала, отсутствие моральной привязанности к своему университету, на который смотрят только как на источник заработка. Липс описывает, например, странную сцену: профессора читают с большим удовольствием вслух чей-то анонимный пасквиль на университет, подкакивают всем обвинениям и сами наперебой ругают свой университет (стр. 231—232, 234).

Они вынуждены преподавать в негритянском университете, так же как их дети и прочая негритянская молодежь из состоятельных семей вынуждены в нем учиться. Но они смотрят на это как на неизбежное зло, — неизбежное потому, что «белый» университет для них недоступен. Липс рассказывает такой случай.

В семье одного негритянского профессора воспитывалась девочка, дочь состоятельных родителей; цвет кожи ее был таким светлым, что не выдавал в ней негритянки или даже метиски. И вот она «упорно отказывалась по окончании школы поступать в Хиллтоп для завершения своего образования. Ибо, — так рассуждала она, — если она впоследствии будет добиваться более высокого общественного положения в Нью-Йорке, то в ее документах слово „Хиллтоп“ будет как клеймо, это будет как бы каинова печать, разоблачающая ее цветное происхождение, которое она тщательно скрывает». Окружающие тоже полагали, что «нужно употребить все возможное влияние для того, чтобы поместить девушку в Хэнтер-колледж в Нью-Йорке, где студентки — лэди и дочери лэди: понятие, неотделимое от обозначения „белый колледж“» (стр. 71). — Советскому читателю трудно вообразить себе, что профессура университета может считать марку собственного университета «каиновой печатью» для его воспитанников!

Не менее поразительна почти всеобщая ненависть к «президенту» (ректору) университета. Очень колоритна сама эта фигура. Богослов по специальности, одновременно священник и проповедник в университетской церкви, президент является также ловким дельцом и политиком. Он умеет быть обворожительно любезным в разговоре, но может и обрушиться с грубой бранью по адресу профессоров, притом публично, с кафедры. Этот президент — в книге Липса он назван Обадия Ведлок — метис с очень светлой кожей и не негритянскими чертами лица (стр. 31). Он очень богат и выстроил себе новый дом, обставленный «с фантастической роскошью», стоимость которого выражалась «в астрономических цифрах» (стр. 223, 297). Профессора ненавидят его всей душой, зовут его за глаза «проклятым попом», «ханжой», «проклятым ублюдком», и просто «идиотом». Его обвиняют в уголовных преступлениях, растратах и злоупотреблениях чужими деньгами (стр. 222, 232). «Администратор он самый плохой, какого только можно себе представить, а как воспитатель он просто дурак» (стр. 232). «Он обманул свою расу, он не только разорил Хиллтоп, но унизил всех цветных. Он неспособен продолжать руководить университетом Хиллтоп...» и т. п. (стр. 232). Судя по всему, в подобных обвинениях далеко не все справедливо, — но обвинители президента, видимо, правы, называя его обскурантом; однако правильно и то, что это — не личное качество Ведлока, а целая система, руководимая высшей церковной иерархией США. В одной прогрессивной негритянской газете о нем писали так: «...Безграмотный и необразованный негритянский проповедник, твердо решивший ничего не говорить такого, что имеет хоть малейшее отношение к эволюции. Если он скажет что-нибудь, что не написано в библии, то нью-йоркские центральные миссионерские организации выбросят его с должности в 24 часа» (стр. 230). Подобные вещи заявляют о своем «президенте» в частности бывшие студенты «Хиллтопа».

Президент знает об этих мнениях на его счет, он читает резкие памфлеты, печатаемые и распространяемые против него. Он принимает против них меры, — но острее жалуется в суд, а звонит в полицию и требует, чтобы газетчиков и продавцов брошюр гнали из университетского городка; он заказывает подкупленной им прессе статьи, в которых организация бывших студентов Хиллтопа объявляется «организацией гангстеров» (стр. 233). Типично «американские» приемы...

Однако открыто выступить против ректора ни один из профессоров не осмеливается. Напротив, они заискивают перед ним и интригуют друг против друга. Ректор же, сознавая свою власть, несколько не стесняется с профессорами, делает им выговоры публично, в присутствии студентов, выкрикивает угрозы, — а те дрожат от страха.

В высшей степени характерна такая погромно-обличительная речь «президента» на заключительном заседании созданной университетом конференции по социальным наукам: в этой речи причудливо переплетались грубая демагогия, чисто деляческое

понимание задач университета с пренебрежением к «чистой», совершенно бесполезной науке и грубым фельдфебельским пониманием дисциплины. Ханжеско-богословский пафос сменялся клоуноско-ярмарочными приемами речи.

«Я прочел доклады, с которыми вы выступали на конференции,— говорил президент.— Вы тут пишете о „кризисах деловой жизни“, о „хозяйственной структуре“, о том, „что нужно делать“. Что нужно делать,— это я вам скажу! Идите к любому человеку с улицы и поговорите с ним. Он вам скажет, чему вы должны обучать!». Далее президент обрушился на отдаленных профессоров: «Чем бы вы были сейчас, если бы я не пригласил вас в Хиллтоп, Джонс? И чем вы меня за это благодарите? Разными беспорядками и преподаванием так называемой „чистой науки“ со всякими счетными машинками и прочей белибердой, которая только перегружает бюджет! А вы, Мак-Ли? Ничего вы не сделали! Экономические теории! Убирайтесь вы в болота Бразу¹. Убирайтесь на хлопковые плантации, идите резать сахарный тростник, рубить дрова! Спросите у дровосека, спросите у негра, который несет ваш багаж,— почему он не может продвинуться, получить лучшую работу? Потому что у него черная кожа! Вот они вам скажут, чему вы должны обучать! Вы можете не знать всякой технической чепухи, не в этом дело! Все дело в тупоком зрении, во внутреннем видении!» — «Работа для негра, работа для негра! Ваша задача в том, чтобы достать ее ему!».

Смысл этой демагогической речи явно состоял в том, чтобы сыграть на расовой дискриминации, изобразить себя защитником негров и восстановить студентов против враждебно к нему настроенных профессоров.

«Видите вы теперь, в чем ваша задача, ваша миссия? — кричал дальше президент.— Ваша задача — учить студентов, как получить работу, лучшую работу. Нашим студентам все равно, „правильная“ ли та или другая теория,— да и все земное знание вообще бессильно! Они не желают знать этой научной казуистики! Но кое-что мы знаем: знаем, что цветной студент — это будущее Америки! Вот его призвание, и ваше тоже. Будущее Америки — это мы! Мы!»

«А вы что делаете? Вы прикидываетесь, что преподаете „чистую науку“! Чистая наука! — Вы должны учить расу, как она должна расти выше, выше, выше, предел для нее — небо! А что вы делаете: вы высыхиваете змеинные яйца и ткете паутину! Если раздавить эти яйца, то выползет ехидна», — так закончил библейской цитатой президент свою речь (стр. 242—244). — Слушатели были подавлены. По университету пошли слухи, что за этой речью последуют увольнения, — особенно встревожены были те, кого он называл в своей речи по имени. Опальные профессора стремились подольститься к президенту, шпионили и наговаривали друг на друга; больше всех старались те, кто злее всех ругал прежде «проклятого попа». Тревога кончилась ничем, никто не был уволен (стр. 245—247).

Мысль, высказанная ректором в приведенной речи — что «будущее Америки» — это негры, — составляет характерную оборотную сторону расизма в США. Это один из лозунгов, — конечно, неофициальных — негритянского буржуазного национализма, отражающих настроения негритянской буржуазии, которая страдает от расовой дискриминации и хотела бы добиться командующего положения в экономике США, хотя и сознает свое бессилие. Это сознание и питает фантастические идеи, которые подчас раздаются и с профессорских кафедр Хоуордского университета.

Так, например, Липс однажды с удивлением услышал от одной из своих студенток, что «не белые, а негры открыли Америку, но не только это, а что они² же впервые изобрели скотоводство и музыкальные инструменты, что туземцы Камеруна совершенно самостоятельно... создали „письменные языки“». На мой удивленный вопрос, откуда она почерпнула такую мудрость, выяснилось, что один черный профессор истории... читал курс об африканской истории и культуре», и что он и просвещает студентов подобными открытиями. Позже Липс лично разговаривал с этим профессором и узнал от него, что «негры создали абиссинскую культуру, что они были строителями пирамид, что во всей Африке история негров записывалась самими неграми со времен Геродота и что не финикийцы, а африканские негры изобрели алфавит» (стр. 151).

Подобные «исторические» идеи о былом величии негрской расы — одна из сравнительно безобидных форм, в которых негритянская буржуазная интеллигенция ищет утешения от режима унижительной расовой дискриминации. Гораздо более уродлива другая форма такого «утешения»: чувствуя себя господами положения в своем университете, в этом обособленном самобытном мире, руководящая негритянско-метисная верхушка срывает свою ненависть к угнетающим негров «белым» на тех немногих «белых», которым приходится служить в университете на подчиненных должностях. Положение и условия работы пяти «белых» доцентов, описываемые Липсом, в высшей степени характерны.

«Было четыре белых доцента в университете, все они подчинены черным ordinарным профессорам. Ни один из них не был штатным профессором, и роль, которую они играли, была плачевной». Пятый доцент был назначен при Липсе, взамен вынужденного уйти индуса. Эти пять запуганных существ, которых безработица загнала в негритян-

¹ «Go back to Brazos Bottom» — оскорбительная для негритянской интеллигенции поговорка. Brazos Bottom — болотистая местность в низовьях Миссисипи, где гнездится самая обездоленная часть негритянской бедноты.

ский университет и которые больше всего боятся быть оттуда уволенными, составляют там предмет всяких унижений и издевательств со стороны их «черного» начальства.

«Какая-либо общественная жизнь среди этой горстки белых была исключена. Стишком велика была их боязнь чем-нибудь рассердить начальника. Избегали даже случайных встреч между собой или старались их по возможности сократить. Повидимому, черные коллеги относились к ним подозрительно. В черное же общество они не допускались, так как были подчиненными». — «Когда я спросил (профессоров) Мак-Ли, Джонса и Портера, — пишет Липс, — об этом деле, они мне ответили: „А зачем нам с ними общаться? Ведь у нас тут негритянский университет“» (стр. 272). Как нарочно, все пять «белых» были физически очень невзрачны, низкорослы, и это тоже усиливало общее впечатление неполноценности. «Иной раз можно было видеть из окна, как по парку шагал высокий, стройный черный профессор ботаники, исполненный чувства своего достоинства, а рядом с ним его подчиненный Хэль, на голову ниже его, — это казалось каким-то символом». Так же выглядели и другие доценты рядом со своими начальниками. Липс высказывает даже предположение: «Быть может, эти „подчиненные“ подбирались по каким-то принципам, не имеющим ничего общего с их научными данными? Может быть, это были своеобразные экспонаты, на которых висела невидимая этикетка для негров: „смотрите, вот как выглядит белая раса! теперь вы знаете, у кого настоящее превосходство!“» (с. 273). «Белые подчиненные, — продолжает Липс, — сами, впрочем, облегчали своим начальникам навязывание им такой унижительной роли. Они, повидимому, сами и не ощущали трагизма своего положения». «...Они добровольно склонялись (перед черным начальством) и каждым своим шагом, казалось, говорили: „я, к несчастью, белый; но надеюсь, что ты простишь мне это, потому что я, как видишь, стараюсь быть маленьким, как только могу!“» (стр. 273).

Один из этих «белых» доцентов был родом с Юга, дядя его был известен своим глубоким презрением к «нигерам», и его теперешний начальник Джонс у него некогда учился. Теперь он сводил с ним расовые счёты. «Иногда он заставлял его при всех изображать своего дядю... и спрашивал: „Так как, значит, ваш дядя называл негров?“ Эльмер Смолл отворачивался, краснел, наконец, с болью произносил слово „ниггеры“, а затем сам пугался этого слова и чувствовал себя вдвойне принижённым, так как создавал себя ответственным за дерзость своего дяди» (с. 271). Другой «белый», Хэль, выработал для себя даже особую тактику самозащиты против оскорблений: он обращал их в шутку и сам смеялся как над веселой остротой (стр. 273). «Мы скоро увидели чуть не с ужасом, — пишет Липс, — что Хэль... как будто и не видел всей ненависти и унижений, которые выпали ему на долю. Для него в тысячу раз было важнее, что „они не могут меня выгнать“, — чем сохранение своего личного достоинства».

Потеряв чувство человеческого достоинства, унижаемые «белые» сохранили, однако, чувство ненависти к своим угнетателям-неграм, хотя и боятся, конечно, ее высказывать. Но в разговорах с Липсом эта ненависть проявлялась открыто. «Они тут откормлены, эти ниггеры», — говорил тот же Хэль: «у них брюхо полное, это прежде всего; да и их сердца и мозги точно так же переполнены — они чуть не лопаются от ненависти к белым». «Он рассказывал о тонко продуманных атаках, которые приходится испытывать на себе рано или поздно каждому белому в Хиллтопе, где и почтовый служащий, и комендант здания, и декан, и президент — дружно работают над тем, чтобы уничтожить белых». «Сгорбившись внешне, он вёл у себя внутри неписанный дневник, полный мстительных, ядовитых, но правдивых подробностей» (с. 274).

Этот Хэль, на себе познавший все проявления негритянского расизма, видимо, верно понял самую суть системы воспитания в Хоурдском университете. «Он называл университет антивоспитательным учреждением и заявлял, что там нет не только никакой терпимости по отношению к белым, но налицо хорошо организованная и острая ненависть» (стр. 274).

Но эта ненависть к белым — вовсе не есть законная ненависть угнетённого народа к своим угнетателям. Это вражда и зависть более слабого конкурента к более сильному и хищному, злоба мелкого лавочника против владельца крупного магазина, отбивающего у него покупателей. От своего негритянского народа эта негритяно-метисная буржуазия и буржуазная интеллигенция далека на тысячу верст. К этому народу она испытывает такую же вражду, смешанную с высокомерием. Простой рабочий — негр, бедняк-арендатор или фермер — для этой негритянской аристократии предмет презрения. Это «африканец», дикарь, нечто близкое к «дикарям» собственно Африки, которую эти цветные лакеи империализма тоже глубоко презирают.

«Африканец» — это было слово, которое привилегированный негритянский мир презрительно применял к бедным и прислуживающим цветным. Если в их поле зрения попадает простой с виду, плохо одетый цветной, то он встречает глухие уши, закрытые карманы, грубое обращение. Его называют ругательным словом „африканец“. Это в их кругу означает приблизительно то же, что проклятый в тропических странах, неприкасаемый в Индии. Люди ничто так не ненавидят, как напоминание о собственном несчастном прошлом, если только люди еще не достигли той духовной зрелости, которая позволяет рассматривать его объективно, т. е. беспристрастно» (стр. 92—93). Липс передает много очень выразительных случаев, когда простое упоминание об «африканцах» вызывало в буржуазных салонах «Хиллтопа» реплики высокомерного презрения. Демонстрируется этнографический кинофильм из Африки, и

вид полуголых «диких африканцев» вызывает презрительный смех в публике (стр. 331—332). Исполнение народного негритянского танца вызывает негодующие замечания. Песни знаменитого негритянского певца о бедной и трудной жизни негров-трудящихся встречаются в университетской аудитории холодно, хотя «западному» репертуару аплодируют (стр. 140—141).

Презирая свой народ, негритяноско-метисная буржуазия всячески тянется к «белым», которых, впрочем, тоже ненавидит. Стараются походить на «белых» во всем, — и прежде всего стремятся всеми способами сделать свою кожу более светлой, волосы менее курчавыми. «Знаете ли вы, — говорил Липсу упомянутый выше «белый» доцент Хэль, — что даже Обадия (ректор), Юм и Мак-Ли (профессора) затрачивают целые часы на отбелку своей кожи? Встречались ли вы с одним из них во время каникул, когда они не тратят лишних денег и времени и дают своей коже темнеть? Я сам уже видел Юма, Обадия и Мак-Ли во всех оттенках, от светло-желтого до коричневого. Они даже знают средство делать свою кожу, которая от природы глянцевита, тусклой и матовой» (стр. 274).

В руках подобных людей и находится воспитание и образование негритянской молодежи в Вашингтонском университете. Если сами профессора только и заботятся о том, чтобы во всем «походить на белых», то этим стремлением заражают они и студентов, на которых, впрочем, и вся окружающая среда действует в том же направлении. И у них преобладающее стремление — в том, чтобы у них было «все как в белом университете».

Состав студентов очень пестрый. «Они приходят отовсюду, с севера и с юга, с востока и с запада Соединенных Штатов, из Вест-Индии и Южной Америки, даже из Африки» (стр. 35—36). Чтобы познакомиться ближе со своими студентами, Липс попросил каждого из них написать для него свою автобиографию и был поражен разнообразием их происхождения. «Они происходили из Оклахомы, Филадельфии, Ямайки и Кентукки, из Виргинии, Южной Каролины, Нью-Йорка и Вашингтона. Некоторые прибыли из Южной Америки, иные из Вест-Индии, Либереи и Восточной Африки. Одним словом, это был пестрый букет цветной молодежи, которую привела в Хилл-топ судьба, собственная воля, честолюбие или тщеславие» (стр. 106).

Зачем же поступают негритянские юноши и девушки в свой «Хиллтоп»? К чему они стремятся? И в этом отношении налицо большое разнообразие. «Некоторые, — пишет Липс, — строили свои надежды до самого неба, видели здесь воплощение Утопии, тогда как другие признавали открыто, что хотят накопить знания, которые они позже употребят на своей южной родине «для борьбы против белых». Некоторые девушки рассчитывали своими занятиями в Хиллтоне существенно повысить свое социальное положение, а юноши надеялись подготовить себя для вполне определенных политических целей» (стр. 106).

Удовлетворяет ли университет этим разнообразным целям и надеждам студентов? В очень малой степени. Он оправдывает ожидания, быть может, только той прослойки студентов, выходящей из богатой буржуазной среды, которая ищет в нем средства удовлетворения своего тщеславия или пути к достижению доходных должностей. Для других он не выполняет и этой цели. Быт студентов обставлен с большой роскошью, но для большинства негритянских девушек и юношей, с трудом скопивших деньги для поступления в университет, эта роскошь приводит лишь к болезненному ощущению контраста между их временной комфортабельной жизнью в университете и той, которую они вели до поступления в него и к которой им придется вернуться по окончании. «Иная девушка, родом с Юга, — пишет Липс, — входит в элегантные комнаты (студенческие дортуары) чуть не с благоговением: она чувствует себя в них как какая-то кино-дива или сказочная принцесса. Безупречные постели, ковры, лампы, письменные столы и кресла напоминают обстановку роскошного отеля. Привыкшая к лишениям обитательница быстро акклиматизируется в этой обстановке. Ее мать, быть может, работающая где-нибудь в прислугах, даже и у своих господ никогда не видела подобного великоления, каким наслаждается теперь ее дочь в зданиях Хиллтона. Жительница этих комнат в полном восторге и через короткое время она воспринимает окружающую ее роскошь как нечто само собой разумеющееся. Но она не знает, что именно эта-то обстановка впоследствии отравит ей жизнь, когда она вернется в ту среду, которую предоставляет негру белая цивилизация» (стр. 130).

«Негритянский президент (т. е. ректор университета) может, пожалуй, гордиться тем, что он превратил собранные деньги и субсидии правительства в цемент и камень, он может гордиться тем, что имеет возможность показать поверхностному посетителю многочисленные и блестяще обставленные здания... Да и кто же будет задерживаться в негритянском университете и заглядывать, что скрывается позади фасадов? И белые и черные политики и члены-соревнователи правления университета с самодовольством смотрят на каждое вновь воздвигнутое здание, потому что для них это видимый знак их деловитости и горячего интереса в деле прогресса негритянской расы. Они не знают, что многие из студентов после короткого блестящего времени в Хиллтоне вернутся в негритянские хижинки и что они, с дипломом «бакалавра искусства» в кармане, должны будут работать уборщиками или кухарками, отверженные белым миром, который им только показал на недолгое время роскошь и равноправие. Тогда для них золотая карета Золушки сделается опять тыквой, прекрасные кони превра-

тятся в мышей, и ни один принц, ни сказочная фея не придут, чтобы дать им в будущем тот красивый мир, который они видели» (стр. 130—131).

Но это разочарование приходит к студентам и студенткам лишь после окончания университета. А та молодежь, которая идет в университет ища знаний, разочаровывается уже сразу. Конечно, в «Хиллтопе» есть знающие, способные, даже талантливые профессора, любящие науку,двигающие ее вперед. Но вся постановка учебного дела и научной работы в университете такова, что не поощряет их. Она рассчитана лишь на то, чтобы не отстать от «белых» университетов. И серьезно настроенные, стремящиеся к знаниям студенты сразу видят всю фальшь окружающий их «ученой» обстановки.

Липс передает свой разговор с одним таким студентом,— он называет его Джемсом Гобсоном,— который резко критиковал порядки и нравы в «Хиллтопе». «Что же вы сделали бы, если бы имели авторитет и власть? —спросил его Липс.— Ах, ничего! Ведь здесь все фальшиво.— Что все? — Весь университет. Мы о нем совсем иначе мечтали. Так унижительно видеть теперь истину. (Его голос дрожал, он, видимо, боролся со слезами).— Но, Гобсон, разве нельзя попытаться найти что-то лучшее, если вы видите промахи в каком-то учреждении? — Нет, нет. Здесь этого нельзя. Мы, студенты, бессильны. А другие думают только о себе. Вот уже 10 лет, как я стараюсь продвинуться, сдать экзамены, но все время встречаю препятствия. Каждый студент, который стремится к успехам в науке, наталкивается на препятствия со стороны своих учителей, потому что, если он выдается по своим способностям, то может оказаться опасным для них как будущий конкурент. Для нас, молодежи, нет надежды продвинуться в науке. Нас готовят к тому, чтобы стать грузчиками или так называемыми школьными учителями, которые опять будут учить невежеству. Лучшее бы нас оставили на хлопковых полях, чем показывать нам мир духовных стремлений и науки, не допуская нас в него. Дело в том, что здесь все „почти как в белом университете“. Вот потому-то мы все так и несчастливы. Причина заключается в этом „почти“. Ни черный, ни белый, ни подлинно религиозный, ни подлинно научный...» (стр. 135).

Так же смотрели на дело и некоторые из коллег Липса, пессимистически настроенные. «Пять профессий доступны негру,— говорил один из них с грустной иронией,— если только он не испорчен университетским образованием: носильщика, проповедника, кельнера, домашнего слуги и проводника в спальном вагоне. Но если он получил образование, то годится только в носильщики,— ежели, конечно, не сумеет стать школьным учителем или профессором» (стр. 78).

Поэтому средний культурный уровень, уровень общего образования у большинства студентов очень низок, что, впрочем, нередко отмечается и в «белых» университетах Америки. «Меня порой прямо пугали,— пишет Липс,— зияющие пробелы в общей подготовке (студентов) в области географии, истории, даже в знании более тонких слов английского языка» (стр. 105). Сами университетские власти вынуждены с неохотой признать, что более трети всех студентов числятся неуспевающими, хотя половина этих неуспевающих получает все же стипендии (стр. 321).

Но самое большое зло в быту студентов «Хиллтопа» — это не низкая успеваемость, а глубоко вкоренившаяся идеология расизма, развращающая сознание молодых негров — питомцев университета. Как проникает она в их сознание?

Как уже говорилось, ученики Липса по его просьбе писали свои автобиографии и передавали их ему. «Хотя я и не требовал этого от своих учеников, но почти в каждой из их работ было рассказано со всеми подробностями о том потрясающем моменте, когда ребенок впервые вдруг осознал, что он принадлежит к иной расе, которая имеет другие права и обязанности, чем белый мир. Многие прямо признавали, что этот момент оказал решающее влияние на всю их дальнейшую жизнь и что в нем лежит объяснение их взгляда и на свое личное будущее и на будущее их расы» (стр. 107). «Я пробудился в небольшом южном местечке Аррингтоне, Виргиния,— писал например один из студентов, как раз упоминавшийся выше Гобсон. «Обычно он жил на Востоке,— излагает его биографию Липс,— но каждое лето ездил с матерью на ее родину, именно в Аррингтон. Однажды, по окончании летних каникул, он вместе с ней ожидал на вокзале нью-йоркского поезда. Он был тогда еще маленьким и, играя, пробежал через дверь, над которой было написано: „Только для белых“. Тут поднялся со скамейки белый мужчина и сказал матери Гобсона: „Уберите отсюда мальчика“. Автор биографии прибавляет: „До сих пор закипает у меня кровь в жилах, как только я об этом вспомню“. Он рассказывает далее, как его мать повела его в грязный, запущенный зал ожидания, над которым висела надпись: „Для цветных“, — и она возмущалась по поводу того, что здесь не было прибавлено слово „только“, как в „белом“ зале ожидания» (стр. 108).— Аналогичные рассказы Липс читал и в других автобиографиях.

Если затем негритянский юноша или девушка попадает в «белый» университет (в северных штатах это для негров возможно), то им приходится больно ощущать на себе оскорбительную расовую дискриминацию. Одна студентка рассказывала Липсу, как ей удалось поступить в Высшую торговую школу в Филадельфии. Она оказалась там единственной негритянкой, и ей приходилось сидеть на скамейке всегда одной, — никто не садился с ней рядом. «Служитель был единственным человеком, отвечавшим на ее приветствия» (стр. 109).

Но вот негритянская молодежь попадает в свой собственный университет — при этом в самый лучший из них, в Хоурдский университет («Хиллтоп») в Вашингтоне.

Здесь негры сами хозяева, белые не могут их унижать. Казалось бы, хоть здесь могут они забыть на время о расовой дискриминации, почувствовать себя полноправными людьми. Но отравка расизма преследует их и здесь. В общественной жизни студентов главную роль играют студенческие корпорации, «братства» и «сестринства». Членство в них придает общественный вес человеку, не-члены корпораций — парии в студенческой среде. Корпорации сами распределяются по рангам. Особенно резко заметно это в женских корпорациях — «сестринствах» (sororities). Они, как и мужские «братства», устроены по образу и подобию студенческих корпораций в «белых» университетах, и — что самое поразительное — в них господствует тот же расистский принцип: допуск в «сестринство» того или иного ранга определяется прежде всего расовыми качествами кандидатки, ее внешними данными и меньше всего академическими успехами. Чем светлее у девушки цвет кожи, чем меньше курчавятся ее волосы, чем более она походит на «белую», — тем больше у нее шансов попасть в «сестринство» высшего ранга. Этих «сестринств» всего три, и они обозначаются, опять-таки по образцу «белых» университетов, греческими буквами: высшее из них называется «Дельта — сигма — тета», второе — «Альфа — каппа — альфа», низшее — «Дзета — фи — бета».

В руки Липса попал неофициальный, даже считающийся секретным, перечень требований, которым должны удовлетворять кандидатки в то или иное из «сестринств». Перечень этот поразителен до цинизма. Вот что в нем написано:

«Члены сестринств Дельта — сигма — тета, Альфа — каппа — альфа и Дзета — фи — бета подбираются по своему общественному положению и по эстетической красоте следующим образом:

Дельта — сигма — тета:

1. Цвет кожи: светлый или светлокоричневый.
2. Волосы: гладкие, безупречно причесанные.
3. Фигура: миловидная и стройная.
4. Общий вид: выделяющийся, способный в любом обществе возбудить внимание.
5. Общественное положение: хорошая семья, или по крайней мере родственники, которые состоят или будут состоять членами «Дельты»
6. Академические способности: удовлетворительные.
7. Популярность: выделяющаяся.

Альфа — каппа — альфа:

1. Цвет кожи: среднекоричневый или светлый.
2. Волосы: гладкие, безупречно причесанные.
3. Фигура: не имеет значения.
4. Общий вид: сдержанный или робкий.
5. Академические способности: хорошие.
6. Популярность: средняя.

Дзета — фи — бета:

1. Цвет кожи: темнокоричневый.
2. Волосы: обычные, некрасивые.
3. Фигура: не имеет значения.
4. Общий вид: ниже среднего, невзрачный.
5. Академические способности: выдающиеся.

Члены Дзеты, вследствие их некрасивой внешности, не приглашаются другими сестринствами к их собраниям, за исключением приемов, к которым допускаются все студентки. Это сестринство не устраивает чаепитий или общественных вечеринок для поступающих, так как члены его не имеют доступа к другим сестринствам» (стр. 125—126).

Несмотря на нелепость, даже оскорбительность этих «требований» к поступающим, студентки всячески стремятся попасть в члены «сестринств». Отказ в приеме составляет для некоторых серьезную личную трагедию. Один такой случай передает Липс — маленькую трагедию негритянской девушки; вот что рассказала ему студентка Муриель Фаулер: «Когда приближалось время вербовки новых членов (это делается поздней осенью), она, как и многие ее подруги, проводила дни и ночи в тревожном ожидании, надеясь, что ее изберет членом одно из двух высших сестринств. Она вполне сознавала свой „физический недостаток“ — как она сама его называла, — состоящий в очень темном цвете кожи. Но так как она обладала выше чем средней интеллигентностью и очень тонкими чертами лица, то надеялась все же, что исполнение ее сердечного желания возможно. Она ждала и ждала — и вот срок уже прошел, и ни одно из сестринств не пожелало иметь ее членом». «„Они отказали мне из-за моей черной кожи“, — рыдала она» (стр. 125). — «Я читался, — пишет Липс, — растолковать ей, что сообщество, которое подбирает своих членов исключительно по внешним качествам,

ником образом не может быть предметом стремлений для интеллигентного человека. Ведь каждое из первых четырех требований к поступающим, напр. в „Дзету“, является чистым оскорблением для цветной девушки: о членах ее заранее предполагается, что их кожа „темно-коричневая“, волосы „обычные, некрасивые“, что означает „курчавые и жесткие“, кроме того, им обещается не обращать внимания на их фигуру, а в насмешку прибавляется, что научные способности члена с подобными физическими качествами обычно бывают „выдающимися“.

А другие, самые „изящные“, высшая цель всех мечтаний: Дельта — сигма — тета! Судя по описанию, они подбирали в свои сочлены каких-то манекенов, которые совмещали в себе два странные качества: необычайную личную привлекательность, которая должна возбуждать внимание „в любом обществе“, и умственные способности, которые должны быть лишь „удовлетворительными“.

Расистское пренебрежение среди негров в негритянском университете! Различия цвета кожи, расовые признаки в качестве критерия общественного положения негра среди негров!

Муриель понимала это: „...Но ведь дело не в моих личных взглядах,— сказала она,— кто не принят в свою среду ведущими сестринствами, тот с общественной точки зрения не что иное, как кусок грязи!“— „Кусок навоза“,— прибавила она для усиления (стр. 127).

Но как будто мало унизости тех требований, которые предъявляются к будущему члену «сестринств»: поступающие подвергаются, кроме того, тяжелым и унижительным испытаниям. Они должны доказать свое смирение и покорность безропотным исполнением всяких тяжелых и грязных работ. Но и это считается недостаточным, и перед окончательным приемом в члены кандидаты должны пройти двухнедельный период особого испытания и «великого унижения»: период этот наступает после 2-летнего пребывания студента или студентки в университете и падает на октябрь. «Каждое из сестринств... требовало от поступающих ношения особого костюма, который заметно отличался бы от костюма других групп. Ни один из этих костюмов не был красив. Но это была нарочно придуманная одежда Золушки, чтобы сломить мятежный индивидуалистический дух кандидатки. Через покорность ее воспитывали для более высокой жизни. Вот почему в университетском парке появлялись привидения, вид которых мог испугать и храброго человека.

Союз „Дельты“ заставляет своих кандидаток носить белые блузы, из-под которых выглядывают белые шаровары; на шароварах в то место, на которое садятся, нашивается большой красный лоскут. Кандидатки носят также белые чулки, черные башмаки с низким каблучком и красную ленту в волосах. На шее у них висят вырезанные из картона три греческие буквы — дельта, сигма и тета, эмблемы сестринства. Но это еще не все. Костюм дополняется также ручной ношей в виде пустого чемодана или зонтика, который кандидатка должна при каждой встрече со „старшей сестрой“ торжественно поднимать вверх в знак приветствия» (стр. 121—122).

Союз «Альфа — каппа — альфа» тоже предписывает кандидаткам ношение костюма, который подчеркивает их неполноправное положение. Но наибольшим унижением подвергаются девушки, вступающие в «низший» из всех союз «Дзета — фи — бета», члены которого обладают самым темным цветом кожи. «Их лица были так черны, что они в обычной жизни принуждены были с болью отказываться от употребления губной помады и румян, применяемых другими студентками. Но теперь сестринство заставило их делаться клоунами и еще более подчеркивать свой „физический недостаток“, темный цвет кожи, которого они стыдятся, путем чрезмерного употребления косметики. Под слоем яркокрасной губной помады кожа их отливала фиолетовыми тонами, и их несчастные лица казались поистине страшными. Предписанная им на эти две недели испытания одежда состояла из белого хлопчатобумажного платья, с белыми чулками и башмаками, с синими и белыми лентами в волосах» (стр. 123).

Накануне дня торжественного принятия в сестринство «вечер посвящается самым худшим испытаниям». «Старшие сестры» бют кандидаток особыми вселовидными палками, которые перед тем нарочно изготавливаются самими кандидатками. Этим они должны доказать «свою способность переносить телесные наказания» (стр. 123). «Я никогда не мог понять,— пишет Липс,— зачем считается необходимой эта физическая мерзость, когда уже одних психологических унижений за предыдущие две недели было бы поистине вполне достаточно» (стр. 123).

Но и принятие в корпорацию приносит удовлетворение только более богатым из студенток. «Когда страдания перенесены и искомое звание получено, то часто начинались новые мучения, которые были тем тяжелее, что их надо было по большей части скрывать. Сестринство налагало на своих сочленов очень большие денежные обязательства, и нередко гордые гречанки должны были тайно голодать, чтобы быть в состоянии выступать в обществе соответственно своему званию, так как они принуждены были, особенно в первый год, участвовать во всех общественных собраниях. Большой ежегодный бал требовал особенно больших затрат в отношении наряда и прочих расходов, которые должны были соответствовать репутации сестринства. Чаепития и прочие званые вечера требовали непрерывных затрат. Многие члены говорили нам, что сестринство берет у них около 60 долларов в год. С большими жертвами они обычно собирали эти средства в течение первого года, когда они считались „новичками“, в дальнейшем они с меньшим старанием жертвовали деньгами, но при этом и их влия-

ние и авторитет уменьшались. Требуемая сумма составляла почти половину годовой платы за обучение, и кто знает, как тяжело было вообще студентам удерживаться в „Хиллтопе“ в денежном отношении, тому трудно понять, как это сестринства вообще имели еще членов» (стр. 124).

Мужские корпорации студентов, «братства», носят несколько иной характер, в них расизм заметен меньше. «Повидимому,— пишет Липс,— в пяти студенческих союзах Хиллтопа цвет кожи членов далеко не играл такой роли, как у девушек. Главное значение придавалось спортивным способностям и умелому светскому обхождению, т. е. вещам, не относящимся к „расе“ студента». У корпораций имеются в городе, за пределами университетского городка, свои клубы, где студенты проводят время в развлечениях, попойках, не придерживаясь особенной строгости нравов. Липс слышал рассказы о так называемых «bull sessions» («бычьих заседаниях») студентов, с участием студентов, где дело доходит порой до полной распушенности (стр. 129).

Более серьезно настроенные студенты отрицательно смотрят на эти корпорации и отказываются в них вступать. Липс приводит речь одного из таких студентов, уже упоминавшегося выше Гобсона, против студенческих корпораций. «...Эти общества,— говорил Гобсон,— повидимому, были основаны для развития самых прекрасных человеческих качеств. Во всяком случае, так написано на бумаге, об этом говорят на собраниях. Но это неправда, и те добродетели давно уже вытеснены, грубостью и признаками вырождения... Так называемый „общественный престиж“! Он стал пустой оболочкой, а содержание его давно забыто. Разве могут три греческие буквы сделать имя человека лучше или хуже? Я не могу в это поверить. Я знал и знаю негодяев, которые на основе этих трех букв невыносимым образом чванятся перед окружающими...— Далее: я нахожусь здесь, чтобы учиться, заниматься наукой. Я не могу каждый вечер, каждую ночь пить виски и предаваться так называемым развлечениям в компании людей, которые заимствуют свои моральные оценки из области, ничего не имеющей общего с духовными стремлениями... Я приехал в Хиллтоп, чтобы обогатить свои знания, а не для того, чтобы стать пьяницей.— Да я и не имею материальной возможности, даже если бы хотел, войти в эти объединения, так как я должен зарабатывать на хлеб насущный. Каждый семестр должен я... голодать и копить деньги, чтобы внести плату за обучение. И если у меня иной раз и есть лишние несколько центов, я куплю себе лучше новую рубашку, чем стремиться к недостижимому для меня членству в клубе богатых и чванливых полуидиотов» (стр. 132).

«Что достойно глубокого сожаления,— говорил далее студент,— это то, что союзы располагают большим влиянием на ход студенческой жизни. Это, к сожалению, правда, что все важные решения в этой области принимаются почти исключительно ими, и что не-член общества, будь он и интеллигентным, не имеет никакого влияния...» (стр. 133).

«Вы так ясно все это для себя продумали, Гобсон,— сказал Липс, выслушав длинную и взволнованную речь студента,— что я положительно удивлен».

«О, это вовсе не мои собственные мысли. Я расспрашивал моих друзей и коллег желая узнать, почему они не вступили членами в объединения. Более 50 человек не-членов говорили со мной об этом, одни подробно, другие вскользь. То, что я сказал, то примерно общий обзор всех их мотивов. Я затем пытался применить эти мотивы к себе самому, и многие из них оказались правильными».

«Более 50 не-членов?».

«Да, юноши и девушки. Около трети из них отмахивались от меня общими замечаниями: „у меня слишком много дела“, „они меня не интересуют“, „я о них ничего не знаю“. Но и это уже было интересно. А другие говорили о таких же трудностях, с которыми боролся и я.— Далее Гобсон объяснил, что эти «не-члены» либо очень бедны, либо обладают слишком черным цветом кожи, либо близоруки и носят очки,— и иные просто принципиально отрицают корпорации, в силу своих демократических взглядов (стр. 134—135).

Особенно тяжело действуют расистские обычаи Хиллтопа и вся система дискриминации в США на студентов—выходцев из других стран, которые на своей родине не привыкли к этим диким порядкам. В качестве примера Липс рассказывает об одном ямайском негре по имени Оливер. Высокого роста, атлетического сложения, с очень темным цветом кожи, он был образцом красоты негрской расы. Выходец из богатой семьи, он у себя на Ямайке привык к независимости и никогда не чувствовал своей расовой «неполноценности». Первые же впечатления по приезде в Вашингтон тяжело поразили его. «Я думал, что приехал в университет, а не в институт для „цветных“. Я впервые тогда подумал: „кто же я такой?“. Я и теперь еще не оправился от этого разочарования». «Господствующая в этом учебном учреждении „цветная граница“ была ему до тех пор неизвестна и непостижима. Царящие здесь расовые предрассудки он называл „скандалом“! Они приносили ему одно разочарование за другим». Тяжелые впечатления доставляли ему то и дело прогулки по городу. Раз в воскресенье он захотел пойти в церковь. «Так как я не знал города, то спросил у товарища-студента, где самая близкая методистская церковь. Он назвал подходящую „цветную“ церковь, на что я, ничего не подозревая, ответил вопросом: „Какой же она цвет имеет? Что она, красная, зеленая, желтая или как?“ Он посмотрел на меня, рассмеялся и заметил: „Я вижу, вы еще ни о чем не знаете“. Постепенно Оливер стал понимать, что озна-

чали слова, сказанные ему одним студентом еще при записи в университет: «Это Америка!» (стр. 145—146).

Насмотревшись на расистские порядки в университете, Оливер проникся глубоким отвращением к ним. «Эти всезнайки здесь, в Хиллтопе,— говорил он страстно и горячо,— вся эта метисированная компания, которая не черна и не бела,— конечно, не они будут нашими вождями в борьбе за освобождение негра. Мы ненавидим их! Мы презираем их! — Я мог бы быть немцем или русским... Но я вестиндец, я вырос под гнетом британского империализма. И я не только вернусь на свою родину, чтобы поднять на восстание весь остров, но я посвящу себя также борьбе против этих так называемых негров, которые выходят из подобного рода университетов!» (стр. 146—147).

Под влиянием подобных разговоров, встреч, впечатлений у Липса сложилось, как он пишет, своеобразное представление о той национальной среде, в которую он попал. Он много путешествовал и наблюдал много разных народов: но здесь перед ним был какой-то особый народ, потерявший национальное лицо. «До нашего сознания все яснее доходило, что мы отправились в некую странную экспедицию. Мы были теперь не в Африке, не в Лабрадоре, не в Америке. Мы были не у негров, и не у индейцев, и не у белых. Это была экспедиция в сумеречный мир» (стр. 279). «Экспедиция в сумеречный мир» — так назвал Липс и свою книгу.

В Вашингтонский университет заехал гость: один африканский князь, получивший образование в Оксфорде. Познакомившись с местными порядками и нравами, он сказал Липсу, когда подавал ему на прощание руку: «Вы называете это негритянским университетом? Я не видел тут еще ни единого негра,— ибо негр горд, а эта...», — из деликатности он не закончил фразы (стр. 332).

Так воспитывает американский империализм своих цветных лакеев. Отвратительное лицо «белого» расизма отражается в кривом зеркале негритянско-буржуазного национализма и порождает архи-уродливые образы «цветного» расизма, который стыдится своего собственного народа, а к господствующему народу относится с враждебной завистью, в то же время по-обезьяньи ему подражая.

Проработав в Вашингтонском Хоуордском университете два года, основательно ознакомившись с его порядками, Липс пришел к выводу, «что теперешний путь воспитания негров является ложным в корне» (стр. 327). Он понял, кроме того, что и вообще «буржуазный общественный строй Америки не в состоянии и не будет в состоянии разрешить негритянскую проблему» (там же). В предисловии к своей книге он пишет, — и с этими его словами нельзя не согласиться: «Кто знает структуру американского хозяйства и общества, тот знает, что негритянская проблема, особенно во времена кризисов, является и останется одной из острейших политических проблем, а разрешение ее... в капиталистическом государстве с его типичной общественной и хозяйственной структурой просто невозможно, так что и предпринятые поверхностные попытки ее решения ни к чему не могут привести. Лишь преодоление классовых и расовых противоречий в Соединенных Штатах, преодоление капитализма как такового является предпосылкой решения негритянского вопроса. Но это может произойти только в социалистическом обществе» (стр. 13).

Б. А. Липшиц, С. А. Токарев

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СОВРЕМЕННОЙ РЕАКЦИОННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ¹

Среди идеологических средств империализма, направленных на борьбу с лагерем демократии и социализма, особое место занимают исследования, написанные с космополитических позиций. Духом космополитизма наполнены страницы американской реакционной прессы, космополитические идеи вложены в уста героев голливудских фильмов, космополитизм стал особенно модным в рядах реакционных американских ученых, в том числе и среди американских фольклористов и литературоведов.

Ярким образчиком космополитизма может служить вышедшая в 1949—1950 гг. в Нью-Йорке книга под заглавием «Общий словарь фольклорной мифологии и легенд». В составлении «Словаря» принимали участие видные американские фольклористы. Среди авторов статей, помещенных в «Словаре», мы встречаем имена Бениамина Альберта Боткина, Джонса Белиса, Александра Краппе. Здесь же принимали участие Луис Кларк Джонс, отрекомендованный в предисловии как «специалист по фольклору сверхъестественного»; Сватана Пиррова Якобсон, специалист по славянскому фольклору; Роман Якобсон, специалист по русскому и славянскому фольклору, и другие — всего 34 автора. В редакционной вступительной статье множество авторов, и кажущееся различие их взглядов особо подчеркивается: «Книга,— говорится там,— не при-

¹ Standard Dictionary of Folklore Mythology and Legend, Maria Leach Editor, Jerome Fried Associate Editor, Funk and Wagnalls company, v. I and v. II, New York, 1949—1950. Общий словарь фольклорной мифологии и легенд, под ред. Марии Ляч и Джерома Фрида, компания Функ и Уогнол, тт. I и II, Нью-Йорк, 1949—1950.

надлежит ни к одной «школе» фольклористики, не принимает ни одного определенного «метода», не защищает ни одной «теории». Она пытается представить все «школы», все «методы», все «теории» и дать их изыскания и дилеммы. Каждый участник был свободен в праве придерживаться своих собственных убеждений, пристрастий и сомнений» (т. I, стр. V).

Перед нами типичное для буржуазной науки стремление прикрыть разговорами о беспристрастности, объективности и свободе мнений классовую сущность различных антинародных теорий. В связи с этим вновь и вновь надо напоминать сказанное В. И. Лениным: «.....беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»².

Мнимая объективность обнаруживает свою классовую сущность при рассмотрении и главных, и второстепенных вопросов. Показателен в этом отношении центральный по важности раздел книги — «Определение фольклора». Перед основной большой статьей Краппе «Фольклор и мифология» помещено около двадцати определений других авторов «Словаря» (как отмечается в предисловии, для того, чтобы «представить все разнообразные и все противоположные точки зрения современной фольклористики», т. I, стр. V). Джонс Белис определяет фольклор как «традиционные произведения народов, первобытных и цивилизованных» (т. I, стр. 398). Альберт Бениамин Боткин считает, что «в чисто устной культуре все является фольклором» (там же). Еще более широко рассматривает фольклор А. Тейлор. «Фольклор, — говорит он, — состоит из материалов, которые переходят от поколения к поколению традиционно... Они могут быть физическими объектами, идеями или словами. Фольклор физических объектов включает в себя формы и способы употребления инструментов, костюмов и формы деревень и домов. Фольклор жестов и игр занимает среднюю позицию между фольклором физических объектов и фольклором идей. Типичными для фольклора идей являются обычаи, ассоциируемые с рождением, женитьбой и смертью или с меньшими событиями в жизни — со средствами от болезней и ран, с сельским хозяйством, с традициями и профессиями, с религиозной жизнью, особенно с Рождеством Христовым и пр.» (т. I, стр. 402). К разделу «фольклора слов» Тейлор относит собственные имена, географические названия и прозвища. Мариус Барбю определяет фольклор, используя следующие образные картины: «Если где-нибудь летится колыбельная песенка; если где-нибудь песня, загадка, присказка, рифма употребляется в целях назидания... если мать показывает дочери, как шить, вязать, вышивать, сделать покрывало, спечь пирог по старинному рецепту... если где-нибудь крестьянин показывает сыну, как по луне и ветрам предсказывать погоду..., то во всех этих случаях мы видим фольклор» (т. I, стр. 398).

Что сразу бросается в глаза, когда читаешь все эти и подобные им определения? То, что философской основой этих взглядов, как правило, является позитивизм — одно из наиболее модных в настоящее время философских направлений в США. Прогрессивный английский философ Морис Корнфорт в недавно опубликованной им книге «В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма» писал о позитивизме: Это — «космополитическая философия, заимствующая отходы философии из каждой европейской страны и ныне усердно культивируемая в США, где она сочетается с прагматизмом и откуда она реэкспортируется обратно для «блага» европейских народов, которые должны обеспечить рынки и сферы вложения американского капитала, а также базы и людскую силу для захватнических авантур американского империализма»³.

Определяя фольклор, американские фольклористы сознательно отказываются заглянуть в глубь определяемого ими предмета. Характерными, основными, решающими признаками фольклора они провозглашают такие моменты, как традиционность, устность, примитивизм. Традиционность и устность нельзя не рассматривать в ряду различных признаков и свойств фольклора, однако они не являются главными и решающими.

Отрывая фольклор от реальной жизни, его породившей, и народа, творца, его создавшего, американские реакционные ученые ставят своей задачей изучение отдельных образов и сюжетов, развивающихся якобы спонтанно, вне всякой связи с действительностью.

Исходя из этой задачи, авторы «Словаря» и построили свою книгу так, что в качестве узловых моментов читателю представлены не конкретные произведения народного творчества, типичные для той или иной эпохи, той или иной страны, не прогрессивные идеи, выраженные в художественных образах, не народные герои, а абстрактные схемы путей распространения мотивов, лишенные национальных черт образы, данные вне связи со временем и действительностью, в которой они возникли. В «Словаре» имеются специальные статьи, посвященные описанию таких «мировых» сюжетов и мотивов, как, например, «покинутые дети», или «кошка лижет мордочку

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 3.

³ Maurice Cornforth, In Defence of Philosophy against Positivism and Pragmatism, London, 1950, стр. 244.

перед едой», или мотив «ягоды зимой», «перемена пола» и т. д. Не только сюжеты и мотивы, но даже отдельные их моменты удостоены в «Словаре» специальных статей. Такова, например, обширная статья Терезы С. Брейклей о колоколе, которая начинается так: «Колокол. Пустой сосуд, обычно из металла, звучащий при помощи отдельного молоточка и употребляемый в течение уже тысячелетий среди всех народов в качестве амулета для стимулирования плодородия почвы, как средство обращения к богу, а также в качестве целебного средства и чисто музыкального инструмента» (т. I, стр. 132—133). В таком же духе ложной академической «учености» написана статья о березе. Вслед за описанием коры и формы листьев березы, данным в начале статьи, автор рассматривает березу «в фольклорном аспекте». Сообщается, что береза известна: «1) в народной медицине; 2) в фольклоре Эстонии как символ страны; 3) книги Помпилиуса, согласно Плинию, были написаны на березовой коре; 4) в России ветки березы употребляются в бане для того, чтобы ими хлестать свое тело» (т. I, стр. 134) и т. д. и т. п. Характерна также статья Поттера, посвященная «проблеме бороды». Ссылаясь на труды многочисленных ученых, Поттер подробнейшим образом рассказывает о роли бороды у различных народов и в конце делает вывод о том, что борода — важнейший момент в фольклоре.

Среди компонентов мотивов и сюжетов, которым авторы «Словаря» уделяют специальные статьи, значительное место отведено вопросам сексуальной жизни (см. статьи о поцелуях, о фаллизме и пр.). Пристальное внимание авторов «Словаря» к половым вопросам согласуется с популярностью в американской этнографии сексуальных теорий Фрейда (на них охотно ссылаются авторы «Словаря»). В соответствии с теориями Фрейда американские фольклористы готовы связывать фольклор и с сексуальными процессами, и с ненормальной психикой человека. Наряду с этим авторы «Словаря» уделяют много места вопросам связей фольклора с религией. Характерно такое утверждение А. Краппе: «В большинстве случаев фольклор, главным образом местные легенды, черпали свои существенные материалы из наблюдений в сфере психических изысканий и ненормальной психологии... Но еще теснее связь фольклора и религии, в особенности так называемой неофициальной... но также и официальной» (т. I, стр. 404).

Внимание к проблемам религии сказывается, в частности, в том, что добрая треть статей в «Словаре» посвящается описанию различных религиозных сюжетов и образов. Здесь можно найти и «биографию» Каина и Авеля, и все чины и отличия ангелов и архангелов, и подробные описания загробного мира; здесь же в изобилии представлены подробнейшие сведения о домовых, леших и прочих жителях мира сверхъестественного, характерных для верований различных народов. Достаточно сказать следующее: в «Словаре» о русском фольклоре нет специальной статьи; но домовому, баннику, овиннику и хлевнику посвящены специальные абзацы.

Внимание к суевериям объясняется стремлениями американских ученых подчеркнуть самые отсталые элементы в фольклоре. Низшую степень развития, некультурность, изолированность от очагов цивилизации авторы «Словаря» не стесняются прямо называть единственными условиями для жизни фольклора. Так Ральф Стилл Боггз в своей статье «Предмет, наука и искусство фольклора» пишет: «Фольклор живет своей полнейшей и наиболее естественной жизнью только вдали от цивилизации» (т. II, стр. 691). Развивая свои мысли далее, Боггз заявляет, будто «для фольклора вопрос о том, что такое народ, не так уже и важен, так как каждый может быть народом, если есть для этого условия» (там же). Для этого стоит только уехать подальше от больших городов, в глухие дикie районы, включиться в царящие там фольклорные элементы, и вы сразу же станете «народом».

Из сказанного следует вывод. Занимаясь описанием «мировых» сюжетов и мотивов, американские фольклористы только на словах стремятся углубиться в «чистую» науку, а в действительности даже самые сюжеты подобраны так, чтобы отвечать одной задаче — проповеди на материалах фольклора обскурантизма, религии и космополитизма.

Проповедь космополитизма, проповедь отказа от любви к своему отечеству и его национальной культуре наиболее откровенно звучит в упомянутой выше статье Боггза.

«Изучение материалов фольклора, — пишет он, — должно способствовать лучшему взаимопониманию между различными народами мира повсюду, где их внешние национальные различия в народной культуре мешают им оценить общечеловеческие черты, которыми они все обладают» (т. II, стр. 692). И далее, обращаясь к своим коллегам, Боггз предлагает им следовать ботанику, который, изучая то или иное растение, интересуется в первую очередь самим растением, а уже потом только почвой и удобрением, необходимыми для растения. Так и фольклористу, говорит Боггз, надо на первый план ставить сам сюжет, а уже потом только «область и группу, в которой его нашли». Мыслям Боггза вполне отвечает пропагандируемые на страницах «Словаря» новейшие теории диффузии и аккультурации. Опираясь на признание надмирной единой космополитической культуры, развитие которой заключается лишь в новых комбинациях старых форм, сторонники теорий диффузии и аккультурации стараются доказать, что происходит постоянный процесс «перелива» культуры из стран более развитых в страны менее развитые. При этом все подводится к утверждению: наиболее развитой страной являются США. В статье, посвященной американскому фольклору, Бениамин Альберт Боткин так прямо и говорит, что американский фольклор — это фольклор особого типа. К нему не подходит «определение фольклора Старого Света, сино-

нимичное со словами «пережитки», «крестьянство», «примитивность» и т. д. «Фольклор Америки тесно связан с современностью, потому что,— убеждает читателя Боткин,— в такой стране, как Америка, люди становятся героями при своей жизни», а значит, возникает почва для сказаний не только на общемировые сюжеты, но и о «героическом» американском образе жизни. В статье Боткина нет упоминаний о свободолюбивых песнях негров, борющихся против порабощения, о революционных песнях американского пролетариата. Вся статья направлена на восхваление идеала «свободной, ловкой, открытой жизни, самоуверенной и индивидуалистичной, навсегда увековеченной в американских героических сказаниях и песнях» (т. I, стр. 47).

В противоположность американскому фольклору, точнее, указанным ненародным элементам его, искусственно представляемым в виде творчества трудового народа, фольклор всех других народов по существу представлен лишенным национальных особенностей.

Так широко известные сказания о швейцарском национальном герое Вильгельме Телле, борце за свободу и национальную независимость, в «Словаре» представлены лишь как видоизменения древнегреческого мифа об Алконе. Все богатство европейского фольклора в интерпретации А. Краппе выглядит лишь как жалкие остатки некоего древнего средневропейского культурного центра (около 3000 лет до н. э.— уточняет его временные координаты автор). Но даже и этому древнему источнику европейского фольклора Краппе отказывает в самостоятельности. Из его статьи следует, что около $\frac{1}{5}$ всех сюжетов Европы восходит к еще более раннему источнику, чем этот средневропейский працентр,— к древнеиндийской мифологии.

В «Словаре фольклорной мифологии» нет не только разбора, но даже краткой справки о многих важнейших образах и сюжетах. В нем, например, ничего не сказано о мифе о тираноборце и боготорце Прометее, образ которого привлекал внимание всех прогрессивных писателей мира. Нет в «Словаре» хотя бы простого упоминания справки о сатирических народных сказках, песнях, анекдотах, в которых народ выражал свою ненависть к царям, феодалам и попам. За многословными рассуждениями о роли муравьев в фольклоре, о магическом значении слова «абракадавра», об египетских средствах против дьявольского глаза и т. п. авторы «Словаря» пытаются скрыть подлинную сущность творчества трудящихся народных масс. Особенно постарались американские ученые ложно охарактеризовать творчество славянских народов.

В своей статье о славянском фольклоре Сватана Пиррова Якобсон рассматривает художественное творчество славян, исходя из утверждения о том, что фольклор — продукт отсталости и некультурности. Среди причин, обусловивших сохранение и развитие славянского фольклора, главными, по мнению Якобсон, являются «превалирование сельского населения», «высокий процент неграмотности», а также «важная роль фольклора для поднятия национального самосознания в тех славянских странах, где письменная литература на родном языке развилась только в прошлом веке или где развитие письменной литературы было прервано в течение веков» (там же).

Как видно, не с многовековой, героической борьбой славянских народов против внешних и внутренних угнетателей связывает Якобсон богатство и всемирное значение славянского фольклора, а с некультурностью, с неграмотностью и отсталостью, которые якобы являются отличительными чертами славянских наций.

Ни слова не говоря о национальных чертах славянского фольклора, Сватана Пиррова Якобсон отмечает лишь, что значительное количество славянских сюжетов «восходит к древнему мифологическому субстрату» и «блуждающим героическим мотивам», и затем переходит к анализу отдельных жанров славянского фольклора. Внимание Якобсон привлекают прежде всего драмы, так как якобы они устойчивее других хранят древние черты. Совершенно не касаясь идейного содержания, даже не упоминая об острой сатире в народных драмах, направленной против угнетателей народа, Якобсон пытается рассматривать народную драму в свете теории аристократического происхождения фольклора. Русская народная драма, для которой как раз особенно характерна острая социальная сатира, согласно утверждениям Якобсон, «черпала свое вдохновение из театральных представлений и литературы высших классов» (т. I, стр. 1020).

Русские народные пословицы и поговорки, которыми может гордиться русское народное творчество за их удивительную художественную образность и глубину народной мудрости, трактуются в статье Якобсон как заимствования из ходячих «средневековых афоризмов и дидактических рассказов». Замечательные русские народные сказки, песни, плачи отмечены лишь вскользь и то только затем, чтобы сказать, что из них поется, а что сказывается. О глубине идейного содержания этих жанров не говорится решительно ничего.

Богатейший, в своей основе демократический славянский эпос оказывается характерен тем, что «прославлял правящие круги страны» (там же). Русский богатырь, по словам Якобсон,— это обычно «выдающаяся личность из свиты князя». Главным русским богатырем назван Добрыня. Только ему из всех героев русского народного творчества посвящены два абзаца в «Словаре»⁴. В одном из них Мак Эдвард Лич пишет:

⁴ Правда, есть еще одна героиня русского фольклора, удостоенная чести фигурировать на страницах «Словаря». Это — Баба-Яга, рекомендуемая читателю как «женский представитель мира сверхъестественного в русском фольклоре» (стр. 100).

«Добрыня Кикитич или Добрыня Никитич. Русский исторический персонаж, известный благодаря своей галантности (courtesy); центральная фигура и герой различных былин Владимиров цикла; победитель страшного Дракона (или змея) с двенадцатью хвостами». Далее автор знакомит читателя с другими подвигами Добрыни: убийство голубя Маринки, столкновение с Алешей Поповичем, и вскользь упоминается о борьбе Добрыни с татарами. А второй абзац Лич посвящает специально былина о Добрыне и Алеше Поповиче (это также единственная былина, которой уделяется место в «Словаре»). Былина, по словам автора, «представляет особый интерес для фольклориста благодаря своему непосредственному отношению к теме германского князя Морингера». «Это,— продолжает Лич,— старая история об Одиссее и Пенелопе, история о герое, который уезжает на другое утро после свадьбы в далекие страны, на войну (обычно на войну с драконами). Он оставляет свою молодую жену ожидать его семь лет. Она ждет весь указанный срок и даже больше, но Добрыня задерживается, и ее заставляют силой вступить в новый нежелательный ей брак с Алешей Поповичем. Но как раз в то время, когда начался традиционный свадебный обряд опускания колец в чашу, возвращается переодетый Добрыня. Алеша с позором разоблачен» (т. I, стр. 318).

Добрыня, а не Илья Муромец или кто-нибудь другой из богатырей, привлечение американских фольклористов, потому что в былинах о нем имеются моменты, издавна используемые космополитами, отрицавшими национальные черты русского богатырского эпоса.

Анализируя быliny, авторы «Словаря» оставляют в стороне главное в характере Добрыни — высокий патриотизм и сознание необходимости служить на благо Родине и, цепляясь за второстепенное, раздувают и придают неправильный оттенок разнообразной талантливости богатыря, превращая его в рыцаря, культивирующего служение прекрасной даме, и тем самым делая Добрыню бледным подражанием героям западного феодального эпоса. Самый образ Добрыни предстает в «Словаре» как видоизменение все тех же всемирных кочующих сюжетов, мотивов из цикла Пенелопы и Одиссея. В результате национальные черты русского народного эпоса, его волнующий патриотизм, его свободолюбие полностью нивелируются.

А. А. Жданов в своем выступлении на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» говорил:

«Одержанная в Великой Отечественной войне блестящая победа социализма, которая явилась также блестящей победой марксизма, стала костью поперек горла империалистов. Центр борьбы против марксизма ныне переместился в Америку и Англию. Все силы мракобесия и реакции поставлены ныне на службу борьбы против марксизма. Вновь вытаснены на свет и приняты на вооружение буржуазной философии, служанки атомно-долларовой демократии, истрепанные доспехи мракобесия и поповщины: Ватикан и расистская теория; оголтелый национализм и обветшавшая идеалистическая философия; продажная желтая пресса и растрепанное буржуазное искусство. Но сил, видимо, не хватает. Под знамя «идеологической» борьбы против марксизма рекрутируются ныне и более глубокие резервы»⁵.

Идеологической борьбе против марксизма служат и многие специальные издания по народному творчеству. Проповедь космополитизма, проповедь неверия в творческие силы народных масс, проповедь религии и обскурантизма — главная цель всех подобных изданий. К таким изданиям должен быть отнесен и «Общий словарь фольклорной мифологии и легенд», который поистине может быть оценен советским читателем как энциклопедия современной реакционной американской фольклористики.

Л. Землянова

⁵ А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», Госполитиздат, 1947, стр. 41—42.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1953 ГОДУ

- От Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР, (1), 3.
Тягчайшая утрата. (1), 7.
С. П. Толстов (Москва). Н. Н. Миклухо-Маклай (К 65-летию со дня смерти). (2), 3.
За тесное сотрудничество этнографов и историков. (3), 3.
М. Г. Левин (Москва). Н. Г. Чернышевский (К 125-летию со дня рождения). (4), 3.

Вопросы общей этнографии и антропологии

- П. И. Кушнер (Кнышев) (Москва). Об этнографическом изучении социалистической культуры и быта народов СССР (К итогам дискуссии). (1), 10.
П. Е. Терлецкий (Москва). О новом методе этнического картографирования (К вопросу о составлении «Этнической карты мира»). (1), 27.
И. И. Потехин (Москва). Новые задачи этнографии в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». (2), 10.
Б. И. Шаревская (Москва). Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии. (3), 9.
М. В. Витов (Москва). О классификации поселений. (3), 27.

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

- Б. О. Долгих (Москва). Некоторые данные к истории образования бурятского народа. (1), 38.
М. Ю. Браичевский (Киев). Об «антах» Псевдомаврикия, (2), 21.
С. А. Токарев (Москва). О происхождении бурятского народа. (2), 37.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- В. Ю. Крупянская (Москва). Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века. (1), 64.
Г. С. Маслова (Москва). Русские постройки Среднего Поволжья. (1), 88.
З. А. Никольская (Москва). Исторические предпосылки национальной консолидации аварцев. (1), 113.
Е. П. Бусыгин (Казань). Поселения и жилища русского сельского населения Татарской АССР. (2), 53.
Л. П. Потапов (Ленинград). Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. (2), 76.
С. М. Абрамзон (Ленинград). Опыт монографического изучения киргизского колхоза. (3), 38.
Л. Н. Чижикова (Москва). Декоративное искусство русских народных мастеров-строителей. (3), 61.
С. Ш. Гаджиева (Махачкала). Народное жилище каякентских кумыков. (3), 77.
А. И. Робакидзе (Тбилиси). Некоторые черты семейного быта чиатурских горняков. (4), 20.
Л. И. Лавров (Ленинград). Рутульцы. (4), 30.
Г. Е. Марков (Москва). К вопросу о формировании туркменского населения Хорезмского оазиса. (4), 41.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- Д. А. Ольдерогге (Ленинград) и И. И. Потехин (Москва). Этнический состав современного населения Западной Тропической Африки. (1), 125.
О. Н. Глухарева (Москва). Из истории китайского народного искусства. Вышивка. (1), 137.
Г. Г. Стратанович (Ленинград). Китайский политический плакат. (2), 103.

- И. А. Золотаревская (Москва). Национальное угнетение индейцев в США. На-
вахи. (2), 120.
Н. А. Кисляков (Ленинград). Персы (Этнографический очерк). (3), 92.
И. И. Потехин (Москва). Этнический и классовый состав населения Золотого бе-
рега. (3), 112.

Из истории этнографии и антропологии

- В. К. Соколова (Москва). Взгляды и исследования декабристов в области этно-
графии и фольклора. (2), 131.
М. О. Косвен (Москва). 100-летний юбилей русской этнографической прессы. (4), 56.
У. Б. Далгат-Чавтараева (Москва). Этнографические материалы в кавказских
повестях Л. Н. Толстого. (4), 70.

Дискуссии и обсуждения

- В. С. Бахтин (Ленинград). О некоторых проблемах фольклористики (В связи с тео-
ретическими положениями книги «Очерки русского народно-поэтического творчества
советской эпохи»). (2), 152.
А. И. Першиц (Бийск). О «военной демократии» (К вопросу о периодизации исто-
рии первобытного общества). (2), 163.
Отклики на статью С. А. Семенова «О сложении защитного аппарата глаз монгольско-
го расового типа». (2), 167.
А. Нечаев, Н. Рыбакова (Москва). О некоторых проблемах фольклористики
(По поводу статьи В. С. Бахтина). (3), 134.
Э. Померанцева (Москва). Некоторые вопросы изучения народного творчества
современности. (3), 142.
В. С. Сорокин (Ленинград). О локальных различиях в культуре нижнего палеолита.
(3), 145.
В. П. Аникин (Москва). О специфических особенностях народного творчества. (4), 80.
Л. Шведова (Москва). О некоторых проблемах фольклористики. (4), 88.

Народы мира

(Информационные материалы)

- Г. Г. Стратанович (Ленинград). Народы Патет-Лао в борьбе за национальную
независимость. (3), 161.
М. В. Райт (Москва). Народ кикую (Кения). (3), 170.
А. И. Собченко (Ленинград). Либерия. (4), 95.

Заметки. Сообщения. Рефераты.

- С. Ш. Гаджиева (Махачкала). Общественное и семейное положение женщины-ку-
мычки по данным фольклора дооктябрьского периода. (1), 153.
Д. В. Найдич (Москва). Одежда болгарского народа как образец народного твор-
чества (По материалам выставки 1952 г.). (1), 159.
А. А. Формозов (Москва). Из истории передвижений групп первобытного человека
в эпоху мезолита. (1), 168.
Ю. Ф. Хохол (Киев). Резьба по дереву в горных районах Черновицкой и Станислав-
ской областей УССР. (2), 172.
М. Е. Шереметева (Калуга). Тарусская артель вышивальщиц. (2), 179.
В. Л. Воронина (Москва). Заметки по народному зодчеству таджиков долины Зе-
равшана. (3), 176.
С. Кляшторный (Ленинград). Яксарт — Сыр-Дарья. (3), 189.
Р. Ф. Итс (Ленинград). Археологические исследования в Чжоукоудяне. (4), 109.
А. С. Бежкович (Ленинград). Этнографические рисунки Вл. Плотникова по быту
казахов. (4), 113.
А. Алиев (Махачкала). Брак и свадебные обряды даргинцев. (4), 120.

Хроника

- Л. Старцева (Москва). Координационное совещание по этнографическому изучению
социалистической культуры и быта народов СССР. (1), 173.
Резолюция координационного совещания по этнографическому изучению социалисти-
ческой культуры и быта народов СССР. (1), 180.
Л. Терентьева, О. Ганцкая (Москва). О работе комплексной Балтийской экс-
педиции в 1952 г. (1), 182.
И. Калоева (Москва). Вторая общегосударственная конференция этнографов Чехо-
словакии. (1), 190.

- Т. Жданко (Москва). Работа Института этнографии Академии наук СССР в 1952 году. (2), 189.
- М. Г. Левин (Москва). Полевые исследования Института этнографии в 1952 году. (2), 194.
- Л. Терентьева (Москва). Конференция по итогам работы комплексной Балтийской антрополого-этнографической экспедиции за 1952 год. (2), 197.
- О. Ганцкая, Н. Листова (Москва). XII сессия Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик (Подсекция этнографии). (2), 201.
- О. Корбе (Москва). Защита диссертаций в Институте этнографии. (2), 202.
- М. Гегешидзе (Тбилиси). Этнографическая выставка Грузии. (2), 211.
- В. Ф. Павлова (Казань). Собрание и изучение русского фольклора в Казанском филиале Академии наук СССР. (2), 213.
- Обсуждение работы журнала «Советская этнография» в Бюро Отделения истории и философии АН СССР. (3), 191.
- Н. Сабитов (Алма-Ата). Этнографическая экспедиция в Меркенский район Джамбулской области. (3), 195.
- Иван Коев (София). Задачи и достижения Института этнографии и Музея при Болгарской Академии наук. (3), 199.
- М. В. Воробьев (Ленинград). Находка ископаемого человека в Южном Китае. (3), 201.
- Постановление Президиума Академии наук Союза ССР о 300-летнем юбилее воссоединения Украины с Россией. (4), 125.
- М. Ломова, М. Козакевич, П. Жолтовский (Львов). Разведывательная этнографическая поездка в украинское Полесье. (4), 127.
- Г. Стратанович (Ленинград). Выставка промышленности и сельского хозяйства Китайской Народной Республики. (4), 132.
- И. Калоева (Москва). Первый конгресс польской науки и польская этнография. (4), 137.
- Борис Дмитриевич Греков . (4), 146.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- С. А. Токарев. О классификации языков в учебном пособии проф. А. С. Чикобава «Введение в языкознание». (3), 204.
- Б. Шаревская (Москва). Этнография Франции в период второй мировой войны и в послевоенные годы. (3), 208.
- Н. Бутинов (Ленинград). Журнал «American Anthropologist» в 1952 году. (3), 214.

Общая этнография

- М. Г. Левин, С. А. Токарев (Москва). «Культурно-историческая школа» на новом этапе (По поводу сборника «Kultur und Sprache»). (4), 148.
- А. А. Формозов (Москва). Ископаемый человек на территории СССР. (4), 156.

Народы СССР

- С. А. Токарев (Москва). Книги по истории освоения русскими Сибири. (1), 192.
- Л. П. Потапов (Ленинград). В. Н. Скалон. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. (1), 198.
- М. А. Сергиев (Ленинград). А. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. (1), 201.
- Р. Липец (Скопин). Фольклорные материалы из архива С. И. Гуляева. (1), 204.
- З. Никольская и Л. Акаба (Москва). Т. М. Керашев. Дочь шапсугов. (1), 209.
- К. В. Чистов (Петрозаводск). R. Trautmann. Das altrussische historische Lied. (2), 216.
- М. К. Азадовский (Ленинград). Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. (2), 218.
- Н. Степанов (Ленинград). Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). (2), 225.
- М. А. Сергеев (Ленинград). М. Венюков. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. (2), 230.
- А. Бежкович (Ленинград). Карта народов СССР. (2), 235.
- Г. П. Васильева (Москва). Вопросы туркменской этнографии в литературе 1950—1952 гг. (3), 221.
- А. Грач (Ленинград). Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. (4), 158.
- В. Налбандян (Ереван). Ценный вклад в изучение армянского народного творчества. (4), 160.

- К. И. Козлова (Москва). Д. И. Гусев. Поносовский колхоз «Правда». (4), 163.
 Э. Померанцева (Москва). О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. (4), 165.
 Н. А. Кисляков (Ленинград). М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. (4), 167.

Народы зарубежной Европы

- П. И. Кушнер (Москва). «Какое изображение мы видим на луне?» (Об Атласе немецкого народоведения). (3), 225.

Страны народной демократии

- Ю. В. Иванова (Москва). Buletin i Institutet të Shkëncavet (Обзор за 1948—1950 гг.). (1), 210.

Народы зарубежной Азии

- Н. Гусева (Москва). An Indian Outcaste. The autobiographie of an untouchable, by Hazari. (2), 237.
 Р. Итс (Ленинград). К вопросу об этнической истории народов Китая (По работе проф. Фань Вэнь-лая). (3), 229.

Народы Африки

- С. Смирнов (Москва). E. E. Evans-Pritchard, The Sanusi of Cyrenaica. (1), 216.
 М. В. Райт (Москва). E. Sylvia Pankhurst. Ex-Italian Somaliland. (1), 221.
 А. И. Собченко (Ленинград). Ethnographic Survey of Africa. (2), 237.
 Л. Яблочков (Москва). Ph. Gilton. Frail Barrier. (2), 244.
 А. Орлова (Москва). И. П. Ястребова. Южно-Африканский Союз после второй мировой войны. (3), 232.

Народы Америки

- Б. А. Липшиц (Ленинград), С. А. Токарев (Москва). Как американский империализм развращает негритянскую интеллигенцию. (4), 170.
 Л. Землянова (Москва). Энциклопедия современной реакционной американской фольклористики (4), 180.

Народы Австралии

- Ир. Вайль (Москва). А. Элкин. Коренное население Австралии. (3), 235.

-
- С. М. Абрамзон (Ленинград). Письмо в редакцию. (1), 225.
-

СОДЕРЖАНИЕ

М. Г. Левин (Москва). Н. Г. Чернышевский (К 125-летию со дня рождения).	3
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
А. И. Робакидзе (Тбилиси). Некоторые черты семейного быта чиагурских горняков	20
Л. И. Лавров (Ленинград). Рутульцы	30
Г. Е. Марков (Москва). К вопросу о формировании туркменского населения Хорезмского оазиса	41
Из истории этнографии и антропологии	
М. О. Косвен (Москва). 100-летний юбилей русской этнографической прессы	56
У. Б. Далгат-Чавтараева (Москва). Этнографические материалы в кавказских повестях Л. Н. Толстого	70
Дискуссии и обсуждения	
В. П. Аникин (Москва). О специфических особенностях народного творчества	80
Л. Шведова (Москва). О некоторых проблемах фольклористики	88
Народы мира	
(Информационные материалы)	
А. И. Собченко (Ленинград). Либерия	95
Заметки. Сообщения. Рефераты	
Р. Ф. Итс (Ленинград). Археологические исследования в Чжоукоудяне	109
А. С. Бежкович (Ленинград). Этнографические рисунки Вл. Плотникова по быту казахов	113
А. Алиев (Махачкала). Брак и свадебные обряды даргинцев	120
Хроника	
Постановление Президиума Академии наук Союза ССР о 300-летнем юбилее воссоединения Украины с Россией	125
М. Ломова, М. Козакевич, П. Жолтовский (Львов). Разведывательная этнографическая поездка в украинское Полесье	127
Г. Стратанович (Ленинград). Выставка промышленности и сельского хозяйства Китайской Народной Республики	132
И. Калоева (Москва). Первый конгресс польской науки и польская этнография	137
<u>Борис Дмитриевич Греков</u>	146
Критика и библиография	
Общая этнография	
М. Г. Левин, С. А. Токарев (Москва). «Культурно-историческая школа» на новом этапе (По поводу сборника «Kultur und Sprache»)	148
А. А. Формозов (Москва). Ископаемый человек на территории СССР	156

Народы СССР

А. Грач (Ленинград). Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века	158
В. Налбандян (Ереван). Ценный вклад в изучение армянского устного народного творчества	160
К. И. Козлова (Москва). Д. И. Гусев. Поносковский колхоз «Правда»	163
Э. Померанцева (Москва). О рыбаках, морских зверобоях и охотниках . . .	165
Н. А. Кисляков (Ленинград). М. С. Андреев. Таджики долины Хуф	167

Народы Америки

Б. А. Липшиц, (Ленинград), С. А. Токарев (Москва). Как американский империализм развращает негритянскую интеллигенцию	170
Л. Землянова (Москва). Энциклопедия современной реакционной американской фольклористики	180

Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Советская этнография» в 1953 году	185
--	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Контора «Академкнига»

Москва, ул. Куйбышева, дом 8

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ПО ЭТНОГРАФИИ:

Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том X). 1951. 141 стр. с цветными илл., 10 вкл. Ц. 13 р. 50 к. в пер.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том III. Приложения. (Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). 1953. 306 стр., 18 вкл. (карт). Ц. 19 р. в пер.

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Краткие сообщения:

- Выпуск IV. 1948. 103 стр. Ц. 6 р. 30 к.
- » V. 1949. 90 стр. Ц. 5 р. 40 к.
- » VI. 1949. 79 стр. Ц. 4 р. 50 к.
- » VII. 1949. 84 стр. Ц. 4 р. 50 к.
- » X. 1950. 111 стр. Ц. 6 р. 30 к.
- » XIII. 1951. 75 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Попов А. А. Нганасаны. Вып. 1. Материальная культура. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том III). 1948. 122 стр., 36 табл. Ц. 19 р. 80 к. в пер.

Сборник Музея антропологии и этнографии.

- Том X. 1949. 322 стр. Ц. 27 р. в пер.
- » XI. 1949. 393 стр. Ц. 27 р. в пер.
- » XII. 1949. 498 стр. Ц. 28 р. 80 к. в пер.
- » XIII. 1951. 479 стр. Ц. 28 р. 80 к. в пер.

Сибирский этнографический сборник. Том 1. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том XVIII). 1952. 334 стр. с илл., 2 вкл. Ц. 18 р. 70 к. в пер.

Смирнов С. Р. Восстание махдистов в Судане. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том VI). 1950. 101 стр. с илл. Ц. 8 р. 10 к. в пер.

Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. (Институт этнографии). 1953. 240 стр. с илл. Ц. 11 р. в пер.

Труды Северо-восточной экспедиции. 1. Г. Ф. Дебеч. Антропологические исследования в Камчатской области. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том XVII). 1951. 262 стр. с илл. Ц. 18 р. в пер.

Книги продаются в магазинах «Академкнига», а также высылаются по почте наложенным платежом

Заказы направлять по адресу: Москва, ул. Куйбышева, 8, Контора «Академкнига»

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР
на 1954 год**

Название журналов	Количество номеров в год	Подписная цена в руб.	Название журналов	Количество номеров в год	Подписная цена в руб.
Астрономический журнал	6	54	Известия АН СССР, серия географическая	6	54
Био хим и я	6	72	Известия АН СССР, серия геологическая	6	90
Ботанический журнал . .	6	90	Известия АН СССР, серия геофизическая	6	54
Вестник Академии наук СССР	12	96	Известия АН СССР, серия математическая	6	54
Вестник древней истории	4	96	Известия АН СССР, серия физическая	6	72
Вопросы языкознания . .	6	72	Известия Всесоюзного географического общества	6	54
Доклады Академии наук СССР (без переплета) .	36	360	Коллоидный журнал . . .	6	45
Доклады Академии наук СССР (с 6 папками, колленкоровыми с тиснением)	36	384	Математический сборник .	6	108
Журнал аналитической химии	6	36	Микробиология	6	72
Журнал высшей нервной деятельности имени И. П. Павлова	6	90	Почвоведение	12	108
Журнал общей биологии .	6	45	Прикладная математика и механика	6	72
Журнал общей химии . .	12	180	Природа	12	84
Журнал прикладной химии	12	126	Советское государство и право	8	120
Журнал физической химии	12	216	Советская этнография . .	4	72
Записки Всесоюзного минералогического общества	4	30	Успехи современной биологии	6	48
Зоологический журнал .	6	135	Успехи химии	8	64
Известия Академии наук, Отделение литературы и языка	6	54	Физиологический журнал им. И. М. Сеченова . .	6	72
Известия АН СССР, Отделение химических наук	6	96	РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ		
Известия АН СССР, Отделение технических наук	12	180			
Известия АН СССР, серия биологическая	6	72	Астрономия	12	91.20
			Математика	12	91.20
			Механика	12	91.20
			Физика	12	240
			Химия	24	360

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ГОРОДСКИМИ И РАЙОННЫМИ ОТДЕЛАМИ «СОЮЗПЕЧАТИ»,
ОТДЕЛЕНИЯМИ И АГЕНТСТВАМИ СВЯЗИ, МАГАЗИНАМИ «АКАДЕМКНИГА»
А ТАКЖЕ КОНТОРОЙ «АКАДЕМКНИГА» ПО АДРЕСУ:
МОСКВА, ПУШКИНСКАЯ УЛ., ДОМ 23.

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА**